АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

ЭТИМОЛОГИЯ

1968

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1971

Очередной том ежегодника «Этимология» включает ряд работ, посвященных различным вопросам славянской (в том числе русской), индоевропейской и частично неиндоевропейской этимологии, касающихся как общих проблем, так и происхождения и истории отдельных лексем. Особый интерес должны вызвать статьи, в которых специально исследуется актуальная проблема связи этимологии и сравнительно-исторической грамматики. В критико-библиографическом отделе содержится обзор новой этимологической литературы по 1968 г.

7-1-1
210-70 (I)

СТАТЬИ

Л. Садник

К ПРОБЛЕМЕ ЭТИМОЛОГИЧЕСКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

В 1909 г. польский ученый Розвадовский, рецензируя этимологический словарь Бернекера, счел нужным извиниться за то, что затронул в своей статье и подверг обсуждению чисто грамматический вопрос [1]. При разработке большинства заглавных слов (Stichwörter) и современный этимолог находится все еще в положении Розвадовского в виду требований, предъявляемых к этимологическим словарям, посвященным отдельному славянскому языку, а также к сравнительным словарям, охватывающим словарный состав всех славянских языков. Преступая же пределы более или менее произвольного, на «прародстве» с другими индоевропейскими языками основанного перечисления слов и стремясь на основе существующих данных упорядочить славянский материал и таким образом выяснить его связь или отсутствие таковой с использованным неславянским материалом, современный этимолог принужден заняться грамматическими проблемами. При этом он только в редких случаях может опираться на ранее разработанные позиции, так как большинство из них устарело и не соответствует новейшим познаниям.

За последнее десятилетие в ряде основополагающих работ, касающихся фонетических, морфологических и связанных с ними синтаксических проблем, начинает обрисовываться известный перелом в развитии славянской филологии, что в свою очередь заставляет этимолога всесторонне изучить и проверить изобилие новых научных идей и импульсов с целью применить и вместить их в своей работе. При этом ему необходимо уточнять особенно те новоприобретенные результаты исследований, которые являются ключом к пониманию его подхода к проблемам и обосновывают в его работе расположение материала, критический разбор известного словообразования, рассматриваемого им с новой точки зрения, определение источников заимствований и мотивировку того, почему одно слово в сомнительных случаях он при-

---

[1] RS II, стр. 81.

числяет к коренным, исконно славянским, другое же — к заимствованным, иноязычным и т. д. При анализе целых гнезд слов, обладающих прозрачной связью с другими индоевропейскими языками, также необходимо учитывать достижения новейших грамматических изысканий. Другими словами, и здесь этимолог может только с крайней осторожностью опираться в своих исследованиях на ранее опубликованные этимологические труды, а также на подготовительные работы современных ученых, авторы которых до сих пор еще не уделяют должного внимания новым результатам в области грамматических изысканий.

Необходимость тесного сотрудничества этимологической и грамматической дисциплин демонстрируется наглядно любой семьей слов, обладающей достаточным количеством форм и производных. Так, на основе славянского материала примером может послужить словесный ряд, который мы можем и желаем отнести к др.-инд. *bharati*, греч. φέρω, лат. *ferō*.

Так называемая «вторая основа на *-ā*», зафиксированная в старославянском **бьрати** (к унаследованной форме настоящего времени **берѫ**), убедительно разъяснена в труде X. С. Станга, который доказал ее связь с конструкцией славянских глагольных парадигм[2]. Поэтому в рамках этимологического словаря было бы совершенно достаточно только указать на эту работу (или на иную, более новую, использующую результаты исследований Станга). Вместо этого мы находим в «Русском этимологическом словаре» Фасмера (т. I, стр. 81: *беру*, *брать*) непонятное и необоснованное сопоставление ст.-слав. **бьрань** (страдательное причастие прошедшего времени) и др.-инд. *bibhrāṇaḥ* (причастие настоящего времени, среднего залога от атематического *bibharti*). Фасмер цитирует при этом Зубатого[3], который придерживается мнения о генетическом родстве обеих форм. В опровержение подобных толкований следует заметить: 1) в данном случае в древнеиндийской форме мы имеем дело с исконной нулевой ступенью *bi-bhr-*, к которой примыкает суффикс *-āna*, в славянском же тут стоит вторичная (подражательная) нулевая ступень с претеритальным суффиксом *-ā*; 2) ни в коем случае недопустимо формы одной языковой системы переносить на другую, не считаясь с функциями, которые они выполняют в данных системах.

Как у Фасмера, так и в других новейших этимологических словарях вполне обоснованно отсутствуют такие формы, как *birajǫ*, *birati*, которые у Бернекера фигурируют в роли заглавных слов. В настоящее время мы знаем, что простые слова (simplicia) с корневым гласным в долгой ступени, встречаю-

---

[2] Chr. S. Stang. Das slavische und baltische Verbum. Oslo, 1942, стр. 75 сл.

[3] LF 28, стр. 31.

щиеся в отдельных языках, являются не чем иным, как формами, абстрагированными от сложных слов (composita). Но признание этого факта не дает нам права исключить из круга наших исследований многочисленные оппозиции префигированных глаголов (*sъbьrati* : *sъbirati* ...) и отглагольных производных с различными корневыми гласными[4]. Это отрицательно влияет на изучение семантики данной семьи слов и на выяснение вопроса, принадлежит ли с этимологической точки зрения слово со звуковой формой *bir-* к рассматриваемой семье или нет. Если подобное слово зафиксировано в западнославянских языках, то мы a priori должны отрицательно отнестись к вопросу о его принадлежности к корню *bher-*, так как в древнейших западнославянских памятниках мы встречаем вместо долгой ступени *-bir-*, построенной на основе аориста, долгую ступень *-běr-*, развитую на основе настоящего времени и нашедшую широкое распространение у дуративных глаголов *e/o*-типа, без второй основы на *-ā*, являющейся основой аориста. (Например, к *e/o*-глаголу *-gnesti*, *gnetǫ* префигированными имперфективными формами являются ст.-слав. **угнѣтати**, русск. *угнетать*, словен. *ugnẹtati*, польск. *wygniatać*.) Считая долгую ступень *-běr-* вторичной и признавая исходной долитературной имперфективной ступенью *-bir-*[5], мы не можем предполагать существования именных образований от комплементарных глаголов *-birati*, конкурировавших в долитературный период с исконными отглагольными производными. (Я имею в виду первичные производные типа *bor-*, созданные путем чередования гласных, а кроме того, образования, развитые на основе настоящего времени или аориста, большинство которых возникло в период дифференциации языков.) Если даже допустить возможность именных образований от доисторического *-birati*, то необходимо сразу же отметить, что такие именные образования могли бы возникнуть исключительно как префигированные словосложения. В праславянском языке симплекс **birati* никогда не существовал. Поэтому слова со звуковой формой *bir-*, встречающиеся в южнославянских и восточнославянских языках, нельзя приписать к отглагольным образованиям без предварительного точного исследования области их распространения и времени их появления.

Учитывая вышеизложенное, мы можем с полной уверенностью отрицать возможность отглагольных образований от *bir-*, следовательно, таких слов, как др.-чеш. *biřic* 'глашатай, провозвестник

---

[4] Приятным исключением в этом отношении является «Български етимологичен речник» (София, 1962 и сл.), содержащий богатый материал и учитывающий различные диалекты, см. св. I, стр. 42 (в дальнейшем цитируется как БЕР).

[5] Вокализм *-biera* в др.-польск. *sbyerać* (вместо ожидаемого *-biara*) является, по-видимому, таким же секундарным, как и в др.-польск. *umyeram*, существующем наряду с регулярным *umyram*.

(божий), полицейский или судебный служитель' и др.-русск. *биричь* 'глашатай, объявляющий распоряжения властей' (в летописях, например ПСРЛ I, 122 под 992 г., и в грамотах, начиная с 1229 г. Ср. Срезневский), начиная с XV в. 'полицейский чиновник, судебный служитель' (более поздняя форма *бирючъ* 'вестник, глашатай' в допетровской Руси). Предположение, что перечисленные формы относятся к глаголу *-birati*, было высказано Н. М. Шанским [6]. Суффикс *-ič* возник тут, без сомнения, по аналогии с суффиксальной системой чешского языка. (Интересно отметить, что **biritjo-* не существует ни в старославянском языке, где мы в этом случае ожидали бы форму *бирицѣ, ни в сербохорватском. Старославянская форма, встречающаяся у Ф. Миклошича в «Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. . .», и с.-хорв. *birić* в «Rječnik» Академии наук Югославии, являются фикциями.) Это слово в значении 'полицейский чиновник или судебный служитель, препровождающий заключенных в тюрьму' проникло и к лужицким сербам и встречается в в.-луж. *běrc* и н.-луж. *běric*. Вокализм обоих слов отражает влияние образований от основы на *-běr-*. Развитию гласного *-ě-* способствовало, кроме того, чередование гласных *ě/i* [7]. Ср. «побочную» форму *biric* у Э. Муки и там же (под 1) указанные значения *běric/biric* 'бирич, глашатай, приказный служитель' и 'экзекутор, сборщик податей' [8].

В южнославянских языках, где имперфективный тип *-bir-* нашел широкое распространение (например, *pogribati* 'похоронить' вместо *pogrěbati* в Супрасльской рукописи), поствербальные образования от этой основы встречаются только в единичных случаях и производные от типа *-birati* известны исключительно в словосложениях. К древнейшим примерам можно отнести термин **избиривъ** 'имея выбор', зафиксированный в Богословии Иоанна Екзарха, и слово *пабирокъ* 'гроздь, оставшаяся после виноградного сбора' в пандектах Антиоха XI в. Богословский термин Екзарха является его личным моментальным словообразованием, сложное же слово *пабирокъ*, с архаичным префиксом *pa-*, объясняется без затруднений как подражание более древней, на основе *ber-* развитой форме, которая сохранилась в болгарском слове *паберки* мн. ч. 'сбор колосьев после жатвы или сбор фруктов после уборки' и в словенском слове *páberek* 'зерно или колосья, оставшиеся после жатвы' [9]. Для древней эпохи, в кото-

---

[6] «Этимологический словарь русского языка», II. М., 1965, стр. 122 и 124.

[7] О чередовании см.: K. E. Mucke. Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen (niederlausitzisch-wendischen) Sprache. Leipzig, 1891.

[8] Мука I, стр. 30 и 35.

[9] Для данного слова, которое, насколько мне известно, впервые в 1712 г. встречается у A. V. P. Hippolyti. Dictionarium trilingue latino-ger-

рой еще не существовало декомпонированной формы *birati*, нет основания предполагать наличие отглагольных производных без префикса, т. е. вне словосложения. В сербохорватском языке древнейшие примеры производных от *birati* относятся к XVI в.

Все вышесказанное имеет особое значение при классификации древнесербского слова *биръ*, встречающегося в сербской церковной терминологии начиная с XIII в. Слово означает 'налог, подушную подать' (деньгами или натурой), которая платилась священнику. Хорватское слово *bîr* ж. р. также означало '(подушную) подать, которую взимали светские власти'. Тут оно принадлежало до XVI в. к склонению женского рода основ на *-i-*, но наряду с этим, начиная с XV в., оно встречается как слово мужского рода и постепенно приобретает, как таковое, устойчивость. Немного моложе древнесербского примера среднеболгарское *бирь* (в Хронике Манассия), впоследствии *бир*, *бирка* (по указанию БЕР, устарелая диалектная форма) в значении 'налог, подать'. Также и отмеченное у Миклошича («Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. . .») слово **биръ** 'подать' по происхождению принадлежит к балканской области, так как оно взято Миклошичем из собрания Ю. Венелина «Влахо-болгарские или дакославянские грамоты». Сюда же надо причислить слово **бирьчий** 'сборщик податей' и, наконец, отмеченное у Даля *биръ* 'поголовная подать' или 'подушное с царан', встречающееся на территории Бессарабии. Но несмотря на то, что это слово было распространено в области, в которой уже в раннюю эпоху мы можем установить единичные примеры именных образований от имперфективной глагольной основы *-bir-*, отсутствие префиксов у примеров XIII—XIV вв. явно опровергает мнение, высказанное Бернекером (Berneker I, стр. 57) и перенятое и пропагандируемое Славским (RS 23, стр. 152) о том, что якобы *birъ* является поствербальным образованием. Возникновение отглагольного образования с основой *-bir-* относится к более позднему периоду, а именно ко времени, когда в южнославянском появились многочисленные слова, созданные на этой основе. Так, в настоящее время существует в болгарском языке рядом с диалектным *берия* 'подать' и форма *бирия*; в сербохорватском языке мы имеем диалектное слово *bir* ж. р. в значении 'сорт' (*loza dobre biri*, Далмация); в словенском языке употребительны слова *bíra* в значении 'сорт, сбор урожая' и *béra* 'сбор урожая', а также 'сбор (церковных) пожертвований' и проч. Если с точки зрения грамматических соображений приходится отрицать чисто славянское

---

manico-slavonico-latinum, не исключена возможность заимствования из чешского языка. Чешское *paběrek* построено на долгой ступени *-běr-*. Если же предполагать для словенского слова местное, чисто словенское происхождение, то тогда нельзя исходить из долгой ступени, которая чужда словенскому языку. (Этот взгляд противоположен мнению Миклошича — см.: M i k l o s i c h, стр. 9.)

происхождение слова *бирь*, то его предполагаемое заимствование из венгерского языка, в котором *bér* (с долгим узким *е*, звучащим на обширном диалектном пространстве как *i*) означает 'цену, ценность, заработную плату, проценты, задаток', — является, по соображениям исторической словарной географии, крайне сомнительным. Отсутствие прямой связи с венгерским языком в данном случае демонстрируется не только ранним наличием слова в сербском и болгарском языках и в памятниках приморского края (в которых чрезвычайно редки заимствования из венгерского языка), но также особенно тем фактом, что слово ни разу не встречается в текстах кайкавского наречия [10]. Итак, несмотря на протесты Славского (см. выше), мне кажется благоразумным примкнуть к мнению авторов БЕР, которые предполагают независимое заимствование как венгерского *bér*, так и славянского *бирь* [11] из протоболгарского.

С грамматическими фактами связаны не только этимологические проблемы, но и ряд семантических вопросов, к разрешению которых обыкновенно стремится большинство этимологических изысканий. В нашем конкретном случае нас интересует разъяснение не значения 'собирать', присущего старославянскому **берѫ, бьрати** в отличие от других индоевропейских языков [12], а значения 'брать', которое зафиксировано во всех этимологических словарях. Как известно, в этом смысле глагол существует в восточно- и западнославянских языках в виде комплементарного глагола к *ѩти*, вернее, *възѧти*. Например, др.-чеш. *beru*, *bráti* : *vezmu*, *vzieti* (в то время как симплекс др.-чеш. *jieti*, соответствующий ст.-слав. **ѩти**, имеет значение 'ловить') или русск. *беру*, *брать* : *возьму*, *взять*. В виду того, что глагол *berǫ*, *bьrati* вступил в видовую оппозицию к недуративному и ставшему в дальнейшем развитии двуглагольной видовой системы перфективным *възѧти*, то изменение его смыслового содержания связано здесь с грамматической проблемой. Словарный материал русского языка дает наилучшую возможность для разрешения данной проблемы, так как оппозиция *брать* : *взять* осуществилась в нем только в так называемый письменный период развития языка. Например, др.-русск. *брати* в 1-й Новгородской летописи означает 'собирать' или 'взимать налоги', а не 'брать' в теперешнем смысле: . . .ако

[10] Л. Хадрович в адресованном мне письме обратил мое внимание на отсутствие *bir* в латинских текстах Хорватии и указал на ошибку В. Мажуранича (V. Mažuranić. Prinosi za hrvatski pravno-povjestni rječnik. Zagreb, 1908—1922), сославшегося в этом отношении на Ткальчича (T k a l-č i ć. Monumenta civitatis Zagrabensis, IV, стр. 279).

[11] Вопрос, касающийся венгерского языка, обстоятельно разработал З. Гомбоц (Z. G o m b o c z. Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache. Helsinki, 1912, стр. 43).

[12] На основании значения глагола в других индоевропейских языках мы можем восстановить для него в индоевропейском праязыке значение 'носить'.

ти повелѣша на новгородьцихъ сребро имати (!) а по волости куры брати. . .[13] Это древнее значение глагола *бьрати* переняло в дальнейшем словосложение с префиксом *съ-*, в глагольной оппозиции *собрать* : *собирать*. Глаголы др.-русск. *събьрати* и *бьрати* были по смыслу очень близки друг к другу, и разница в их значении была крайне незначительна. Оба глагола служили для выражения понятия, которое мы постараемся описать приблизительно следующим образом: повторно или беспрерывно брать что-нибудь в руки (грибы, фрукты и т. д.) и складывать их в определенное место (например, в корзину или сносить под дерево. . .). Второй элемент действия особенно ярко подчеркнут в смысловом содержании глагола *събьрати*, что логически препятствовало его потере, в противоположность к непрефигированному глаголу *бьрати*, который, потеряв свой второй элемент действия, в большинстве славянских языков теперь имеет исключительно значение 'брать'.

Так как утрата одного из элементов действия (существенного для первоначального понятия) нашла свое выражение в образовании новой грамматической оппозиции (например, др.-чеш. *bráti* : *vzieti*, русск. *брать* : *взять*), то становится необходимым семантически проанализированный процесс подвергнуть, кроме того, и грамматическому исследованию как единственной дисциплине, которая в состоянии в этом случае объяснить нам причину утраты прежнего значения 'собирать' [14].

Исходной точкой вышеуказанного процесса, проанализированного здесь на основе русского словарного материала, надо считать всем хорошо известный факт постепенного исчезновения непрефигированных недуративных глаголов в процессе формирования видовой системы [15]. В нашем конкретном случае из обихода был изъят глагол *ꙗти* и заменен в отдельных языках континуантами глагола *възѧти*. Уже в древнерусском языке глаголы *ꙗти* и *възѧти* были часто синонимичны. В летописях оба глагола применяются в значении 'схватить, поймать'. По отношению к современному значению 'взять' это только интенсификация одного и того же понятия, которая во всякое время (так уже и в др.-русск. языке) могла и уменьшиться. Существенным является лишь то обстоятельство, что в известный период *възѧти* совершенно вы-

[13] См. издание А. Н. Насонова: «Новгородская первая Летопись. . .» М.—Л., 1950.

[14] Ссылка на А. Вайяна (A. Vaillant. — RÉS XXII, стр. 29), обычная во всех этимологических словарях, не облегчает нам разрешения данного вопроса, так как у Вайяна не исследован материал отдельных славянских языков.

[15] К пояснению этого процесса см.: R. Aitzetmüller. — ZfslPh XXX, стр. 310 сл. Тут обозначена и исходная точка развития в западноевропейских языках, соответствующего в конечном результате русскому развитию. Хотя сам процесс развития в западнославянских языках, по всей вероятности, в частностях отличался от русского.

теснило из употребления *ıмати*, что привело: 1) к утрате глагола *имати*; 2) к необходимости образовать «новый» дополнительный (комплементарный) глагол, который по своему значению смог бы заменить *имати*. К замене могли быть пригодны как глагол *възьмати* (*възимати*), так и *бьрати*, в первую же очередь др.-русск. глагол *възьмати* (*възимати*), который в значении 'собирать подати' был синонимичен с глаголом *бьрати*; например, 1-я Новгородская летопись (82, 25—26): . . . и бысть мıатежь великъ в Новѣгородѣ, и по волости много зла учиниша *беруче* туску оканьнымъ Татаромъ. . .; (43, 13—15): . . . а Ярославъ кнıажаше на Търъжьку въ своеи волости, и дани поима по всему Върху и Мъсте, и за Волокомь *възьма* дань. Вопрос, почему в современном русском языке глагол *взимать* употребляется еще в старинном значении, а глагол *брать* вступил в видовую оппозицию к *взять*, — решается следующим образом: модификация старинного значения глагола *бьрати* не повлекла за собой пробела в глагольной системе, так как присущее ему полное значение могло быть ярко и предельно выражено префигированным глаголом *собирать* : *собрать*.

В. В. Мартынов

АНАЛИЗ ПО СЕМАНТИЧЕСКИМ МИКРОСИСТЕМАМ И РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРАСЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКИ

Светлой памяти Тадеуша Милевского

Предложенное нами понятие «семантическая микросистема»[1] возникло чисто эмпирическим путем[2]. Длительные занятия этимологией привели к убеждению, что изменение в семантике лексемы, независимо от того, произошло ли оно в результате внутреннего развития или иноязычного воздействия, никогда не ограничивается данной лексемой, но вызывает своеобразную цепную реакцию в значении некоторого числа семантически близких лексем. В связи с этим встал вопрос о более строгом определении характера этой близости. С самого начала было ясно, что лексемы, втянутые в общий процесс семантических изменений, каким-то образом соотносятся между собой. Эти отношения характеризуются, по-видимому, степенью семантической близости.

---

[1] Автор признал целесообразным замену термина семантическая микроструктура, которым он пользовался в своих прежних работах, термином семантическая микросистема. При этом он учел высказанные в разное время замечания А. Е. Михневича и К. Полянского. Здесь и далее термин семантическая микросистема употребляется в смысле, адекватном смыслу термина семантическая микроструктура.

[2] См.: В. В. Мартынов. О некоторых закономерностях становления семантических микроструктур. — «Тезисы докладов, предназначенных для обсуждения на 1-й Всесоюзной конференции по вопросам славяно-германского языкознания». Минск, 1961, стр. 25—29; Он же. Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры. Минск, 1963, стр. 39—40; Он же. Славяно-германские лексические изоглоссы. — «Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР», т. 27, 1963; Он же. (Ответ на вопрос): До каква степен и по какъв начин може да се възстанови лексикалният фонд на праславянския език? — «Славянска филология», I. София, 1963, стр. 63—64; Он же. Метады рашэння некаторых тыпавых этымалагічных задач. — «Беларуская мова». Мінск, 1965, стр. 188; Он же. Проблема славянского этногенеза и методы лингвогеографического изучения Припятского Полесья. — «Советское славяноведение», 4, 1965, стр. 77—78; Он же. Анализ по семантическим микроструктурам и реконструкция праславянской лексики. — «Проблемы славянских этимологических исследований в связи с общей проблематикой современной этимологии. Тезисы докладов». М., 1966, стр. 16—17.

Естественно, появилось стремление определить сущность близости, дальнейшее увеличение которой ведет к идентификации. В результате возникло предположение, что степень семантической близости между лексемами измеряется количеством дифференциальных семантических признаков и, следовательно, максимальная степень определяется расстоянием в один признак. То, что в том или ином случае имеет место противопоставление по одному дифференциальному признаку, доказывается возможностью семантической нейтрализации.

Исследовательская практика потребовала выделения пар лексем, различающихся одним признаком. В соответствии с известной традицией, лексемы с дополнительным дифференциальным признаком мы назвали маркированными. На этом процесс конструирования понятия «семантическая микросистема» фактически завершился. Семантическая микросистема была нами определена как элементарная семантическая подсистема, состоящая из одной немаркированной и минимум одной маркированной лексем. Число существенных для семантической микросистемы признаков определялось при этом числом маркированных лексем. Было бы глубоко ошибочным считать данное построение механическим переносом (как это нередко бывает) понятий, выработанных в фонологии, в сферу семантики. Не говоря уже о его чисто эмпирическом возникновении, оно получает, как впоследствии оказалось, теоретическое обоснование именно в самой семантике, в теории номинации, разработанной Я. Розвадовским[3-4]. Розвадовский считал, что всякий акт номинации есть порождение двухсоставного образования, состоящего из идентифицирующего и дифференцирующего элементов. Легко заметить, что, независимо от того, какой идентифицирующий и дифференцирующий признаки лягут в основу корреляции, вновь образованная номинативная единица будет состоять из двух элементов. В дальнейшем постоянное стремление языка к экономии в плане выражения приводит к тому, что двусоставное образование утрачивает свой идентифицирующий элемент, когда он становится легко предсказуемым.

В процессе номинации обязательно возникает то, что мы называем семантической микросистемой. Новая номинативная единица маркируется по отношению к старой. В современном русском языке примером такого рода маркировки может служить *большая дорога* по отношению к *дорога*. То, что *большая дорога* является единой номинативной единицей, а не словосочетанием типа *малая дорога*, доказывается ее способностью к универбизации (*большая дорога* > *большак*). В лексеме *большак* при последовательной универбизации сохранена первичная мотивировка. Вот почему эта

[3-4] J. Rozwadowski. Słowotwórstwo i znaczenie wyrazów. Wybór pism, III. Warszawa, 1960.

лексема, представляющая несомненный интерес с точки зрения словообразования, отсутствует в этимологических словарях. Другое дело, когда исчезает первичная мотивировка в результате утраты лексемы, выполнявшей функцию дифференциального элемента, функцию маркировки. Такого рода случай и становится объектом изучения этимолога. Так, если в праславянском существовала лексема *virъ*, генетически тождественная лит. *výras* 'муж, мужчина', то др.-русск. *вира*, *вирьнаꙗ* 'штраф за убийство' получит объяснение в семантической микросистеме *plata—virьna plata*, т. е. 'плата (вообще)—плата за мужа'.

Нас, однако, здесь интересует не столько теоретический аспект этимологии в связи с теорией номинации и анализом по семантическим микросистемам, сколько эвристические возможности последнего. Для определения этих возможностей перейдем к рассмотрению конкретных примеров.

Как показывает этимологическая практика, анализ по семантическим микросистемам оказывается в равной мере эффективным при решении двух центральных этимологических проблем: проблемы этимона и проблемы источника лексического проникновения. Сообразно этому делению рассмотрим две группы примеров.

Начнем с реконструкции праславянской семантической микросистемы [лес].

Названиям леса в славянских языках посвящена огромная литература, и мы не имеем никакой возможности входить в ее детали. Однако, как нам представляется, эффективность анализа по семантическим микросистемам дает нам возможность получить новые результаты, вводя в круг исследования факты, достаточно известные. Реконструкция праславянской семантической микросистемы [лес] предполагает определение первичных дифференциальных признаков ряда названий леса и выявление немаркированного названия леса. Для решения этой задачи может быть предложена определенная процедура. Прежде всего нужно отобрать из множества лексем в современных славянских диалектах, связанных с семантикой леса, лишь те, которые хотя бы в одном из них значили 'лес вообще' (немаркированная лексема). Подобный отбор гарантирует нас от того, что в построенную таким образом семантическую микросистему попадут лексемы, отличающиеся от немаркированной более, чем на один признак. Легко понять, что семантическая нейтрализация, т. е. переход лексемы в состояние немаркированности, возможна лишь тогда, когда до нейтрализации она отличалась на один признак, т. е. нейтрализуются только коррелятивные отношения.

Отбор лексем, которые хотя бы в одном из славянских диалектов означают 'лес вообще', дает нам, по-видимому, шесть праславянских названий: *borъ*, *gora*, *gvozdъ*, *lěsъ*, *šuma*, *xvorstъ*.

Далее, согласно нашей процедуре, мы должны определить те из дифференциальных признаков реконструируемой микросистемы, которые сохраняются в явном виде. Это 'хвойный—не хвойный', 'на возвышенности—не на возвышенности'.

Как нам уже приходилось доказывать, севернослав. *borъ* 'сосновый (>хвойный) лес' < праслав. *borъ* 'pinus silvestris' под воздействием инновационного *sosna* 'pinus silvestris'. Следовательно, для раннепраславянского мы должны исключить *borъ* из нашей микросистемы.

Для праслав. *gora* только болгаро-македонский ареал демонстрирует значение 'лес'. Большая древность этой семантики, однако, подкрепляется, как известно, лит. *girià*, лтш. *dzir̹a* в том же значении (ср. также др.-прусск. *garian* 'дерево'). С другой стороны, древние славянские производные типа ст.-слав. **горѣ, горьнъ**, а также индо-иранские соответствия свидетельствуют в пользу дифференциального признака '(лес) на возвышенности'.

Для праслав. *gvozdъ* характерен сербохорватско-словенско-паннонский ареал с тем же кругом значений 'лес, горный лес'. Характерно, что *gvozdъ* полностью уходит из микросистемы там, где появляется новое *borъ*, что дает основание предполагать, что они были некоторое время абсолютно синонимичными. А поскольку севернослав. *borъ* надежно определяется как 'хвойный лес', тот же дифференциальный признак нужно для праславянского состояния приписать лексеме *gvozdъ*. Подобно *borъ* ~ *gvozdъ*, лингвогеографически в дополнительном распределении находятся *lěsъ* ~ *šuma*. Сербохорватско-словенско-паннонский ареал знает *šuma* в значении 'лес'. Остальная славянская территория не знает этой лексемы в данном значении (болгарский ареал показывает значение 'листья, листва'). И *šuma* и *lěsъ*, в отличие от *gvozdъ* и *borъ*, которые показывают дифференциальный признак 'хвойный (лес)', обнаруживают дифференциальный признак 'лиственный'. Ср. болг. *шума* 'лиственный лес', др.-чеш. *lesy* 'листва', н.-луж. *lěso* и западнополесск. *лêс* 'лиственный лес'.

Дополнительное распределение *gvozdъ* ~ *šuma* и *borъ* ~ *lěsъ* свидетельствует, по-видимому, о вторичном характере одной из пар.

Нетрудно убедиться в том, что вторичной является *borъ* ~ ~ *lěsъ*. Во-первых, она расположена ближе к центру славянской территории, во-вторых, один из элементов этой пары (*borъ*) явно вторичен. Эти соображения дают нам право предположить вторичность *lěsъ* в значении 'лес вообще' и 'лиственный лес' [5]. По-

---

[5] Ср.: J. Marvan. K významu staročeského lexikalního materiálu pro slovanskou etymologii. — «Informační bulletin pro otázky jazykovědné», V, 1964, стр. 30—31, где др.-чеш. *lesy* 'листва' рассматривается как первичное и поэтому непосредственно соотносимое с лит. *laĩškas*. Последнее,

добно тому как *borъ* вытеснил первичное *gvozdъ*, *lěsъ* вытеснил старое *šuma*. Отсюда следует предположение о дифференциальном признаке 'лиственный (лес)' для лексемы *šuma*. Внутренняя форма *šuma*, если она правильно восстанавливается, как будто подтверждает это значение (как, впрочем, и внутренняя форма лексемы *gvozdъ* подтверждает выведенный для нее дифференциальный признак 'хвойный').

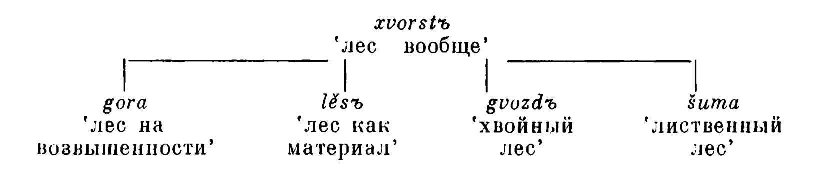
Но если для праслав. *lěsъ* дифференциальный признак 'лиственный (лес)' был вторичным, какой признак мы вправе считать первичным? Поскольку пара *gvozdъ* ∼ *šuma* оказалась древнее пары *borъ* ∼ *lěsъ*, у нас есть все основания искать первичный дифференциальный признак для *lěsъ* в ареале *gvozdъ* ∼ *šuma*. Праслав. *lěsъ* в сербохорватско-словенско-паннонском ареале принимает исключительно значение 'лес как материал'. Мы должны признать это значение в качестве древнейшего еще и потому, что оно является сопутствующим и в других диалектах. Иными словами, *lěsъ* всюду означает 'lignum', но только на севере — 'silva'. Восстановление значения 'lignum' как первичного для *lěsъ* делает семантически обоснованным наше предположение о генетической соотнесенности праслав. *lěsъ* и лат. *lignum*. Формальная сторона, по-видимому, не препятствует этой гипотезе: лат. *lignum* < **lik'-no-m* (как лат. *agna* < **ak'-na*).

Нам осталось рассмотреть праслав. *xvorstъ*. Существенное отличие этой лексемы от других заключается в том, что значение 'лес вообще' сохраняется за ней только в паннонском ареале в венгерском славянизме *haraszt*. Помимо этого, в пользу древности *xvorstъ* 'лес вообще' свидетельствует то, что это единственное славянское название леса, имеющее индоевропейские соответствия с тем же значением (др.-англ. *hyrst*, др.-в.-нем. *horst* и др.). Все это дает нам основание реконструировать праслав. *xvorstъ* как немаркированную лексему, а семантическую микросистему [лес] для праславянского состояния представить в виде схемы (схема 1).

Конечно, было бы неразумным считать эту реконструкцию одинаково надежной во всех ее частях. Мы, однако, здесь не можем провести анализ надежности ее компонентов. Предварительно можно сказать, что наиболее надежными являются маркировки лексем *gora* и *lěsъ*.

однако, весьма затруднительно в формальном отношении (*laĩškas* < **loį-sk'-?*). См.: K. Būga. Kalba ir senovė. Rinktiniai raštai, II tomas. Vilnius, 1959, стр. 286—287; Ср.: J. Scheftelowitz. Die verbalen und nominalen *sk'* und *sk*-Stämme im Baltoslavischen und Albanischen. — KZ 56, 3/4, 1929. Затруднительно это сопоставление и семантически. Значения 'листва', 'лиственный лес' не выражаются в литовском при помощи *laĩškas* и его производных. В этих значениях выступает лит. *lãpas*: ср. *lapijà* 'листва', *lapýnas* 'лиственный лес'. Мы не касаемся здесь вопросов, связанных с возможностями соотнесения лит. *laĩškas* ∼ праслав. *listъ*.

Схема 1

Другой пример реконструкции праславянской семантической микросистемы — микросистемы [пища]. Проводим ту же процедуру. Лексемы, которые по крайней мере в одном славянском диалекте имеют значение 'пища вообще', могут быть, вероятно, сведены к трем: *xorna*, *pitja*, *kъrmъ*.

В качестве немаркированной лексема *xorna* ('пища вообще') выступает в южнославянском ареале. Соответствующее значение имеет в этом ареале глагол *xorniti*. В других славянских диалектах соответствующие имя и глагол выступают во вторичных значениях. Ср. русск. *охорона* 'защита, сбережение, сохранение', блр. *ахарона* 'защита', др.-польск. *chrona* 'защищенное место'. Преобладание префиксальных форм в этой группе также свидетельствует о вторичности значения; семантическое развитие: 'кормить' > 'ухаживать' > 'оберегать'. Наиболее надежна генетическая соотнесенность праслав. *xorna* и лит. *šérti* 'кормить (скот)', лтш. *sērt* 'кормить' и т. д. Было обращено внимание на регулярность соотношения лит. *šérti* и праслав. *xorna*[6] (ср. праслав.

---

[6] Sławski, стр. 81. Альтернативным является соотнесение праслав. *xorna* с др.-иран. *xvarəna* 'еда, питье', *xvar-* 'есть, вкушать, поглощать'. См. в самое последнее время: О. Н. Трубачев. Из славяно-иранских лексических отношений. — «Этимология. 1965». М., 1967, стр. 36. Зафиксированный в Авесте глагол *xvar-*, по-видимому, надежно соотносится с исл. *svalla* 'пировать, кутить', англ. *swill* 'проглатывать, жадно пить' и др., т. е. восходит к и.-е. **sụel-* 'проглатывать, жадно пить, есть', см.: Pokorny, стр. 1045. Таким образом, параллель *xorna*~*xvarəna* может толковаться только как результат заимствования или проникновения из иранского в славянский (праслав. *xorna* < скифо-сарматского *xvarna*). Однако для того чтобы принять такую версию, необходимо допустить: 1) наличие праславянских иранизмов (до сих пор не приведено ни одного надежного примера); 2) наличие фонетической субституции иран. *xv* > слав. *x* (начальное *xv* закономерно сохраняется в праславянском, в том числе в славяно-иранских параллелях типа авест. *xvara* 'рана' ~ праслав. *xvorъ* при др.-в.-нем. *swero* 'болезнь'); 3) закономерный переход интервокального *l* в *r* в скифо-сарматском (скифо-сарматская антропонимика свидетельствует как раз о сохранении старого интервокального *l*); 4) наличие семантической субституции 'глотание, еда (процесс)' > 'пища, забота, охрана' (семантического взаимодействия между праслав. *ědlo* и праслав. *xorna*, которое свидетельствовало бы о лексическом проникновении с последующей субституцией, не наблюдается). По сравнению с параллелью *xorna* ~ *xvarəna* параллель *xorna* ~ *šérti* обладает следующими преимуществами: она объяснима 1) фонетически (праслав.

sterti ~ *storna*, русск. *(про) стереть* ~ *сторона*). Последнее свидетельствует о том, что *xorna* — закономерная праславянская инновация. Тот факт, что первичный, адекватный литовскому славянский глагол **xerti* (*šerti*)/*serti* не сохранился, может объясняться также широким распространением, как это часто бывает в языке, вторичного отыменного глагола *xorniti*, который перестал восприниматься как отыменный и тем самым создал угрозу абсолютной синонимии. Из других параллелей к *xorna*: греч. χόρος 'сытость', лат. *Ceres* 'богиня плодородия'. Попытка сближения лит. *šérti* и других генетически соотносимых с ним лексем с праслав. *kъrmъ* наталкивается на непреодолимые трудности фонетической и словообразовательной интерпретации. Таким образом, первичная немаркированность праслав. *xorna* подтверждается также надежными индоевропейскими параллелями, относящимися к той же семантической микросистеме [пища]. Остальные две лексемы таких параллелей не имеют.

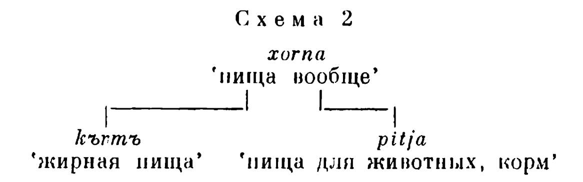
Лексема *pitja* обнаруживается только в южнославянском ареале. В севернославянском различие *pitja* и *kъrmъ* утрачено в пользу *kъrmъ*. В праславянском же они должны были различаться. Так как *xorna* выступала как немаркированная лексема, *pitja* должна была отстоять от нее на один дифференциальный признак. В сербохорватско-словенском ареале для *pitja* сохраняется дифференциальный признак '(корм) для скота'. Если мы будем считать этот признак древним, первичный придется искать для лексемы *kъrmъ*. Поэтому с.-хорв. *кр̑мак* 'боров' и *кр̑мача* 'свинья' не могут быть истолкованы как 'откормленные' (*kъrmъ* — не 'корм для животных'). Другая возможность истолкования этой лексемы — 'жирные', тогда *kъrmъ* — 'жирная пища' (ср. ст.-слав. кръмль 'питание, роскошная жизнь, невоздержанность'). Это сопоставление подтверждает регулярное соответствие с праслав. *skormъ*/ < **(s)kerm-/(s)korm-/(s)kr̥m-*. Ср. др.-русск. *скоромъ* 'жир, масло', русск. *скором* 'жирная пища', польск. *skrom* 'жир' и др. Это соответствие опровергает попытки соотнести праслав. *kъrmъ* с лит. *šérti*, что неубедительно как в фонетической части (*k* ~ *š*), так и в словообразовательной (отсутствие славянского суффикса *-m-*).

Все эти соображения дают нам право на реконструкцию праславянской семантической микросистемы [пища] [7] в следующем виде (схема 2).

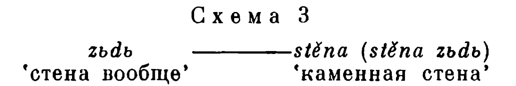
---

x ~ лит. *š* ~ и.-е. *k'* регулярно: праслав. *xolpъ* ~ лит. *šel̃pti*, семантически — как гот. *magus* 'парень' ~ праслав. *po-magati* и др.); 2) словообразовательно (отглагольное производное с *-na* при *o*-огласовке корня); 3) морфологически (отсутствие первичного глагола **xerti* связано с его закономерной заменой вторичным отыменным *xorniti*: ср. отсутствие праслав. **děti* ~ др.-инд. *dayate* 'делит', греч. δαίομαι 'делю' в связи с заменой его вторичным отыменным *děliti*).

[7] Если все же допустить, что праслав. *xorna* < иран. **xvarna* 'еда, питье', реконструкция праслав. *xorna* в качестве немаркированного по от-

Третий пример реконструкции праславянской семантической микросистемы — построение праславянской микросистемы [стена дома]. Названий стены дома в славянских диалектах, по-видимому, два: *stěna* и *zьdь* (resp. *zidъ*). Первое из них ограничено северно-славянским ареалом, второе — южнославянским. Легко обнаруживается дифференциальный признак 'каменный—не каменный'. Праслав. *zьdь* имеет соответствия в других индоевропейских языках с тем же значением: др.-прусск. *seydis*, греч. τοῖχος 'стена'. Это заставляет предположить немаркированность лексемы *zьdь* (*zidъ*). Это же оказывается достаточным для реконструкции микросистемы в следующем виде (схема 3).

Реконструкция подтверждается тем, что в сербохорватско-словенском ареале, где *zьdь* выступает в значении 'стена вообще', *stěna* имеет значение 'камень, скала'. Если признать это последнее значение праславянским, получит подтверждение традиционная этимология, согласно которой праслав. *stěna* соотносится генетически с прагерм. *staina* (гот. *stains* и др.) 'камень' [8].

На примерах реконструкции микросистем [лес], [пища], [стена дома] мы продемонстрировали возможности анализа по семантическим микросистемам для восстановления этимона. Далее мы постараемся показать на конкретных примерах, какое значение имеет данная методика для определения источника лексического проникновения. Предлагаемая здесь методика не является чем-то принципиально новым по сравнению с тем, что было предложено в наших прежних работах. Уже там мы доказали, что др.-исл. *bǫrr* 'дерево', др.-англ. *bearu* 'лес, заросли' (в отличие от др.-исл.

ношению к *pitja* и *kъrmъ* остается в силе. Здесь же следует отметить, что наша прежняя реконструкция микросистемы [кормить] (В. В. Мартынов. Проблема славянского этногенеза. . ., стр. 78) менее точна в силу своей предельной неполноты.

[8] Иначе: Ю. В. Откупщиков. Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1967, стр. 232—239.

barr 'игла, хвойное дерево') являются результатом лексического проникновения из праславянского в прагерманский. Приведенный выше анализ микросистемы [лес] должен подкрепить этот вывод. Из анализа видно, что лексема *borъ* с дифференциальным признаком 'хвойный (лес)' возникла вторично на севернославянской почве и поэтому никак не может рассматриваться как генетически тождественная прагерм. *baru*. Этот вывод подкреплялся морфологическим анализом, который показывает, что др.-исл. *bǫrr* и др.-англ. *bearu*, так же как праслав. *borъ*, имеют *й*-основы, чего нельзя сказать о др.-исл. *barr* и др. В последнее время была предложена иная этимология для праслав. *borъ*. Ее автор, для которого, видимо, наши работы остались неизвестными, пишет, что славянские лексемы, восходящие к *borъ*, «никогда не значили только 'лес вообще'. Древнейшие формы обозначали 'pinus, сосну, хвою' и отсюда позднее 'хвойный лес' . . '. для *bǫrr/bearu*, наоборот, мы не нашли значения 'хвойный лес'. . . По нашему мнению, такое общеславянское ограничение свидетельствует как раз о том, что славянское слово не является праевропейским в собственном смысле этого слова, но относительно поздним» [9].

Казалось, из этих абсолютно справедливых рассуждений должно вытекать все то, что было сказано выше, однако автор совершенно неожиданно заключает, что праслав. *borъ* и формально тождественное ему прагерм. *baru* ничего общего не имеют, и более того, праслав. *borъ* заимствовано из прагерм. *forhu* 'pinus' (др.-в.-нем. *forha*, др.-англ. *furh*, исл. *fura* и др. 'сосна' [10]). Семантический анализ не привел этимолога к правильным результатам, потому что праслав. *borъ* и прагерм. *baru* анализировались вне своих семантических микросистем.

Одним из важных аргументов в пользу того, что данная лексема возникла в языке как результат иноязычного проникновения, является наличие этимологических дублетов, лексемных пар, в которых один элемент может быть объяснен как исконный, а для другого такое объяснение невозможно. Др.-исл. *bǫrr* имеет в качестве дублета др.-исл. *barr*. Однако в этом случае мы не обладаем такими формальными критериями, которые позволяли бы утверждать, что одна из лексем исконна, а вторая таковой не может быть (наличие *й*-основы у *bǫrr* — лишь свидетельство его полной

---

[9] F. E. W a l t e r. Etymologische Bemerkungen. — «Slavia» XXXVI, 2, 1967, стр. 261—262.

[10] Не говоря уже о том, что этот вывод совершенно не следует из предыдущего рассуждения, факт такого заимствования нельзя никак подкрепить формально. Если даже согласиться с Вальтером о возможности субституции прагерм. *f* > праслав. *b*, прагерм. *forhu* дало бы праслав. **borxъ* (ср. надежное прагерм. *walha* > прасл. *volxъ*). Детали этой этимологии совершенно не выдерживают критики, и мы остановились на ней лишь для того, чтобы показать, какую важную проблему в настоящее время представляет «логика этимологического исследования».

формальной тождественности праслав. *borъ*). В других случаях наличие подобных этимологических дублетов доказательно. Так, наличие праславянского дублета *melko/melzivo* 'молоко/молозиво', второй элемент которого регулярно соответствует глаголу *mъlzti* и имеет индоевропейские соответствия в лице лат. *mulgeo*, лит. *mìlžti* и др. с общим значением 'доить' (и.-е.* *m̥lg*'-), наглядно показывает, что первый элемент, который не может быть объяснен аналогичным образом, является результатом лексического проникновения из прагерманского.

В этом случае мы обнаруживаем тенденцию, знание которой имеет несомненное эвристическое значение. Дело в том, что в условиях лексического проникновения проникшая в данный язык лексема сталкивается в нем со своим абсолютным синонимом. Если ей не удается вытеснить исконную лексему, две абсолютно синонимичные лексемы перераспределяют между собой семантические дифференциальные признаки и, следовательно, образуют семантическую микросистему. В случае, когда вступившие в борьбу исконная и проникшая лексемы являются генетически тождественными (а это нередко бывает при контактах родственных языков), образуется семантическая микросистема, содержащая элементы одного происхождения, т. е. этимологические дублеты. Уже этот факт (наличие этимологических дублетов в пределах одной семантической микросистемы) сигнализирует о вероятности лексического проникновения. Поэтому сама фиксация праславянской семантической микросистемы *melko—melzivo* 'молоко—раннее молоко (молозиво)' указывает на вероятность лексического проникновения. Сам процесс, предположительно, восстанавливается следующим образом. Праслав. *melzivo* в силу того, что оно имеет индоевропейские соответствия со значением 'молоко' (гот. *miluks*, ирл. *mlicht*), должно было представлять немаркированный элемент семантической микроструктуры периода до проникновения из прагерманского. После реализации прагерм. *meluk* > праслав. *melko* между абсолютными синонимами *melko* 'молоко' и *melzivo* 'молоко' идет борьба, которая приводит к перестройке первичной семантической микросистемы. При этом *melko* занимает место немаркированного члена со значением 'молоко вообще' и вытесняет *melzivo* на позицию, прежде занимавшуюся маркированным членом со значением 'раннее молоко (молозиво)' [11]. Праслав. *melzivo* в свою очередь должно было вытеснить какую-то лексему со старым значением 'молозиво' [12].

---

[11] Ср. рецензию Т. Милевского на наше исследование: RS XXVI, 1, 1966, стр. 134.

[12] Г. Ф. Вешторт в устном сообщении выдвинула интересную гипотезу о том, что праслав. *syrъ* имело значение 'молоко'. Она основывалась на семантической внутренней реконструкции белорусских и восточнославянских *сырадой*, *сыракваш* и др., в которых первый элемент мог иметь

Аналогичный этимологический дублет мы наблюдаем в прагерм. *maþljan/meldan*. Второй элемент этого дублета принято, как известно, возводить к и.-е. **meldh-*: лит. *melsti*, *maldýti* 'просить, молить', *maldà* 'просьба, молитва', хетт. *malda(i)* 'молиться, обращаться к богам с торжественным обещанием принести жертву', арм. *malt'ank'* 'молебен' (<**melt-*). Германские формы свидетельствуют о том, что общим значением для них является 'рассказывать, обвинять кого-либо публично, наговаривать, жаловаться на кого-либо, выступать просителем на суде' (ср. др.-англ. *meldian*, др.-в.-нем. *meldên*, *meldôn*, др.-сакс. *meldon* и др.). Ср. восходящие к *maþla-* др.-исл. *mál* 'собрание, речь, судебное дело', *mali* 'речь, просьба', др.-англ. *mæþel* 'собрание, речь', др.-сакс. *mahal* 'судебное дело' и т. д. Первый элемент данного этимологического дублета не имеет регулярных индоевропейских соответствий, что является сигналом о его неисконности. Анализ показывает, что изменения, происшедшие в нем по сравнению с исконной формой, повторяют изменения, характерные для праславянской лексемы, и поэтому мы считаем, что прагерм. *maþljan* < праслав. *modliti* [13].

лишь значение 'молоко', но не 'сыр'. При этом она исходила также из того, что первичное значение 'молоко' было передано праславянскому германизму *melko*. Судя по алб. *hirë* 'сыворотка' (и более трудному фонетически др.-инд. *kṣīra* 'молоко'), возможна формальная реконструкция праслав. *sьrъ*, генетически соотнесенного с польск. *siara* 'первое молоко коровы' и др., лат. *serum* 'сыворотка' (*ĕr/ŏr/r̥*). Вполне логичным было бы предположить в результате мены еров переход **sьrъ* > **sъrъ* (ср. *tьпъkъ* > *tъпъkъ*). Праслав. *sъrъ* 'молозиво' (*resp.* 'сыворотка') после вытеснения его праславянским *melzivo* могло смешаться с праслав. *syrъ*. Во всяком случае ряд семантических рефлексаций праслав. *syrъ* может быть таким образом объяснен. Обоснование алб. *h* < и.-е. *s* и сближение алб. *hirë* и др.-инд. *kṣīra* см.: H. Pedersen. Die Gutturale im Albanischen. — KZ 36, H. 3, 1899, стр. 277.

[13] Сопоставление праслав. *modliti* и прагерм. *maþljan* впервые осуществил О. Семереньи (O. Szemerényi. Principles of etymological research in the Indo-European. — «II Fachtagung für indogermanische und allgemeine Sprachwissenschaft». Innsbruck, 1962, стр. 209—211). В 1963 г. вышла в свет наша монография о славяно-германском лексическом взаимодействии, в которой при рассмотрении пары *maþljan/modliti*, естественно, еще не могли быть учтены результаты исследования Семереньи. Сопоставляя славянский и германский глаголы, Семереньи приходит к выводу об их генетическом тождестве (и.-е. **mōtleyō*). В последнее время, полемизируя с нами, он подтвердил эту свою этимологию (О. Семереньи. Славянская этимология на индоевропейском фоне. — ВЯ, 1967, 4, стр. 17—18). С его замечанием по поводу нашего объяснения субституции праслав. *dl* > прагерм. *þl* следует согласиться, однако непонятным по-прежнему остается соотнесенность праслав. *modliti* с его индоевропейскими параллелями. Семереньи считает «миражем» славяно-балтийское соответствие, но он ничего не говорит о хеттских и армянских формах, и в частности о славяно-хеттской изоглоссе, установленной Вяч. Вс. Ивановым (Вяч. Вс. Иванов. Русское *молить* и хеттское *malda(i)*. — «Этимологические исследования по русскому языку», I. М., 1960, стр. 80; Он же. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965, стр. 104; V. V. Ivanov. Indo-

В заключение рассмотрим пример того, как внутренняя реконструкция получает неожиданное подтверждение внешним сравнением.

При помощи анализа по семантическим микросистемам мы восстановили прагерм. *tila* 'обработанная земля', которое образует этимологический дублет с др.-исл. *þel* 'почва' и параллелями к нему, регулярно восходящими к праслав. *tьlo* 'почва', лат. *tellus* 'земля', *Tellus* 'богиня плодородия', др.-ирл. *talam* 'земля' и др.

Естественно, что в этом случае мы вправе предполагать лексическое проникновение праслав. *tьlo* > прагерм. *tila*. Надежность этого утверждения во многом зависит от того, насколько точно мы реконструировали прагерм. *tila*.

В настоящее время наши знания пополнились еще одним свидетельством в пользу реконструкции прагерм. *tila* 'обработанная земля'. В. И. Абаев привел осетинскую (дигорскую) параллель к германским формам — *tillæg* 'уродившийся хлеб, урожай' и одновременно признал возможность «заимствования германского *tila* < из слав. *tьlo*» [14]. В связи с этим, мы полагаем, осет. *tillæg* с уверенностью может рассматриваться как заимствование из готского, ср. доказательства Абаева в пользу заимствования осет. *æluton* 'пиво' из гот. *aluþ* [15]. (Готская форма не зафиксирована, однако германские параллели позволяют ее восстановить.) Если это так, то осет. *tillæg*, в котором легко выделяется продуктивный суффикс *-æg*, может считаться результатом проникновения гот. *til*(*a*) (имя среднего рода с основой на *-a-*), для которого до сих пор известно было вторичное абстрактное значение 'благоприятное условие', а сейчас может быть восстановлено первичное 'плодородная, урожайная земля' (ср. др.-англ. *tilian* 'обрабатывать землю' и *tilian* 'предусматривать, обеспечивать, создавать благоприятные условия').

Рассмотренные примеры призваны были продемонстрировать методику анализа по семантическим микросистемам и его эвристические возможности.

European verb: two series of forms. — «X-ème Congrès International des Linguistes. Résumés des Communications». Bucarest, 1967, стр. 158). Таким образом, на одной чаше весов оказывается соотношение праслав. *modliti* с лит. *maldýti* 'просить, молить', хетт. *malda*(*i*) 'молиться', арм. *malt'ank'* 'молебен', *malt'em* 'прошу', др.-англ. *meldian* 'жаловаться' (не слишком ли много совпадений?), на другой — соотношение с прагерм. *maþljan*. С одной стороны, формы, зафиксированные в противоположных ареалах индоевропейской языковой территории, с другой — формы двух пограничных ареалов.

Что касается субституции *dl* > *þl*, то она, возможно, является альтернативной к *dl* > *dul*, т. е. имеющей место при иных, пока еще неясных комбинаторных условиях.

[14] В. И. Абаев. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965, стр. 24.

[15] В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка, I. М.—Л., 1958, стр. 130.

В первых трех примерах мы показали способы реконструкции целых семантических микросистем. Здесь следует иметь в виду, что восстанавливаемое число маркированных членов не может быть гарантировано. Всегда существует возможность пополнения. Однако реконструированные праславянские микросистемы типа [лес], [пища] и [стена дома] определенно претендуют на надежное восстановление больших фрагментов семантических микросистем. Внутренняя реконструкция семантики лексем, относящихся к праязыковому состоянию, позволяет произвести их более надежное генетическое соотнесение с лексемами других языковых групп.

В следующих трех примерах демонстрируются возможности определения источника лексического приникновения, причем в третьем из них показано, как внешнее сравнение подтверждает надежность внутренней реконструкции.

О. Н. Трубачев

ЗАМЕТКИ ПО ЭТИМОЛОГИИ И СРАВНИТЕЛЬНОЙ ГРАММАТИКЕ

Практически этимология каждого слова (если иметь в виду древнюю лексику) связана со сравнительной грамматикой, и эта связь почти всегда сложна и многопланова, поскольку этимология представляет собой комплекс действий, опирающихся на комплекс сведений из сравнительной грамматики (мы умышленно говорим о связи, а не о зависимости этимологии от сравнительной грамматики, поскольку, как это в общем известно и как мы показываем это ниже на некоторых дополнительных примерах, этимология питала сравнительную грамматику и она может еще многое уточнить и дополнить в детальной картине славянского языкового развития, которую дает современная сравнительная грамматика). Каждая этимология оперирует фактами сравнительной фонетики, морфологии и словообразования, и нижеследующие заметки не делают в этом исключения. Вместе с тем в одной из них на первый план выдвинут момент сравнительной фонетики (I), в другой — сравнительной морфологии (II) и, наконец, — словообразования (III).

I

Первую свою заметку мы посвящаем в основном словам, объединяемым реконструированной праславянской формой **lъkno*, хотя определенную роль в числе доказательств здесь играют также другие этимологические случаи с близкой фонетической особенностью.

Чеш. *leknín* 'Nymphaea, кувшинка', ст.-чеш. *lekno* (*bílé*, *žluté*) 'кувшинка (белая, желтая)' [1], слвц. *lekno* 'Nymphaea, кувшинка' [2] представляют собой слово, распространенное, в сущности, только в пределах чешско-словацкой языковой группы. Брюкнер указывает еще на форму *łekno* в польских местных названиях [3]. Если не считать словен. *lekno* 'Nymphaea, кувшинка', которое

---

[1] «Příruční slovník jazyka českého»; J. Gebauer. Slovník staročeský, díl II, стр. 223.

[2] «Slovník slovenského jazyka» II, стр. 28.

[3] Brückner, стр. 309.

заимствовано в словенский из чешского [4], то станет ясно, что мы имеем дело со словом ограниченного распространения, охватывающим лишь небольшую часть славянской языковой территории. Праслав. **lъkno*, которое можно восстановить на базе известных нам слов, по-видимому, не оставило следов в остальных западнославянских языках и, должно быть, никогда не было известно ни восточным, ни южным славянам. Слависты-этимологи уже давно определили древний, праславянский характер этого слова, убедительно реконструируемого для древней эпохи как **lъkno*, а также обратили внимание на почти полное тождество этого славянского названия водного растения, кувшинки и лит. *lùknė* 'желтая кувшинка' [5]. Это бесспорное сравнение заняло подобающее ему место в современных этимологических словарях [6], но дальнейшая увязка и интерпретация пары слав. **lъkno* : лит. *lùknė* вызывает различные замечания, а в плане общей сравнительно-исторической фонетики славянских языков остается неиспользованным даже это сближение, о чем — далее.

Некоторые авторы не идут дальше констатации близости слав. **lъkno* и лит. *lùknė* (например, Бернекер), полагая, видимо, не без основания, что эта идентификация — уже серьезное достижение. С другой стороны, Френкель в своем литовском этимологическом словаре включает лит. *lùknė* 'желтая кувшинка' (и близко родственное чеш. *lekno*) в более широкую совокупность слов, вплоть до того, что слово *lùknė* оказывается внутри довольно обширной гнездовой словарной статьи с заглавным *lùknas* 'с рогами, торчащими прямо в стороны', куда включены еще *lùkinti* 'размягчать путем постукивания, обколачивания', *lukénti*, *luknóti* 'пить, глубоко погрузив клюв в воду (о голубях)', далее — лтш. *lukns* 'гибкий, подвижный', *ļukt* 'слабо свешиваться', *ļuks* 'обвислый', *luksêt* 'идти сгорбившись', *luksît*, *ļuksît* 'жадно есть (особенно о собаках)', прусск. *Lockeneyn*, гидроним, лит. *Lùknas*, название озера, *Lùknė*, название реки, лтш. *Lukna*. Френкель склонен допускать этимологическую близость всех этих слов к назализованному индоевропейскому корню **lenk-*, **lonk-* 'гнуть'. Трудно охарактеризовать сразу весь собранный Френкелем материал, однако обращает на себя внимание семантическая и стилистическая разнородность этих слов, наличие среди них экспрессивных образований. Понятны поэтому колебания Ма-

---

[4] Berneker I, стр. 749; Pleteršnik I, стр. 507; F. Bezlaj. Slovenska vodna imena, I. Ljubljana, 1956, стр. 326.

[5] См.: Berneker I, стр. 749, вслед за Маценауэром и Розвадовским.

[6] Machek, стр. 262; Fraenkel I, стр. 389—390. — В словаре Голуба и Копечного (Holub—Kopečný, стр. 202), помимо упомянутого сравнения, делается попытка сблизить чеш. *leknín*, *lekno* и сербохорв. *локвањ* м. 'желтая кувшинка', но последнее, будучи производным от слова *локва* 'лужа', представляет собой явную кальку нем. *Seerose* 'кувшинка', буквально — 'озерная роза', и с чешским словом не связано.

хека, который затрудняется в выборе между дальнейшим сближением чешского и литовского названий кувшинок с лит. *lùknas* 'расходящийся в стороны' или с лтш. *lukns* 'гибкий'.

Кувшинка — характерное растение закрытых водоемов, прудов, болот, поэтому, обращаясь к исследованию образования одного из старых названий кувшинки, мы должны будем действовать с учетом своеобразия названий, касающихся болот, болотной флоры. Мы не беремся за выполнение этой трудной задачи, специально изучавшейся различными исследователями прошлого и в настоящее время. Стоит лишь отметить, что в номенклатуре болот и окружающего их мелколесья часто выделяется такой семантический признак, как 'свет', 'светлое'. Иными словами, здесь сыграло роль примерно то же противопоставление, которое отразилось в различии наименований 'лес' и 'поле'. В связи с этим нам кажется полезным развить точку зрения, которая наметилась уже у Брюкнера, а именно то, что упомянутые чеш. *lekno* и лит. *luknė* — от названия болота. Правда, Брюкнер при этом не оставался последовательным: он сближал эти названия с основами польск. *łkać*, *łykać* («. . . od moczaru, 'łkającego, łykającego» . . .), а с другой стороны, допускал сближение с лит. *laukas* 'поле', лат. *lūcus* 'роща', нем. *Loh* [7]. Мы попытаемся примирить семантическую мотивировку «от болота» и формальное сближение с последними обозначениями поля, рощи в различных индоевропейских языках. Названные выше лат. *lūcus* 'роща', нем. (стар.) *Loh* 'роща, низкорослый лесок', сюда же нидерл. *loo*, англ. *lea* (в топонимии), наконец, упоминавшееся лит. *laukas* 'поле' убедительно возводятся к и.-е. **leuk-/*louk-* 'свет, светлое'. Трир, оставивший глубокий след в языкознании своими ранними трудами о смысловых полях в лексике, выпустил относительно недавно целую книгу, посвященную этимологизации терминов леса, точнее — столь важной в истории человеческой культуры переходной полосы между лесом и полем, лугом, нивой. В этой книге, которая носит характерное название «Этимологии из низколесья, подлеска», разбираются в специальном разделе практически все интересующие нас названия, производные от и.-е. **leuk-/*louk-* [8]. На большом материале Трир показывает природу названий, мир понятий и организацию хозяйства, при котором побеги, ветки и сучья деревьев и кустарников низколесья подрезаются, обламываются и собираются на корм скоту, топливо и другие нужды. Вскрывается и основная внешняя примета переходной полосы низколесья: «Die Bäume stehn also licht und weitständig», которая сыграла решающую роль в формировании соответствующей терминологии, например производных от и.-е.

---

[7] Brückner, стр. 309.

[8] J. Trier. Holz. Etymologien aus dem Niederwald (=«Münstersche Forschungen», Heft 6). Münster—Köln, 1952, стр. 144 сл.

**leuk-/*louk-* 'свет'. Среди производных от этого корня в разных индоевропейских языках, собранных Триром, не хватает одного слова, существенного в плане нашей настоящей заметки да, пожалуй, и в плане исследований Трира по терминологии низколесья. Это лат. *lignum* ср. р. 'дерево, дрова' в противоположность другому латинскому названию дерева — *māteriēs* 'строительный лес'. Мы объясняем, вслед за Отрембским, лат. *lignum* из **luk-no-m* от и.-е. **luk-/*leuk-* 'свет, освещать', с последующим озвончением **luc-no-* > **lugno-/*ligno-* [9]. Понятийный мир экономики низколесья, в двух словах затронутый выше, позволяет здесь не прибегать к примитивному осмыслению 'дрова' < 'источник света', а видеть в **luk-no-m* некое подобие более широкой первоначальной семантики — 'связанное с низколесьем'. Ср. у Даля: «Лес строевой. . . от 6 до 12 вершков в отрубе; дровяной, мелкий или негодный в стройку». Нетрудно заметить, что именно к этой первоначальной семантике лугового, болотного низколесья может быть отнесено слав. **lъkno*, название болотного растения, которое, кстати, и в вокализме корня, и в форме суффикса, и в грамматическом роде обнаруживает еще более полную близость к лат. *lignum*, чем к лит. *luknė* (производное на *-i̯ā* **lukni̯ā*), с которым слав. **lъkno* объединяет вторичная конкретизация первоначального более общего семантического признака: 'кувшинка, болотное растение' [10].

---

[9] J. Otrębski. La contamination dans le développement du vocabulaire latin. — LP III, 1951, стр. 51. В остальном господствует точка зрения, согласно которой *lignum* произведено от глагола *legō* и означало первоначально 'собранное' (см.: Walde—Hofmann I, стр. 799—800; Ernout—Meillet³ I, стр. 637). Но эта точка зрения воспроизводит, в сущности, народную этимологию, представленную еще у Варрона: ab legendo ligna. . . Это объяснение принимает и Ю. В. Откупщиков в своей книге «Из истории индоевропейского словообразования» (Л., 1967, стр. 23, 194 и др.). Откупщиков подвергает подробному критическому анализу названную этимологию Отрембского. В ответ на конкретные замечания Откупщикова можно указать, что значения 'дрова' и 'свет' могут соприкасаться, ср. русск. *лучина* : *луч*, а также то, что выше говорилось о семантике терминов низколесья; далее, варианты *i/u* охватывают в латинском больше разных случаев, чем приводит Откупщиков, ср. хотя бы *silva* < **sulva*; в нашем случае *i* < *u* могло произойти еще на стадии **lucnom*, до озвончения. Типологически важно, что значительная часть звукосочетаний *-gn-* в латинском вторична, таковы *signum* < *sec-*, *dignus* : *dic-*. К этимологии *lignum* обращается В. В. Мартынов в своей работе, публикуемой в настоящем томе «Этимологии». Он признает родственными лат. *lignum* и слав. *lěsъ*, причем *lignum* возводит к **lik̑-no-m*. Эта этимология, предполагающая ряд допущений, кажется нам более проблематичной.

[10] Картина сложности проблемы была бы, видимо, неполной, если бы мы не обсудили еще одну, значительно более гипотетическую, возможность. Речь идет о внутриславянских связях описанного выше слова **lъkno*. Со стороны семантики можно указать на то обстоятельство, что в качестве названий растения Nymphaea нередко бывают употреблены названия сосудов, правда, в основном это — относительно поздние, местные названия кувшинки: русск. диал. *кубышка, кубышки, кубанцы, самоварчики, кувшины, кувшинчики, кувшинцы*, блр. *горлачики, жбанки* то же, укр. *збанок, збаночки, гле-*

Теперь мы можем перейти к центральному моменту настоящей заметки. В плане консонантизма характерно наличие в слове **lъkno* (а, возможно, также и **lǫk(ъ)no*[11]) звукосочетания *-kn-*. Соответствия в других индоевропейских языках (лит. *luknė* и лат. *lignum* < **luknom*) обнаруживают то же самое сочетание согласных, что придает этому факту значение архаической приметы. Ее значительности не умаляет то очевидное обстоятельство, что *-k-* и *-n-* принадлежат разным морфемам, первое — корню, второе — суффиксу; их соседство от этого не становится менее древним. Интересно после этого ознакомиться с состоянием вопроса о судьбе сочетания *kn* в славянских языках. Нельзя сказать, чтобы этот вопрос совершенно не пользовался вниманием специалистов по сравнительной грамматике. Почти каждый из авторов известных пособий по сравнительной грамматике славянских языков и по праславянскому языку высказал свое мнение по этому поводу. Отдельные ученые рассматривали вопрос даже монографически. Обстоятельно трактует судьбу *-kn-* в праславянском Ильинский[12]. В специальном разделе (§ 206. Взрывные согласные перед *n*) своей «Праславянской грамматики» он обсуждает такие примеры, как *lono* < **lokno*, *luna* < **lukna*, *blьsnǫti* < **blьsknǫti*, *rěsnъ* < **rěsknъ*, справедливо оценивая первые два из них как сомнительные. Ср. у него же далее: «И в отношении вопроса

чики то же (см.: В. А. Меркулова. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М., 1967, стр. 31; там же: «плоды растения похожи на миниатюрные сосуды. . .»). Это вызывает в памяти название сосуда, представленное в следующих славянских формах: сербохорв. (стар.) *лукно* 'мера для хлеба', словен. *lókno*, *lukno* 'налог с прихожан в пользу церкви', ст.-чеш. *lukno* 'мера для хлеба или меда', слвц. диал. *lukno* — в близком значении, н.-луж. *luknaško* 'ящик в ларе', др.-русск. *лукъно* 'кадочка, лукошко', русск. *лукнó*, *лукóшко* 'свернутый из осиновой драни круглый ящик с крышкою' (олонецк.), 'корзина, сплетенная из бересты' (псковск.), ст.-укр. *лукно* 'короб, кузов' (XVI в.). Все эти формы объединяют обычно вокруг праслав. **lǫk‹ъ›no*, правдоподобно этимологизируя эти названия плетеных сосудов от **lǫčiti* (см.: Berneker I, стр. 740; Фасмер II, стр. 532). Впрочем, Махек считает слово неясным (Machek, стр. 278). Авторы не вполне уверены в реконструкции, допуская древнее отсутствие ъ. Назализация гласного в слове такого звукового состава (*-kn-*) могла оказаться вторичной, подобные примеры известны. Брюкнер, кроме этого, указывает на принципиальную возможность дублетов *lǫk-* и *luk-* (A. Brückner. *N-* und *U*-Doubletten im Slawischen. — KZ XLII, 1909, стр. 354—355). Брюкнер же склонен считать форму *lukno* древнейшей (правда, не отделяя ее от **lǫk-* 'вязать, плести'). Итак, праслав. **lъkno* 'Nymphaea, кувшинка' и **lukno* 'плетеный сосуд' как бы оказываются формально и семантически близкими образованиями, хотя реальность реконструкции **lǫkъno*, повторяем, продолжает затруднять здесь определение первоначальных связей.

[11] Сюда, по-видимому, не относится словен. *lûknja* 'дыра', сербохорв. *lùknja* 'дыра, отверстие', *lüknja* то же, которое считают заимствованным из австр.-бав. *Lucken* 'дыра'. См.: Berneker I, стр. 744; H. Striedter-Temps. Deutsche Lehnwörter im Slovenischen. Berlin, 1963, стр. 173; Она же. Deutsche Lehnwörter im Serbokroatischen. Berlin, 1958, стр. 157.

[12] Г. А. Ильинский. Праславянская грамматика. Нежин, 1916, стр. 263—264.

о выпадении *k* . . . перед *n* еще не достигнуто в науке полного единства во взглядах. Более или менее согласно ученые признают выпадение *k* перед этим сонантом лишь после *s* (ср. Leskien, Handbuch[5] § 32, 8, Соболевский, Дцсл. яз. 129 sq.), но в других случаях или совсем отрицают возможность такого выпадения, или допускают его условно, напр., в сочетании трех согласных, как, напр., в слове **loukšna* (ср. Meillet Et. 131); в пользу же сохранения его при других условиях указывается на формы вроде *mъlknǫti*, но при этом забывают, что его *k* могло быть восстановлено под влиянием форм прич. *mъlkъ*, *mъlkъlъ* и т. п. Впоследствии Соболевский ЖМНПр. CCXCIX 84 sq. не только признал факт выпадения *k* в слове *lukna*. . ., но и стал допускать (а за ним и Mikkola BB XXII 246) такое выпадение даже для звука *g* в том же положении, ссылаясь, главным образом, на совр. р. *двинуть* при *двигать*, *тронуть* при *трогать*. Но неужели эти два слова (из которых второе совсем не имеет соответствий в других славянских языках) больше значат, чем свидетельство иносл. *dvignǫti*? И неужели многочисленные примеры сохранения *g* перед *n* в других словах (напр., в *ognь*, *stьgna*, *gnesti* и пр., ср. Meillet Et. 130) также не имеют значения?»

В отличие от Ильинского, Мейе очень краток: «Сохранились также сочетания *kn* и *gn*: **мльннѫти** 'молчать', **стєгно** 'бедро', **гнєтѫ** 'я давлю', ср. др.-англ. *cnedan*; **огнь** (и чаще **огнь**), ср. скр. *agníḥ*, лат. *ignis*, лит. *ugnìs*» [13]. Примерно так же однозначно выражено мнение Микколы (с отличием в некоторых примерах): «*k* и *g* сохранились перед *n*: примеры: *okno* 'окно' от парадигматической формы к *oko* 'глаз', ср. арм. *akn* 'глаз' — *mъlknǫtī* 'замолчать' . . . — *stьgno* 'бедро, ляжка' (ст.-слав. **стьгно**...) наряду со *stęgno* . . . — *ognь* . . .» [14] Нахтигал почему-то приводит только один пример на группу *kn*, и причем довольно неудачный: *těsnъ* < **těsk-nъ* [15] (здесь уместно говорить не столько о судьбе *kn*, сколько об упрощении группы из трех согласных, что способно лишь увести от темы). Глубоко оригинальны и вместе с тем спорны суждения Вайяна: «Группа *gn* сохранилась: ст.-слав. **огнь** (**огнь**) 'огонь', санскр. *agníḥ*; **двигнѫти** 'двинуть', аор. **двигъ**; в начале слова **гнида** 'гнида', лтш. *gnīda*, др.-исл. *hnit* . . . Группа *kn* тоже регулярно представлена в производных образованиях, как, напр., ст.-слав. **выкнѫти** 'научиться', аор. **-вык҄ь**. Но это, несомненно, не древнее явление, и глухое сочетание *kn* должно было вести себя иначе, чем звонкое сочетание *gn*, которое, видимо, подверглось ассимиляции в **ñn*, а за-

---

[13] Цит. по изд.: А. М е й е. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 113.

[14] J. J. M i k k o l a. Urslavische Grammatik. Einführung in das vergleichende Studium der slavischen Sprachen. II. Teil. Konsonantismus. Heidelberg, 1942, стр. 163.

[15] R. N a h t i g a l. Slovanski jeziki. 2 izd. Ljubljana, 1952, стр. 12.

тем было восстановлено. В древнепрусском, как и в латинском, *kn* переходит в *gn*: *sagnis* 'корень', лит. *šaknìs*. В славянском *lono* 'лоно, чрево', вероятно, обозначало полу одежды ниже пояса, как *skutŭ*. . ., и оно представляется в таком случае тождественным др.-прусск. *lagno* 'штаны', древнее множественное число среднего рода: это должно быть производное **lokno* от балто-славянского корня **lek-*, лтш. *lèkt* 'прыгать, лететь', а славянский ассимилировал сочетание с носовым *kn* > **nn*, откуда *n*»[16]. Слишком коротко изложен этот вопрос у С. Б. Бернштейна: «Сочетания „взрывной согласный + *n*, *m*" встречались очень редко. Можно привести надежный пример на [gn-]: *gnet-*. В примере *tisknǫti* слогораздел, возможно, шел между [k] и [n]. . .»[17]. К сожалению, здесь осталась неиспользованной специальная работа Мареша[18] по данному вопросу, удобная тем, что там собран целый ряд примеров на *gn-*, которые не имеет смысла не считать надежными. Работа Мареша — его доклад на московском (IV) Международном съезде славистов — представляет для нас первоочередной интерес и в отношении проблемы *kn* в славянском, поскольку в ней автор со всей основательностью обобщил современное состояние вопроса в науке. Именно это обобщение Мареша, а равно и его выводы побудили нас взяться за пересмотр данной проблемы сравнительной фонетики, опираясь главным образом на материалы этимологии.

Собственно, в статье Мареша анализируется переход (смягчение) *gn* > *gń* в славянских языках, его условия и древность. Материал по проблеме *gn(kn)* представлен у автора рядом **agnę*, **ognь*, **gnida*, **gniti*, ст.-слав. **кънигы**, **gnetǫ*, **gnesti*, **gněvъ*, **gnězdo*, **gnědъ*, **gnětiti*, **gnatъ*, **gnojь*, **gnusъ*. Очевидно, что все это примеры на *gn*. Как выясняется далее, такой состав материала оказывается не случайным, ибо Мареш считает, что «старые сочетания *kn* в очень древнюю эпоху все сплошь изменились в *gn* (ассимиляция по звонкости); некоторые слова, перечисленные здесь, являются доказательством этого: *gnatъ*, *gnetǫ*, *gnědъ*, *gnět'ǫ* и *gnida*. Слово *knigy*, вероятно, заимствовано, и причем — уже после перехода *kn* > *gn*, но до перехода *kn* > *kń*»[18a]. Приписывать особый доказательный вес в вопросе о переходе *kn* > *gn* словам, называемым Марешем, нельзя.

[16] A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves. T. I. Phonétique. Lyon—Paris, 1950, стр. 92, 93. — Между прочим, слав. *lono* сейчас едва ли целесообразно этимологизировать каким-либо иным способом, кроме как из **log-sn-o*, ср. свидетельство близкого образования **ложесна** (**logesnā*).

[17] С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, стр. 140.

[18] F. V. Mareš. Vývoj skupiny *gn(kn)* v období slovanské jazykové jednoty. — «Československé přednášky pro IV. Mezinárodní sjezd slavistů v Moskvě». Praha, 1958, стр. 109.

[18a] Там же, стр. 116.

Достаточно справки в этимологических словарях, чтобы увидеть, что здесь не все ясно и что этимологические связи, говорящие о древности группы *gn* в этих словах, пожалуй, более очевидны. Мареш неправ, говоря о древнейшем славянском переходе *kn* > *gn*, якобы предшествующем переходу *gn* > *gń* (см. еще стр. 121 его работы). Выше мы подробно разобрали пример слав. **lъkno*, который, как и его родство с лит. *lùknė*, известен славянской науке уже довольно давно. Нашей целью было обратить внимание на документируемую внешними свидетельствами древность сочетания *kn* (а не *-kъn-*!) в этом славянском слове. Опираясь на эту форму, мы полагаем, что славянскому не был известен переход *kn* > *gn*.

Можно назвать и другие примеры, свидетельствующие о том же.

Польск. *piękny*, чеш. *pěkný*, слвц. *pekný*, луж. *pěkny* 'красивый' — исключительно западнославянские формы, что не мешает считать их древним образованием. Они продолжают **pęknъjь*, лежащее в основе всех перечисленных форм, ср. слвц. *pekný* < **päkný*[19]. Носовой гласный корня обязан здесь своим происхождением вторичной назализации, следовательно, можно говорить о более древнем **pekn-*. Древность оформления **pekn-* (не **pekъn-*!) и одновременно — древность группы *kn* в этом слове показывает наличие варианта **pekrъ*, прослеживаемого в производных формах[20]. Этот последний имеет близкие соответствия за пределами славянского, на что давно обращено внимание, ср. гот. *fagrs*, англ. *fair* 'прекрасный' — из догерманского **pokrós*. Мена суффиксов, или древних расширителей основы, *r/n* носит, таким образом, дославянский характер.

Чеш. *liknavý* 'медлительный, вялый' представляет собой производное от адъективной, по-видимому, основы *likn-*, известной в славянском практически только из чешского, ср. ст.-чеш. *liknovati sě* 'сторониться, опасаться', слвц. *liknovat' sa* 'отлынивать, бояться', производное от упомянутой адъективной основы. Махек предполагает здесь позднее оформление суффиксом *-n-*: **likní* < *lichní*, однако это совершенно невероятно[21]. Еще Бернекер, выделив **liknavъ*, обращал внимание на формант *-n-* в некоторых его индоевропейских соответствиях: др.-инд. *rēkṇas* ср. р. 'блага, богатство', авест. *raēxənah-* ср. р. 'наследство', др.-в.-нем. *lēhan*, др.-англ. *lǣn*, др.-исл. *lān* ср. р. 'лен, владение землей'[22]. Мы можем сюда добавить еще лит. *liẽknas* 'стройный, статный (о фигуре, росте)', которое в формально-грамматическом отношении (— прилагательное) особенно близко адъективному славянскому **likn-*. Древнее значение исходного индоевропей-

---

[19] Holub—Kopečný, стр. 269.
[20] Brückner, стр. 142.
[21] Ср.: Machek, стр. 269—270.
[22] Berneker I, стр. 718, 710—711, со ссылкой на Мейе.

ского корня *$leik^{u̯}$- 'оставаться' объединяет значения 'стройный' (лит.) и 'медлительный, вялый' (чеш.) в конечном счете так же, как, например, корень *sta-, который встречается в русских словах *статный* и *отсталый* и т. п. Важно, что и здесь, в слав. *likn-, мы наблюдаем древность и сохранность на славянской языковой почве сочетания согласных *kn*. В дальнейшем обсуждение судьбы *kn* в славянских языках (в том числе сравнительно с группой *gn*) можно будет вести только при учете разобранных выше слов *lъkno, *liknavъ, *pękпъјь и их древних этимологических связей.

Но уже и теперь ясно без лишних слов, что древнее сочетание согласных *kn* в славянском сохранялось, не упрощаясь, не озвончаясь и практически не претерпевая ни одного из приписываемых ему изменений.

II

Во втором своем этимологическом фрагменте мы будем говорить о целой группе слов, объединяемых вокруг реконструируемой праславянской формы *sěra. Этот случай замечателен также сложностью своей фонетической истории, еще неясной в деталях индоевропейского и славянского развития. Однако в конечном счете нас интересуют здесь выводы морфологического характера.

Похоже, что старославянские в узком смысле тексты, древнемакедонские, древнеболгарские памятники не отразили слова *sěra, как о том можно судить по изданному Л. Садник и Р. Айцетмюллером «Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten» ('s-Gravenhage, 1955). Миклошич в своем «Древнеславянско-греческо-латинском словаре» [23], известном также широтой концепции старославянского, дает **сѣра** *f.* 'θεῖον sulfur', но как о том говорит знаменательный круг текстов, содержащих это слово (минеи и прологи сербской редакции церковнославянской письменности, включая довольно поздние тексты, а также русско-церковнославянские памятники), мы не имеем пока оснований говорить о наличии старославянской лексемы **сѣра**.

Каково же положение в лексике современных живых языков, наиболее близких к языку старославянских памятников письменности — болгарского и македонского? В толковом словаре болгарского языка [24] упоминается *ся́ра* ж. 'химически елемент, твърдо чупливо тяло с лимоненожълт цвят; симпур', *се́рен* (прил.) 'който се отнася до сяра или съдържа сяра' и *се́рей* м. 'засъхнала

---

[23] F. Miklosich. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862—1865, стр. 972.

[24] Л. Андрейчин, Л. Георгиев, Ст. Илчев, Н. Костов, Ив. Леков, Ст. Стойков, Цв. Тодоров. Български тълковен речник. София, 1955.

пот по вълната на овцете', 'вода, в която е парена непрана вълна'. В болгарских народных говорах, судя по имеющимся у нас данным, широко распространены следующие характерные значения соответствующих слов и их производных: *сéра* ж. 'нечистотия по вълната' [25], т. е. 'грязь, нечистота на овечьей шерсти', *сéрей* м. 'засохший пот на овечьей шерсти', откуда прил. *серейлѝф* 'който съдържа серей': *серейлѝва вýна* [26]; *с'àра* ж. 'особена мазнина, която съдържа вълната, преди да бъде изпрана' [27], т. е. 'особенный жир, который содержится в овечьей шерсти перед тем, как ее вымоют'. В македонском находим *сера* f., диал. *сара* f., *серej* m. 'masnoća prvog mleka (kod žene i kod stoke)', 'masnoća po vuni ovaca', т. е. с двумя значениями — 'молозиво' и 'жир на шерсти овец' [28].

Обширный материал по интересующей нас лексике представляет сербохорватский язык, и особенно его народные диалекты. Вук Караджич дает в разной диалектной огласовке *сȅра* f. (вост.), *сӣра* (зап.), *сjȅра* (южн.) 'вода, в которой вымыли шерсть' [29], ср. диал. (Косово и Метохия) *сӣрина* ж. 'вода у којој је била потопљена непрана вуна' [30]. Обзор большого числа интересующих нас форм по диалектам находим в известной монографии П. Ивича о диалекте галлипольских сербов [31]: *сӣра* («*вȍда ди се попȁри вӯна*»), *сӣрјава вȍда*. Далее, там же: «. . . Здесь (имеется в виду слово *сера*. — *О. Т.*) форма на *е* является обычной, так, она имеется у Вука, Броза—Ивековича и Гл. Элезовича (см. на слова *сȅра*, *сȅрљива*). Экавские формы отмечены также во Вране (*серав*), Алексинаце (*сераивља вуна*), Кнежеваце и окрестностях (*сера*), болевачском округе (*серав*) и Хомоле (*серавна вуна*). Этому соответствует — если говорить о *ѣ* — и крашованское *sérl'a*. Формы на *и* обнаружены в призренско-тимокском диалекте только в самых северных районах, около Тупижницы (*сира*) и на среднем Тимоке (*сира*, *сираив*), но зато на косовско-ресавской территории они преобладают. Они есть в Косове и Метохии (*сӣрина*, *сирљӣва вӯна*), в Левче и Темниче (*сӣра*), в Глоговаце близ Светозарева (*сирайва вȍда*) и около Заечара (на границе с тимокским диалектом, *сирајив*)».

[25] Село Иваняне, Софийский округ, дипломная работа, рукоп., Софийский университет. Выписка сделана мной в январе—феврале 1965 г. в Софии.

[26] М. Сл. Младенов. Лексиката на ихтиманския говор. — «Българска диалектология. Проучвания и материали», кн. III. София, 1967, стр. 163.

[27] Г. Горов. Странджанският говор. — «Българска диалектология. Проучвания и материали», кн. I. София, 1962, стр. 136.

[28] «Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања». Редактор Б. Конески. Скопје, 1961 сл.

[29] Вук Стеф. Караџић[3]. Српски рјечник, s. v.

[30] Гл. Елезовић. Речник косовско-метохиског дијалекта, св. II. Београд, 1935, s. v.

[31] П. Ивић. О говору галипољских Срба. Београд, 1958, стр. 70, 71—72, 419.

Значению и употреблению слова *сера* посвящена небольшая полезная заметка В. Мичовича, который сообщает дальнейшие сведения по сербохорватским народным говорам[32]. Согласно Мичовичу, *сјёра*, *сёра*, *сӣра* в разных частях Сербии обозначает обычно воду, в которой вымыли овечью во́лну и которая после этого обладает мыльными свойствами. То же самое значение указывается для словообразовательных вариантов *сјёравина*, *сјёрина*, *сёрај*, *сёрина*, *сӣревина*; немытая шерсть обозначается прилагательным *сјёрава*, *сёрава*. Кроме этих значений, названный автор указывает, что в Черногории (как и в Македонии, см. выше) данное слово значит еще 'молозиво, первое молоко (у овцы, козы, коровы, кобылы)', 'первое молоко у женщины'.

По словенскому языку, в отличие от болгарского, македонского и сербохорватского, мы не располагаем почти никакими данными. Можно назвать лишь производную форму словен. *sêrec*, род. *serca*, которую Плетершник толкует как 'žveplo, der Schwefel', т. е. 'сера'[33]. В словаре Плетершника это значение приведено третьим, после значений 1) 'der Greis', 2) 'der Schimmel', тогда как ясно, что слово *sêrec* в этих двух значениях произведено от цветообозначения *sêr* 'grau', 'blond' и к слав. **sěra*, обсуждаемому нами, не относится, о чем см. также ниже.

Чешский знает форму и значение *síra* f. 'žlutá, hořlavá látka[34], т. е. 'сера, sulfur', из словацкого же ни в одном из упоминавшихся выше значений форма **sěra* (или близкая) нам не известна. Дошедшие до нас материалы полабского языка не содержат рефлекса праславянского слова **sěra* вообще, но ввиду их скудости едва ли целесообразно делать из этого отсутствия свидетельств какие-либо выводы. Нижнелужицкий знает *sera* f. 'die erste Milch der Kuh unmittelbar nach dem Kalben, die Biestmilch, colostra, молозиво'[35], а также *syrik* m. 'Schwefel'[36], в верхнелужицком находим *syra* ж. 'ungesottene Milch, die erste Milch nach dem Kalbe, colostrum'[37], слово, бесспорно, испытавшее формально-семантическую аттракцию прилагательного *syry* 'сырой, невареный, некипяченый', откуда вторичное значение *syra* — 'ungesottene Milch', при первичном 'colostra, молозиво, первое молоко коровы'. В польском известно слово *siara* ж. 'colostrum, молоко у роженицы, молозиво', 'молозиво, молоко в вымени коровы во время отела, перед отелом и сразу после него', диал. 'овечье молоко'[38], а также *siarka* ж. 'химический элемент, der

---

[32] В. М. Мићовић. О значењу речи *сјера* (*сера*, *сира*). — «Наш језик», нова серија, књ. I, св. 5—6. Београд, 1950, стр. 208—209.

[33] Pleteršnik II, стр. 470.

[34] «Příruční slovník jazyka českého», s. v.

[35] E. Muka. Słownik dołnoserbskeje rěcy, II, 403.

[36] B. Šwjela. Dolnoserbsko-němski słownik. Budyšin, 1963, стр. 408.

[37] Pfuhl, стр. 702.

[38] «Słownik warszawski», t. VI, Warszawa, 1915, стр. 87—88.

Schwefel', 'tłusta ziemna żywica, mająca w sobie kwas kuperwasowy; pali się błękitnym płomieniem'[39].

Переходя к свидетельствам восточнославянских языков, мы можем констатировать, что между соответствующими примерами из древнерусской письменности и современными данными живых восточнославянских языков непосредственная тесная связь не всегда установима. И. И. Срезневский в своих «Материалах для словаря древнерусского языка» (т. III, стб. 899) выделяет следующие значения и примеры для слова *сѣра*: 'горючее вещество, смола, сера'. — Жегѫще пещь сѣроѭ и пеклом и изгрѣбьми и лозіемь (νάφθαν καὶ πίσσαν καὶ στιππύον καὶ κληματίδα). Дан. III. 46 (Упырь). Напрѧглъ єси стрѣлы с чемеремъ и съ сѣрою горѧчею на голову свою. Злат. цеп. XIV в. (Бусл. 481)... — 'жир'. — Възя Даниилъ смолѫ и сѣрѫ и влънѫ и възвари вькѫпь, и сътворивъ гомолѫ, въвръже въ оуста змiѫ (ἔλαβεν ὁ Δανιὴλ πίσσαν καὶ στέαρ καὶ τρίχας). Дан. XIV. 27 (Упырь).

В современном толковом словаре под редакцией Ушакова русское слово *сера* толкуется как 1. 'металлоид, легко воспламеняющееся вещество желтоватого или сероватого цвета, применяемое в медицине и технике', 2. 'жирное густое вещество желтого цвета, образующееся в ушной раковине'. Стоит также привести (в выдержках) содержание соответствующей статьи в словаре Даля: *се́ра* ж. 'одно из простых (несложных, неразлагаемых) веществ, плавкое и сильно горючее ископаемое вулканического происхождения ... сера горючая ... / *се́ра*, *се́рка*, вост. и сиб. мастика, юж. топленая смола лиственницы, которую жуют заобычай, как лакомство, и чтоб зубы белели. Льнет, как сера к сучку. // Мылистое вещество (щелочно-жирное), отделяемое природой в ушном проходе... Серное молоко, черный бус, пыль, добываемая из раствора... // *Серни́к*, ворга, накипь смолы на сосне, ели, самотеком; накипь смолы на живом дереве... // *Серянка*, первый поток смолы, при сидке, вишневого цвета, лучшая. // *Серянка* и *серни́ца*, *серосмо́лье*, засмолок, пророст, или место в хвойном дереве, из которого сочится смола...[40] К этим данным, почерпнутым Далем, как это видно, в основном из живого народного языка, можно добавить еще русск. диал. *сера́* 'смола деревьев' (олонецк.)[41], *сера* 'смола древесная на коре хвойных деревьев' (яросл.)[42]. В украинском известно *сíра* ж. 'сера', *сíрка* 'сера', 'серка в ушах'[43], ср. в словаре П. Белецкого-Носенко *сíрка* ж. 'горючая сера, сера в ушах'[44]. Еще

[39] S. B. Linde. Słownik języka polskiego, t. V. Warszawa, 1812, стр. 224.

[40] Даль² IV, стр. 380—381.

[41] Куликовский, стр. 117.

[42] Мельниченко, стр. 183.

[43] Гринченко IV, стр. 127, 128.

[44] П. Білецький-Носенко. Словник української мови. Підготував В. В. Німчук. Київ, 1966, стр. 327.

в «Лексиконе славеноросском» Памвы Берынды с его выразительно украинской толкующей частью читаем *жѹпель*, *сѣра*, *сѣрка*[45]. В белорусском языке слово *сéра*, согласно современным лексикографам[46], адекватно русскому слову *сера* в его литературно-общенародном употреблении.

Прежде чем обратиться к выяснению происхождения слова **sěra*, нам, как видно, необходимо будет внимательно изучить значения и употребления всех относящихся сюда конкретных славянских форм в их взаимосвязи. Это требуется тем более, что степень самостоятельности отдельных значений и употреблений весьма велика, вплоть до того, что они с трудом укладываются в единый «семантический спектр» единого слова **sěra*, а самый факт реального существования такого единого славянского слова **sěra* начинает в результате этого обретать черты некоей иллюзии или фикции.

С этой целью мы, опираясь на более подробный перечень форм, их значений и прочих особенностей, приведенный выше, составили таблицу, в которую входит краткий перечень всех более или менее самостоятельных значений и указание на их распределение по славянским языкам. Прочие детали этой таблицы будут понятны из дальнейшего изложения. Составляя ее, мы ориентировались, помимо прямых лексикографических свидетельств славянских языков, также на некоторые внеславянские этимологические сведения и типологические аналогии как в плане развития лексики, так и в плане связи реалий. Расположение, последовательность значений в таблице отражают наше понимание возможного направления «филиации идей», лежащей в основе этой части славянского словаря. Мы не настаиваем, естественно, на абсолютной неопровержимости именно такого порядка следования значений, но основной смысл его, причем значение 1-е считается более древним, архаическим, чем значение 9-е, кажется нам правильным (см. стр. 37).

При чтении таблицы могут быть учтены следующие коррективы. Похоже, что слово болг. *сяра* в значении 'sulfur, *сера*' — принадлежность только литературного болгарского языка, что приводит к постановке вопроса о русском происхождении данной формы (подведенной затем под действующие в болгарском литературном языке закономерности ятевого произношения? — Ср. *сяра* : *серен*). Здесь же уместно напомнить о сомнительности словенской формы *serec* 'Schwefel', далее — о том, что н а р о д н ы м и названиями серы в южнославянских языках являются совсем другие слова: в болгарском это — *сúмпур*, в сербохорватском

---

[45] См. издание «Лексикон словенороський Памви Беринди». Підготовка тексту В. В. Німчука. Київ, 1961, стр. 38.

[46] См., например, «Русско-белорусский словарь» под ред. Я. Коласа и др. (М., 1953) и более новый «Белорусско-русский словарь» (М., 1962).

Таблица

Значения	Языки														
	ст.-слав.	болг.	макед.	сербохорв.	словен.	чеш.	слвц.	полаб.	н.-луж.	в.-луж.	польск.	др.-русск.	русск.	укр.	блр.
1. 'молозиво'			+	+					+	+	+				
2. 'овечье молоко'											+				
3. 'στέαρ, твердый жир'												+			
4. 'жиропот на шерсти овец'		+	+												
5. 'вода, в которой вымыли овечью шерсть'		+		+											
6. 'жирное выделение в ушах'													+	+	
7. 'древесная смола'													+		
8. νάφθα ≈ горная смола												+			
9. 'sulfur, сера'		+			+	+			+		+	+	+	+	+
Слово не встречено вообще	Ø						Ø	Ø							

основное название серы — *сўмпор* (оба последних названия — относительно поздние балканские романские элементы). В словенском обычным названием серы служит германизм *žveplo*, что вместе с сомнительностью словенского продолжения праслав. **sěra* очень напоминает нам ситуацию в старославянских текстах, где нет слова **sěra* и представлено **жоупелъ, зюпелъ** 'сера', т. е. мы вынуждены признать, что в этом случае (как и во многих других) лексическая ситуация в старославянских текстах носит скорее «паннонский» характер. Таким образом, отметки наличия значения 'сера, sulfur' у продолжений праслав. **sěra* в некоторых южнославянских языках в нашей таблице не имеют такого же полноценного значения, как в других случаях. Если добавить, что одно из ранних заимствованных названий серы — ст.-слав. **жоупелъ**, словен. *žveplo* заимствовано именно южными славянами (русск. *жýпел* — церковнославянизм!)[47], поскольку древние южнославянские диалекты, видимо, не имели подходящего слова для обозначения вещества sulfur, то станет ясно, что значение

[47] См.: V. Kiparsky. Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen (=«Annales Academiae Scientiarum Fennicae», Ser. B, t. XXXII), Helsinki, 1934, стр. 124.

'сера, sulfur' вообще не следует ассоциировать с собственно южнославянскими продолжениями праслав. **sěra*.

Далее, переходя к западнославянским данным, схематично отраженным в таблице, мы должны иметь в виду, что и здесь не следует огульно принимать наличие значения 'сера, sulfur' у прямых продолжений праслав. **sěra*. За вычетом чеш. *síra* '(горючая) сера', остальные однокоренные западнославянские названия серы явно приспособлены вторично для обозначения серы, для чего потребовался особый словообразовательный акт, ср. производный характер таких названий серы, как н.-луж. *syrik*, польск. *siarka*. Это показывает нам также, что прямое продолжение праслав. **sěra* на западнославянской языковой почве не могло быть использовано для обозначения серы. Для этого имелись, очевидно, веские причины, которыми мы займемся несколько ниже.

Восточнославянские данные обращают на себя внимание тем, что именно здесь праслав. **sěra* прямо употреблено в значении 'sulfur'. Словообразовательные средства для выделения этого значения тут не требовались, во всяком случае сколько-нибудь серьезной роли не играли (укр. *сірка* — явная аккомодация польск. *siarka* 'сера'). Причины этого положения мы также попытаемся выяснить далее. Здесь следует пока отметить, что в сложной древнерусской языковой стихии несомненно русским значением слова *сѣра* является 'сера, sulfur', ср. выше пример из Златой цепи XIV в. у Срезневского. В то же время цитаты из церковнославянского сочинения с четкими южнославянскими особенностями языка содержат примеры слова *сѣра* в таком значении, которое, хотя и стоит у нас как древнерусское под № 3 ('στέαρ, жир'), явно связано с типично южнославянским значением 'жиропот овец'. Ср. другой пример из Срезневского: Възя Даниилъ смолѫ и сѣрѫ и влънѫ... (ἔλαβεν ὁ Δανιὴλ πίσσαν καὶ στέαρ καὶ τρίχας), — где для нас значительно соседство слова *сѣра* (как названия жира) и названия овечьей волны.

По приведенной выше таблице можно сделать также следующие наблюдения и выводы (с учетом только что изложенных поправок). Значение 'молозиво (первое молоко)' распределено таким образом, что охватывает часть южнославянских (македонский, сербохорватский) и часть западнославянских языков (серболужицкие, польский), т. е. такие общности, для которых совместные новообразования, инновации не типичны. К вопросу о древности значения 'молозиво' у праслав. **sěra* мы еще вернемся потом. Остаются еще некоторые «инсулярные» группы значений на таблице, причем значения 'жиропот на шерсти овец' и 'вода, в которой вымыли овечью шерсть' как бы тяготеют к южнославянской группе значений 'молозиво', а значения 'смола' (и близкие) — к значению 'сера, sulfur'. Эти связи также могут быть использованы при обосновании предлагаемой диахронической иерархии значений у продолжений праслав. **sěra*.

В отношении этимологии праслав. *sěra мы считаем удачным сближение этого славянского слова и лат. serum 'сыворотка'[48]. Несмотря на значения лат. serum и алб. hirrë 'сыворотка', которое некоторые ученые также относят сюда, и др.-инд. kṣīra 'молоко', мы все-таки воздержались бы от того, чтобы предполагать, что все эти индоевропейские слова вместе с праслав. *sěra входили в одно семантическое поле 'молоко'. У этих слов есть серьезные словообразовательные и морфологические отличия, которые заставляют говорить о том, что здесь представлены самостоятельные производные от одного общего корня в разных языках. О специальной морфологической связи между праслав. *sěra и лат. serum еще будет сказано ниже. Особую способность выступать в значении 'сыворотка' (или близком значении 'маслянистая жидкость', ср. случаи *sěra 'молозиво' и *sěra 'вода, в которой вымыли овечью шерсть') гарантировала, в частности, для праслав. *sěra и лат. serum их связь с и.-е. *ser- 'течь', а отнюдь не древняя концентрация этих слов вокруг празначения 'молоко'. Этимологическая связь лат. serum 'водянистая жидкость после створаживания молока, сыворотка' и родственного ему греч. ὀρός 'сыворотка' (с ионической псилозой < *soros, с отличием вокализма) с корнем и.-е. *ser- 'течь' (др.-инд. sárati 'течет, спешит', saráḥ 'жидкий') давно уже представляется лингвистам очевидной[49]. Обозначение смолы, смолистой жидкости (ср. соответствующие значения праслав. *sěra в отдельных сла-

---

[48] Это сравнение мы встретили впервые у минской лингвистки Г. Ф. Вешторт (Г. Ф. Вештарт. Да рэканструкцыі палескай назвы малака. — «Беларуская лексікалогія і этымалогія (Праграма і тэзісы дакладаў міжрэспубліканскай канференцыі па беларускай лексікалогіі і этымалогіі, 19—23 лютага 1968 г.)». Мінск, 1968, стр. 23—24) и в статье В. В. Мартынова «Анализ по семантическим микросистемам и реконструкция праславянской лексики», публикуемой в настоящем томе «Этимологии» (см. выше). Остальные соображения названных авторов устраивают нас в меньшей степени, ср., в частности, о блр. *сырадой* 'парное молоко'. Менее удовлетворительна и семантическая реконструкция, при которой праслав. *sěra и его значения ограничиваются микрополем 'молоко', а другие значения, также весьма важные и в плане семантической эволюции этого слова и в культурном отношении, оказываются вне поля зрения исследователя. Считать, что в праслав. *sěra представлено древнейшее славянское название молока (Г. Ф. Вешторт), нет достаточных оснований. Необходимость охарактеризовать семантическую эволюцию праслав. *sěra во всей совокупности значений ('жир', 'смола', 'сера' и др.), а также их исходную базу с точки зрения этимологии и культурной типологии, наряду с выделением некоторых новых моментов сравнительной фонетики и морфологии, — все это и побудило нас взяться за исследование данного слова.

[49] См.: Walde[2], стр. 704—705; Ernout-Meillet[3] II, стр. 1093—1094; J. B. Hofmann. Etymologisches Wörterbuch des Griechischen. München, 1949, стр. 239; Boisacq[4], стр. 716; Hj. Frisk. Griechisches etymologisches Wörterbuch, Lief. 15. Heidelberg, 1965, стр. 425.

вянских языках) производными от глагола 'течь' — явление естественное, ср. такие названия смолы как цслав. **текль, точеница**[50].

Обозрение прочих существующих, в том числе — старых, этимологических объяснений славянского слова **sěra* мы считаем более удобным поместить после выяснения некоторых принципиальных вопросов из области отношений славянской и некоторых явно однокоренных индоевропейских форм. В ряду сравниваемых с *sěra* выше приводится также древнеиндийское название молока *kṣīra*. Своеобразие анлаута — группа согласных — ставит последнюю форму в особое положение. Сюда же примыкают такие иранские названия молока, как осет. *axšir*, памирск. *xšir*, н.-перс. *šīr*[51]. Число близких форм с усложненным анлаутом может быть пополнено, причем — названиями с более широкими значениями: др.-инд. *kṣaram* 'вода', *kṣárati* 'течет, струится, растекается', авест. *γžaraiti* 'течет, вскипает'. Надо заметить, что сближение лат. *serum* и др.-инд. *kṣaram*, *kṣarati* предлагалось на правах альтернативного решения еще Бругманом, причем и сам автор и другие ученые—составители этимологических словарей воспринимали это как нечто расходящееся с обычной реконструкцией для лат. *serum* индоевропейского корня **ser-* (ср. в упомянутом словаре Вальде: «Abweichend . . . Brugmann»; в словаре Буазака: «autre avis chez Brugmann. . .»). Такое восприятие тесно связано с выдвинутой Бругманом теорией об особом индоевропейском спиранте, получившем своеобразные рефлексы в различных индоевропейских языках. К нашему случаю эта теория имеет самое прямое отношение. Например, в новом индоевропейском этимологическом словаре Покорного существует специальная статья с заглавным словом **g^{u}hđer- / *g^{u}đer-* 'течь', откуда др.-инд. *kṣárati* 'течет, струится', *kṣara-m* 'вода', авест. *γžaraiti* 'течет'[52]. В том же словаре есть статья с заглавным и.-е. **ser-* 'течь, быстро двигаться', объединяющая уже известные нам др.-инд. *sárati* 'течет, спешит', *sará-* 'жидкий', греч. ὀρός, лат. *serum* 'сыворотка свернувшегося молока'[53]. Нам думается, что реконструкция Покорного, навеянная идеями Бругмана, искусственно усложняет реальное положение дела. Оставив ее и непосредственно соотнеся, например, две засвидетельствованные формы — др.-инд. *kṣárati* и *sárati* (обоснование см. ниже), мы можем трансформировать это отношение в отношение двух индоевропейских форм: **kserati* и **serati*.

---

[50] См.: F. Miklosich. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum; цит. по кн.: А. Будилович. Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным, ч. I. Киев, 1878, стр. 122—123.

[51] См. сведения о них: O. Schrader. Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde. Strassburg, 1901, стр. 541—542.

[52] Pokorny I, стр. 487.

[53] Там же, стр. 909—910.

В последнее время вопросом о «спирантах Бругмана» подробно занимался у нас Вяч. Вс. Иванов[54]. Интересно отметить, что он оспаривает не только существование спирантов типа *ghđ* и *kþ*, как понимал их Бругман, но и наличие в индоевропейском особых согласных фонем типа k^s, которые предполагал вместо них Бенвенист. К сожалению, разбирая этот важный вопрос, Иванов оперирует слишком небольшим материалом; по сути дела, он ограничивается только индоевропейскими названиями земли и медведя. Однако и на этом ограниченном материале он приходит к очень значительному выводу: Вяч. Вс. Иванов видит в анализируемых словах не спирант Бругмана и не аффрикату Бенвениста, а соседство двух разных согласных фонем (переднеязычного смычного и задненебного). Так, греч. ἄρκτος 'медведь', хетт. *ḫartaggas* производится из и.-е. **r̥dkos*, где *-ko-* представляет собой суффикс. Предполагая также в нашем случае наличие форманта, мы находим, что аналогичные идеи применительно к большому числу весьма близких типологически случаев высказывались уже давно. Так, И. Схрейнен, специально изучавший вопрос, приходит в статье «Преформанты» на материале пар слов *aper* : *veprĭ*, *ìlgas* : *dlŭgŭ*, *ašarà* : δάκρυ, *ásthi* : *kostĭ* к следующему выводу: «Я полагаю, что мне удалось показать, что, помимо преформанта *s*, в начале корня имеются еще другие подвижные компоненты, в частности *u̯*, задненебный и зубной»[55]. Приведенные пары соответствий позволяют автору прийти к заключению, что эти преформанты могут быть выявлены в корнях разной структуры — как с согласным, так и с гласным началом слова.

Ничто не мешает нам рассматривать аналогичным образом и уже упоминавшуюся пару др.-инд. *kṣárati* : *sárati*, в остальном (за вычетом преформанта *k*-) тождественную по форме (ср. выше реконструкцию и.-е. **kserati* : **serati*) и по значению — 'течь, струиться'. Здесь нет, во-первых, оснований решать вопрос в плане чистой фонетики, как нет, во-вторых, и видимой надобности предполагать в формах *kṣárati*, *kṣīra* и др. особый древний спирант или аффрикату, вообще — особую фонему. Подобно тому как Вяч. Вс. Иванов справедливо рассматривает свои примеры под углом зрения индоевропейской морфологии и словообразования, отводя прежние теории об особой индоевропейской фонеме в соответствующих словах, точно так же мы толкуем пару *kṣárati* : *sárati* как морфолого-словообразовательные варианты, отказываясь от особой реконструкции $g^{u̯}hđer$- (Покорный) для первого из них.

---

[54] Вяч. Вс. Иванов. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы (сравнительно-типологические очерки). М., 1965, стр. 24 сл.

[55] J. Schrijnen. Präformanten. — KZ XLII, 1909, стр. 111.

Слав. *sěra* может одинаково отражать индоевропейский анлаут **ks-* (с ранним упрощением *ks-* > *s-*, ср. раннее упрощение **pt* > *t*, чем объясняется то, что характерный переход *ks* > слав. *x* здесь не состоялся), как и еще более древний анлаут *s-*, без преформанта. Кстати, столь же двусмысленна в отношении своего древнего анлаута и латинская форма *serum*, которая может скрывать в себе и древнюю форму **kserom*, как, например, по-видимому, лат. *sitis* 'жажда' < **ksitis* в его отношении к греч. φθίσις и др.-инд. *kṣiṇā́ti* 'уничтожает'. Здесь будет нелишним упомянуть, что вопросу об и.-е. *k*[s] в славянском посвятил одну из своих последних статей В. Махек[56]. Он характеризует современное состояние изучения проблемы и, в частности, пишет: «... с помощью *k*[s] ... передают случаи, когда, говоря кратко, в греческом представлено *kt*, а в санскрите — *kṣ*. Абсолютно достоверные случаи немногочисленны, ... например τέκτων / *tā́kṣan* ..., κτίσις ... : *kṣití-* 'жилье'». То, что после бругмановских *kþ*, *gđ* лингвисты предпочитают теперь говорить о единой фонеме типа *k*[s] (Кюни, Бенвенист), автор считает прогрессом. Специально же свою статью Махек посвящает поискам начального *k*[s] в славянском. Его примеры: слав. *sědlo* 'земельная собственность', ср. санскр. *kṣetra-* 'почва, земля', греч. κτίσις 'основание', авест. *šiti-* 'жилье'; слав. *sěnь* '(просторное) помещение', ср. греч. κτοίνᾱ 'жилье, округ', арм. *šēn* 'населенное место'; слав. *sesti* / *sedati sę* 'трескаться, лопаться', ср. санскр. *kṣā́date* 'разрезает, делит', греч. κτηδών, мн. κτηδόνες 'осколки дерева, шерстинки, волокна'. Заключение автора: «Трактовка *k*[s] отлична от **ks* (т. е. от *k*, за которым следует действительное *s*; в последнем случае получилось бы *x* перед *a*, *o*, *u*, *y*, *ъ* и *š* — перед *e*, *ě*, *i*, *ь*), но эта трактовка совпадает с судьбой *k̂* (= *k* «палатального»)... Ясно, что в славянском *k̂* и *k*[s] подверглись смешению». Говоря преимущественно о начальном и.-е. *k*[s] в славянском, Махек, таким образом, коснулся непосредственно нас интересующего вопроса. Однако констатация начального *ks*, которую предпочитаем мы, не повторяя здесь аргументов и словесных пар, уже приведенных выше, разумеется, еще не означает неизбежности развития *x* в славянском; этот вопрос теснейшим образом связан с относительной хронологией славянских и дославянских звуковых процессов. Что же касается слов, этимологизируемых Махеком в этой статье, то нам кажется, что они могут быть объяснены иначе.

Старые и новые этимологические толкования славянского слова *sěra* объединяет такая общая черта, как семантическая неполнота славянских данных: этимологизируя слово *sěra*, обычно

---

[56] V. Machek. Mots slaves à *k*[s] indo-européen. — «Symbolae linguisticae in honorem Georgii Kuryłowicz». Wrocław — Warszawa—Kraków, 1965, стр. 192 сл.

имеют в виду значение 'sulfur, сера', удивительным образом оставляя без внимания все прочие (чрезвычайно многочисленные и разнообразные, как мы стремились показать выше) значения этого слова. Иногда делается исключение для значения 'молозиво' у польского соответствия, но и оно только упоминается и остается неиспользованным в общей связи (см., например, у Брюкнера и Махека). Любопытно, что свежая попытка рассмотреть слав. *sěra*, так сказать, с другого конца его семантического спектра, выделив значение 'молозиво' (см. выше Вешторт, Мартынов), привела в свою очередь к тому, что в положении игнорируемого оказалось значение 'сера, смола'. Не говорит ли это о том, что исследователи интуитивно склонны видеть здесь по меньшей мере два разных слова **sěra*? В настоящей заметке мы стремимся показать, что наука имеет здесь дело с о д н и м чрезвычайно емким словом, проделавшим богатую эволюцию, отдельные этапы которой, несмотря на разную степень их относительной древности, хорошо сохранились в живых свидетельствах разных славянских языков. Изучить слово во всей совокупности его семантического содержания очень важно для его этимологии, потому что первоначальный семантический признак слова, устанавливаемый этимологически, должен так или иначе объяснять все существенные значения слова. Если этимология, объясняя одни значения, не объясняет или вступает в противоречие с другими значениями многозначного слова, то это может служить сигналом ошибочности этимологии. В нашем случае с относительно давнего времени при ограниченном учете значений (обычно принималось во внимание только 'sulfur, сера') праслав. **sěra* производили обычно от прилагательного *sěrъ* 'glaucus, серый' [57]. Ясно, что, если мы будем серьезно считаться со всеми известными нам значениями слова *sěra*, то этимологизация «по цвету» отпадет как неудовлетворительная. «Лимонно-желтый», т. е. «светлый», цвет химической, минеральной серы еще можно было бы как-то с натяжкой примирить с содержанием цветообозначения 'серый', но значение 'sulfur, сера' как раз не может быть признано древнейшим у слав. *sěra*. Ему, несомненно, предшествовало более широкое значение 'смола (горная, древесная)', а здесь реалии представляли уже такое разнообразие цветов и их оттенков — от светлого до темного, что однозначная цветовая этимология окончательно утрачивает убедительность (см. ниже подробнее о плане реалий). Формально-фонетические моменты, контролируя этимологию, тоже устанавливают ошибочность толкования от цветообозначения, но здесь это играет, по нашему мнению, скорее вспомогательную

[57] M i k l o s i c h, стр. 295; А. Б у д и л о в и ч. Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным. Исследования в области лингвистической палеонтологии славян. Часть I. Рассмотрение существительных, относящихся к естествознанию. Киев, 1878, стр. 55—56, 292.

роль. Так, например, совершенно очевидно, что упоминаемое цветообозначение цслав. **сѣръ**, словен. *sêr*, русск. *се́рый*, укр. *сірий*, польск. *szary*, чеш. *šerý*, н.-луж. *šery* может быть объяснено только из корня с дифтонгом *oi* и начальным согласным *x*-, который, возможно, продолжает дославянское **skoiro*-, ср. гот. *skeirs* 'ясный' [58]. Слав. *šera* имеет, во-первых, совершенно отличный консонантизм (исконное *s*-), а во-вторых, характеризуется наличием долгого гласного *ē* (а не дифтонга), ср. сербохорв. *cjȇpa*, русск. *се́ра*. Сознание этих древних различий между названием цвета и названием серы заставляет современных этимологов отказаться от мысли о родстве слов *серый* и *сера* [59]. Дальнейшие суждения ученых носят, однако, как правило, характер неуверенных догадок. Махек признает слав. *sěra* неясным, практически таково же мнение Фасмера, который даже поднимает вопрос о заимствованном происхождении слова (к чему вернемся несколько далее). Статья *сяра* в этимологическом словаре Младенова очень эклектична, поскольку это слово относится там и к тур. *sary* 'желтый' («арийско-алтайский корень») и к цветообозначениям русск. *се́рый*, польск. *szary*, чеш. *šerý*, словен. *šêr*, сербохорв. *sjer*, лтш. *sērs*, санскр. *śārá-s* 'пестрый, разноцветный', англосакс. *hār* 'серый' и, наконец, в очень необязательной форме, мимоходом — к и.-е. **ser*-, санскр. *sárati*, лат. *serum* [60]. Таким образом, уже у Младенова, по сути дела, представлено, хотя и весьма сбивчиво, столь заинтересовавшее нас сравнение слав. *sěra* и лат. *serum*. Однако устранены еще не все формальные препятствия, стоящие на пути принятия исконно индоевропейской этимологии слав. *sěra*, в основном уже изложенной выше. Фасмер в своем этимологическом словаре пишет следующее: «Неясно отношение **sěra* к др.-русск. *цѣрь* 'сера' (Пов. врем. лет под 946 г.), которое хотел связать с ним уже Миклошич EW 295. Колебание в начале слов, возможно, объясняется заимствованием» [61]. Речь идет о том месте летописи, где рассказывается: Волга же раздаѧ воемъ по голуби комуждо, а другимъ по воробьеви, и повелѣ комуждо голуби и къ воробьеви привѧзывати цѣрь, ѡбертывающе въ платки малы, нитъкою поверзывающе къ коемуждо ихъ. — Перед нами знаменитый летописный рассказ о хитроумной мести

[58] Ср., например: А. Мейе. Общеславянский язык, стр. 80; A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves, I, стр. 50; см. еще: H. Petersson. Einige Tier- und Pflanzennamen aus indogermanischen Sprachen.— KZ XLVI, 1914, стр. 128 сл.; W. Prellwitz. — BB XXX, 1906, стр. 176; B. Čop. Etyma balto-slavica, IV. — «Slavistična Revija» 12, 1959—1960, стр. 178—181; W. Belardi. *Axš-aina-*, *axša-ina-* o *a-xšai-na-*? — AION 1961, стр. 35, прим. 2.

[59] Vasmer II, стр. 611; Machek, стр. 445.

[60] Младенов, стр. 626 (*сяра*), 578 (*се́рей*, *сер*, *сери*, *Серава*). — Как видим, Младенов первым из этимологов включил в круг относящихся сюда форм название жира на шерсти овец (болг. *се́рей*).

[61] Vasmer II, стр. 611.

княгини Ольги древлянам. Его содержание общеизвестно и, казалось бы, ясно вплоть до деталей, тем не менее центральный момент, важный с разных точек зрения, остается недостаточно ясным. Мы имеем в виду значение слова *цѣрь*. Срезневский толкует его уверенно как 'сера' [62]. Проверить это утверждение сличением с другими примерами употребления слова практически невозможно, так как в древней письменности данное слово встречается только один раз в приведенном контексте [63]. Слово *цѣрь* m. 'sulfur, uti explicatur in lex. acad.', т. е. 'сера, как объясняется в словаре Академии', приводит и Миклошич в своем «Старославянско-греческо-латинском словаре» [64], создавая тем самым иллюзию принадлежности этого слова к старославянскому словарному составу, но в распоряжении у Миклошича был все тот же один пример из русской летописи. Карамзин, толкуя это место летописного рассказа, говорит, что Ольга распорядилась привязать к голубям и воробьям т р у т с с е р о й. Как бы то ни было, форма слова *цѣрь* продолжает оставаться загадочной, резко отличной от слова *сѣра* и, обладая такими внешними особенностями, как наличие *ц* перед *ѣ*, может давать повод для весьма отличных реконструкций или этимологий, что делает понятной реакцию Фасмера на различие в анлауте между *сѣра* и *цѣрь* (см. выше).

Дальнейшие поиски в древнерусских лексических материалах не дают желаемых результатов. Можно упомянуть пример из библии Геннадия, который, однако, при более пристальном рассмотрении сюда не относится: и ѡс̓тавъшим оумножа̓тъс̄ на земли. и еще на неи есть десатины пол҄жнна. и пакы бꙋдеть на събранїе акы *церь. и желать* егда испаде̓ть ис плюскы своеа [65]. Выделенное в цитате место отвечает словам греческого текста библии ὡς τερέβινθος καὶ ὡς βάλανος. При этом слово *церь* (чаще *церъ*, см. Срезневский, Материалы, т. III, стб. 1439) выступает в роли названия дерева, разновидности дуба, которое заимствовано из лат. *cerrus*. Местами слово *церъ* (*церь*) употребляется для передачи греч. τερέβινθος 'терпентинное дерево Pistacia terebinthus', как и в цитированном нами месте древнерусского перевода библии. Др.-русск. *цѣрь* 'сера?' продолжает, таким образом, по-прежнему оставаться особняком в древнерусском словаре, как и среди лексики церковнославянской письменности в целом. Обращаясь к показаниям живых славянских языков, мы натал-

---

[62] С р е з н е в с к и й III, стб. 1460.

[63] Картотека Словаря древнерусского языка XI—XIV вв. (Институт русского языка АН СССР) знает опять-таки один уже известный нам пример в том же контексте: . . . и къ воробьеви привѧзати цѣрь. . . (Лаврентьевская летопись 1377, л. 16 об., под 946 г.).

[64] F. M i k l o s i c h. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum, стр. 1108.

[65] Геннад. биб. 1499 г. Ис. VI, 12—13. Цит. по картотеке Малого словаря древнерусского языка XI—XVII вв. (Институт русского языка АН СССР).

киваемся на любопытное слово *цир* м. в значении 'сера горючая' в первом словаре украинского языка нового времени Белецкого-Носенко [66]. Автор относит эту форму к живому укр. *сíрка* 'сера', однако тут же указывает тот единственный источник, из которого он почерпнул это якобы украинское *цир*, — «у преподобного Нестора». После этого признания форма *цир* (собственно *цiр*) со всеми ее живыми, народными чертами оказывается в наших глазах не более как аккомодацией летописного древнерусского *цѣрь*, полученного книжным путем.

Несколько неожиданное подтверждение реальности единичного летописного *цѣрь* мы получаем из лексических материалов по современным живым русским народным говорам, ср. русск. диал. смол. *церь* м. 'наплывы смолы на дереве' [67]. Это важнейшее свидетельство помогает решить положительно проблему подлинности летописного hapax'а *цѣрь*, одновременно прямо указывая на народный восточнославянский характер слова, а также его своеобразной фонетической формы. Лексическое значение смоленского диалектизма — 'наплывы смолы на дереве' — дает, как кажется, возможность предпринять уточнения и в отношении лексического значения др.-русск. *цѣрь*, которое тоже, видимо, обозначало не серу и не «серяную нитку» (как толкует древнее слово, опять-таки на основании того же летописного примера, Даль), а, возможно, насохший наплыв смолы на стволе дерева или напоминающую его древесную губку (аналогию восприятия 'губка' < 'наплыв, натек' ср. в нем. *Schwamm* 'губка' : *schwimmen* 'плыть, плавать'), трутовик, вырастающий на древесном стволе. В соответствующем эпизоде летописного рассказа реальнее всего представить себе, что именно тлеющий трут завертывался в платочки и нитками привязывался к птицам.

В итоге мы получили диахроническое тождество форм др.-русск. *цѣрь*=русск. диал. (смол.) *церь*. Но, решив одни задачи (вопрос подлинности древнерусского слова, его народнодиалектная основа и реальное значение), мы пока вынуждены признать, что на данном этапе еще не преодолена основная трудность, поскольку неизвестна еще собственная этимология слова *цѣрь* и его отношение к слав. *sěra*. На первый взгляд может даже показаться, что предыдущие наши уточнения привели к тому, что *цѣрь*, видимо, не означавшее буквально 'сера', удалилось от слова *сѣра* 'sulfur и т. д.' Но получаемая семантическая дистанция ('наплыв, нарост на дереве' — 'sulfur, сера') сама по себе вовсе не знаменует семантической неродственности, напротив, как одно из проявлений редкой полисемантичности в общем

---

[66] П. Білецький-Носенко. Словник української мови. Підготував до видання В. В. Німчук. Київ, 1966, стр. 382.

[67] А. И. Иванова, М. А. Кустарева, Б. А. Моисеев. Материалы для «Смоленского областного словаря». — «Уч. зап. Смоленского пед. ин-та», вып. IX. Кафедра русского языка. Смоленск, 1958, стр. 152.

укладывается в шкалу семантического спектра слова *sěra* ('древесная смола' — 'сера' и т. д., см. выше). Не видя, таким образом, препятствий к семантическому сближению слов *цѣрь* и *сѣра*, мы должны будем целиком сосредоточиться на их необычном фонетическом различии, от выяснения природы которого единственно зависит собственная этимология формы *цѣрь*. Конечно, при любом состоянии наших сведений было бы неправильно закрывать глаза на значительную внешнюю близость *цѣрь* и *сѣра*, при их семантической близости, выявленной выше. Однако различие анлаутов *ц-* : *с-* настолько существенно, а известные источники образования *ц* перед *ѣ* настолько отличны от *с-*, что без достаточных оснований вопрос об особом происхождении или даже иноязычном заимствовании не может быть снят или обойден молчанием. Русские народные говоры обнаруживают ряд случаев перехода *с-* > *ц-* в начале слова перед гласным. Минуя такие из этих случаев, которые требуют оговорок или допускают иное толкование (вятск. *черп* 'серп' [Даль [3] IV, стр. 1322]; череповецк. *цепить* 'сыпать' [Герасимов], где *ц-* могло явиться результатом вторичного переразложения приставочного **от-сыпить*), остановимся подробнее на двух примерах, интересных к тому же своей принадлежностью к смоленским областным говорам: *цуглéй* (тверск., смоленск.) 'глина' [68] <* *суглей*, ср. *суглинок*; *цóпуха* 'верхняя часть печи' [69] < *сопуха*, также известного из диалектов. Второй пример представляет собой достаточно древнее именное образование, судя по близким или тождественным названиям дымохода в других славянских языках, ср. чеш. *sopouch*, ст.-чеш. *sopúch*, диал. *sopóch*, *sopuch*, слвц. *sopúch*, польск. *sopuch*, *sopucha*, укр. *сóпýх*. Особенно для нас важно здесь то обстоятельство, что аналогичный русскому диалектному переход начального *s-* > *c-* широко представлен также в чешских народных формах данного слова: *capuch*, *capouch*, *copouch* и т. д.[70] Это дает нам право смотреть на переход *s-* > *c-* в начальной позиции перед гласным в условиях, которые пока не поддаются более близкому определению (возможно, экспрессивность употребления, приводящая к усилению начального согласного *s* > *c*, т. е. *ts-*), как на славянский фонетический процесс. Допущение экспрессивного момента сообщает этому явлению черты ахронии, что, с другой стороны, означает возможность его осуществления как в современных народных диалектах, так и в древнюю эпоху. География явления (которую мы, правда, не имели возможности изучить здесь сколько-нибудь полно) не позволяет предположить, скажем, дорусское субстратное происхождение.

---

[68] Опыт, стр. 252.

[69] В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь, стр. 972. — Указанием на русск. диал. *цóпуха*, *цуглéй*, *цепить*, *черп* я обязан В. А. Меркуловой.

[70] См. эти и другие примеры: Machek, стр. 464.

Все вышеизложенное означает в нашем случае, что др.-русск. *цѣрь* произошло из **сѣрь*, близко родственного изучаемому нами слав. *sěra*. Вероятность такого толкования слова *цѣрь* повышается тем, что мы фактически можем трактовать форму **сѣрь* как реальное слово, а не как абстрактную реконструкцию. Мы имеем в виду цслав. **сѣрь** m. 'ἐρυσίβη, rubigo'[71], т. е. 'ржавчина (на ржи), медвяная роса', а также сербохорв. *sl̂jer* m. 'slatka rosa, koja pada po drveću i bilu... medljika, što pada u proleće na lipu, a u jesen na vrijes... (Mehltaupilze, erysiphe)'[72]. Попутно заметим, что акцентная характеристика последней формы также говорит о ее близости к слав. *sěra* (ср. сербохорв. *sl̂jer* при упоминавшемся выше акцентологически тождественном *сjȅра*), а не цветообозначению *sěrъ*, несмотря на такие обозначения-синонимы, как русск. *ржавчина*, лат. *rubigo*, греч. ἐρυσίβη (по цвету). Здесь нелишним кажется краткое ознакомление с сущностью природного явления, носящего название *медвяная роса*, и близкими феноменами, в чем нам помогут сообщения исследователей народного быта и специальные информации из области биологии растений. «*Медо́вая* или *медвяная роса*, болезнь растений, причем они покрываются сладковатым, липким потом, который обращается в ржавчину; нападает особенно при наливе хлебов на рожь, и колос гибнет. Медовая падь, мох, который любят пчелы»[73]. «*По́мох*, м. [русск. диал., вятск.] Как говорят: „падает на хлеб медвяная роса", преимущественно на яровое. Эта-то медвяная роса и есть „помох". Хотя после помоха хлеб и идет в рост, но колос, метелка остаются пустыми»[74]. «*Медвя́ная роса́* (*падь*) — сладкие выделения на листьях многих растений, появляющиеся в результате жизнедеятельности тлей, червецов и других насекомых, питающихся соками растений. Иногда м. р. бывает чисто растительного происхождения (напр., на листьях боярышника и дуба). Выделения тлей скапливаются на листьях в виде прозрачных сладких капель. В их состав входят... спирты, декстринообразные вещества, азотистые вещества, минеральные соли. Эти выделения впоследствии часто заселяются сапрофитными микроскопическими грибками почти черного цвета. Падевый мед из м. р. вызывает у зимующих пчел понос, приводящий их к гибели. М. р. называют также конидиальную стадию заболевания злаков спорыньей (Claviceps purpurea), сопровождающуюся выделением на цветках сахаристой жидкости»[75]. «*Ми́льдью* (англ. mildew), ложная мучнистая роса винограда, — опасная болезнь виноградной лозы. Вызывается грибком (Plasmopara viticola)... Пер-

---

[71] F. Miklosich. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum, стр. 972; Срезневский III, стб. 899.

[72] RJA, XIV d. Zagreb, 1955, стр. 917.

[73] Даль² II, стр. 313.

[74] Васнецов, стр. 233.

[75] БСЭ², т. 26, стр. 610.

воначально болезнь появляется на листьях в виде желтоватых „маслянистых“ пятен, которые затем покрывают весь лист. С нижней стороны листа на пятнах образуется белый мучнистый налет (органы спороношения гриба — конидиеносцы с конидиями)...» [76].

Слав. *sěrъ '(болезнетворные) выпоты, пятна, грибковые наросты' родственно слову *sěra и формально и семантически. Разнообразная конкретная семантика этих двух форм, как и разных конкретных живых продолжений праслав. *sěra, совершенно непротиворечиво укладывается в общее первоначальное значение исходного *sěr- 'течь, жидкость, маслянистая, жирная жидкость'. Однако ввиду исключительной сложности случая важно показать там, где это осуществимо, диахроническую иерархию разных значений слова *sěra. О наличии такой иерархии, о различной степени древности разных значений этого слова мы уже коротко упоминали выше. На этом целесообразно задержаться специально, поскольку эти факты интересны и для языкознания, этимологии, и для культурной истории. Мы можем утверждать, что значение 'смола' развилось вторично из значения 'жир (на шерсти овец)', а значение 'сера, sulfur' производно от значения 'смола' или вместе с последним восходит к значению 'жир'. Не настаивая на универсализации этих семантико-этимологических наблюдений, мы вместе с тем укажем, что они распространяются, помимо семейства *sěra, еще на ряд этимологически неродственных примеров.

В греческом жиропот овец, жир с грязью на нестриженой овечьей волне носил названия οἴσπη f., οἰσπώτη f., οἰσύπη f., οἴσυπος m.[77] Интересно отметить, что в форме τὸ οἰσύπον n. это слово обозначало ладан, как о том свидетельствует Плиний [78]. Этимологически οἰσύπον, οἰσύπη может быть связано только с названием овцы и производится из *ὀϜι-σύπη [79], что говорит в пользу безусловной первичности значения 'жир на шерсти овцы' и вторичности значения 'ладан'. Кстати, о ладане: «*Ладан* или *ладон* — два вида смол: I) *л. обыкновенный* — Olibanum, представляет высушенный сок многих растений сем. Burseraceae (Boswellia Carterii, B. serrata и др.), растущих в вост. Африке, в земле Сомали и проч. ... Отборный л. представляет круглые или продолговатые куски, подобные каплям, светложелтые или розоватые, с восковым блеском; сверху они обыкновенно покрыты пылью от трения друг о друга, обладают приятным бальзамным запахом и бальзамным горьким, острым вкусом; при растирании обращается в порошок белого цвета. Простой сорт представляет менее чистые, более крупные и темные куски. Л. . . .при растирании

[76] Там же, т. 27, стр. 489.

[77] H. G. Liddell and R. Scott. A Greek-English lexicon. A new ed., vol. II. Oxford [б. г.], стр. 1210.

[78] Там же.

[79] Hj. Frisk. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Lief. 14. Heidelberg, 1963, стр. 370.

с водой образует эмульсию, при нагревании размягчается, не плавясь и распространяя при этом сильный приятный, бальзамический запах, при дальнейшем нагревании загорается и горит сильно коптящим пламенем. Состав: 1) камедь, около 30%, 2) смола — 56%. . ., 3) эфирное масло. . ., 4) горькие вещества, минер. и проч. Употребляется л., главным образом, для воскуривания при религиозных обрядах и в медицине при изготовлении некоторых пластырей, зубных паст, эликсиров. . .; II) *Л. росный* — Benzoë, получается из надрезов коры растущего на о-вах Суматра, Ява и Борнео, а также в Сиаме невысокого дерева Styrax Benzoin (сем. Styraceae). . . Сиамский росный л. (в слезках) представляет светлые желтовато-розовые плоские куски от 1 до 5 см. длиною, при 5—8 мм. толщины, очень хрупкие, чрезвычайно приятного. . . запаха. . . При 75—90° Ц. плавится, образуя прозрачную, бесцветную жидкость. . . Суматрский росный л., Benzoë Sumatra, представляет похожую на мрамор серо-бурую, хрупкую, блестящую массу, в которую вкраплены молочнобелые зерна, наподобие миндалин. . . Состав: 1) бензойная кислота. . ., 2) коричная кислота. . ., 3) бензиловый эфир. . ., 4) коричный эфир. . ., 5) стирол. . ., 6) ванилин, 7) смола, до 80%. . ., 8) минеральные и посторонние вещи, немного. . . Употребляется росный л., благодаря своему приятному запаху, в медицине и парфюмерии. . .» [80].

Значит, переход значений 'жиропот овец' > 'смолистое вещество' может считаться документированным. Как формировались термины для обозначения серы в разных языках? Индоевропейские языки знают некоторые довольно древние по своему образованию названия серы. Таковы в германском гот. *swibls*, др.-в.-нем. *swëbal*, соврем. нем. *Schwefel*, англос. *swefl*. В латинском сера называлась с древнего времени *sulpur*, в другом древнем италийском диалекте — сабинском — сера носила особое название *nar*, ср. и тождественный гидроним *Nar*, там же [81]. Обратимся к этимологии этих синонимов. В словаре Покорного на базе германских и латинского слов реконструируется и.-е. **su̯elplo-s* 'сера' [82]. При этом говорится (очень кратко) о народноэтимологическом влиянии на эту форму со стороны основы **su̯el-* 2 'палить, жечь'. Оставаясь последовательными и снимая это вторичное наслоение, мы получим первоначальное **sl̥p-l-o-s*, которое лежит в основе германского и латинского слова для серы. Нам кажется очевидным родство и даже тождество реконструированного и.-е. **sl̥plo-s* и др.-инд. *sr̥prá-* 'смазанный маслом', а также далее — др.-инд. *sarpís-* ср. 'коровье масло, топленый жир', греч. ἔλπος ·ἔλαιον,

[80] «Новый энциклопедический словарь» Акц. Общ-ва Брокгауз—Ефрон, т. 23. Пг. [б. г.], стб. 883—884.
[81] O. Schrader. Указ. соч., стр. 745.
[82] Pokorny I, стр. 1046.

στέαρ (Гесихий), алб. *gjalp* 'коровье масло', др.-в.-нем. *salba*, соврем. нем. *Salbe* 'мазь', тох. A *ṣälyp*, B *ṣalype* 'жир, масло', которые все объединяются вокруг и.-е. **selp-* 'жир, масло'. Менее ясно этимологически сабин. *nar* 'сера', однако и здесь бросается в глаза возможность явной корневой этимологической связи с основой **ner-*, выступающей в ряде старых европейских названий проточных вод, рек. Покорный приводит гидронимы др.-прусск. *Narus*, лит. *Nãr-upė*, иллир. Νάρων, русск. *Неретва*, далее — апеллативные лексемы лит. *nérti*, ст.-слав. **нырж, нырѣти**[83]. В основе всех этих слов лежит, конечно, идея жидкости (и погружения в жидкость). Отсутствующее в данном перечне речное название *Nar* из древней Италии Шрадер связывал с сабин. *nar* 'сера', объясняя гидроним как название сернистой воды, реки, но, вероятно, связь была обратной — 'сера' < 'жидкость', подобно тому как слав. *sěra* 'sulfur' < '(маслянистая) жидкость' и и.-е. **sḷplo-s* 'сера' < 'жирный, маслянистый'.

На вычленение значения 'сера' из более широкого древнего 'смолистая, жирная жидкость' указывают самые различные факты: данные языка, старые представления, наконец, научные сведения по технологии добывания и по химии серы. Так, в церковнославянских текстах **сѣра** выступает, помимо значения 'θεῖον, sulfur, сера', также в значении 'ἄσφαλτος, bitumen', т. е. 'горная смола'. По данным словаря Линде, старинные польские сочинения XVIII в. о полезных ископаемых характеризуют серу как «жирную земную смолу» (см. выше). Донаучные представления, отразившиеся на формировании народной терминологии, находят объяснение и оправдание также с позиции современных научных сведений о сере. Из специальных исследований мы узнаем, что «обычно осадочные месторождения серы имеют пластовую или линзообразно-пластовую форму, располагаясь вблизи месторождений нефти или скоплений каких-либо битумов»[84]. Ср. также далее: «Сера встречается в природе в соединении с другими химическими элементами, а также в чистом виде. Сера отличается резко выраженным полиморфизмом. Однако у всех разновидностей серы в условиях земной коры. . . устойчивой формой является α-сера. . . Цвет α-серы обычно соломенно-желтый, но в зависимости от примесей (чаще всего битумов) изменяется до желто-бурого, коричневого и почти черного»[85].

Таков путь, проделанный словом *sěra* к значению 'sulfur' в различных живых славянских языках. Это последнее значение выделилось и определилось в общем достаточно четко, несмотря на наличие и здесь (как и в плане химических реалий) разного

---

[83] Там же, стр. 765—766. Сабинского названия серы Покорный в этой связи не упоминает.

[84] М. А. Менковский. Природная сера. М.—Л., 1949, стр. 10.

[85] Там же, стр. 29.

рода более древних «примесей», уводящих исследователя к истокам формирования значения и термина. В новых условиях носители живого языка, при их естественном незнании истории развития слов и их значений, могут неизбежно представлять себе соотношение отдельных значений совсем иначе. При этом может сказываться доминирующая роль вторичного значения 'сера, sulfur'. Возможно, таким примером служит русск. *сера* 'жирное густое вещество желтого цвета, образующееся в ушной раковине'. В ушной сере присутствует и сера химическая (sulfur), подобно тому как она присутствует в о в с е м ж и в о м о р г а н и з м е и его выделениях, в частности в слюне, желудочном соке, молоке, моче. Можно ли считать, что ушная сера, или ушная пробка, куда входят, помимо органической серы, также выделения потовых и сальных желез [86], называется с е р о й потому, что заключает в себе вещество sulfur? — Очевидно, нет. В случае с ушной серой перед нами предстает снова реликт древнего значения и употребления слова *сера* вообще — 'жирная, маслянистая жидкость'. Элементы этого исходного празначения сохраняют и польск. *siara* 'молозиво, первое молоко после отела, после родов' и приводимое Далем русск. *серянка* 'первый поток смолы', что сближает их с лат. *serum* 'сыворотка'.

Сравнение **sěra* : *serum* интересовало нас до сих пор главным образом в плане семантическом и фонетическом. Мы не считаем, что нам удалось добиться полной ясности в названных планах; в частности, не совсем ясна функция долготы славянского корневого гласного, хотя самый факт наличия продления корневого вокализма в славянском не вызывает особого удивления, поскольку аналогии здесь известны. Более перспективно изучение морфологической сущности отношений слав. **sěra* и лат. *serum*. Ведь совершенно очевидно, что славянская форма соответствует, строго говоря, не лат. *serum*, а его множественному числу — лат. **sera*. Лишь в этом последнем случае тождество будет практически полным (слав. **sěra*=лат. **sera*), с той существенной оговоркой, что члены этой пары различаются по грамматической функции, так как это есть тождество славянской формы единственного числа и латинской формы множественного числа. При этом со славянской стороны представлено единственное число женского рода, а с латинской стороны — множественное число среднего рода. Казалось, можно было бы уже считать, что этимологическое содержание случая *sěra* : *serum* исчерпано, а их различия, в частности слав. *-a* : лат. *-um*, сводятся к незначительным моментам формообразования, которыми можно пренебречь как несущественными. Но внимательное изучение убеди-

---

[86] Ср. БСЭ², т. 38, 1955, стр. 535 сл.; БМЭ, т. 29 (:*Ухо*). Кратко изложенными здесь сведениями о сере в организме я обязан своему отцу врачу Н. М. Трубачеву.

тельно показывает, что и в этом примере, как и во многих других, второстепенные детали формы сохраняют подчас память о принципиально важных отношениях. Во всяком случае пример отношений слав. **sěra* : лат. *serum*, как нам кажется, наглядно показывает недопустимость поспешных выводов, а заодно демонстрирует и всю сложность проблематики.

Собственно говоря, придя к определению тождества слав. **sěra*, ед. ч. ж. р., = лат. **sera*, мн. ч. ср. р., мы фактически тем самым назвали интересующую нас проблему сравнительной морфологии. Ее содержание отнюдь не исчерпывается этой парой слов, как увидим далее, хотя здесь оно наблюдается наиболее четко, а сам пример изучается нами достаточно подробно, почему представилось удобным поместить его в центре исследования затронутой проблемы. Существительное женского рода **sěra* фигурирует в славянском как непроизводная форма, исходная, основная для разных словоизменительных, морфологических форм этого слова. В этом смысле положение имени **sěra* среди прочих основ на *-a* в славянском вполне типично. Увидеть изначальность такого состояния позволяют лишь внешние данные, в первую очередь — родственная латинская форма. Вторичность, производность лат. **sera* (форма множественного числа от существительного среднего рода *serum*) показывает, что положение в славянском — это результат эволюции каких-то более древних отношений.

Мы уже заметили выше, что слав. **sěra* представляет собой типичную славянскую основу на *-a*. Значит, вопрос об оформлении конца основы **sěra* нельзя решить в отрыве от судьбы других славянских *-a*-основ. Обратимся к литературе по сравнительной грамматике славянских языков. Миклошич, собравший в первом капитальном труде по этой области языкознания огромный фактический материал о славянских именных основах и суффиксальных типах имен, об именной флексии[87], к сожалению, еще не ставит вопроса о генезисе славянских именных основ на индоевропейском фоне. Практически ничего по интересующему нас здесь вопросу мы не находим и у Вондрака, который, говоря об образовании именных основ, выделяет, в частности, основы на *-a* в виде раздела «Суффикс *-a*», где речь идет о праязыковом *-ā*, часто служившем приметой женского рода (в противоположность мужскому, сконцентрировавшему свои образования вокруг типа на *-o*)[88]. Вондрак уделяет, далее, внимание корневому аблауту имен на *-a* в их отношении к другим типам именных основ, а также к глагольным основам. Несколько больше

---

[87] F. Miklosich. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. 2. Bd. Stammbildungslehre. Wien, 1875; 3. Bd. Wortbildungslehre. Zweite Ausgabe. Wien, 1876.

[88] W. Vondrák. Vergleichende slavische Grammatik. I. Bd. Lautlehre und Stammbildungslehre. Göttingen, 1906, стр. 398 сл.

дает «Праславянская грамматика» Ильинского, ср. в ней специальный параграф 244: «Трансформация корней-основ», где автор пишет: «Весьма значительное число корней-основ превратилось в основы на *-a-*: *jucha* < иде. **i̯ōus-*, ср. лат. *jus*, др.-инд. *yūš*; **serda* < иде. **k̂r̥d-*, ср. лат. *cor*. . . ; *noga* < иде. **nogh-*, ср. греч. ὄνυξ. . . , лат. *unguis*; *voda* < иде. **u̯odōr/n-*. . .»[89]. Далее, там же, в гл. XLV («Основы на *-ā-*, *-i̯ā-* и *-ī-*») упоминается, помимо возможности происхождения конечного *-ā* из расширения корней-основ (см. выше), еще следующее: «Весьма многочисленный в праславянском языке класс имен на *-ā-* состоит, главным образом, из потомков индоевропейских односложных и двусложных баз на *-ā*. Так, напр., *tьma* возникла из базы **temā-*, *sova* — из **k̂eu̯ā-* 'кричать', *korā* — из **kerā-* 'резать' и т. д.» Мы не собираемся здесь обсуждать одинаково подробно все мысли Ильинского насчет происхождения славянских *-a*-основ, но нельзя не отметить как положительный факт, что у него имеется вполне осознанное стремление выяснить индоевропейские истоки этого типа славянских именных основ и собственная теория о происхождении отдельных групп имен на *-a* в славянском. Мейе также обращает внимание на то, что, например, от корневого атематического и.-е. **k̂erd-* произошло, с одной стороны, производное ст.-слав. **срьдьце**, а с другой стороны, — ст.-слав. **срѣда**, правда, он никак не комментирует этот последний случай. Говоря об именном суффиксе *-ā-* как формативе женского рода, Мейе отмечает значение этого суффикса для образования производных от существующих имен, главным образом для образования прилагательных. В соответствующем разделе своей известной книги об общеславянском языке Мейе выделяет, по сути дела, два существенных эпизода в истории *-ā*-основ в славянском и индоевропейском: отмеченное уже на примере **срѣда** распространение с помощью *-ā-* старых нетематических корневых имен, куда он еще относит ст.-слав. **вода** и **тьма** (см. иначе о последнем Ильинский, выше), и перевод *o*-основ женского рода в *-a*-основы, ср. и.-е. **snuso-* > **снъха**, и.-е. **bherəĝo-* > **berza*[90]. Вайян, обратившийся к этому вопросу позже Мейе, ограничивается лишь несколькими словами по этому поводу: «Тип на *-ā-* представляет собой суффиксальный тип, который служил для характеристики женского рода в отношении основ на *-o-* и который, с другой стороны, давал именительный-винительный падеж множественного числа среднего рода на *-o*. . .»[91]. Характеристика, даваемая Вайяном, охватывает основные интересующие нас здесь категории (женский род на *-a* и множественное число среднего рода

---

[89] Г. А. Ильинский. Праславянская грамматика, стр. 306, 349 сл.

[90] А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 273, 276, 278.

[91] A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves. T. II. Morphologie, Première partie: flexion nominale. Lyon—Paris, 1958, стр. 79.

на -*a*), но подобное статическое перечисление едва ли может дать правильную идею о связи форм. Нахтигал ничего не говорит о генезисе славянского типа на -*a*, а подбор примеров у него ограничивается случаями совпадения -*ā*-основ женского (и мужского) рода в славянском и других индоевропейских вроде слав. *mьgla* : греч. ὀμίχλη и др.[92] В посмертно опубликованной последней части «Праславянской грамматики» Микколы проводится не вполне явствующее из материала разграничение -*ā*-основ на первичные и вторичные, причем к первичным -*ā*-основам отнесены слав. *voda*, *žena*, *struga* 'струя', *sluga*, а к вторичным — *snъxa*, **voldyka*, **orkyta*[93].

Итак, резюмируя современное состояние вопроса в славистической науке, мы можем сказать, что тип основ на -*a*, кроме большого числа собственно славянских новообразований, которые, так сказать, не имеют индоевропейского прошлого и в которых мы имеем дело с вторичной, местной продуктивностью типа на -*a*, включает также некоторое количество дославянских, индоевропейских именных образований на -*a*. Часть последних составляют случаи, грамматическая характеристика которых практически не подверглась изменению: и.-е. **mĭghlā*, ед. ч. ж. р., > греч. ὀμίχλη, слав. *mьgla*, ед. ч. ж. р. В то же время существует еще некоторое количество случаев, уточнением или инвентаризацией которых славистика как будто специально не занималась и относительно которых известно, что они представляют собой расширение более древних нетематических корней-основ или получены в результате перехода более древних основ другого типа в -*ā*-основы. Само собой понятно, что такие квалификации, как «расширение», «переход», «перевод», еще ничего не объясняют, и прежде всего не отвечают на вопрос, почему и.-е. **serom* отразилось в виде слав. **sěra*, а и.-е. **k̂erd*- перешло в слав. **serda*.

Между тем в сравнительной индоевропеистике уже давно была предпринята серьезная попытка выяснить интересующие нас отношения, поэтому стоит пожалеть, что ее результаты не нашли должного отклика в сравнительной грамматике славянских языков. В 1889 г. знаменитый индоевропеист И. Шмидт опубликовал монографию об образованиях множественного числа индоевропейских имен среднего рода[94]. Эта книга практически полностью сохраняет свое научное значение и сейчас, немногим менее ста лет после ее издания. И сейчас труд Шмидта может быть рекомендован для самого тщательного изучения каждому, кто интере-

---

[92] R. Nahtigal. Slovanski jeziki. 2 izd. Ljubljana, 1952, стр. 50 сл.

[93] J. J. Mikkola. Urslavische Grammatik. Finführung in das vergleichende Studium der slavischen Sprachen. III. Teil. Formenlehre. Heidelberg, 1950, стр. 32.

[94] J. Schmidt. Die Pluralbildungen der indogermanischen Neutra. Weimar, 1889.

суется индоевропейской предысторией соответствующего формообразования в славянском. К тому же в книге собрано и осмыслено немало славянских примеров, что делает ее также источником для исследования проблемы в чисто славистическом плане, особенно если принять во внимание состояние вопроса в славистической литературе и несобранность славянского материала. По этим причинам нам кажется полезным изложить важнейшие мысли автора и привести наиболее интересные выдержки из упомянутой книги.

Указывая на такую древнюю особенность ряда индоевропейских языков, как согласование именительного падежа множественного числа среднего рода в качестве подлежащего с глагольным сказуемым в форме единственного числа (греческое правило τὰ ζῶα τρέχει и сходные явления в индо-иранских языках), Шмидт обратил внимание на то, что причина явления коренится не в особых представлениях или понятиях, а исключительно в форме слов. «Причина наличия сказуемого в единственном числе должна быть в образовании множественного числа среднего рода, т. е. именительный падеж множественного числа имен среднего рода должен быть собирательным существительным единственного числа, тогда как именительные падежи множественного числа мужского и женского рода представляют собой подлинные флексионные плюрали» [95]. «Благодаря этому формы множественного числа среднего рода, в противоположность аналогичным формам двух остальных родов, определяются как собирательные имена единственного числа, восходящие к праязыку» [96]. «В ранний, недоступный для нас период индоевропейского праязыка дело обстояло так же, как в примере лат. *acina*, мн. ч. от *acinus*, которое фактически выступает в флексии единственного числа в аблативе *ebriosa acina ebriosioris* у Катулла... *acina*, *loca* были первоначально собирательными формами единственного числа по отношению к *acinus*, *locus*, подобно тому как *terra* 'земля' является собирательным в отношении к оск. *t e r ú m* 'огороженный участок земли' ..., *opera*, *-ae* — собир. к *opus*...; ст.-слав. **слама** ж. 'солома' — собир. к лтш. *salms* 'соломинка', нем. *Halm*, лат. *culmus*, греч. κάλαμος; санскр. *híma*, ст.-слав. **зима**, лит. *žiemà* 'зима' — собир. к санскр. *himá-s* 'холод'...» [97]. «Для происхождения форм именительного падежа множественного числа среднего рода на *-ā* из собирательных существительных женского рода единственного числа важно еще одно обстоятельство. Слова неоднократно выступают одновременно как имена среднего рода и как имена женского рода, частично таким образом, что оба рода представлены в одном языке, частично — так, что в одном

---

[95] J. Schmidt. Die Pluralbildungen..., стр. 2.
[96] Там же, стр. 5.
[97] Там же, стр. 9—10.

языке — один род, в другом — другой: . . .вед. *tána-m* и *tánā* ж. 'потомство'; *vána-m* 'дерево, лес' и *vánā* 'палочка для добывания огня трением'. . .» [98]. «Романские языки превратили многие латинские имена среднего рода в имена женского рода, восприняв латинское множественное число как женский род на *-a*, в чем сказалось исключительно заблуждение, вызванное внешним видом, напр. ит. *la foglia* 'лист' и т. п. . . . С другой стороны, нельзя сомневаться в том, что φρᾱ́τρᾱ — это та же самая форма, которая в санскрите имеет значение множественного числа к *bhratrám*, и т. д. . . .Таким образом, в образовании именительного-винительного пп. множественного числа среднего рода должна заключаться причина, побуждавшая одну и ту же форму выступать в одном случае как множественное число среднего рода, а в другом случае — как единственное число женского рода без заметного различия в значении» [99].

И. Шмидт подробно разбирает типы образований множественного числа от разных индоевропейских основ среднего рода. Опуская здесь то, что прямо не относится к нашему предмету, выделим лишь следующее. Согласно Шмидту, к тематическим основам среднего рода на *-o-*, *-i-*, *-u-* при образовании форм множественного числа присоединялся суффикс *-a*, что давало в случае с *-o*-основами *-ā* долгое [100]. Так протекало формообразование в основах среднего рода на тематический гласный («Erste Pluralbildung»). Нетематические индоевропейские именные основы среднего рода на согласный также в ряде примеров обнаруживают расширение *-ā* при образовании множественного числа, хотя регулярным было лишь удлинение последнего гласного основы во множественном числе («Zweite Pluralbildung»). Вот примеры Шмидта, показывающие *-ā*-суффиксацию множественного числа консонантных основ среднего рода: санскр. *yū́ṣ*—лат. *jūs*—ст.-слав. **юха** ; гот. *jēr*—ст.-слав. **ꙗра** 'весна'; санскр. *hṛd-*, авест. абл. ед. *zeredā*, греч. κῆρ, др.-прусск. *seyr*, лат. *cord-*—ст.-слав. **срѣда** 'середина' < **serda*. «Все эти основы, расширенные с помощью *-ā*, трактуются как имена женского рода. Мена рода не мотивируется никаким ощутимым изменением значения» [101].

Мы подходим к конечной цели настоящего раздела статьи. Оставляя в стороне примеры, обладающие полным внешним подобием описанным, но объясняемые как-либо иначе (ср. русск. *межа*, праслав. **medja*, ед. ч. ж. р., при др.-прусск. *median*, ср. р., где можно видеть независимые рефлексы разных родовых форм прилагательного, ср. лат. *medius*, *-a*, *-um*), назовем, нисколько не претендуя на полноту перечня, ряд славянских имен-

---

[98] Там же, стр. 21.
[99] Там же, стр. 22.
[100] Там же, стр. 38.
[101] Там же, стр. 117.

ных *-а*-основ женского рода, соотносимых с индоевропейскими именами среднего рода. При этом мы частично пополняем сведения о славянских данных, которыми располагал Шмидт, отмечая, какие именно формы уже были им охарактеризованы в описанном смысле: праслав. **spina* (русск. *спина* и родств.), ж. р. ед. ч. — лат. *spinum*, ср. р.; болг. *кола́* 'телега, повозка', ж. р. ед. ч.— праслав. **kolo*, ср. р.; болг. *врата́* 'дверь', ж. р. ед. ч.—др.-прусск. *warto*, ср. р. (И. Шмидт, стр. 38, соотносит балтийское слово только со ст.-слав. **врата**, pl. tant.); ст.-слав. **слама**, ж. р. ед. ч.—нем. *Halm*, лат. *culmus* (см. выше, И. Шмидт); ст.-слав. **зима**, ж. р. ед. ч.—санскр. *himá-s* (И. Шмидт, см. выше); ст.-слав. **юха**, ж. р. ед. ч.—санскр. *yū́ṣ* (И. Шмидт, см. выше); ст.-слав. **юра**, ж. р. ед. ч.—гот. *jēr* (см. выше); ст.-слав. **срѣда**, ж. р. ед. ч.—и.-е. **k̑erd-* (см. выше); ст.-слав. **жза**, ж. р. ед. ч.—лат. *angōs*, санскр. *áṁhas* (И. Шмидт, стр. 143); ст.-слав. **слава**, ж. р. ед. ч.—**слово**, греч. κλέος, др.-инд. *śrávas* (И. Шмидт, там же); наконец, праслав. **sěra*, ж. р. ед. ч.,—лат. *serum*, ср. р.

Понятно, что словообразовательный аффикс *-ā* сам по себе старше, чем регулярное закрепление его за определенной морфологической категорией (грамматикализация, морфологизация элементов словообразования — одна из важных универсалий языка, с чем постоянно приходится считаться сравнительной грамматике). Тем не менее в слав. **sěra* и аналогичных примерах мотивация приращения этого аффикса наилучшим образом объясняется при сравнении славянской *-а*-основы с более древней родственной основой на *-о-*, на согласный, главным образом среднего рода, к которой основа на *-а* относилась первоначально как множественное число к единственному. Наличие тенденции вторичной сингуляризации древней формы множественного числа на *-ā* доказывается сравнительно молодыми примерами, где эта тенденция проявилась уже в течение диалектной эволюции внутри славянского, ср. болг. *кола́*, *врата́* (выше). Таким образом, мы можем говорить об этимологически плюральных основах на *-ā* как об одном из источников славянских имен женского рода на *-а*. Сравнение лат. *serum* и слав. **sěra* пополняет тем самым материал по проблеме neutrum pluralis = femininum singularis в индоевропейском и славянском.

III

Темой настоящей, последней заметки является словообразование, или, если так можно выразиться, сравнительное словообразование, связь которого со сравнительной грамматикой и с этимологией не нуждается в доказательстве. Нижеследующие наблюдения относятся исключительно к лексике полабского языка, которая в ряде примеров рассматривается в сравнении с другими

славянскими. Эти наблюдения оформились в ходе работы по отбору и праславянской реконструкции полабской лексики для подготавливаемого Этимологического словаря славянских языков.

Несколько слов об источниках. Основным нашим источником во время упомянутой работы был новый «Полабско-английский словарь» К. Полянского и Дж. Сенерта [102], обладающий преимуществами наиболее полного собрания дошедшей до нас лексики вымершего полабского языка. Этот словарь уже известен нашей лингвистической научной общественности, в советских лингвистических изданиях опубликованы рецензии на него [103]. Кроме того, был, естественно, использован монографический труд П. Роста [104], до сих пор остающийся благодаря своим высоким научным качествам важным подспорьем при исследовании полабского языка в целом.

Итогом отбора праславянского слоя полабского языка (причем остались в стороне многочисленные местные относительно поздние заимствования из нижненемецкого языка) явилась словарная картотека, насчитывающая около полутора тысяч слов. Мы не рассчитывали в относительно небольшой заметке знакомить читателя с полным списком вероятных праславянских лексем полабского словарного состава. Здесь достаточно будет сказать, что значительная часть этих реконструкций оказывается тождественной соответствующим формам других славянских языков. Описывать этот компонент полабского словаря также не имеет здесь смысла, поскольку мы не сможем указать среди этих образований практически почти ничего специфически полабского, что нас сейчас в первую очередь интересует. Опуская перечень нехарактерных с точки зрения полабского языкового своеобразия лексем, которые играют роль более или менее однородного фона, мы в дальнейшем останавливаемся только на том, что в каком-либо отношении (этимология корня, характер основы, суффиксация, тип сложения, семантика) выделяется на упомянутом праславянском однородном фоне, который, практически не варьируя, представлен в каждом из остальных славянских языков. Это означает, что в своих наблюдениях по полабской этимологии и словообразованию мы будем говорить о праславянских лексических диалектизмах полабского. Последних не так много, но этого и следовало ожидать, поскольку мы имеем в своем распоряжении лишь остатки языка. Тем не менее в этих остатках заключено немало поучительного с точки зрения праславянской лексической реконструкции

---

[102] K. Polański and J. A. Sehnert. Polabian-English dictionary. The Hague—Paris, 1967.

[103] А. Е. Супрун. Новый полабский словарь. — «Советское славяноведение», 1967, № 6, стр. 90—92; О. Н. Трубачев [Рец. на кн.:] K. Polański and J. A. Sehnert. . . — «Этимология. 1967». М., 1969, стр. 327, сл.

[104] P. Rost. Die Sprachreste der Draväno-Polaben im Hannöverschen, Leipzig, 1907.

и в плане общей языковой эволюции славянского. Полный перечень оригинальных полабских образований на уровне праславянской реконструкции будет дан в конце. Как увидим, отклонения полабского от праславянского однородного фона носят главным образом словообразовательный характер. Словообразовательными, словоформительными по существу являются и те случаи, где на помощь должна прийти этимология. Мы начнем именно с этих последних, так как их меньшинство.

Полаб. *jeserǻi* им.-вин. мн. 'ость колоса' отражает более древнее **jesery*[105], форма plurale tantum, соответствия которой из других славянских языков нам практически неизвестны (о польск. *jesiora* см. специально ниже). Предприняв некоторые уточнения в реконструированной форме, мы получим **esery* мн., по всей вероятности, — древнее слово, местный лексический диалектизм праславянского времени (начальное *j-* мы расцениваем как протезу, вторичное наращение в условиях фразовой фонетики славянского). Утверждение о древности описанного слова **esery* и его значения 'ость колоса' мы основываем на его исключительной близости и родстве с нем. *Ähre* 'колос', др.-в.-нем. *ahira*. Немецкое слово продолжает и.-е. **ak̂erā*, к которому вполне закономерно может быть возведено и праслав. **osera* / **esera*, представленное в более ограниченной грамматически форме **esery*, мн. (полаб. *jeserǻi*). Замечательна также семантическая близость немецкого и полабского слов, к тому же важно, что это близость исконного родства, а не обычного заимствования. Тождество нем. *Ähre* и полаб. *jeserǻi* настолько очевидно, что не требует специального этимологического обоснования. Со стороны славянского полабская форма тоже может трактоваться как прозрачная в словообразовательном отношении: реконструируемое праслав. **esera* < **osera* представляет собой расширение основы **os-*, представленной в славянских именах **ostь*, **osъtъ*, обозначающих ость колоса, колючие сорняки и рыбью кость, а также в древнем прилагательном слав. **ostrъ* 'острый' (с индоевропейским расширением *-r-*). Значение 'рыбья кость' выступает также у такого производного от упомянутой основы, как польск. *jesiora* 'рыбья кость', обычно — во множественном числе — *jesiory*, которое зафиксировано, точнее говоря, в кашубско-словинских диалектах, а не в континентально-польских говорах. На тождество формы этого слова и отмеченного выше полабского обратили внимание давно[106], но значение кашубско-словинской формы уводило мысль исследователей исключительно в сторону «рыбьих» терминов: в качестве ближайшего индоевропейского соответствия называлось только

---

[105] Polański—Sehnert, стр. 74.
[106] Sławski I, стр. 565 (с литературой).

лит. *ešerỹs*, *ašerỹs* 'окунь'[107], как видим, — с самостоятельным развитием особого значения.

Полаб. *lekănaića* ж. толкуется в полабских текстах с помощью немецких эквивалентов *Hüner-Geyer*, *Hüner-Habicht*, *Weihe*, *Küchen Weihe*[108]. Предпринимаемая для этого слова праполабская реконструкция **lekanica* у Полянского—Сенерта этимологически явно недостаточна. Как будто очевидно, что в этом слове представлено в разрушенном виде сложение, вторым компонентом которого служит *-kanica*, форма, производная от слав. **kan'a*, ср. польск. *kania* 'коршун', как последнее видел уже Рост[109]. Этот ученый, правда, смотрел на полабское слово скорее как на искусственное образование на базе упомянутого древнего славянского названия коршуна **kan'a*. С нашей точки зрения, полаб. *lekănaića* (подлинные написания в текстах см. у Роста) продолжает праполабское сложное слово **pilekanica*, где реконструируемый первый компонент **pile-* (с последующей апокопой первого слога *pi-*) соответствует засвидетельствованному полаб. *pailą* (в транскрипции Полянского—Сенерта) 'утенок, гусенок'. Тогда праполабское сложение **pile-kanica* точно осмысляется как 'коршун-цыплятник', и вместе с тем становится видна его первоначальная функция как кальки немецкого названия вроде одного из его эквивалентов в полабских памятниках — *Kücken Weihe*. Калька осуществлена уже в собственно полабский период развития, и слово тем самым не имеет отношения к праславянскому.

Полаб. *pąpil* m. 'овод, шмель' Полянский и Сенерт производят из более древней формы **pępelь*[110]; Рост, приводящий также все фактические написания слова в полабских текстах, толкует его из первоначального корня *pąp-*, ср. в.-луж. *pumplička* 'eine Art Schlupfwespe', *pumpotać* 'brummseln'[111]. Из этого можно заключить, что Рост предполагает здесь местное ономатопоэтическое происхождение. Звукоподражательные мотивы при обозначении, в частности, шмеля, как мы знаем, не исключены, но некоторый материал позволяет искать здесь иную, пожалуй, даже более прозрачную и очевидную этимологию с четким словообразовательным принципом, который, заметим, отсутствует в этимологии Роста — *pąpil* < *pąp-* (*-il* отсекается без специальной аргументации).

Реконструированную праполабскую форму названия овода и шмеля **pępelь* мы объясняем как результат вторичной диссимиляции из **pelpelь*. Последнее образование представляет собой полную редупликацию корня, причем эта редуплицированная

---

107 Sławski I, стр. 565; Fraenkel I, стр. 125.
108 Polański—Sehnert, стр. 88.
109 P. Rost. Указ. соч., стр, 168, прим. 23.
110 Polański—Sehnert, стр. 108.
111 P. Rost. Указ. соч., стр. 73, прим. 6, и стр. 406.

праславянская основа выступает в разных славянских языках прежде всего в роли названий птицы, также подвергнутых разного рода диссимиляциям, но довольно легко сводимых к древнему **pelpelъka*, **pelpelica*. Специфика полабского слова проявилась в оригинальной эволюции формы (особый результат диссимиляции) и в оригинальном развитии значения ('овод', 'шмель'). Говоря об оригинальной диссимиляции в полаб. *pąpil* (< **pępelь* < **pelpel-*), нельзя не вспомнить очень близкие формальные аналогии балтийского, прежде всего — др.-прусск. *penpalo* 'перепел' < **pelpalo*, при лит. *píepalas*[112]. Этим, наверное, не исчерпываются следы праформы **pępel-* < **pelpel-* в славянских диалектах к югу от Балтийского моря. В связи с этим наше внимание привлекает, например, нижненемецкое слово *Pampanischke* 'Coccinella septempunctata, божья коровка', еще не получившее окончательного объяснения. Исследователь кашубско-словинских и прочих славянских диалектов балтийского Поморья Ф. Хинце признает: «*Pampanischke* ist am unklarsten»[113]. Автор допускает происхождение этого названия божьей коровки из искажения славянского названия *panevečka* — то же или *p^{u}óṕelečka* с тем же значением в немецкой языковой среде. Возможно, однако, что мы и здесь имеем перед собой местное славянское продолжение, реликт древнего **pępelь*, претерпевшего преобразования и словопроизводные изменения.

Полаб. *prüst'au*, форма родительного падежа единственного числа мужского рода имени, которое соответствует в полабских текстах немецкому *Loderasche* 'пылающий жар, горящая зола'[114]. Полянский и Сенерт снабжают эту форму в своем словаре древней реконструкцией **prošьku*, смысл которой на праславянском или праполабском уровне неясен (если имеется в виду форма, близкая польск. *proszek* 'порошок', то ее древний вид был бы **poršьkъ*), что наводит на мысль о неточности или ошибке. По нашему мнению, форма косвенного падежа *prüst'au* отражает соответствующую падежную форму от праслав. **pryskъ*, продолжения которого известны в ряде славянских языков как раз в значении 'жар, горячая зола', ср. польск. *prysk* 'жар, горячая зола', русск. *прыск* 'жар угольный, порск, особ. в кузнечном горну' (Даль), укр. *прúсок* (род. *прúску*) 'горячая зола с огнем' (Гринченко). Дальнейшая этимологическая принадлежность этого праславянского **pryskъ* к глагольному семейству **pryskati* / **bryzgati*, **pъrskati*, звукоподражательному по своему происхождению, не может ни у кого вызывать сомнения. Таким образом, в нашем случае с полаб. *prüst'au* речь идет не столько об этимологии, сколько об

---

[112] См.: Fraenkel I, стр. 586 (там же — литература).
[113] F. Hinze. Pomoranische Bezeichnungen des Marienkäfers im hinterpommerschen Plattdeutsch. — ZfS IX, 1964, стр. 351.
[114] Polański—Sehnert, стр. 117. — В материалах Роста эту форму не удалось обнаружить.

этимологической поправке к полабской лексикографии. Разумеется, мы отдаем себе отчет в особой сложности всех подобных вопросов для полабского, где этимология обязана действовать в тесном контакте с филологией и текстологией полабских письменных памятников. Полянский и Сеңерт сочли необходимым транслитерировать слово как *prüst'au*, причем с помощью знака *ü* они обычно передают звук, восходящий к древнему *о*, тогда как рефлекс древнего *у* передается обычно (в средней позиции) как дифтонгическое сочетание. Нам трудно сейчас решить, какие обстоятельства сыграли в отмеченном нами отклонении решающую роль, но сравнение и этимология как будто подсказывают здесь наиболее верный вывод. Словообразовательная характеристика и мотивация при нашем объяснении также представляются наиболее полными.

Полаб. *t'ösör* m. 'крупа, Grütze' признается Полянским и Сенертом как слово неизвестного происхождения: «origin unknown» [115], ср. еще и прилагательное полаб. *t'ösărenă* 'крупяная' (там же). Вместе с тем авторы дают для полабского существительного реконструированную древнюю форму: **kosorь*. На этом слове стоит задержаться, потому что оно интересно в словообразовательном и этимологическом отношениях не только само по себе, но также и тем, что, будучи словом довольно изолированным, оно, как кажется, может пролить свет на некоторые формы, широко распространенные в славянских языках. Прежде всего надо напомнить, что уже давно было указано на несомненное родство полабского названия каши, крупы и слав. *kaša*, русск. *каша* и т. д.[116] Для этого, правда, вовсе необязательно, как увидим далее, реконструировать для полаб. *t'ösör* праформу, максимально близкую к *kaša*, а именно **košorь*. Предварительное свидетельство о родстве слов **kaša* и **kosorь* (в праславянской реконструкции) можно усматривать, между прочим, в том факте, что полабский, зная слово **kosorь* и обладая нужными контекстами для употребления названия каши и крупы в своих памятниках, не знает слова **kaša*. В остальных славянских языках положение примерно обратное. Теперь о форме **kosorь*. Основным барьером на пути к этимологии этого слова в полабском является его оригинальное значение 'крупа, каша'. Если отвлечься на некоторое время от этого конкретного лексического значения, то сразу бросается в глаза разительная близость праполабского **kosorь* и таких слов, как ст.-слав. **косоръ**, болг. *кóсер* 'кривой садовый нож', сербохорв. *кȍсӣр* 'садовый нож, тесак для рубки сучьев, прутьев', диал. *kosor*, др.-русск.

---

115 Polański—Sehnert, стр. 156.

116 B. Szydłowska-Ceglowa. Zdobywanie i przygotowywanie żywności u Połabian. — «Studia z filologii polskiej i słowiańskiej», t. II. Warszawa, 1957, стр. 420, 432.

косоръ, *косорь*, русск. *косáрь*, *косы́рь*. Этимология и словообразование этого слова прозрачны: это производное от глагольной основы **kos*(*iti*) с суффиксами -*orъ*, -*orь*, -*erь*, -*arь*, -*yrъ*, обозначающее орудие для рубки, измельчения. Близость структуры и общее сходство этих слов и праполабского **kosorь* не случайны: мы считаем, что в последнем представлено этимологически и словообразовательно тождественное **kos-orь*, обозначающее на этот раз самый продукт измельчения. Такой принцип наименования, как знаем, положен и в основу других названий пшена, крупы в разных языках: слав. *krupa*, *pъšeno*, нем. *Grütze* и т. д. Крупа — это измельченное, порушенное зерно. Решив этим способом этимологию полаб. *t'ösör* (**kosorь*) и выявив ее ярко словообразовательный характер, мы должны вернуться к констатации родства **kosorь* и **kaša*, бегло высказанной выше. Эти оба слова действительно родственны, как справедливо отмечалось другими исследователями ранее, но признание их родства требует одновременно жесткого пересмотра всех известных этимологий слова **kaša*. Ясно, что форма **kosorь* может быть только производным с суффиксом -*orь* от глагольной основы **kos*(*iti*). Преимущественный, избирательный характер словообразовательной связи этого суффикса (или суффиксальной группы, см. выше) именно с этой ступенью корня **kes-*/**kos-* исключает всякую другую этимологию. Переходя к форме **kaša*, мы считаем возможным — в изменение своей прежней точки зрения об этимологии этого слова [117] — настаивать на родстве, словообразовательно-морфологической связи с **kos*(*iti*) также и для **kaša*. При этой связи вокализм и консонантизм формы **kaša* получают осмысление как функционально обусловленные особенности: продление корневого -*o*- в исходной глагольной основе **kos*-, знаменующее производный характер нового имени, и *j*-овый суффикс, служащий для той же цели: **kaša* < **kasja* [118]. Реально-семантическая мотивация уже упоминалась выше: крупа — это измельченное, порушенное зерно. Принципиальное различение между крупой и кашей из нее не было, видимо, обязательным, кашу обозначали названием для крупы, как это видно из сосуществования обоих значений — 'крупа' и 'каша' — у продолжений праслав. **kaša* в разных славянских языках. Естественно считать, что значение 'крупа, измельченное зерно' старше.

Полаб. *vrex* m. 'орех' считают возможным прямо увязывать с праславянской реконструкцией **orěxъ* [119], общей для всех про-

---

[117] См.: О. Н. Трубачев. Из истории названий каш в славянских языках. — «Slavia», ročn. XXIX, 1960, стр. 8.

[118] Слово *каша* увязывал с этимологически близким славянскому **kos(iti)* литовским *kasýti* 'скрести' еще Потебня (у Преображенского I, стр. 302). Позднее эта точка зрения оспаривалась.

[119] Polański—Sehnert, стр. 179.

чих славянских форм. Между тем реальные написания в полабских текстах (*frīg*, *wrech*, *wrêch*, *wrochay*) и обычные отражения начального *o-* в полабском (передаваемые Ростом через *vüö-*, а в Словаре Полянского—Сенерта — через *vi-*) препятствуют безоговорочному сближению полабского названия ореха и формы **orěxъ*. Как увидим далее, число неясных словообразовательных моментов, связанных с этимологизацией славянского названия ореха в литературе, не ограничивается сказанным. Достаточно будет указать на разницу в анлаутах между слав. **orěxъ* (русск. *opéx* и родств.) и ближайшего к нему лит. *ríešutas*, которая до сих пор остается необъясненной (имеющиеся в этимологических словарях и литературе глухие ссылки на заимствование данных слов как культурных терминов нельзя считать объяснением, тем более что перечисленные слова имеют все признаки народных славянских и балтийских названий, а вовсе не культурных терминов, под которыми надо понимать бродячие лексемы с широким, трудно ограничимым ареалом и стертыми признаками языкового происхождения). Отношение полаб. *vrex* и праслав. **orěxъ* мы трактуем как отношение одного приставочного образования к другому приставочному же образованию и вносим поправки в реконструкции, получая соответственно праполабское **vъrěxъ* и праславянское **o(b)rěxъ* (для прочих славянских). Тогда делается понятным и отношение славянских форм к балтийским, в частности к лит. *ríešutas*. Литовская форма не имеет префиксов, но зато обладает суффиксом, четко указывающим на ее производность (а не уменьшительность!). И в балтийском и в славянском название ореха получено путем словопроизводства от этимологически одной и той же основы, представленной в лит. *rìšti* 'связывать, развязывать' и в слав. **rěšiti* '(раз)вязать' (эти последние глаголы нельзя разрывать этимологически, несмотря на неясные моменты консонантизма). В лит. *ríešutas* 'орех' суффиксальное словопроизводство с помощью *-utas* от глагольной основы абсолютно аналогично лит. *degùtas* 'смола, деготь' — от глагола *dègti* с суффиксом *-utas*. В славянском мы имеем почти повсеместно префиксальный тип **o(b)rěxъ* (с судьбой префикса, аналогичной случаю **o(b)rǫžьje*) и локально — также префиксальное полабское *vrex* < **vъrěxъ*. Наша этимология — **obrěxъ*, **vъrěxъ* < < **rěšiti* и *riešutas* : *rišti* основана на том непреложном факте реального плана, что эти названия оформились в первую очередь как обозначения лесного ореха, лещины (Corylus), а плоды этого последнего произрастают характерными с в я з к а м и, кучками, ср. у Даля: гранкой зовут также сросшиеся в кучку русские орехи, как родятся они на одном общем стебле. И в этом последнем примере этимологизация полабского слова (проясняющая, как видим, и некоторые общеславянские вопросы) принимает специфически словообразовательное направление. Есть основания полагать, что прочие сближения наших названий ореха, не при-

водимые здесь, но легко доступные в известных этимологических словарях, не могут считаться достоверными.

В заключение настоящей заметки приведем еще список специфических в словообразовательном отношении полабских лексем в транскрипции Полянского—Сенерта и в праславянской реконструкции: *bezaikă* 'бегун' (**běžika*), *bledaićă* 'бледность' (**blědica*), *bǫkăr* 'выпь' (**bǫkarь*), *brąсaikă* 'музыкальный инструмент' (**bręčika*), *dověk* 'ястреб' (**davikъ*), *drizal* 'пояс' (**deržьlь?*), *d'ujěk* 'врач' (**gojikъ*), *gnevoi* мн. 'железы' (**gněvy*), *grauk* 'дерево груши' (**grukъ*), *xŕaud* 'бич; смычок' (**kr'udъ*), *x́audaićă* 'мелочь, что-либо нестоющее' (**xudica*), *jagraićă* 'игра' (**jьgrica*), *jeserâi* мн. 'ость колоса' (**esery*), *klanaikă* 'тот, кто бранится' (**klьnika*), *kort'ětüc* 'крот' (**korkotočь*), *laipaika* 'живодер' (**lupika*), *lâzaikă* 'лжец' (**lъžika*), *lozaikă* 'жаба' (**lazika*), *maudaikă* 'мелкая деталь сохи или плуга' (**mudika*), *ḿolě* прил. мн. 'мелкие' (**mělyji*), *pajaikă* 'пьяница' (**pijika*), *påknĕ* 'падает' (**pъknǫti*), *pąpil* 'овод, шмель' (**pęреlь*), *peraikă* 'прачка' (**perika*), *perdojaikă* м. 'торговец' (**perdajika*), *pǫkăvaićă* 'жерлянка огненная' (**pǫkavica*), *prül'otü* 'весна' (**prolěto*), *prüst'au* род. ед. м. (**pryskъ*), *skocaikă* м. 'жеребец' (**skačika*), *svait'örăk* 'синица' (**svikorъkъ*), *tâcaikă* м. 'ткач' (**tъčika*), *tribaikă* м. 'тот, кто грабит граблями' (**terbika*), *tücaikă* ж. 'крот' (**točika*), *t'ölât* 'доска' (**kolъtь*), *t'ösör* м. 'крупа, каша' (**kosorь*).

Поскольку ранее такой отбор для полабского как будто не производился, очевидно, что эти сведения, при всей их немногочисленности, представят интерес сами по себе. Но очевидно также и значение словообразовательной характеристики оригинальных образований полабского для более детального и точного представления о славянской перспективе и эволюции в целом. Вспомним о разысканиях имен деятеля с суффиксом *-ika* в славянских языках. Известно мнение, что этот тип словообразования утратил продуктивность в славянском [120]. В недавнее время эта проблема занимала двух исследователей болгарского словообразования. Некоторые соображения по этому поводу приведены в статье Славского, указывавшего на древнеболгарские (старославянские) **жжика, ближика** [121]. Мирчев, оставляя в стороне такие названия растений, как болг. *любика*, ср. *иглика*, *метлика* и др. (которые, естественно, не относятся к разряду имен деятеля), привел новые примеры из болгарского народного языка: *уходика* 'незамужняя девушка', *споенжика* 'близкая родственница' [122]. Но достаточно обратиться к нашему списку специфических полаб-

---

120 См.: W. Vondrák. Vergleichende slavische Grammatik, I, 1924, стр. 614.

121 F. Sławski. Słowotwórstwo bułgarskie na tle prasłowiańskim.— «Z polskich studiów slawistycznych», 2. Warszawa, 1963, стр. 79—90.

122 K. Mirčev. Zur bulgarischen Wortbildung. — «Die Welt der Slaven», Jg. XI, 1966, стр. 233 сл.

ских образований, чтобы относительная хронология активности типа имен деятеля на *-ika* в славянском приобрела несколько иной смысл, ср. праформы **běžika*, **bręčika*, **klьnika*, **lupika*, **lъžika*, **lazika*, **mudika*, **pijika*, **perika*, **perdajika*, **skačika*, **tъčika*, **terbika*, **točika*. Скудные остатки полабского языка, оказывается, обнаруживают настоящее богатство в области производных имен деятеля на *-ika*, говорящее о длительной продуктивности этого типа имен в полабском. Замечательно разнообразие основ и значений этих слов: здесь есть и названия разных животных (по активному качеству), названия орудий и, конечно, в первую очередь — названия занятий человека и различных его качеств, действий, пороков. Эти и аналогичные им образования, их историю и функции в разных славянских языках и диалектах, их взаимоотношения с омонимическими суффиксальными типами (названия растений на *-ika*/*-ica*) еще предстоит изучить, поскольку до сего времени проблема только затрагивалась и у исследователей не было всего материала и четкого представления о синхронном отношении типов (имена деятеля на *-ika*/*-ica* : названия растений на *-ika*/*-ica*) и о диахронической эволюции (*-ika* ⇄ *-ica*, а также возраст разных образований).

Перспективный способ изучения проблем такого рода — это исследование славянского словообразования в целом (или его фрагментов) через призму словообразования одного из славянских языков. Об этом свидетельствует, помимо опытов других ученых, также предпринятая нами выше попытка.

Ж. Ж. Варбот

ЗАМЕТКИ ПО СЛАВЯНСКОЙ ЭТИМОЛОГИИ

(укр. *кочубей*, русск. *настырный, измываться*)

Укр. *кочубей*

В диалектах украинского языка это слово обозначает жаворонка или один из видов этой птицы — хохлатого жаворонка: *кочубе́й*, *-бе́я* 'хохлатый жаворонок' (из кн.: «Народные южнорусские песни». Изд. А. Метлинского. Киев, 1854) [1], 'жаворонок', полесск. (Варовськ Іванківського району, Заруддя Поліського району, Соснівка Димерського району Київської обл.) [2]. В том же районе, где жаворонок называется *кочубей*, известно и *кочуба́рка* 'посміттюха', т. е. 'хохлатый жаворонок' (Варовськ Іванківського району Київської обл.) [3]. Другим славянским языкам эти слова, кажется, неизвестны.

Хохлатый жаворонок является одним из наиболее распространенных в Средней и Южной Европе видов этого семейства. Можно предполагать, что *кочубей* исконно обозначает именно данный вид и лишь вторично обобщается иногда как название других видов. Если исходить из первичности значения 'хохлатый жаворонок', то слово *кочубей* может быть истолковано как производное от *чуб* с приставкой *ко-* и суффиксом *-ей* (**-ejь*).

Одно из значений укр. *чуб* — 'хохолок у птиц' [4]. Известно это значение слова **čubъ* и в других славянских языках — чешском, словацком, причем слав. **čubъ* родственно немецкому *Kaupe* 'хохолок птицы' [5]. Наличие хохолка является достаточно броским отличительным признаком некоторых птиц, поэтому оно отмечается в украинских названиях чибиса и свиристеля: укр. *чуба́йка* 'эпитет пигалицы' (т. е. чибиса) и *чубак* 'свиристель европейский' [6] образованы от *чуб*. Следовательно, таким же образованием может быть и название хохлатого жаворонка.

Функции приставки *ko-/ka-* в славянских языках еще не определены. Она выделяется во многих отглагольных и отыменных

---

[1] Гринченко II, стр. 295.

[2] П. С. Лисенко. Словник діалектної лексики середнього і східного Полісся. Київ, 1961, стр. 37.

[3] Там же.

[4] Гринченко IV, стр. 473—474.

[5] Machek, стр. 77.

[6] Гринченко IV, стр. 474.

образованиях, в том числе в укр. *кáдовб*, *кáдуб*, *кáверза*, *коверзá*, *кóворот*[7]. О возможности приставки *ko-/ka-* в названиях птиц свидетельствует ст.-слав. **кагрълиčищь** 'pullus turturis' (к **gъrlica*)[8]. Во всех славянских языках эта приставка является архаизмом.

Суффикс **-ej-* в славянских языках присоединяется к именным основам и имеет различные функции: ср. словен. *drûžej*, *mâlej*, русск. *женя́* (при *жнец*)[9]. В украинском языке обычным рефлексом праславянского **-ej-* является *-ій*, но в некоторых образованиях возможно и *-ей*, например *торбéй*, *-ея* 'нищий' (от *торба*)[10], ср. особенно имена на *-ей*, зафиксированные в тех же районах, что и *кочубéй*: полесск. *плечéй*, *-чея́* 'широкоплечий человек' (Буда-Варовичі Поліського району Київської обл.)[11], *пузéй*, *-зéя* 'толстобрюхий человек' (Варовськ, Тетерівське Іванківського району; Заруддя, Кливини Поліського району Київської обл.)[12].

В полесском *кочубарка*, в отличие от *кочубей*, использован суффикс *-ар-* (с последующим присоединением *-ка*), очень продуктивный в украинском языке[13]. Можно предполагать, что как *-ej-*, так и *-ar-* являются поздними добавлениями к архаичной, возможно, — праславянской основе **kočub-*. Первоначальное значение этой основы — 'хохлатая, с хохолком (птица)'.

Здесь не рассматривается этимология фамилии *Кочубей*, представляющей самостоятельный интерес и, возможно, не связанной по происхождению с апеллативом *кочубей* 'хохлатый жаворонок'

Русск. *настырный*

Русск. *настырный* 'бойкий, смелый, дерзкий, наглый, бесстыжий' является диалектным словом, представленным в Тульской, Курской и Орловской областях[14], употребляется и в просторечии и, очевидно, связано определенным образом с укр. *настúрний*, *настúрливий* 'надоедливый'[15], 'назойливый, навязчивый, неот-

---

[7] См.: Фасмер II, стр. 153, 287, а также: A. Debeljak. O mrtvih velarnih predponah. — «Slavistična Revija», V—VII, 1954, стр. 169.

[8] F. V. Mareš. K metodice etymologického bádání: Etymologie některých slovanských pojmenování ptáků onomatopoického původu. — «Slavia», XXVI, 3, 1967, стр. 352.

[9] W. Vondrak. Vergleichende slavische Grammatik, I. Bd. 2. Aufl. Göttingen, 1924, стр. 516.

[10] R. Smal-Stockyj. Abriss der ukrainischen Substantivbildung. Wien, 1915, стр. 9; Гринченко IV, стр. 275.

[11] П. С. Лисенко. Указ. соч., стр. 52.

[12] Там же, стр. 56.

[13] R. Smal-Stockyj. Указ. соч., стр. 29—31.

[14] Даль[3] II, стб. 1244; Опыт, стр. 124.

[15] Гринченко II, стр. 523.

вязный, неотвязчивый, наянливый, неотступный'[16]. В пределах русской лексики *настырный* могло бы быть сопоставлено с диал. *стырить* 'клянчить, надоедать просьбами, насмешками, насмехаться, отпускать остроты на чей-либо счет' олон., 'спорить, упрямиться' волог., перм., 'возражать с грубостью' иркут., якут., 'быть неразвязным, неповоротливым' пенз., 'нескладно, глупо говорить' тамб., 'смотреть куда-либо с удивлением' псков.[17] Однако *стырить* и *настырный*, судя по данным словарей, не встречаются в одном и том же говоре, что ставит их родство под сомнение.

Если обратиться к укр. *настúрний* (оставив пока в стороне русск. *настырный*), то следует учесть, что украинское *и* может восходить этимологически не только к **y*, но и к **i*. В последнем случае *настúрний* хорошо толкуется как производное от сохранившегося в говорах глагола *настирáтися* 'домогаться, добиваться'[18], который родствен диал. *натирáти* '1) натирать, 2) напирать, 3) настаивать, докучать' («Не *натирай*, бо бачиш, що ніколи» Брацлав.)[19] и является итеративом от глагола **terti, tьrǫ*: ср. укр. диал. *настéрло* 'припало, загорелось, приспичило, захотелось' (Сказки, пословицы и т. п., записанные в Екатеринославской и Харьковской губ. И. И. Манжурою) и «Це вже я *настерся*, щоб більшу (хату) робили» (Миргор.)[20].

Глагол **terti, tьrǫ* и производные от него развивают в славянских языках широкий круг вторичных значений, производных от 'тереть'. Так, в старославянском и древнерусском языке появляются значения 'мучить(ся), истязать(ся)': *сътьрѣти* 'сокрушать, печалить' (Пандекты Антиоха)[21], *сътирати* 'истязать, мучить' (Служебная минея за октябрь по списку 1096 г.)[22]; ср. также словоупотребление: «По недѣлю съѣзжався и розъѣхашася розно, а управѣ не учинивше никоея же, толко сами *стерлися*» (Псковская I летопись, 6981 г.)[23]. Близкое значение известно словацкому: *natriet'sa* — 'вытерпеть, перенести (голод, беду)'[24]. Значение 'напирать, домогаться', вероятно, близко как первичному 'тереть', так и вторичному 'мучить' и известно производным от **terti, tьrǫ* не только в украинском языке, но и в других славянских языках: польск. *nacierać na koga* 'наседать на

[16] «Украинско-русский словарь». Гл. ред. И. Н. Кириченко, II. Киев, 1958, стр. 657—658.

[17] Куликовский, стр. 115; Опыт, стр. 218; Даль³ IV, стб. 604.

[18] Гринченко II, стр. 523.

[19] Там же, стр. 526.

[20] Там же, стр. 523.

[21] Срезневский III, стб. 848.

[22] Там же, стб. 843.

[23] Там же, стб. 848 (статья сътрѣтисѧ).

[24] «Slovník slovenského jazyka». Ved. red. dr. Št Peciar, II. Bratislava, 1960, стр. 299.

кого-либо, усиленно просить, домогаться от кого-либо'[25], слвц. *dotierat'* 'настаивать, приставать, быть неотвязчивым', *dotierat' sa* 'навязаться, насильно напрашиваться'[26], чеш. диал. *dotřít se k něčemu* 'добиться чего-нибудь хитростью, пронырством'[27], литер. *dotírati* 'приставать, придираться', *dotěra* 'нахал', *dotěrný* 'нахальный, докучливый, назойливый'[28], с.-хорв. *nàtjerati* 'принудить, заставить, приневолить'[29].

Связь чешских *dotřít se* (*k něčemu*)—*dotírati*—*dotěrný* представляет особенно яркую параллель к укр. *настерло—настиратися—настирний*. Поскольку укр. *настирний* получает, таким образом, объяснение в кругу производных от глагола **terti, tьrǫ* при условии происхождения корневого *и* < **i*, отношения родства между укр. *настирний* и русск. *настырный* становятся невозможными. Если учесть территорию распространения русск. *настырный* — Тульская, Курская и Орловская области, то реальным представляется предположение о его заимствовании из украинского языка.

Что касается русск. диал. *стырить*, то его происхождение считается неясным[30]. Кажется, и в данном случае небезынтересны данные украинского языка, хотя, разумеется, можно высказать лишь предположение.

Укр. *стúрити* имеет значение 'управлять кормилом судна'[31] и бесспорно связано со *стúрник, стернúк* 'кормчий, кормщик' и *стернó* 'большое весло на корме у барки, которым управляет кормщик, вместо руля'[32]. Вероятно, от *стирити* образованы *пидстирити* 'подводить, подстрекать' и *стира* — ср. «*стира* подстирила»[33].

Русские говоры знают слова *стырь, стыр* и производные от них в различных значениях: *стырь* 'стерно, копец, кормило' стар., 'кол' пск.[34], 'втулка, вставляемая в дно дошника' олон.[35], *стыр* 'сердечник, курок, шворень, штырь' тамб., 'щегла, дерево, мачта' волж., псков.[36], 'палка, всаживаемая вплоть до дна в чан, кадку или обрез с рубленою капустою, толченою репою или наливными ягодами, — для того, чтобы дно чана крепко держалось в клеп-

---

[25] Karłowicz—Kryński—Niedźwiedzki III, стр. 190, 21.
[26] «Slovník slovenského jazyka», I. Bratislava, 1959, стр. 313.
[27] F. Bartoš. Dialektický slovník moravský. Praha, 1906, стр. 63.
[28] PSJČ I, стр. 521.
[29] RJA VII, стр. 688—689.
[30] Vasmer III, стр. 36.
[31] П. Білецький-Носенко. Словник української мови. Київ, 1966, стр. 341.
[32] Там же; Гринченко IV, стр. 203—204. *Стерно* заимствовано через польское посредство из немецкого (см.: Vasmer III, стр. 13—14).
[33] П. Білецький-Носенко. Указ. соч., стр. 341.
[34] Даль³ IV, стб. 605.
[35] Куликовский, стр. 115.
[36] Даль³ IV, стб. 605.

ках' арх.[37], 'средечник, шкворень у телеги' твер.[38], *стырок* 'шпенек' [39]. Значение 'кол' для *стырь* представлено с XVI в.[40]

Если в украинском языке на основе имени со значением 'кормило, руль' было образовано *стирити* 'управлять кормилом судна' и затем *подстирити* 'подводить, подстрекать', то можно предположить, что в русских говорах на основе преобладающего значения *стырь/стыр* 'кол, палка' (преимущественно неподвижно закрепленные) производный глагол *стырить* получил значение 'быть неповоротливым, упираться, упрямиться' > 'надоедать просьбами, насмешками' и т. д. (см. выше значения *стырить* по говорам).

Русск. *измываться*

Глагол *измыва́ться* (*над кем-либо*) 'издеваться, насмехаться' известен русскому литературному языку и некоторым говорам: рязанским, калужским [41]. В псковских, тверских и донских говорах употребляется *смыва́ться* [42], в старожильческих говорах Прибалтики — *надмываться* [43]. Следовательно, речь идет о приставочных образованиях с корнем *-мыв-*. Приставки *из-* и *с-* в русском языке довольно часто выступают как синонимичные, образующие глаголы совершенного вида (ср. *изготовить—сготовить*, *издохнуть—сдохнуть*, *измять—смять*, *износить—сносить*, а также др.-русск. *изгорѣти—съгорѣти*, *издѣватися—съдѣватися*, *изискати—съискати*, *изломити—съломити* [44]); приставка *над-* воспроизводит характерное для глагола *измываться* управление: *измываться над кем-либо*. Относительно корня глагола *измываться* существует предположение о его родстве с глаголом *мычать*, причем со ссылкой на структуру чеш. *mýjati* 'мычать' [45]. Против этого предположения, однако, свидетельствует отсутствие в русском языке формы корня **myv-/*myj-* 'мычать' при позднем появлении глагола *измываться* (судя по данным картотек древнерусского словаря Института русского языка, впервые зафиксировано в конце XVII в., см. ниже). Поэтому правомерны попытки

---

[37] Подвысоцкий, стр. 167.

[38] Опыт, стр. 218.

[39] Даль[3] IV, стб. 605. Русск. *стырь* также является германским заимствованием (см.: Vasmer III, стр. 36).

[40] Срезневский III, стб. 583.

[41] Даль[3] II, стб. 58; Опыт, стр. 74.

[42] Даль[3] IV, стб. 306; Миртов, стр. 301.

[43] В. Н. Немченко, А. И. Синица, Т. Ф. Мурникова. Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. Под ред. М. Ф. Семеновой. Рига, 1963, стр. 164.

[44] Срезневский I, стб. 1053, 1057, 1059, 1062; II, стб. 691, 702, 712, 738.

[45] Фасмер II, стр. 122.

иного истолкования происхождения глагола *измываться*. Представляется возможным его родство с глаголом *мыть*, при условии развития значения 'мыть, обмывать' > 'колдовать, обмывая' > 'издеваться' в связи с магией воды и историей религиозных воззрений русского народа.

Наряду с другими природными стихиями, славяне-язычники обожествляли и воду. Следами этого обожествления являются различные обрядовые игры типа русалий и традиционное почтительное отношение к воде [46]. Обожествление воды в сочетании с ее природными свойствами лежит в основе языческого восприятия воды как целительной, магической силы, способной очистить и защитить от злых чар, от уроков и сглаза, от болезней и опасностей настоящих и будущих. Христианство, подавляя проявления языческого обожествления воды, одновременно само способствовало упрочению веры в ее магическую, очистительную силу [47]. Этим объясняется, вероятно, особая стойкость магии воды в различных обрядах — свадебных, похоронных [48], обрядах, связанных с рождением, а особенно — в народном врачевании.

Преследование знахарей со стороны официальной церкви, условия преимущественно устной передачи заговоров, поздняя запись, утрата в ряде случаев непосредственной связи между текстом заговора и магическими действиями знахаря, забвение самих действий — все это затрудняет реконструкцию более или менее полной картины очистительных и предохранительных обрядов с применением воды, однако и на основании имеющихся этнографических данных можно сделать вывод, что бóльшая часть заговоров, предназначенных для предохранения или очищения человека и его имущества от порчи, болезней и несчастий, связана с магическим применением воды.

Иногда умывание играло, вероятно, второстепенную роль в обряде, но показательно его упоминание в тексте заговора. Типично, например, такое начало заговора: «Стану я, . . . благословясь и перекрестясь, свежею, холодною, ключевою водою *умоюсь* . . .» [49]. В других случаях умывание не упоминается в тексте заговора, но заговор рекомендуется произносить рядом с водой и «потом

---

[46] См.: С. А. Токарев. Религиозные верования восточнославянских народов XIX—начала XX в. М.—Л., 1957; Д. К. Зеленин. Очерки русской мифологии. Пг., 1916 (далее — Зеленин); «Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край. Юго-западный отдел. Материалы и исследования, собранные П. П. Чубинским», т. I. СПб., 1872, стр. 41—42 (далее — Чубинский).

[47] А. Ветухов. Заговоры, заклинания, обереги и другие виды народного врачевания, основанные на вере в силу слова. Варшава, 1907, стр. 188 (далее — Ветухов).

[48] J. Vahros. Zur Geschichte und Folklore der grossrussischen Sauna. Helsinki, 1966; Зеленин (особенно стр. 66—82).

[49] Н. Виноградов. Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч., вып. I. СПб., 1908 (=ЖСт 1907, вып. I—II), стр. 46, 66 (записи из Костромской и Вологодской обл.). Далее — Виноградов I.

умыться сею водою» [50], или, например, предусматривается обмывание больного ребенка над горшком с его одеждой, горшок несут к реке, бросают в воду и тогда читают заговор [51]. Обмывают, моют или умывают детей от сглазу и от болезни [52], моют заговоренной водой для остановления крови и от укуса змеи [53], от сухоты [54]. Ср. присказку при окачивании в бане: «с гуся вода, с тебя худоба, на пустой лес, на большую воду» (то же при спрыскивании водою в случае болезни) [55].

Особая целебная и очистительная сила приписывается непочатой воде (первой воде, взятой из колодца с утра) и воде, собранной из нескольких (обычно трех) источников (рек, ключей) с соблюдением ряда условий (собирать воду на заре, идти молча, не кланяясь, не отвечая на приветствия и не оглядываясь, иногда — непременно натощак) [56]. Этой водой обмывают или окропляют больного (или имущество), читая заговор.

В тех случаях, когда действие обливания, обмывания упоминается в тексте заговора, оно обозначается как *смывать*, *обмывать*, *умывать*, *измывать*, например: «Пойду я . . . с озера на озеро, с реки на реку, с ключа на ключ. В тех озерах и в реках, и на ключах вода живая, текучая и палючая. Той водой обливаю и окропляю я, . . . пенья и колоды, сухие кочки и белые камни; *смываю* и снимаю всякую нечистоту и щерботу. Еще же *умою* и окропляю . . . младенца . . . от худой худобы, от хворой хворости, от лихой лихости. . .» [57]; «Царица-водзица . . . омываешь ты крутые берега, желтые пески, сырые коренья, шерый камень, — *омывай*, *очищай* у (имя) на чем ему уроцы схватились» [58]; «Царица водзица с под утренней зари и с под вечерней зари, серый камень обмывала, круты бережка сцирала. Раб Федор рукой своей воду браў, рабу Алену *измаваў* от всякого глаза, от всякого часа избавляў . . .» [59]; «Как ты, река-матица. . ., смываешь и обмываешь свои крутые, красны бережка с вершины и до устья, а с устья сносишь во сине море, так ты, река-матка, *смывай* и *обмывай* мои ставушки, мои ловушки, с них уроки, призоры, встречи, перебеги, поспехи,

---

[50] Виноградов I, стр. 50 (записи из Костромской обл.).

[51] Встухов, стр. 418.

[52] П. В. Шейн. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, т. III. СПб., 1902, стр. 78, 288 (записи из Гродненской обл.); П. Ефименко. Малороссийские заклинания (место и год издания неизвестны), стр. 25—28 (далее — Ефименко).

[53] П. В. Шейн. Материалы. . ., т. II. СПб., 1893, стр. 539, 549—550 (записи из Смоленской обл.), далее — Шейн II.

[54] Чубинский, стр. 123.

[55] Даль³ IV, стб. 1243.

[56] Виноградов I, стр. 94—95 (запись из Костромской обл.); Чубинский, стр. 42—43.

[57] Виноградов I, стр. 94—95 (запись из Костромской обл.).

[58] Шейн II, стр. 535—536 (запись из Витебской обл.)

[59] Шейн II, стр. 533 (запись из Смоленской обл.)

злые и лихие оговоры. . .» [60]. Последний заговор особенно интересен, так как в списке ему предшествует рекомендательная запись: «Когда нитку или ловушку *смываешь*, или снасть какую, говори трою по реке. . .» Итак, обряд излечения или очищения при помощи воды обозначался словом *смывать* (реже *измывать*, *обмывать*).

Аналогичным образом обозначаются и некоторые другие обряды с применением воды: например, колымск. *размува́ть руки* — «повитуха с родильницей *размывают руки* на девятый день после родов водою, в которую брошено несколько серебряных монет» [61]; арх. *смыть тоску* — «по окончании поминок в доме покойника в день похорон, все члены семейства его моются в бане и потом окачиваются водою, в которую знахарка . . . всыпает, с известными нашептываниями, принесенную с могилы покойника землю, — для того, чтобы *смыть тоску*, унять тоску» [62]. Близкое словоупотребление известно также чешскому языку: болезни там также «*byly smývány*» [63], существует обряд *smývánky*, *smývat vínky* (на третий день после крещения ребенка) [64]. В польском языке в связи с магическим обрядом умывания водой, в которую бросали серебряные монеты или другие предметы (чтобы приобрести желаемое — красоту, богатство), появилось выражение *umywać się czemu*, *komu* или *do czego*, *do kogo* 'быть похожим (на кого-либо)' [65].

Реже для обозначения обрядов, связанных с очищением водой, используется глагол *лить*: например, *вы́лить переполох*, ср. чеш. диал. *oblévačka* 'народный обычай, состоящий в том, что молодые люди поливают друг друга водой' [66].

Как и всякое магическое действие, смывание могло, вероятно, иметь своей целью не только исцеление, очищение, но и обратное — наведение, насылку порчи, болезни на недруга, причем часто это были действия взаимно связанные. Так, в конце заговоров обычна формула отсылки болезней и уроков, типа: «*подите* вы, уроки, *на* сороки, на луга, на очерета, на болота, за моря» [67]; «*отыди на* непроходную землю и на безводную, и не деланную, на ней же человек не живет» [68]. В записях, сопровождающих текст заговора, часто рекомендуется воду, которою обмывали боль-

---

[60] Виноградов I, стр. 69 (запись из Вологодской обл.).
[61] Богораз, стр. 124.
[62] Подвысоцкий, стр. 174.
[63] Machek, стр. 315 (статья mze).
[64] F. Bartoš. Naše děti. Praha, 1951, стр. 15.
[65] St. Ciszewski. Umywać się czemu, komu albo do czego, do kogo. — JP 12, 1927, стр. 42—44.
[66] PSJČ III, стр. 707.
[67] Ветухов, стр. 191.
[68] Н. Виноградов. Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч., вып. II. СПб., 1909, (=ЖСт. 1908, вып. I—IV), стр. 17 (запись из Костромской обл.).

ного, вылить в «глухую сторону» [69]. Но нередко отмечается также, что от болезни можно избавиться, передав ее другому человеку [70], причем для этого достаточно воду, которой обмывали больного, вылить к чужому дому [71]. Особенно интересно выражение *zmywać się na kogo* в польских говорах по Ломнице: оно обозначает обряд обливания, сопровождающегося произнесением заговора, с целью наслать порчу на недруга [72].

Употребление глагола *смывать* в значении 'ворожить, обмывая или обливая водой' зафиксировано в древнерусских памятниках начиная с XI в.: Не боуди баꙗ, ни *съмываꙗ*, съна си не вражи, ни птицами гатаи (Изборник 1073, л. 94) [73]; Скарѣдаꙗ творѧ... обавникъ мѧтежникъ. чародѣї скомрахъ. ѡузолнїкъ *смываꙗ* ї члвкы. въ птичь граи вѣруꙗ ї баснемъ сказатель... (Рязанская Кормчая 1284 г.. л. 51а-б) [74]; Аще кто волъхвомъ їли обавникомъ їли узолникомъ. дроугымъ таковымъ себе вдасть и призываеть сию в домъ свои. да ѿкрыѥ тьму. и повѣдꙗть о нихъ же желани їмать їли очаровану ему бывшю. обрѣсти хотѧ таковоѥ или *смыти* ꙗко зломъ злоѥ ицѣлѧꙗ ·г· лѣт да припадають (Рязанская Кормчая 1284 г., л.65 г.; близкий текст — в Варсонофиевской Кормчей XIV в., л. 45б) [75]; Блудникъ, обавникъ,... узолникъ, *смывая* человѣкы,... баснемъ сказатель,... во птици и гады загадывая, таковіи на лѣта отлучатся отъ причастіа, аще покаются (Святительское поучение духовенству и мирянам, XV в.; близкий текст — в Кормчей Балашова, перв. четв. XV в., л. 45) [76]; *Смываю* с собѧ худость и умываю на собѧ хорошество и лѣпоту (Сборник заговоров XVII в., л. 30) [77]. Знахарки, занимавшиеся смыванием, назывались *смывалеи*: непреподобне приводити себѣ на помощъ и къ дѣткамъ своимъ мужеи презлыхъ чаровниковъ и бабъ *смывалеи* и шептунеи и иными различными чары чарующихъ (История о великом князе Московском, л. 132 и 292) [78].

Е. Елеонская, исследовавшая историю заговоров и колдовства в России XVII и XVIII вв. на материале судебных дел, отмечает широкое распространение заговоров среди различных сословий: «Достаточно составить краткий перечень лиц, упоминаемых

---

[69] Ефименко, стр. 25—28.
[70] Чубинский, стр. 112.
[71] Ветухов, стр. 362; J. Schnaider. Z życia górali nadłomnickich.—«Lud» XVIII, 1913, стр. 178.
[72] J. Schnaider. Указ. соч., стр. 176.
[73] Срезневский III, стб. 755.
[74] Картотека словаря древнерусского языка XI—XIV вв. Институт русского языка АН СССР.
[75] Там же.
[76] Картотека древнерусского словаря XV—XVII вв. Институт русского языка АН СССР.
[77] Там же.
[78] Там же.

судебными делами, как хранителей заговорного знания, чтобы убедиться, как оно было распространено в разных сословиях: дворцовая боярыня, священник, скотник, боярский сын, работница — все запасались волшебным орудием и при случае пользовались им» [79]. Судя по протоколам судебных дел, приведенным в вышеупомянутом труде П. П. Чубинского, даже в начале XVIII в. была распространена вера в колдовство путем обливания (тяжба в ряде случаев ведется из-за того, что один из соседей вылил что-то на двор другого, причем в семье последнего затем кто-то заболел) [80]. Однако Елеонская считает XVII век последним временем значительности колдовства и заговоров [81].

Официальная церковь боролась с языческим знахарством начиная с крещения Руси (см. приведенные выше тексты Кормчих). Можно думать, что в XVII в., на рубеже затухания колдовства и заговоров (известных в XIX в. уже в реликтовом состоянии), соединение официальной точки зрения на смывание как на вредное и греховное действие, с одной стороны, и остатков веры в возможность причинить вред путем обливания, с другой стороны, явилось основанием для появления нового значения глагола *смывать/измывать* — 'причинять вред, издеваться' (ср. историю фразеологизмов *зубы заговаривать* и *перемывать косточки*, также возникших из лексики знахарства и колдовства [82]).

Впервые глагол *измываться* зафиксирован в конце XVII в.: Так то учители надъ людми тѣми наругаются и честнѣйшими лицами окаяннiи *измываются* (Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей. Вновь найденный старообрядческий трактат против самосожжения 1691 г. Сообщение Х. Лопарева. СПб., 1895, л. 50) [83]. В приведенных выше текстах заговоров для обозначения направления пересылки болезней и уроков используется предлог *на*; аналогично и польск. *zmywać się na kogo*. Поэтому и для глагола *измываться* можно было бы ожидать управления *на кого-либо*, тогда как употребляется лишь *над кем-либо*. В замене управления могли иметь значение два рода отношений. Во-первых, известна генетическая вторичность *над* по отношению к *на* и вариантность в употреблении *на* и *над* как в качестве предлогов, так и в роли приставок (ср. др.-русск. *нагънати—надъгънати*, *належати—надълежати*, *наломити—надъломити*, *настичи—надъстигнути* [84]). Во-вторых, суще-

[79] Е. Елеонская. Заговор и колдовство на Руси в XVII и XVIII столетиях. — «Русский Архив», 1912, кн. 4, стр. 616.

[80] Чубинский, стр. 396, 434—435, 437—438.

[81] Е. Елеонская. Указ. соч., стр. 624.

[82] В. В. Виноградов. Из истории русской лексики и фразеологии. I. История выражения «перемывать косточки». — «Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР», VI. М., 1954, стр. 3—14.

[83] Картотека древнерусского словаря XV—XVII вв. Институт русского языка АН СССР.

[84] Срезневский II, стб. 275, 281; 295, 282; 297, 282; 336, 283.

ственно включение глагола *измываться* 'издеваться' в группу синонимичных глаголов с управлением *над*: *издеваться*, *глумиться*, *изгаляться*, *насмехаться*. Влиянием синонимичных глаголов может объясняться и возвратная форма глагола *измываться*.

В связи с вопросом о происхождении глагола *измываться* следует упомянуть группу диалектных слов, близких этому глаголу и формально, и семантически: прибалт. *зу́бы мыть* 'лясы точить' [85], урал. *обмывать зубы* 'смеяться, улыбаться' [86], *зубомо́й* 'насмешник' [87]. Источником этих выражений является образное употребление глагола *мыть* ('обнажать') и семантическая модель того типа, который лежит в основе выражений *скалить зубы*, *зубоскал*. Представляется, что история глагола *измываться* не связана с этими словами.

---

[85] В. Н. Немченко, А. И. Синица, Т. Ф. Мурникова. Указ. соч., стр. 110.

[86] Опыт, стр. 133.

[87] «Словарь русских говоров Среднего Урала», I. Свердловск, 1964, стр. 196.

В. А. Меркулова

ЗАМЕТКИ ПО ИСТОРИИ И ЭТИМОЛОГИИ СЛОВ

замурзанный

В русском просторечии встречается достаточное количество слов, лишенных родственных связей (ср. *оголтелый*, *валандаться*, *обры́дло* и приведенное выше *заму́рзанный*). Как правило, это слова, принесенные в литературный язык из диалектов или других славянских языков в качестве компонентов устойчивых словосочетаний или экспрессивных вариантов, в отрыве от гнезда родственных слов. Слово *замурзанный* значит 'запачканный' (ласкательно, чаще всего по отношению к ребенку). В Академическом словаре русского языка это слово отсутствует, нет его и в словаре Фасмера. Как уже говорилось выше, родственных образований в литературном языке слово не имеет. Между тем таковые есть в говорах: *му́рза* 'грязнуля, замарашка' (в русских говорах Прибалтики [1], в говорах Калининской, Владимирской, Ярославской, Московской областей) [2]. В Дополнении к Опыту областного великорусского словаря дается очень точное определение слова *му́рза* 'дитя веселое, собою хорошее, но запачканное'. Кроме этой формы, есть еще прилагательное *мурза́тый* 'с запачканным лицом' [3] и глагол *му́рзиться* 'пачкаться' [4]. Приставочные образования с этой основой представлены только в псковских и осташковских говорах — *заму́рза*, *замурза́йка* 'замарашка', *заму́рзаться* 'запачкаться': Эк я *замурзалась* как, словно с печи вылезла [5].

В белорусском языке и в русских говорах с белорусской основой (смоленских и брянских) эти слова распространены очень широко: *абму́рзаны* 'выпачканный чем-нибудь', *абмурза́цца* 'выпачкаться, выпачкать лицо', *заму́рзаны* 'вымазавшийся', *замур-*

---

1 Ты—*му́рза*, нав'э́рна дз'в'э́ н'адз'э́л'и н'а мы́лс'а (В. Н. Немченко, А. И. Синица, Т. Ф. Мурникова. Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. Рига, 1963, стр. 158).

2 Дополнение к Опыту, стр. 119.

3 В. Н. Немченко, А. И. Синица, Т. Ф. Мурникова. Указ. соч., стр. 158; в говорах Себежского р-на Великолукской обл. — Картотека Словаря русских народных говоров (в Ленинграде).

4 Свердл. Картотека Словаря русских народных говоров (в Ленинграде).

5 Дополнение к Опыту, стр. 59; Даль[3] I, стб. 1512.

зацца 'выпачкаться' [6]; *замурзана* 'замарашка', *замурзакаться* 'загрязниться' [7]; блр. *замурзаць*, *замурзываць* 'запачкать' (говорится о лице), *замурзаный* 'запачканный, замазанный': У дзицяти уся тварь *замурзана* [8]. Столь же обширно это гнездо слов в украинском языке: *мурза* 'їжа, приготовлена з ягід черниць, груш, маку і цукру', *мурзатий* 'замурзаний' [9]; *замурза* разг. 'замарашка', *замурзати* 'запачканный, выпачканный, испачканный, обмазанный, чумазый, грязный': А весела, *замурзана* солодким соком дітвора [10]; *Замурзана* така сказано — дитина чи їсть, чи п'є, то по грудях тече; а там мокре таке полізе на двір і бавиться в поросі [11].

Любопытно, что та же группа слов, как заимствованная из славянского источника, представлена в литовском языке: *murzinas* 'грязный, чумазый' *murzinti* 'грязнить, марать', *murzintis* 'грязниться, мараться' [12].

Территория распространения этих слов — белорусский, украинский, литовский языки и смежные с ними русские говоры — наталкивает на мысль о необходимости искать для них польский источник. И действительно, мы имеем польск. *murzać*, *murzyć* 'brudzić, walać, smolić, czernić, plamić, morusać' [13] и производные: *murzanie*, *murzenie*, *murzaty*, *murzіasty*, *murzeczka*; *murza*, *murdza* 'człowiek zamorusany, uczerniony, brudas, niechluj'; 'dziecko z twarzą uwalaną' [14]. Все эти слова семантически производны от слова *murzyn* 'człowiek rasy czarnej, Negr' [15]. Последнее, по мнению Брюкнера, является заимствованием из латинского *maurus* через немецкое посредство [16].

Таким образом, эпицентр распространения этой группы слов находится в Польше. На территории бывшего Польско-Литовского государства представлены все производные формы и значения, но отсутствует основное слово *murzyn* 'негр', с удалением от центра активность значительно падает, и в среднерусских говорах (но все же подверженных польскому влиянию) эта же группа слов представлена только частично, отдельными образованиями.

---

[6] П. А. Расторгуев. Словарь народных говоров Западной Брянщины (рукопись), стр. 9, 183.
[7] Смол. Даль[3] I, стб. 1512.
[8] Носович, стр. 175.
[9] А. С. Лысенко. Словарь диалектной лексики северной Житомирщины. — «Славянская лексикография и лексикология». М., 1966, стр. 35, 36.
[10] «Українсько-російський словник», т. II. Київ, 1958, стр. 84.
[11] Гринченко II, стр. 70.
[12] M. Niedermann, A. Senn. Wörterbuch der litauischen Schriftsprache, II. Heidelberg, 1951, стр. 111.
[13] Karłowicz—Kryński—Niedźwiedzki II, стр. 1072.
[14] Там же, стр. 1072—1073.
[15] Там же.
[16] Brückner, стр. 348.

Несмотря на наличие в говоре Московской обл. слова *мýрза* 'грязнуля', источник литературного *замýрзанный* скорее всего следует искать в украинском или белорусском языке, где существует именно эта форма слова [17].

козны

Еще недавно широко распространенная игра в кости носит в русских говорах два основных наименования: *бабки* и *кóзны* [18]. Для нас представляет интерес второе наименование, хотя и нелитературное [19], но представленное по говорам столь же широко, как и термин *бабки*. Слово *кóзны* отмечено в говорах Псковской, Калининской, Архангельской, б. Олонецкой, Ярославской, Владимирской, Вологодской, Курской, Калужской, Тульской, Смоленской, Тамбовской, Пензенской областей, на Дону, в говорах Урала и Сибири [20], иными словами, почти на всей территории России.

Сохраняя устойчиво семантику, слово значительно варьируется формально. Зафиксированы следующие варианты: *кóзон*, *кóзан*, *кóзен*, *кóзень*, *козён*, *козн* м. р., *кóзна* ж. р. при мн. ч. *кóзны*, *кóзни*, *козéнья*, форма уменьшительности *козонóк*, *козанóк*, *казанóк*, *козунóк*, *козенóк* при мн. ч. *козонкú*, *казанкú*, *козенкú*. Отмечено несколько искаженных форм или таких, в которых отчетливо видно влияние аналогии: *козлóк*, *козлы́*, *казáн*, *казей* и *козáт*.

Наибольшую частоту употребления имеет форма *кóзон* при мн. *кóзны*.

---

[17] Возможно, что к этому же гнезду слов примыкает распространенная кличка кота *Мурзик*, ср. польск. *murzyk* 'nazwa psa o pysku czarniawym', хотя не исключено и другое объяснение этого слова.

[18] Терминология этой игры довольно обширна: здесь и узкоместные названия этой игры — *касатки*, *лодыжки*, *костыги*, *чинки*, *шашки*, *чмýка*, *шмýка*, *альчики*, *айданчики*, *папки*, и названия биты — *битка*, *битóк*, *боец*, *панок*, *папóк*, *гвоздырь*, *бабура*, *сака*, *сочкá*, и наименования различных положений бабки при жеребьевке — *цыка*, *ды́ра*, *клоча*, *сайга*, *жога*, *жох*, *ничка*, *плоцка*, *сак*, *молоха*, *чик*, *бук*, *талá*, *арцá*, *кастá*, *пáца*, *бока*, *шляк*, *баска*.

[19] Тем не менее зафиксированное в Академическом словаре русского языка (т. 5, стр. 1120).

[20] Д а л ь[3] II, стб. 333—334; П о д в ы с о ц к и й, стр. 68; А. Г р а н д и л е в с к и й. Родина М. В. Ломоносова. Областной крестьянский говор. — Сб. ОРЯС, т. 83, № 5, 1907, стр. 15; К у л и к о в с к и й, стр. 38; В. В о л о ц к и й. Сборник материалов для изучения Ростовского (Ярославской губ.) говора. — Сб. ОРЯС, т. 72, № 3, 1902, стр. 29; С. А. К о п о р с к и й. О говоре севера Пошехоно-Володарского уезда Ярославской губ. — «Тр. Яросл. ПИ», 1929, т. II, вып. 3, стр. 127; Г. Г. М е л ь н и ч е н к о. Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961, стр. 89; Дополнение к Опыту, стр. 83; Н. С у р о в ц е в. Список слов особливых Вологодской губернии. — «Тр. Общ. любит. росс. словесн.», 1822, ч. I, стр. 18; Е. Ф. Б у д д е. О некоторых народных говорах в Тульской и Калужской губерниях. — ИОРЯС, 1898, т. III, кн. 3, стр. 859; А. М и р т о в. Донской словарь. Ростов на/Д, 1929, стб. 140.

Фактически слово не имеет этимологии, так как указание Фасмера на тюрк. *kazyk* как на возможный источник русск. диал. *казей* [21] не объясняет ни форм, ни широты распространения слова.

Значение 'игра в кости', 'кости для игры' у слова не первично, оно производно от значения 'надкопытный сустав ноги рогатого скота'. Такая двойственность значений наблюдается повсеместно, ср. аналогичное *бабка* 'кость для игры', *бабка* 'надкопытный сустав лошади'. Возможно, что первоначально разграничение терминов *бабки* и *кóзны* проходило именно в этом пункте: *бабки* 'надкопытные кости лошади', *кóзны* 'надкопытные говяжьи кости'.

Но кроме того, слово *кóзны*, *козонки́* в говорах Архангельской [22], Пермской областей [23], Урала [24] и Сибири [25] означает еще суставы пальцев рук и ног человека и «ручную щиколодку, костяную шишку под запястьем, со стороны мизинца на локтевой кости» [26]. Иными словами, передавая значение слова более обобщенно, можно сказать, что *кóзны*, *козонки́* — '*мелкие* суставы рук и ног животного и человека'. Это же слово в говорах Архангельской обл. и Сибири выступает в значении 'позвонок': *козонки* у ры́бы в хребе́тницы, из козонкóф хребе́тницы [27]; *козонки* — 'позвонки' [28]. Бросается в глаза формальная близость этих образований.

Естественно предположить, что мы наблюдаем здесь две параллельные формы: *позвонок* и *козонок* < **козвонок*.

Такое предположение позволяет понять разнообразие вариантов слова. Первоначальные формы должны были быть **pozvonъ* и **kozvonъ* с различными приставками как обозначение соединения костей, мелких суставов в позвоночнике и пальцах рук и ног. При наличии ударения на первом слоге в слове **kózvonъ* произошла утрата *v*, возникла форма *кóзон*, которая представлена в большинстве говоров. Но утрата была толчком к деэтимологизации слова, второе *о* стало восприниматься как суффиксальное и исчезло во множественном числе, образовалась пара *кóзон* — *кóзны*. Уникальность ложного суффикса привела к замене его распространенным суффиксом *-ень*, ср. *кóзень—кóзни*, даже *козе́нья*. Дальнейший

---

[21] Фасмер II, стр. 278: *козей* м., *козейка* 'альчик, бабка' донск. (Даль). Неясно. Ср. саг, койб. *kazyk* то же, тел., шор., леб. *kazyk* то же (Радлов, 2, 374, 400).

[22] *козенóк*, *козунóк* 'сустав пальца на руках и ногах' — повсеместно (Подвысоцкий, стр. 68); по пер'с'jáм *казанки́* так'и́, — Л. А. Ивашко. Картотека Печорского областного словаря (Ленинград).

[23] *козонóк* 'сустав пальца' (перм.). — Картотека Словаря русских народных говоров (Ленинград).

[24] *козанки́* 'суставы пальцев' (урал.). — Там же.

[25] *козонóк* 'верхняя часть сустава у ручного пальца' (иркут.). — Дополнение к Опыту, стр. 83.

[26] Даль³ II, стб. 333—334.

[27] Картотека Печорского областного словаря.

[28] М. Ф. Кривошапкин. Енисейский округ и его жизнь, т. III. СПб., 1865, стр. 18.

процесс деэтимологизации, закрепление вариантов с результатами аканья, вторичные аналогии и т. д., мне кажется, не нуждаются в объяснении.

Вероятно, не случайно вариант **pozvonъ* не сохранился, он существует лишь в форме уменьшительности *позвонóк*, где сохранению исходного звучания способствует ударение на конце слова. Ожидалось бы такое же соотношение и во второй паре. И действительно, при отсутствии формы **kozvonъ* по говорам, сохранилось слово *козвонкú* как обозначение позвонков, суставов пальцев и костей для игры в бабки (говоры Архангельской [29] и Вологодской областей [30], Урала [31] и Сибири [32]). Наличие этих форм служит реальным подтверждением нашей этимологии.

Итак, в русском языке наблюдаются два слова для обозначения мелкого сустава (сочленения крупных костей никогда этими словами не называются, в этом случае используется слово *суcтáв*): **pozvonъ*, **pozvonъkъ* и **kozvonъ*, **kozvonъkъ*. Аналогичные образования в других славянских языках отсутствуют. Обе формы находятся в отношении чередования к слову **zveno* и образованы при помощи архаичных префиксов *po-* и *ko-* (последний обладает значительной активностью в русских говорах). Если правомерность отнесения этих образований к праславянской эпохе может вызвать возражения, то несомненно одно: перед нами два очень архаичных с точки зрения формы и значения слова.

дёб

В старом землепользовании в России существовал интересный термин *дёб*. Слово *дёб* — антоним слову *кон*, оно означало 'край, предел, конец', например 'последний жребий в жеребьевке' (волог., влад.)[33], « . . . наиболее удаленная от деревни треть покоса при делении его между крестьянскими хозяйствами» (яросл.)[34]; 'межа, которая отделяет один участок от другого' (вят.)[35]. Прилагательное *дёбовой* означало 'последний, крайний, заканчиваю-

---

[29] *козвонкú* 'костяшки пальцев', 'сгиб суставов'. — М. Романов. Словарь своеобразных слов в народном говоре Усьянско-Дмитриевской волости Северо-Двинской губернии. 1929 (рукопись), № 126. — Картотека Словаря русских народных говоров (Ленинград).

[30] *козвонки* 'суставы пальцев руки'. — Н. А. Иваницкий. Материалы для словаря Вологодского народного говора (рукопись), № 42. — Картотека Словаря русских народных говоров (Ленинград).

[31] А. В. Миртов. Уральский словарь (рукопись), № 86: *козвонкú* 'позвонки, суставы'.

[32] *козвонки* 'позвонки, суставы' (Н. Г. Потанин. Юго-Западная часть Томской губ. в этнографическом отношении. — «Этногр. сб. РГО», вып. VI, 1864, стр. 24).

[33] Картотека Словаря русских народных говоров (Ленинград).

[34] Мельниченко, стр. 57.

[35] Картотека Словаря русских народных говоров (Ленинград).

щий очередь или счет', например *дёбовая полоса* — 'последняя', а первая — *резовая*, *дёбовая кулига* — 'дальняя кулига', т. е. 'дальний надел покоса, доставшийся хозяйству', *дёбовый жребий* — 'вынутый последним', *дёбовой двор* — 'последний дом, которым заканчивается очередь (при кормлении пастуха и пр.)' [36]. Очень своеобразно значение слова в смоленских говорах: *дёба* — 'плохая, неплодородная земля' [37], вероятно, первоначально — 'последний и потому самый плохой участок земли'.

Отметки при разделе различного рода участков земли чаще всего делались при помощи зарубок на деревьях (ср. в этом значении *рубеж*, *грань*, *черта*, *чертеж*, *зáтесь*, *рез* и др.), реже — при помощи столбиков, колышков (так делились главным образом поля и покосы), иногда — столбиков с пучком травы или соломы (*веха*), еще реже — с помощью ямок или кучек земли. Поскольку эти меты указывали на границы земельных участков, слова, их обозначавшие, впоследствии приобрели отвлеченное значение 'край, предел, граница'. Ср. современные значения таких слов, как *граница*, *рубеж* и др.

Рассматриваемое нами слово *дёб* имеет отвлеченное значение 'край, предел', поэтому мы вправе предположить, что первоначально оно имело более конкретное значение 'межевой знак'; а поскольку это слово употреблялось главным образом при дележе полей и покосов, то, вероятнее всего, оно значило 'колышек'.

Для доказательства правильности предложенной нами реконструкции значения слова *дёб* следует привлечь дополнительный материал. В белорусском и украинском языках и в соседних с ними русских говорах существует устойчивый фразеологизм *сесть*, *сидеть дёбом*, что значит 'сидеть неподвижно, столбом'. Ср. *дёбам* 'сидеть молча, неподвижно, не принимая участия в обсуждении вопросов' (брянск.) [38], блр. *дзеўбам* 'неподвижно, столбом' [39]: Як пошов, так *дзёвбом* там и сев [40], — укр. *дзьобом сiсти* 'остаться на месте, не подвинуться': *Дзьобом* сидиш — нi за що рук зачепити, нiде зробити [41].

Оставляя в стороне вопрос об исконности украинских и белорусских форм, мы должны обратить внимание на составные элементы фразеологизма и его значение. *Сидеть дёбом* 'сидеть столбом, неподвижно'. Ср. *сидеть*, *как пень*, *пнем*; *сидеть столбом*;

---

[36] Мельниченко, стр. 57.

[37] А. И. Иванова, М. А. Кустарева, Б. А. Моисеев. Материалы для «Смоленского областного словаря». — «Уч. зап. Смол. ПИ», 1958, вып. 9, стр. 137.

[38] П. А. Расторгуев. Словарь народных говоров Западной Брянщины (рукопись), стр. 150.

[39] М. Гарэцкi. Беларуска-расiйскi слоўнiчак. Менск, 1925, стр. 48.

[40] Носович, стр. 133.

[41] Гринченко I, стр. 380.

стоять столбом и т. п. Можно сделать естественный вывод, что слово *дёб* в этом выражении должно означать 'столб, кол, пенек'. Польское происхождение укр. *дзьоб*, блр. *дзеўб* (результат контаминации *дзёб* и *дзеўбаць*) 'клюв, острие' ничего не дает для понимания фразеологизма, и можно предположить, что мы наблюдаем здесь формальное влияние слов *дзьоб*, *дзёб* на существовавшее ранее независимое выражение *сидеть дёбом*.

Существует устойчивая семантическая модель 'столб' → 'быть неподвижным, сделаться подобным столбу', ср. *столб—остолбенеть*, *кол—околеть* 'застыть, замерзнуть, потерять подвижность' и затем уже 'умереть', первоначально тоже 'застыть', *кочан*, *кочень—окоченеть* и др. Если предположение о том, что слово *дёб* первоначально значило 'колышек, столбик' верно, то ожидался бы аналогичный производный глагол от этого слова. Действительно, в калужских говорах есть глагол *дибеть* 'коченеть, мерзнуть' [42]; в говорах б. Казанской и Пензенской губ. глагол *дябеть* значит 'долго быть на одном месте, торчать' [43]. Ср. выражение *сидеть дёбом*.

В ряде других говоров мы наблюдаем уже производные и более отвлеченные значения у этого глагола: 'терпеливо ждать' (влад.) [44]; 'сидеть над чем-либо, корпеть', 'усидчиво заниматься, сидеть долго, упорно', бол. гов. *дебеть с кем* (вят., ниж.) [45]: Что ты над этим так *дибишь*, разве не успеешь сделать после?; Он так и *дибит* над делом (сарат., тамб.) [46]; 'выжидать чего-либо с жадностью, нетерпением' (нижег. твер.) [47].

Таким образом, мы можем представить себе полностью данную группу слов в русском языке: *дёб* 'столбик, колышек, межевой знак' → 'предел, край, граница', *дёбовой* 'последний, крайний', *сидеть дёбом* 'сидеть неподвижно, столбом', *дебеть* 'коченеть, мерзнуть', 'сидеть неподвижно, торчать' → 'терпеливо ждать, упорно заниматься, выжидать чего-л. с жадностью, нетерпением'.

Наблюдается поразительная близость этих производных значений с материалами болгарского языка. Ср. болг. *дѐбя*, *дѐба*, *дѐбим дябам се*, *дябам* 'подстерегать, выслеживать', т. е. 'сидеть неподвижно, выжидая'.

Существительное *дёб*, которое является семантически опорным словом в рассматриваемом гнезде слов, формально может быть отглагольным образованием. Предполагаемый глагол должен был бы иметь значение *'бить, колоть, ломать'. Именно с таким

---

[42] Картотека Словаря русских народных говоров (Ленинград).
[43] Там же.
[44] Там же.
[45] Даль³ I, стб. 1051.
[46] Дополнение к Опыту, стр. 47.
[47] Даль³ I, стб. 1275.

значением зафиксирован в псковских говорах глагол *дябать* (*дябать* 'ломать')[48].

Русско-болгарские соответствия позволяют восстановить на праславянском уровне следующий ряд: **debati* 'ломать', м. б. *'бить, долбить' → производное отглагольное имя **debъ* 'клин, колышек' и отыменный глагол **deběti* 'сидеть неподвижно' → 'упорно заниматься', 'терпеливо ждать', 'подстерегать'.

Все эти формы восходят к и.-е корню **dhebh-* 'повреждать, портить'[49], предполагавшемуся до сих пор только в индо-иранской группе языков: др.-инд. *dabhnōti* 'повреждает, ранит, обманывает', авест. *dab-* 'обманывать', осет. *dawin* 'воровать'[50], со специфическим для индо-иранского мира развитием значений 'повреждать' → 'вредить' → 'обманывать' (ложь как высшее преступление против государства в миросозерцании древних персов, например).

Славянские языки дают материал иного семантического развития этого корня.

степь

«*Степь* — безлесное и обычно безводное пространство с ровной поверхностью, покрытое травянистой растительностью»[51]. Перед нами термин, определение одной из географических зон. Так же как и у других слов этого типа (*саванна*, *пампасы*, *пустыня*), у слова *степь* существует четкое определение, а у носителей языка — устойчивое представление об определенном ландшафте, связанное с этим словом.

Мало того, это определение применимо только к конкретной территории — украинские степи, кубанские степи и т. д.: . . . весь юг, все то пространство, которое составляет нынешнюю Новороссию, до самого Черного моря, было зеленою, девственною пустынею. Никогда плуг не проходил по неизмеримым волнам диких растений. Одни только кони, скрывавшиеся в них, как в лесу, вытоптывали их. Ничего в природе не могло быть лучшего. Вся поверхность земли представлялася зелено-золотым океаном, по которому брызнули миллионы разных цветов. . . Вечером вся *степь* совершенно переменялась. Все пестрое пространство ее

---

[48] Картотека Псковского областного словаря (Ленинград).

В тех же псковских говорах зафиксирована любопытная причастная форма *дяблый* 'слабый'. Ср. *портить—порченный*, *кроить* 'резать' и *кривой* 'кривой, хромой', *ломать* и родственное англ. *lame* 'хромой' и др.

[49] Pokorny, стр. 240; Георгиев, стр. 330, где болгарские формы возводятся к этому корню.

[50] Pokorny, стр. 240; Абаев I, стр. 348.

[51] «Толковый словарь русского языка» (под ред. Д. Н. Ушакова), IV. М., 1940, стр. 510.

охватывалось последним ярким отблеском солнца и постепенно темнело, так что видно было, как тень перебегала по нем, и она становилась темнозеленою . . . бесконечная, вольная, прекрасная *степь* (Гоголь).

Таково значение и таков круг образов, которые связаны с современным русским словом *степь*, украинским *степ*. В других славянских и неславянских языках это слово в качестве географического термина заимствовано из русского или украинского языков (польск. *step*, чеш. *step*, слвц. *step*, словен. *stépa*, с.-хорв. *стȅпа*, нем. *Steppe* и даже англ. *steppe* уже в XVI в.[52]).

Думается, что именно предвзятость современного представления о значении слова *степь* была основным препятствием для выяснения его этимологии. Твердо установленной этимологии это слово не имеет. Не решен даже вопрос о его реконструкции. Было высказано четыре гипотезы. Р. Брандт реконструировал слово как **sъtepъ* и сближал со словами *топот*, *топтать*, восстанавливая первичное значение слова как 'вытоптанное место' [53]; сохраняя ту же реконструкцию, М. Фасмер высказал мысль о возможности связать корень слова с глаголом *тепу*, в этом случае первичным значением было бы 'вырубленное место' [54]. Г. Ильинский дал реконструкцию **стьпь* и сравнил это слово с лит. *stiẽpti*, *stiepiu* 'простираться' [55]. Реконструкция Ильинского учитывает как русскую, так и украинскую формы слова (укр. *степ* может быть только из **стьпь*). Чтобы выйти из этого противоречия, Фасмер даже предполагает, что украинское слово заимствовано из русского. Но для такого предположения нет никаких ни лингвистических, ни исторических оснований. А. Преображенский, напротив, считает, что в русском языке это слово из украинского, и высказывает мысль о возможном иноязычном происхождении слова [56].

Отметив существующие трудности в этимологизировании слова и оставляя без критики высказанные этимологии, я хотела бы предложить еще одну, может быть столь же спорную, гипотезу. Для этого следует обратиться к совершенно иному материалу. В русской охотничьей терминологии существует слово *степь* 'спина борзой собаки'[57]; Даль определяет это слово так: 'хребет борзой и псовой собаки, хорта': *Степь* у собаки широкая, крепкая [58].

---

[52] Дополнение О. Н. Трубачева к переводу «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера (рукопись).

[53] Р. Брандт. Дополнительные замечания к Этимологическому словарю Миклошича. — РФВ 24, 1890, стр. 182—183.

[54] Vasmer III, стр. 11.

[55] Г. А. Ильинский. Славянские этимологии. — РФВ 63, 1910, стр. 335—337.

[56] Преображенский II, стр. 382.

[57] «Характеристика породистых собак по признакам типичности, особенностям характера и специальной пригодности». СПб., 1894, стр. 6.

[58] Даль³ IV, стб. 529.

В этом же значении зафиксировано это слово в памятниках: . . . голова[собаки] сухая . . . зазоръ навыкате *степь* или наклонъ облая [59].

Кроме того, *степью* называется хребет быка, коровы [60], хребет конской шеи вдоль гривы, холка, спина лошади [61]; ср. в печорских говорах *степ* 'холка, верхняя часть шеи лошади': с'у *ст'éп-то* выкусал жер'еб'éц-то (другому)/ потóм н'е мòжно было хому́т наложы́т' [62]. В печорских былинах, собранных Ончуковым, это слово встречается несколько раз: Отправляется удалой добрый молодец, | Седлат-уздат коня доброго, | Перекрестницу кладет через хребетну *степ*; Посадил он тут Соловья | На *степ* лошадиную; . . . через сильну *степь*, | Через сильну *степь* лошадиную; Побежал нынь Добрыня на конюшен двор, | Да и брал он коня да все семи чепей, | Да семи он чепей, да семи розьвезей, | Да и клал он на коня да плотны-плотьницки, | Да на плотьницки клал да мякки войлоцки, | Да на войлоцьки седёлышко черкальскоё, Да двенадцеть он вяжот подпруг шолковых, | Да тринадцети вяжот черезхребётную, Через ту же он *степ* да лошадиную [63]. То же значение слова *степь* в вологодских говорах — 'часть спины лошади, находящаяся под седелкой', 'холка у лошади' [64], в говорах Урала *степь* — 'холка, верх хребта' [65], в говорах Сибири — то же [66]; Богораз определяет слово как 'высшая точка шеи животных' [67]; Бурнашев объясняет слово как 'то место в шее лошади, где грива приросла' [68]. *Степи́стая* лошадь (пермск. сиб.) — 'конистая, у которой шея колесом' [69].

Степная жила, по определению Бурнашева, «есть та жила у животных, из которой обыкновенно пускают кровь; лежит вдоль шеи» [70]. *Степник* — 'болезнь лошади, нарыв на спине' [71]; *степница* — 'конская болезнь, мыт' [72].

---

[59] «Книга охотничей регул, или Порядок о содержании псовой охоты». Перев. с нем. 2-й пол. XVII в. Рукопись ГПБ О. X. 3. сер. XVIII в. — ДРС.

[60] В. Бурнашев. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного, т. II. СПб., 1844, стр. 292.

[61] Даль³ IV, стб. 529.

[62] Л. А. Ивашко. Картотека Печорского областного словаря (Ленинград).

[63] Н. Ончуков. Печорские былины. СПб., 1904, стр. 38, 41, 18,9.

[64] Картотека Словаря русских народных говоров (Ленинград).

[65] Там же.

[66] Там же.

[67] Богораз, стр. 136.

[68] В. Бурнашев. Указ. соч., II, стр. 292.

[69] Даль³ IV, стб. 528.

[70] В. Бурнашев. Указ. соч., II, стр. 292.

[71] М. К. Герасимов. Словарь уездного Череповецкого говора. — Сб. ОРЯС, т. 87, кн. 3. СПб., 1910, стр. 84.

[72] В. Бурнашев. Указ. соч., II, стр. 292.

В новгородских говорах Герасимов отмечает слово *стена́* 'спина', никаких дополнительных характеристик значения он не дает [73].

Итак, в северноросских говорах существует слово *степ*, *степь*, *стена́* 'холка лошади', 'спина лошади', производные от этого слова *степной*, *степистый*, *степник*, *степница*. Материалы профессионального языка указывают на то, что слово *степь* значило еще 'спина борзой собаки', 'спина у крупного рогатого скота', может быть, это слово употреблялось и в значении 'спина вообще' [74].

Существует устойчивая семантическая связь: 'спина' — 'возвышенность'. Ср. слав. **gъrbъ* 'спина' при укр. *горб* 'холм', чеш. *pahrbek* 'бугор, холм', др.-прусск. *garbis* 'гора'; **xrъbьtъ*, **xribъ* 'спина' при ст.-чеш. *chrb* 'гора', ц.-слав. *хрибъ* 'холм', с.-хорв. стар. *хриб* 'холм', словен. *hrib* то же, чеш. *chřib* 'холм', русск. *горный хребет*.

Мы вправе предположить, что и у слова *степь* 'спина' должно быть аналогичное параллельное образование. И действительно, в архангельских говорах *степью* называется 'плоская безлесная возвышенность' [75]. Шренк определяет слово точнее: «*Степями* в Мезенском округе называются плоские безлесные возвышенности, простирающиеся кряжами среди лесистых равнин, и разделяющие системы вод, наприм. *Чушовская Степь* и др.» [76] Удивительно сходное образование мы обнаруживаем в украинских карпатских говорах *сте́па* 'обрыв', 'скала, гора' [77].

Мы наблюдаем сохранение той же семантической модели, что и в рассмотренных выше словах *горб* и *хребет*: *степь*, *стена́* 'спина'—*степь*, *степа* 'возвышенность, кряж, гора, скала'. Это соотношение значений представляется нам наиболее древним. Ср. еще *грива* 'сухая возвышенность' и *грива* первоначально 'шея лошади'.

При анализе развития значений географических терминов следует учитывать миграцию населения и изменения условий географической среды [78]. Природные условия Архангельской обл. во многом напоминают природные условия Полесья и Белорус-

---

[73] М. К. Герасимов. Указ. соч., стр. 84.

[74] На уровне гипотезы можно предположить, что русско-украинско-польское слово **spina* 'спина' может быть упрощением более ранней формы **stьpiná* — формы с суффиксом *-*ina* от **stьpь* 'спина', ср. такие образования, как *ширь—ширина*, *глубь—глубина*. Аналогичный процесс упрощения в слове *спица* < **stъpica*. Но я отнюдь не настаиваю на этой этимологии, поскольку есть две другие, не менее достоверные. Ср.: Vasmer II, стр. 708.

[75] Подвысоцкий, стр. 163; Даль[3] IV, стб. 529.

[76] Л. И. Шренк. Областные выражения русского языка в Архангельской губернии. — «Зап. РГО», 1850, кн. IV, стр. 136.

[77] Т. А. Марусенко. Материалы к словарю украинских географических апеллятивов — Сб. «Полесье». М., 1968, стр. 250.

[78] Ср.: В. М. Иллич-Свитыч. Лексический комментарий к карпатской миграции славян. — «Изв. ОЛЯ АН СССР» XIX, вып. 3, 1960.

сии: болотистая лесная равнина, окружающая отдельные возвышенности. Эти возвышенности, холмы, как более сухие и потому более пригодные для жилья и земледелия, нередко вырубались и распахивались. Ср. сохранение этих старых значений в русск. яросл. *холм* 'поле, окруженное лесом', *дор* 'новое селение на чистом возвышенном месте' (волог., арх.) [79]. Но эти же безлесные возвышенности, поросшие травой, использовались в качестве пастбищ. Такие возвышенности, по-видимому, носили название *степь*. Отголоски этих старых представлений сохранились во многих говорах: *степь* 'открытое безлесное место' [80], *степо́чка* 'безлесное место, поляна' [81]; *степ* 'название луга' (орл.) [82]; *степь*, *степ* 'поле, луг, выпас' (амур.) [83]. Очень интересны объяснения, которые дает Бурнашев в своем терминологическом словаре: «*степные луга* — это те луга, которые находятся в удалении от жилья и пашень, на высоких, но достаточно влажных местах»; «*степовое сено* — то, которое растет на *возвышенных* местах» [84] (курсив мой. — *В. М.*).

Итак, вторым или вторичным значением слова *степь* следует считать 'луг, пастбище на возвышенном месте, поляна на возвышенном месте'. Ср. аналогичные пастбища среди лесов в Карпатах. Сено с таких пастбищ противопоставлялось болотному.

Становится понятным, почему при движении славян на юго-восток, на территорию причерноморских степей, это нетронутое пастбище, море трав было названо *степью*. Местность там была то холмистой, то равнинной, но характер ее оставался тот же. Поэтому слово *степь*, постепенно утратило признак 'возвышенность', но сохранило другие признаки — 'безлесное пространство' и 'пространство, поросшее травой'. В местах, где природные условия не изменились так резко, слово *степь* сохранило свое архаичное значение.

По-видимому, в праславянскую эпоху слово **stьpь* не было общеславянским. На его диалектный характер указывает существование в русских говорах синонима для слова *степь* — *дикое поле*. Так называют степь в говорах Рязанской, Тамбовской и Саратовской областей [85].

Можно сказать, что в группе восточнославянских говоров, легших впоследствии в основу севернорусских говоров, в праславянский период было слово **stьpь*, **stьpa* 'спина' — 'безлесная, поросшая травой возвышенность, гора'; в группе говоров, легших

[79] Картотека Словаря русских народных говоров (Ленинград).
[80] В. П. Бирюков. Урал в его живом слове. Свердловск, 1953, стр. 189.
[81] Там же.
[82] Картотека Словаря русских народных говоров (Ленинград).
[83] Там же.
[84] В. Бурнашев. Указ. соч., II, стр. 292
[85] Опыт, стр. 47.

в основу украинского языка, **stьpъ*, **stьpa* — 'гора; безлесная, поросшая травой возвышенность'. На исключительное лексическое сходство севернорусских говоров и украинского языка исследователи уже давно обратили внимание. В говорах, которые впоследствии оформились в южнорусские и говоры белорусского языка, этот диалектизм отсутствовал.

И структура слова и характер значения с несомненностью говорят о его праславянском происхождении.

Мысль о возможности связи слов *степь* 'степь' и *степь* 'спина' высказал, но несколько неуверенно, еще Фасмер [86].

Кажется, что приведенный выше материал указывает на несомненность этой связи.

Праславянский диалектизм **stьpь* 'спина', 'возвышенность' находится в родственных отношениях с праслав. **stьblь*, **stьblo*.

[86] Vasmer III, стр. 11.

Л. В. Куркина

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД НЕКОТОРЫМИ НАЗВАНИЯМИ ДОРОГ И ТРОПИНОК В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Исследование славянской лексики с общим значением 'дорога, тропинка' проводится на материале толковых и диалектных словарей [1] и направлено на выявление общих семантических и морфологических закономерностей, определивших формирование и развитие данной семантической группы.

* * *

Издревле для торговых путей использовались речные долины, степные просторы. Там, где на пути встречались лесные заросли или болота, лес вырубался или выкорчевывался, прокладывались просеки делались деревянные настилы, строились мосты [2]. Эта техника проложения дорог и определила многие славянские названия: ср. для примера с.-хорв. *krčànîk*, русск. диал. *сѣча*, *гать*, укр. *гребля*.

Для разных видов дорог и тропинок в зависимости от их назначения, условий рельефа и других характеристик существует разветвленная система наименований. При этом обращает на себя внимание разная степень закрепленности их в функции термина. Строго говоря, терминологизация коснулась лишь единичных обозначений (ср. **ulica*, **pǫtь*, **cěsta*, **stьza*), в основном же изучаемые основы используются в качестве наименования дороги в одном из многих характеризующих их значений. Многозначность, историческая подвижность значений позволяют вскрыть направление семантического развития, внутреннюю форму многих названий.

Дальнейшее изложение материала строится не по семантическим группам, а на основе принципа однородной мотивированности изучаемых основ. Поиски внутренней мотивированности приводят к распределению всех обозначений дорог между несколькими однородными группами, определяющим для которых является сходство семантической структуры, самих принципов

[1] Указание на источники дается в тексте.

[2] J. Kostrzewski. Kultura prapolska. Wyd. trzecie. Warszawa, 1962, стр. 283—284.

называния. Нередко это единство внутренней формы осуществляется в рамках определенного словообразовательного типа. Для каждой выделяемой таким образом группы реконструируется некое исходное значение и соответствующий морфологический тип основ.

* * *

I. Для всех славянских языков прежде всего характерна группа дорожных наименований, отражающая в своей первоначальной семантике технику прокладывания дорог.

Исторически, видимо, наиболее древнюю часть составляют обозначения, для которых устанавливается связь с терминами корчевания. Примером подобных обозначений является слав. **cěsta:* польск. *cesta* 'дорога, улица' (Karłowicz I, стр. 266), чеш. *cesta* то же (Kott I, стр. 188), словен. *césta* то же [3], с.-хорв. *cȅsta* то же (RJA I, стр. 774—775). Интересно отметить, что в сербском памятнике XIV в., по данным RJA, *cȅsta* служит наименованием некой земли в Добрине на остр. Крк: Do zemļe, ke se zovu *Cesti*, ср. также название хорватского села *Cȅstica*. Довольно очевидна связь этой основы с глаголом **cěstiti* 'расчищать пространство, делать путь свободным' [4].

Праславянская основа **lazъ* < **laziti*, **lězǫ* 'рубить, чистить' функционирует как дорожный термин в большей части славянских языков: ср. русск. арх. *лаз* 'тропа, пролагаемая дикими животными, когда они ходят на водопой к реке или озеру' (Подвысоцкий, стр. 81), укр. *лаз* 'лесной проход зверей' (Гринченко II, стр. 341), польск. *łaz* 'стежка в горах; пастбище' (Karłowicz II, стр. 802), в.-луж. *łaz* 'выгон, пастбище; новина' (Muka I, стр. 776), но словен. *lȁz* 'безлесное пространство в лесу, новое поле, новый луг, новая пашня' (Plet. I, стр. 502), с.-хорв. *lȁz* 'небольшое место, где выкорчевано много деревьев' (Iveković — Broz I, стр. 618). В словенском и сербохорватском языках эта основа получает значение 'дорога, путь' только в соединении с приставками: словен. *oblàz* 'окольный путь' (Plet. I, стр. 732), с.-хорв. *ȍblazak* то же (Iveković—Broz I, стр. 835), ср. укр. *облаз* 'дорога через гору' [5], 'трудная дорога по склону горы' [6]; словен.

---

[3] Pleteršnik. Slovensko-nemški slovar, I—II. Ljubljana, 1894—1895, стр. 81 (далее — Plet.).

[4] I. Popović. Geschichte der serbokroatischen Sprache. Wiesbaden, 1960, стр. 33.

[5] Г. А. Марусенко. Материалы к словарю украинских географических апеллятивов (названия рельефов). — Сб. «Полесье». М., 1968, стр. 238 (далее — Марусенко).

[6] J. Rudnicki. Nazwy geograficzne Bojkowszczyzny. Lwów, 1939, стр. 26 (далее — Rudnicki); St. Hrabec. Nazwy geograficzne Huculszczyzny. Kraków, 1950, стр. 43 (далее — Hrabec). — Украинские примеры даются в той графике, в какой они приводятся используемыми источниками.

prẹ̄laz 'тропа между оградами; горный перевал' (Plet. II, стр. 248), 'дорога для диких животных' (Lokar, стр. 53)[7], с.-хорв. *prȍlaz* 'путь или место, где проходят' (RJA XII, стр. 336), болг. *izláza* 'путь для животных'[8].

Несколько менее отчетливо значение 'дорога' выражено в словенских образованиях, производных от глагола **sěkti* 'сечь, рубить'. Словен. *zasẹ̑ka* 'ряд срубленных деревьев; заграждение; границы владения в лесу; вспаханная на границе тропа' (Plet. II, стр. 271) приближаются по значению к разряду дорожных терминов, хотя, строго говоря, ими не являются. Более определенно принадлежность к семантической сфере 'дорога, путь, тропа' выражена в других славянских языках: ср. с.-хорв. *prȍsjek* 'просека, прорубленный путь' (RJA XII, стр. 409), *sīča*, видимо, вторично осмысленное как 'путь, прокладываемый лодкой по морской поверхности'[9], болг. софийск. *прȍсек* 'проход между скалами'[10], русск. *просек*, *просека* 'прямой проруб сквозь лес; полоса, очищенная от деревьев, для дороги, для означения границ' (Даль III, стб. 517), интересно образование с приставкой *ка-*: *касека* пск. 'тропинка по хлебу, по ниве' (Даль II, стб. 95), укр. *pr'osičky* plur. 'стежка, полоса, прорубленная в лесу' (Hrabec, стр. 46), чеш. *průsek* 'прорубленная дорога' (Trávníček, стр. 1261).

Дороги возникали и естественным путем. Основное значение используемых для них терминов может быть определено как проторенный путь, ходьбой проложенная дорога. Исходные глаголы для этих обозначений — *ходить*, *топтать*, *торить*.

В соответствии с глаголами **terti*/**toriti* представлена именная основа **torъ* в значении 'торная дорога': ср. русск. олон. *тор* 'накатанное гладкое место в пути' (Куликовский, стр. 120), диал. *тор* 'торная дорога, большая, битая, уезженная' (Даль IV, стб. 419), *протор* 'тропинка, пешая дорожка, стезя' (Даль III, стб. 518), прм. *торок* 'битая, торная дорога, особенно зимняя' (Даль IV, стб. 421), блр. *тор* 'проложенный путь, стезя' (Носович, стр. 637), укр. *тор* 'след, колея' (Гринченко IV, стр. 275), чеш. *tor* 'проторенная дорога' (Kott IV, стр. 120), польск. *tor* то же, *torak* 'плохая дорога' (Linde IV, стр. 637). При исходной форме **terti*, **tьrǫ* словенский знает основу с огласовкой в ступени удлинения: словен. *tȋr* f. 'протоптанная тропа по снегу', *tȋr* m. 'след; дорога для скота; тропинка' (Plet. II, стр. 669),

---

[7] J. Lokar. Lovsko-ribiški slovar. Ljubljana, 1937 (далее — Lokar).

[8] F. Bezlaj. Stratigrafija Slovanov v luči onomastike. — ЈФ XXIII, 1958, стр. 86—87.

[9] T. Matić. Lexicalia iz starih hrvatskih pisaca. — Rad JAZU 315. Zagreb, 1957, стр. 74.

[10] «Българска диалектология. Проучвания и материали», кн. I. София, 1962, стр. 264. В работе далее используются материалы т. II «Болгарской диалектологии». София, 1965 (далее — БД I, II).

potîr то же (Plet. II, стр. 186). Тот же корень, возможно, в др.-русск. *тировати* (Фасмер III, стр. 107).

Трудно поддаются объяснению словен. *nátrv* 'горная тропа' (Plet. I, стр. 675) и *utrenik* 'via trita' (Miklosich, стр. 352), связываемые Миклошичем с тем же глаголом. Если это предположение верно, то словенский отражает нулевую ступень корневого вокализма, а вызывающее наибольшие трудности конечное *-v* может быть истолковано как причастный суффикс *-l*. Наиболее точные соответствия этим образованиям находим в с.-хорв.: ср. *trvènîk*, *utrènîk* 'via trita' (Iveković—Broz II, стр. 675), *utrt put* 'торная дорога', а также *utrina* 'выгон, луг', др.-серб. *utrište* 'поле' и словен. *utro* 'утоптанная поверхность' (Посочье)[11].

Таким образом, для праславянских основ **terti/*toriti* представлены варианты именных образований с разными ступенями огласовки.

Специфически карпатский термин **pьrtь* < **perti* 'топтать, идти' продолжает словен. *pȓt*, *prtína* 'тропа в снегу' (Plet. II, стр. 357) при с.-хорв. *pȓt* то же (Iveković — Broz II, стр. 274), *pr̀tina*, *prtína* то же (RJA XII, стр. 513), болг. *пръти́на* (Геров IV, стр. 321) то же, макед. *пртина* то же. Южнославянские языки закрепляют за этой основой узкое значение 'тропа, проложенная по снегу', в отличие от других славянских языков, где семантическая сфера этого термина несколько шире и может быть определена как 'протоптанная людьми и скотом горная тропинка'[12]: ср. чеш. *prt'* 'овечья тропа' (Trávníček, стр. 1259), 'тропа в лесу, стежка' (Kott II, стр. 1212), польск. *pyrc'* 'горная тропа (для овец)', а также в некоторых диалектах 'глинистая земля, где ничего не растет'[13], укр. карп. *перть* 'тропинка, по которой гоняют скот' (Гринченко III, стр. 147)[14].

Основа с южнославянским ареалом распространения **gazъ* представлена словен. *gâz*, *gáza*, *gazína* 'тропа по снегу, дорога' (Plet. I, стр. 208), ср. глагол *gáziti* 'бродить по болоту, снегу'. Ей соответствуют болг. *gaz'a* и с.-хорв. *gaz* 'брод'[15].

На довольно значительной славянской территории в качестве обозначения дороги используется именная основа от глагола **xoditi*. Образование явно позднее, памятниками фиксируется не ранее XV—XVI вв. Ср. др.-русск. *ходьбище* 'место, где ходят, дорога' (Срезневский III, стб. 1382), русск. диал. *прохо-*

---

[11] F. Bezlaj. Slovenska vodna imena, II. Ljubljana, 1965, стр. 288; I. Popović. Указ. соч., стр. 312.

[12] В. М. Иллич-Свитыч. Лексический комментарий к карпатской миграции славян. — «Изв. АН. ОЛЯ» XIX, вып. 3, 1960, стр. 230.

[13] V. Važný. Z mezislovanského jazykového zeměpisu. Praha, 1948, стр. 197—198.

[14] См. также: Й. О. Дзендзелівський. Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області УРСР (лексика), ч. II. Ужгород, 1960, карта 211.

[15] I. Popović. Указ соч., стр. 17.

дище 'путь, дорога' (Даль III, стб. 524), укр. *ходка* 'путь' (Гринченко IV, стр. 407), польск. *chodnik* (юг Силезии и юго-запад Малой Польши)[16], чеш. *chodník* 'пешая тропа, тротуар' (Kott I, стр. 534), впервые отмеченное в XVI в.[17], *chodiště* то же (Kott I, стр. 533), с.-хорв. *hodnik* 'место более длинное, чем широкое, а возможно, с одной или обеих сторон обнесенное стеной' (RJA III, стр. 645), словен. *hodnik* 'коридор, проход', *hodíšče* то же (Plet. I, стр. 274).

На основе глаголов данного семантического ряда складываются аналогичные обозначения дорог и тропинок в отдельных славянских языках. Так, обособленное положение занимает словен. *pretolč*, диал. *pretdvč* с первоначальным значением 'стежка через лес (вырубленный лес) или просека', позднее — 'горный перевал' (Badjura, стр. 98)[18], ср. *tláka*, *tlàk* 'тротуар, утрамбованная поверхность' (Plet. II, стр. 672) от **telkti*. В славянских языках данная именная основа обычно служит для обозначения какой-нибудь особенности дороги, ямы, выбоины, но, по нашим наблюдениям, не выступает в качестве общего наименования дороги. Не имеют славянских соответствий словен. *namèt* 'проторенная дорога' (Plet. I, стр. 651) и *prẹ́vor* 'полевая дорога' (Plet. II, стр. 290), видимо, производные от глаголов **mesti/*-metati* и **orati*.

По той же модели построены следующие славянские наименования: с.-хорв. *krčānīk*, *krčènik* 'выкорчеванный путь' (Iveković—Broz I, стр. 578); вост.-слав. *тропа*, видимо, от *тропать* (Vasmer III, стр. 140), блр. *слѐдзина* 'след, тропинка' (Носович, стр. 592), укр. *прочистка* 'прочищенная, проложенная лопатой дорожка; просека' (Гринченко III, стр. 490); русск. пск. *утóпок* 'тропа' (Даль, IV, стб. 518), укр. *протéп* 'тропа'? < *топтать* (Гринченко III, стр. 484); укр. карп. *nab'ij* 'утоптанная снеговая дорога, а также следы санной дороги, заметные из-под наметанного снега' (Гринченко II, стр. 463; Hrabec, стр. 43) и болг. родоп. *нàбọй* 'набито място по ходило' (БД II, стр. 212); русск. урал. *долобóк* 'тропинка' (Сл. сред. Урала, стр. 140). К этой группе названий можно, видимо, отнести и с.-хорв. *nakopànīk* 'выкопанный путь' (Iveković—Broz I, стр. 744) и укр. карп. *кóпанка* 'проселочная дорога; дорога на склоне горы; насыпная дорога; выкопанная дорога' (Иван.-Франк.), 'дорога через лес' (Закарп.)[19], 'вырубленная в лесу дорога или тропинка'

---

[16] K. Zierhoffer. Studia z historii i geografii słownictwa polskiego i słowiańskiego. Poznań, 1963, стр. 36, 133.

[17] L. Bachmann. Slovo *stezka* a souznačné názvy v češtině. — «Naše řeč» 45, 5—6, 1962, стр. 192—201.

[18] R. Badjura. Ljudska geografija. Terensko izrazoslovje — Ljubljana, 1953 (далее — Badjura).

[19] С. Б. Бернштейн, В. И. Иллич-Свитыч, Г. П. Клепикова, Т. В. Попова, В. В. Усачева. Карпатский диалектологический атлас. М., 1967, карта 141.

(Rudnicki, стр. 23), оба названия являются производными от глагола *kopati*. Близко к ним по значению словен. *kopánja* 'корыто; сильно выезженное место на дороге' (Plet. I, стр. 433), чешский и польский сохраняют связь с терминами корчевания: ср. чеш. *kopanina* 'пашня', *kopanka* 'место, где нельзя работать плугом, только мотыгой' (Kott. Dodatky, стр. 661), польск. *kopanina* 'поле в выкорчеванном лесу' (Karłowicz II, стр. 464). Ср. также полаб. *voi̯pətronĕ pǫ̂t* 'протоѣренный путь' < **vypatranъjь pǫtь* от **vypatrati*, ср. укр. *patraty* 'очищать'[20].

II. Некоторые названия дорог, также сохраняющие словообразовательные связи с глаголами, указывают на иное свойство путей связи, а именно на их назначение. Эти образования могут быть истолкованы как эллипсисы, заменяющие развернутые определения к слову 'дорога'. Ср. 'дорога, по которой гоняют скот' — словен. *gǫ́nja*, 'дорога, по которой что-либо волоком перевозят' — русск. урал. *вóлок*, 'дорога, по которой бегают' — русск. пск. *прóбега*, словен. *tẹkalíšče*.

Рассмотрим последовательно ареал распространения и значение каждого из этих названий.

В южно- и восточнославянских языках в качестве дорожного термина функционирует именная основа от глагола **goniti*: ср. русск. диал. *прогон* 'прогонная дорога, в изгородях, где прогоняют скот на выгон или на водопой' (Даль III, стб. 476), яросл. 'огороженная дорога между полями для скота' (Мельниченко, стр. 167), укр. *прогон*, *прогін* 'дорога (между полями) для прогона скота', *прогоня* 'просека в лесу' (Гринченко III, стр. 461—462) и словен. *gǫ́nja*, *gonje*, *goni* 'путь, по которому гоняют скот на пастбище' (Plet. I, стр. 232), *izgòn* то же (Plet. I, стр. 308), *razgòn* 'борозда; полевая дорога' (Plet. II, стр. 385), с.-хорв. *gonьnikъ* (XV в.) 'путь, по которому гоняют скот; проезжая дорога' (RJA III, стр. 270)[21], болг. софийск. *прогон* 'место между полями для прогона скота' (БД 1, стр. 264).

Праславянская основа **volk-* (< **velkti*) является обозначением дороги только в небольшой части славянских языков: ср. словен. *vlak*, *vláka* 'путь, которым переправляют сено, дрова и др. с горы в долину' (Badjura, стр. 285), с.-хорв. диал. *vlākȁ* 'лесной путь, которым вывозят дрова'[22], русск. арх. *вóлок* 'дорога лесистой местностью' (Подвысоцкий, стр. 21), сред. урал. 'длинная дорога в безлюдном месте; очень большое расстояние обычно волок проходит лесом' (Сл. сред. Урала, стр. 89), но при этом польск. *włok* 'невод, бредень', в.-луж. *włoka* 'шлейф; полоз, башмак плуга, невод' и др.

---

[20] B. Szydłowska-Ceglowa. Transport i komunikacja u Drzewian połabskich. — SO XXI, 1961, стр. 138.

[21] F. Bezlaj. Slovenska vodna imena II, стр. 101—102, 184.

[22] J. Jardas, Kastavština. — «Zbornik za narodni život i običaje južnih Slovena», 39. Zagreb, 1957, стр. 408.

Производное от глагола **tekti* словен. *tękalìšče* 'беговая дорожка' (Plet. II, стр. 659), судя по значению и по форме, принадлежит к поздним образованиям. Однако в некоторых славянских языках представлены достаточно древние однокоренные наименования дороги: ср. болг. родоп., страндж. *прѝтек* 'пряк път' (БД I, стр. 131; II, стр. 252), с.-хорв. диал. *lẽpī tȅkac* 'хороший путь'[23]. Можно привести здесь одно из очень немногих балтийских соответствий: ср. лтш. *taka* 'тропа'.

Сходно образованы русск. арх. *подвода*, *подводка* 'тропинка в лесу, подводящая промышленника и лесника к жилью' (Даль III, стб. 165), сред. урал. *вывод* 'тропа, дорожка, по которой можно выйти из леса' (Сл. сред. Урала, стр. 99).

Условно относится к этой группе словен. *sột* 'горная тропа' (Средняя Штирия, Погорье). Это — не очень ясное образование, лишенное соотносительных связей в рамках словенского языка, этимологически сопоставляемое с гот. *sandjan* 'посылать', лит. *siuñčiù*, *siũsti*, лтш. *sùtu*, *sùtît* то же[24]. Соответствующая исходная глагольная основа **sent-* не сохранилась в славянских языках. Словен. *sột* < **sǫtъ* не находит параллелей в славянских языках, во всяком случае трудно признать предполагаемое родство с укр. *сутки́* 'узкий проход, промежуток между двумя строениями, плетнями, узкий коридор, узкий переулок' (Гринченко IV, стр. 232), гуцульск. *sutka* 'улица, с двух сторон огороженная' (Hrabec, стр. 49), чеш. диал. *soutka*, *soudička* 'узкая улица между домами', польск. диал. *sutka*[25]. Для них более вероятной представляется исходная форма **sǫ-tъka*[26]. Одним из доводов в пользу этого предположения является содержащийся в их значении в качестве обязательного компонента признак стыка, сближения.

На чисто этимологическом уровне получает мотивировку общеславянское обозначение тропы, представленное в словенском тремя вариантами: *stezà*, *stezína* 'пешеходная тропа' (Plet. II, стр. 575; Badjura, стр. 281), *stegnà*, *stegnè*, *stágna* 'выгон' (Plet. II, стр. 572, 565), точнее 'огороженная с двух сторон дорога из деревни через поле по направлению к большой дороге; перв. полевая дорога' (Badjura, стр. 286), *stezdà* = *steza* (Plet. II, стр. 575) с исходными формами **stьza*, **stьgna*, **stьgda*. Родственную глагольную основу в другой ступени аблаута находим в русск. *до-стигать*. Только южнославянские языки знают форму с суффиксом *-da*: ц.-слав. *stьgda*, совр. болг. *stъgda*. По наблюдениям Цирхоффера, западные и восточно-

---

[23] J. Jardas. Kostavština, стр. 395.

[24] F. Bezlaj. Stratigrafija Slovanov v luči onomastike.— JФ XXIII, 1958, стр. 88.

[25] F. Bezlaj. Etimološki slovar slovenskega jezika. Poskusni zvezek. Ljubljana, 1963, стр. 24.

[26] Machek, стр. 465.

славянские языки не знают этой формы ни в исторических памятниках, ни в современном состоянии[27]. Основа **sьza* преобладает в чеш. *stezka*, *stezník* 'стежка, пешеходная тропа' (Trávníček, стр. 1452), полаб. *sta'ʒə* то же[28], н.-луж. *sćažka* то же (Muka II, стр. 38), с.-хорв. *stàza* то же (Iveković—Broz II, стр. 471). Варианты **stьza* и **stьgna* сосуществуют в польском и восточнославянских языках: ср. др.-русск. *стьза* 'тропа, путь, стезя', *стьгна* 'площадь, улица' (Срезневский III, стб. 584, 579), укр. *стéжка* 'дорожка, тропинка, стезя' (Гринченко IV, стр. 201), ср. топ. *Stężnica* < **stьgna* с вторичной назализацией[29], блр. *сцéжка* то же (Носович, стр. 627) и польск. *ścieżka*, *ściegna*, *stegna* 'стежка, тропинка', а также 'пастбище, выгон для скота' в основном в памятниках XIV—XV вв.[30]

III. В системе славянских обозначений дорог можно выделить небольшую группу наименований с исходным значением 'овраг, ущелье, долина, узкое место'.

Таким очень древним обозначением дороги является праслав. **ulica* < **ulъ* 'овраг'[31]: ср. словен. *úlica* 'огороженная с обеих сторон узкая дорога, по которой гоняют скот на выгон или водопой' (Badjura, стр. 285), с.-хорв. *ȕlica* 'двор, улица' (Iveković—Broz II, стр. 639), др.-русск. *улъка-улка* 'малая улица, проулок, улица, площадь; улица, проход между рядами домов; ряд' и др. (Срезневский III, стб. 1201, 1126), русск. печор. *ул* м. р. 'улица', *улок*, уменьш. (Картотека Печорского областного словаря. Ленинград), олонец. *улица* 'дорожка между двумя изгородями; по ней выгоняют скот из деревни на пастбище' (Куликовский, стр. 124), чеш. *ulice* 'улица, пространство между двумя рядами домов' (Kott IV, стр. 349), польск. *ulica*, *uliczka* 'улица'[32] и др.

Довольно распространенная основа **sǫ-těska* получает значение 'дорога, улица' только в словенском и украинском: ср. словен. *sotêska* 'овраг и дорога в овраге' (Plet. II, стр. 538), также называется одна из улиц старой Любляны, и укр. *сýтiсок* 'очень узкая, тесная улица, тесный проход' (Гринченко IV, стр. 232), чеш. *soutěska* 'узкое горное ущелье', с.-хорв. *sȕtjeska* то же[33] и др., ср. также польское название города *Sąciaska* в русско-польской пограничной области, упоминание о нем в ле-

---

[27] K. Zierhoffer. *Scieżka* i jej synonimy w gwarach i historii języka polskiego na tle ogólnosłowiańskim. Wrocław, 1959, стр. 16.
[28] B. Szydłowska-Ceglowa. Указ. соч., стр. 138.
[29] Zd. Stieber. Toponomastyka Łemkowszczyzny, II. Nazwy terenowe, Łódź, 1949, стр. 48.
[30] K. Zierhoffer. Указ. соч., стр. 25.
[31] K. Moszyński. Pierwotny zasiąg języka prasłowiańskiego. Wrocław—Kraków, 1957, стр. 158—159.
[32] Подробнее о семантике *ulica* в польских диалектах см.: K. Handke. *Ulica*, *uliczka* w języku polskim. — JP XLVI, 2, 1966, стр. 110—112.
[33] В. М. Иллич-Свитыч. Указ. соч., стр. 227—228.

тописи Нестора под 1097 г.[34] В данном случае наблюдается сходное семантическое развитие словенского и одного из восточнославянских языков.

Та же основа в форме **těsknica* без префикса **sǫ-* развивает значение 'дорога' только в словенском и чешском: ср. словен. *tęsníca* 'узкая улица между оградами' (Plet. II, стр. 666), чеш. *těsnice* 'очень узкая улица' (Kott IV, стр. 70). Ср. при этом с другими суффиксальными формантами русск. *теснина*, укр. *тісни́на* 'тесный, узкий проход' (Гринченко IV, стр. 266), болг. *tesnina* то же и с.-хорв. *tesnac* 'узкий проход; ущелье; пролив', словен. *tesnec* 'узкий проход; русло реки'[35].

Собственно, к этой же группе названий примыкает и праслав. **dorga* с первоначальным значением 'долина, овраг', сохранившимся только в южной группе славянских языков: ср. словен. *draga* 'ров, канава, борозда, межа, ущелье в горах; морской залив' и др. (Badjura, стр. 208—209), 'борозда на лугу' (Jarnik VIII)[36], с.-хорв. *drȁga* 'долина' (Iveković—Broz I, стр. 256), чак. *draga* 'долина, ущелье, залив'. Характерное для западной и восточной групп значение 'дорога' сложилось вторично[37].

Словен. *klânec* 'путь или дорога, круто поднимающаяся в гору', у хорватов первоначальное значение — 'узкое ущелье', переносное — 'перевал' (Badjura, стр. 213), *klanz* 'дорога по краю' (Jarnik, стр. 233) при с.-хорв. *klanac* 'узкий проход' (Iveković—Broz I, стр. 529)[38] < **kolnьcь*.

Можно указать и на другие случаи реализации данной модели в славянских языках: ср. укр. *увіз*, *узвіз* 'дорога в овраге, ложбине' (Марусенко, стр. 252), чеш. *souvoz* 'узкая дорога' (Kott III, стр. 540), *úvoz* 'глубокая узкая дорога' (Kott IV, стр. 505), ср. название одной из улиц Брно *Úvoz* при польск. *wąwóz* 'овраг' < **ǫ-vozъ*; укр. *обрі́в* 'сторона дороги' (Марусенко, стр. 238) и др.

IV. Остановимся еще на одной группе названий, условно выделяемой на том основании, что в них заключены некоторые характеристики внешних отличительных особенностей дороги, главным образом ее поверхности ('дорога гладкая, скользкая, крутая'), направления ('дорога прямая, извилистая'). Слова, принадлежащие к данной семантической сфере, не имеют общей

---

[34] K. Moszyński. Pierwotny zasiąg języka prasłowiańskiego, стр. 159—160. Он же. O nazwie jednego z dawnych grodów na rusko-polskim pograniczu. — «Poradnik językowy» 4, 1954, стр. 119.

[35] I. Popović. Указ. соч., стр. 312.

[36] «Versuch eines Etymologikons der slowenischen Mundart in Inner-Oesterreich nach verläßlichen Quellen» bearbeitet von Urban Jarnik. Klagenfurt, 1832, стр. VIII (далее — Jarnik).

[37] K. Moszyński. Pierwotny zasiąg języka prasłowiańskiego, стр. 159.

[38] I. Popović. Указ. соч., стр. 312; F. Bezlaj. Slovenska vodna imena I, стр. 258—259.

словообразовательной структуры. В основном это отглагольные и отыменные образования.

В словенском наиболее четкое выражение получают наименования с общим значением 'кривой извилистый путь, поворот'. Они, как правило, основаны на вторичном использовании лексем с прямым значением 'круг, крюк, поворот'. Отметим наиболее характерные обозначения этого типа:

словен. *ključ*, *ključi*, *okljuki*, *okljûk* 'поворот, извилистая дорога' (Plet. I, стр. 810; Badjura, стр. 284)[39] стоит в одном ряду с с.-хорв. диал. *ȍkjūk* 'неожиданный поворот дороги, тропы'[40], чеш. *úklik* то же (Kott IV, стр. 334), морав. *okluk* то же[41];

словен. (вост. Штирия) *óvrati* plur. 'полевая дорога' (Plet. I, стр. 877) от **vort-* с первоначальным значением 'поворот на пашне, на ниве' обнаруживает соответствие в чеш. *ovrat* 'поворот' (Kott II, стр. 456), *úvrat'*, *úvratě*, *úvratí* 'дорога или межа мимо деревни в поле' (Kott IV, стр. 506), укр. *поворітка* 'поворот на дороге' (Гринченко III, стр. 220), *проворіття* 'просека, промежуток между двумя лесами' (Гринченко III, стр. 461), *зворота* 'межа, оставляемая на поле для проезда' (Гринченко II, стр. 135), блр. *зворо́т* 'возвратный путь' (Носович, стр. 199), русск урал. *заворо́т* 'поворот дороги, тропы' (Сл. сред. Урала, стр. 167), русск. олон. *повертка* 'лесная тропинка' (Подвысоцкий, стр. 124), диал. *изве́рток* 'поворот дороги, распутье, развилье, излом прямого пути' (Даль II, стб. 13), сев. *па́вороть* 'обратный путь; поворот на дороге'[42] и мн. др.;

словен. *krog* 'внезапный поворот дороги' (Badjura, стр. 123) можно, видимо, сопоставить с русск. новг. *круглина* 'окольный или вообще дальний путь, большое расстояние, околица' (Даль II, стб. 200—201) < **krǫg-*;

словен. *ovînek* 'поворот дороги; окольный путь' (Plet. I, стр. 876), *zavinek* то же (Plet. II, стр. 895) от глагола **vijati* является чисто словенским образованием; другую ступень корневого вокализма отражает болг. *заво́й*, *и́звой* 'поворот дороги' (Младенов, стр. 698, 848), макед. *завој* то же;

словен. *okolíš* 'окольный путь' (Plet. II, стр. 812) и русск. диал. *око́л* то же (Опыт, стр. 140), болг. родоп. *колка* то же (БД II, стр. 189);

словен. *ohǫ̂dek* 'окольный путь' (Plet. I, стр. 806), с.-хорв. *ȍhogja* то же (Iveković—Broz I, стр. 881), *ohođa* то же (RJA VIII, стр. 793).

---

[39] F. Bezlaj. Slovenska vodna imena I, стр. 262

[40] J. Jardas. Указ. соч., стр. 398.

[41] F. Bartoš. Dialektologie moravská. Brno, 1886, стр. 51 (далее — Bartoš).

[42] Р. М. Цейтлин. К вопросу о значениях приименной приставки *па-* в славянских языках. — «Уч. зап. Ин-та славяноведения» IX, 1954, стр. 209.

Общей морфологической особенностью отмеченных выше образований является приставка *ob-*.

Из других славянских обозначений, не имеющих словенских соответствий, укажем с.-хорв. *nâklja* 'поворот дороги' (Iveković—Broz I, стр. 743) и укр. житом. *закло* то же[43], макед. *кривина* 'поворот, изгиб дороги', *кривулица* то же; чеш. *úvah* 'кривая дорога' (Kott IV, стр. 422), *výhybka* 'развилка дороги' (Kott IV, стр. 942); возможно, с.-хорв. *kosĭna* 'стезя'[44], ср. макед. *косина* 'откос, перекос'.

Еще большее разнообразие обнаруживают наименования, обозначающие какие-то другие характеристики дороги. Число соответствий здесь невелико.

В некоторых славянских языках для обозначения скользкой дороги используются именные основы, производные от глаголов **padati* и **pъlzati*. Ср. чеш. *úpad*, одно из значений — 'скользкий путь' (Kott IV, стр. 378), и словен. причастное образование на *-l pádalica* 'скользкий путь' (Plet. II, стр. 2). Аналогично образовано словен. *pólzgalica* 'ледяная дорога, каток', *póɫzalica* 'скользкое место; ледяная дорога' (Plet. II, стр. 136). С тем же корнем с.-хорв. *puža* 'крутая тропа' (RJA XII, стр. 818), чеш. *plaz* 'скользкая дорога, скользкое место' (Kott II, стр, 579). Опосредственно с ними связаны русск. арх. *полозновйца* 'колея, след полозьев на снегу' (Подвысоцкий, стр. 130), пск., твр. *полóзница* 'торный зимний санный путь' (Даль III, стб. 260).

От основы **prostь* русск. *прость* 'прямой путь, прямая дорога, прямь' (Даль III, стб. 513), укр. *простéць* 'прямое направление' (Гринченко III, стр. 481), *pr'ostyna* 'простая дорога' (Rudnicki, стр. 29), польск. *prościna* то же (Karłowicz IV, стр. 1028), но словен. *próstec* 'ограда', *prostína* 'свободное пространство в лесу' (Plet. II, стр. 351).

На основе словосочетания 'пешая дорога' в ряде славянских языков сложилось простое обозначение дороги типа укр. *піхурка* 'дорога для пешеходов' (Гринченко III, стр. 189), чеш. *pěšina*, *pěšinka* то же (Trávníček, стр. 1153), ср. словен. *pešpot* то же (Plet. II, стр. 28). Образование явно позднее. По наблюдениям Бахмана, чеш. *pěšina* фиксируется словарями не ранее XVIII в.[45]

Из других подобных обозначений укажем др.-русск. *прѧмица* 'прямой путь' (Срезневский II, стб. 1717), русск. диал. *прямóк*, *прямья́* то же (Даль III, стб. 532), блр. *прямíзна* то же (Носович, стр. 536);

---

[43] А. С. Лысенко. Словарь диалектной лексики северной Житомирщины. — «Славянская лексикография и лексикология». М., 1966, стр. 22.

[44] Это слово с самым общим значением 'staza' приводит: S. Ivšić, Šaptinovačko narečje. — Rad JAZU 168. Zagreb, 1907, стр. 156,

[45] L. Bachmann. Указ. соч., стр. 192—201.

русск. тул. *переу́зина* 'тропа, торинка' (Даль III, стб. 94), чеш. *úžice* 'узкая улица' (Kott IV, стр. 519);

др.-русск. *просу́ха* 'первый сухой путь весной' (Срезневский III, стб. 516), русск. яросл. *сухопут* 'сухой путь, хороший путь' (Мельниченко, стр. 197) и укр. *просу́ха* то же (Гринченко III, стр. 484);

русск. урал. *зи́мник* 'зимняя дорога' (Сл. сред. Урала, стр. 192) и укр. *зімняк* то же (Гринченко II, стр. 153);

русск. олон. *летни́к* 'дорога, по которой ездят только летом' (Куликовский, стр. 52), урал. *вешняк* 'весенний путь, дорога' (Сл. сред. Урала, стр. 76), симб. *песчанка* 'песчаная дорога' (Даль III, стб. 103), диал. *первопу́ток* 'первый снег, первая зимняя дорога' (Даль III, стб. 75);

укр. *талина́* 'растаявший санный путь' (Гринченко IV, стр. 245) при словен. *talína* 'талая земля' (Plet. II, стр. 655);

блр. *больша́к* 'дорога столбовая или обведенная канавами' (Носович, стр. 30), *бережня́к* 'дорога, расположенная по берегу реки' (Носович, стр. 25);

чеш. *rovenka* 'дорога на равнине' (Kott III, стр. 103);

кашуб. *gl'ënòvka* 'глинистая дорога' (Sychta I, стр. 320), *gł'azëzna* 'гладкая поверхность дороги' (Sychta I, стр. 322);

с.-хорв. *sñežànīk* 'путь по снегу' (RJA XV, стр. 865).

Возможны и отглагольные образования этого типа: ср. русск. диал. *коло́зина* 'колея', видимо, связанное с *ко́лзаться* 'скользить' (Фасмер II, стр. 294); блр. *расторо́пица* 'дурная, грязная дорога' (Носович, стр. 559); чеш. диал. *čuchtanica* 'болотистая дорога' (Bartoš, стр. 51), ср. *čuchtat* 'тяжело ходить; болтать?'; с.-хорв. *bljȅčkavica* 'плохая дорога от дождя и снега' при *bljȅčkati se* 'болтать'[46].

V. Небольшую часть словенской дорожной терминологии составляют обозначения дороги, пути для транспорта. Эти названия отражают связь с первоначальными средствами передвижения (колесный транспорт, повозки). Ср. словен. *voznîk* 'проезжая дорога' (Plet. II, стр. 788), слвц. *vozovka* то же (SSJ V, стр. 152);

словен. *kolovòz*, *kolovozína*, *kolovǫ̂znik* 'проезжая дорога' (Plet. I, стр. 426), болг. *колово́з* то же (Геров II, стр. 388);

словен. *kołník* 'проезжая дорога; дорога в лесу' (Plet. I, стр. 425), болг. *колни́къ* то же (Геров II, стр. 388), с.-хорв. *kȏñīk* то же (Iveković—Broz I, стр. 557).

Аналогично образованы русск. диал. *проколе́сина* 'колея' (Даль III, стб. 490), *околе́сная дорога*, *околе́сок*, *околесица* 'окольная дорога, окружной путь' (Даль II, стб. 590), арх. *тележница* 'удобопроезжаемая для телеги дорога' (Подвысоцкий,

---

[46] J. Schütz. Die geographische Terminologie des Serbokroatischen. Berlin, 1957, стр. 69.

стр. 172), др.-русск. *снузьство* 'колесница, путь' (Срезневский III, стб. 779).

VI. В славянских языках представлена особая группа наименований мощеной дороги. Из них, собственно, только одно можно признать общеславянским: русск. яросл. *гать* 'проселочная дорога, вымощенная тонкими древесными стволами, с канавами по сторонам' (Мельниченко, стр. 50), чеш. *hat'* 'дорога, выстланная ветками' (Kott I, стр. 413), др.-серб. *gata* 'плетеный настил, покрытый соломой' [47].

Остальные представлены лишь в отдельных славянских языках. Ср. др.-русск. *припоръ* 'гать, гребля' (Срезневский, II, стб. 1447), укр. *pryp'ir* 'крутая дорога' (Hrabec, стр. 46), русск. яросл. *слань* 'дорога, вымощенная лесом' (Мельниченко, стр. 187); укр. *накiт* 'дорога, выстланная брусьями, а на них сверху толстыми досками, — там, где она проходит через топкое место' (Гринченко II, стр. 493), *чиненик* 'столбовая дорога' (Гринченко IV, стр. 462), полесск. *гребля* 'гать, устроенная на зыбучем торфяном болоте' [48] и мн. др.

VII. Некоторые славянские названия дорог и тропинок основаны на семантическом переходе 'граница, межа' → 'дорога': ср. **medja*—словен. *mêja* 'граница' при укр. *проме́жок* 'полевая дорога по меже между двумя полями, интервал' (Гринченко III, стр. 471), болг. страджан. *мѐждина* 'узкая дорога между плетнями' (БД I, стр. 110), *мѐжденица* 'переулок' (Геров III, стр. 58), чеш. диал. *mezůr* 'улица между двумя рядами домов' (Bartoš, стр. 230); **borzda*—кашуб. *brózda* 'межа, граница, стежка, путь' (Sychta I, стр. 72—73).

* * *

Изучение этой небольшой части славянской лексики показывает, что собственно древними образованиями, сложившимися, видимо, на праславянском уровне, можно признать **ulica*, **pǫtь*, **stьgna*, возможно, **tirъ* / **torъ* и др.

Основную часть славянской дорожной терминологии составляют образования, сложившиеся в эпоху диалектного развития славянских языков. В плане диалектного распределения этой лексики можно отметить следующие моменты. Праславянская основа **dorga* на правах нейтрального дорожного термина выступает только в северно- и восточнославянских языках, южная группа сохранила эту основу в ее наиболее древнем значении 'овраг, долина'. Не обнаруживает соответствий в южнославянских языках восточнослав. *тропа* и некоторые, видимо, довольно поздние севернославянские обозначения тропинки, стежки: ср.

---

[47] F. Bezlaj. Slovenska vodna imena I, стр. 170.
[48] В. Маракуев. Полесье и полещуки. М., 1879, стр. 25.

др.-русск. *гостиньць* 'большая дорога' (XII в.), укр. буков. *гостúнец* то же [49], польск. *gościniec* (Karłowicz I, стр. 884); русск. новг. *головник* 'степная или полевая дорожка, идущая целиной по меже' (Даль I, стр. 907), укр. *сýголов*, *суголóвок* 'межа между двумя полями; полевая дорога' [50]. Карпатским диалектизмом является основа **pьrtь*, только южнославянские языки характеризует основа **gazъ*.

[49] В. А. Прокопенко. Архаізми у склад лексики буковинських говірок. — «Питання історичного розвитку української мови». Харьків, 1962, стр. 336—337.

[50] В. А. Прокопенко. Назви доріг і меж у буковинських говірках. — «Научный ежегодник за 1959 г.» Филологический ф-т. Черновицкий ун-т, 1960, стр. 203—204.

М. Младенов

НАЗВАНИЯ ЧЕРЕПАХИ В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Названия черепахи Testudo в болгарском языке представляют интерес как в лексическом отношении, так и по своему географическому распространению. В связи с названиями черепахи болгарская языковая территория делится на два основных ареала — северный, где названия образованы от корня *кост-*, и южный, с названиями от исходного корня *жел-*. Внутри этих ареалов имеются, однако, дополнительные различия, сформировавшиеся по вторичным признакам путем сочетания общей коренной морфемы с различными словообразовательными элементами [1]. Помимо этого, в ареале названий от корня *кост-* имеется ряд двусоставных названий, обладающих ограниченным, островным характером (см. карту, стр. 107).

По особенностям своей структуры названия черепахи имеют два основных типа: односоставные (простые) и двусоставные (сложные).

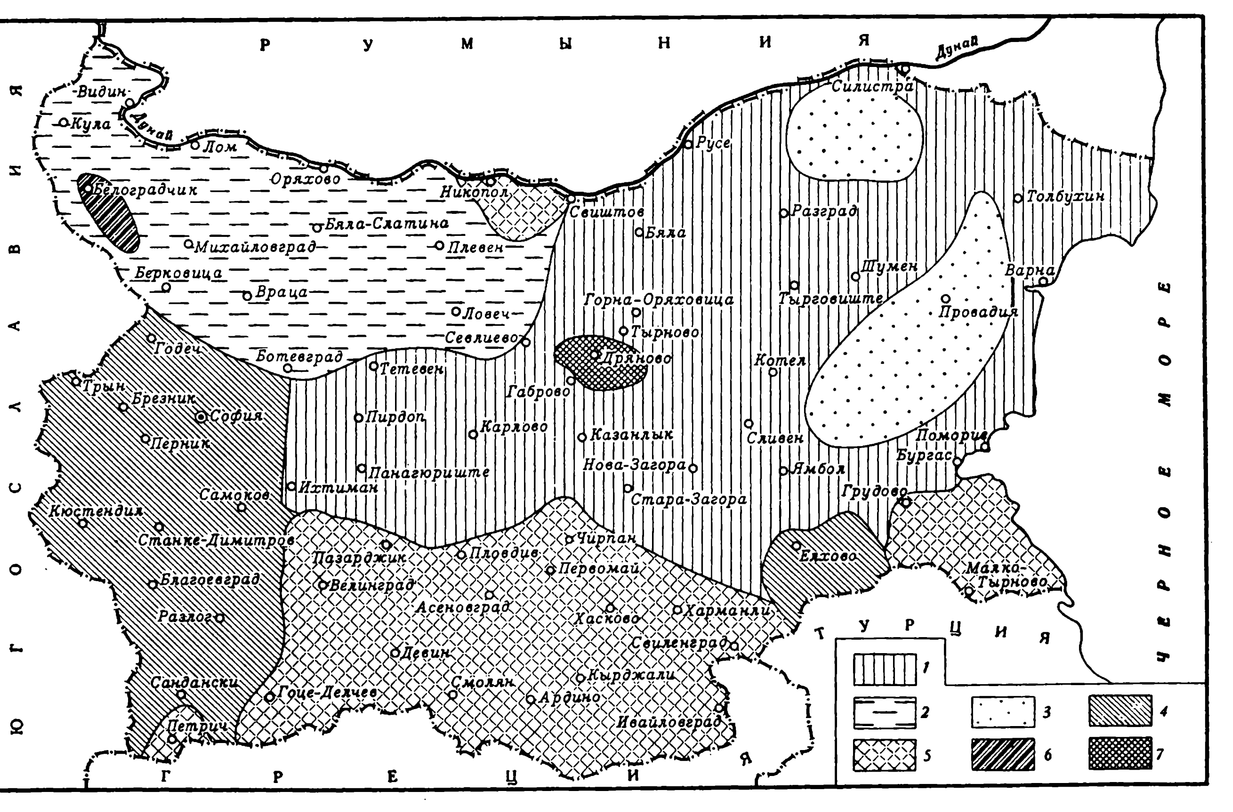
Односоставные названия

Названия от корня *кост-*

Как видно по карте, эти названия распространены в северной части болгарского языкового пространства. В этом совокупном ареале вырисовываются два других компактных меньших ареала: первый занят названием *ко̀стеница*, а второй — названием *костену̀рка*. Прочие названия с корнем *кост-* не имеют столь ясно очерченных ареалов.

Название *ко̀стеница* (*костени̇̀ца*) распространено в западной части Северной Болгарии, в округах Видин, Кула, Лом, Белоградчик, Михайловград, Враца, Берковица, Бяла Слатина, Оряхово, Плевен, Ловеч. В округах Свиштов и Никопол это название имеет фонетический вариант *коштени̇̀ца*. Структура названия

[1] Ср. «Вопросы теории лингвистической географии». М., 1962, стр. 170 сл.

Распространение названий черепахи в болгарском языке

1 — костену́рка; 2 — ко́стеница; 3 — ко́стена жа́ба; 4 — же́лка; 5 — же́лва; 6 — же́лба́ба; 7 — кору́ба жа́ба

совершенно прозрачна: оно образовано от основы *костен-* с суффиксом *-ица*.

Название *костенурка* (с фонетическими вариантами *кост'ънуркъ*, *костъйнурка*, *кустенурка*, *кустинурка*, *костанурка*, *кустунурка*, *кестенурка*, *кистенурка*, *кастенурка*, *коностурка*, *коштънурка*, *къштанурка*) имеет самый обширный ареал. Оно одновременно служит и литературным названием. Оно распространено в округах Ихтиман, Пирдоп, Панагюриште, Тетевен, Карлово, Стара-Загора, Сливен, Ямбол, Бургас, Варна, Толбухин, Силистра, Русе, Тырговиште, т. е. в восточной части Северной Болгарии и на юг от Балкан до склонов Родоп.

Название *кустинуга* (с фонетическими вариантами *куштинуга*, *куштунуга*, *коштануга*, *каштануга*) имеет ограниченное распространение в некоторых селах в округах Пазарджик и Пловдив.

Название *къстънушка* встречается в нескольких селах в Тырновском округе.

Название *костелка* встречается в селе Стрелча, округ Панагюриште.

Название *костенка* встречается в селах Борец и Свобода, Пловдивский округ.

Название *костендилка* встречается в селе Кюлевча, Шуменский округ.

Название *костенурка* образовано от основы *костен-* + суффикс *-урка*, название *кустинуга* — от основы *костен-* + суффикс *-уга*, название *къстънушка* — от основы *костен-* + суффикс *-ушка*, название *костенка* — от основы *костен-* + суффикс *-ка*, название *костендилка* — от основы *костен-* + суффикс *-(д)илка*. В свою очередь название *костелка*, очевидно, образовано от основы *кост-* + суффикс *-елка*.

Названия черепахи, как уже отмечалось, обладают ясной словообразовательной структурой и ясно мотивированы этимологически. Эти названия — подлинные б о л г а р и з м ы, потому что они не имеют соответствий в других славянских языках [2]. Интересно, что то же самое отмечает и Н. М. Дылевский, который подчеркивает: «Изолированным болгарским, не покрывающимся соответствующим русским, является и слово *костенурка* (корень *кост-* . . .)» [3]. Нужно, однако, еще отметить, что названия от корня *кост-* не случайно сосредоточены в этой зоне болгарской языковой территории. Там распространены и другие лексические болгаризмы, например *аз*, *той*, *крак* и т. д., которые указывает С. Стой-

[2] И. Л е к о в. Единство и национално своеобразие на славянските езици в техния основен речников фонд. София, 1955, стр. 39.

[3] Н. М. Д ы л е в с к и й. Главнейшие особенности общеславянской лексики современного болгарского языка (в сопоставлении с общеславянской лексикой русского языка). — «Славистичен сборник», т. I. Езикознание. София, 1958, стр. 105.

ков [4]. Следовательно, можно думать, что названия с корнем *кост-* и все остальные названия (кроме названий с корнем *жел-*) являются в болгарском языке хронологически более новыми, а не принесены болгарскими славянами из своей славянской прародины. Они представляют собой инновации в истории болгарской лексики и, наверное, образованы здесь, на Балканском полуострове.

Названия с корнем *жел-*

Все названия этого типа образуют целостный ареал, расположенный в южной части болгарской языковой территории. Внутри него, кроме того, вырисовываются две четко оформившиеся зоны. В одной из них представлены названия, образованные с суффиксом *-ка*, а в другой — с суффиксом *-ва*. Ограниченное распространение имеют названия *жèлбăба*, *желбъ*, *жел'ỳда*, *жилв'àк*.

Название *желка* (с фонетическими вариантами *жèлк'а*, *жèл'к'а*, *жèл'ка*, *жèлч'а*, *жълка*, *цèлка*, *кèл'ка*) распространено преимущественно в западной части Южной Болгарии (округа Годеч, София, Трын, Перник, Кюстендил, Разлог, Петрич) и в Юго-Восточной Болгарии (Елхово).

Название *жèлва* (с фонетическими вариантами *желвà*, *желвъ*, *жъ̀лва*, *жълвъ*, *ж'ълвà*, *жалвà*, *желвȍ*, *жалвȍ*, *ж'àлва*, *ця̀лва*, *цèлва*, *ц'ȍлва*, *жулвà*, *жèнва*) распространено в округах Петрич, Гоце-Делчев, Велинград, Девин, Асеновград, Пещера, Пловдив, Смолян, Ардино, Златоград, Первомай, Хасково, Харманли, Свиленград, а также в Малко Тырново (Странджа). Помимо этого, в говоре ряда сел района Свиштов—Никопол в средней части Северной Болгарии, на Дунае, тоже есть название *желвъ*.

Ясно, следовательно, что к совокупному ареалу *жèлка* относится и другой, меньший ареал в районе Елхово. Этот факт раскрывает несомненную генетическую связь населения в округе Елхово с населением в Юго-Западной Болгарии, о чем говорят и другие языковые данные [5]. Этот маленький ареал разделяет единый ареал названия *жèлва* современной болгарской территории. Болгарские говоры на юг от болгарской границы, в турецкой и греческой Фракии, тоже знают название *жèлва*. Таким образом, Родопская и Странджанская области по названию черепахи представляют абсолютное единство.

К ареалу *жèлва* (как уже указывалось) относится и группа католических (павликянских) сел в районе Свиштов—Никопол, относительно которых известно, что они происходят из Южной

[4] С. Стойков. Основното диалектно деление на българския език. — «Славянска филология», т. III. Доклади, статии и съобщения по езикознание. София, 1963, стр. 112.

[5] См., например, «Български диалектен атлас», т. I, ч. 1, карты 215, 220, 229, 237, 247, а также ч. 2. София, 1964, стр. 15—16.

Болгарии, из ареала *жѐлва*. Точное время их переселения в Северную Болгарию неизвестно, но в XVI в. они уже были там, о чем свидетельствуют турецкие документы, в которых эти села еще в 1591 г. отмечены как павликянские: Белен-и павликян, Орешан-и павликян и др.[6] Сохранение названий черепахи в течение более четырех столетий показывает большую устойчивость компактно переселившихся говоров.

Название *жѐлва* встречается и в отдельных селениях округов Казанлык, Варна, Шумен, но это, наверное, вызвано поздними переселениями из более южных болгарских областей.

Название *жѐлбӑба* употребляется изолированно в Северо-Западной Болгарии, как остров в ареале названия *кӧстеница*. Оно встречается в нескольких селениях в округе Белоградчик и Видин (Ново село). Это название явилось в результате контаминации названия *жѐлка* (или *жѐлва*) и слова *бӑба*, возможно, по мотивам табу, так как в народе до сих пор живут различные предания и поверия в связи с черепахой [7].

Но островной характер названия *жѐлбӑба* не явился результатом переселений, как указанные выше два изолированных названия в округах Елхово и Свиштов—Никопол. Его распространение имеет архаический характер и свидетельствует, что ареал названий с корнем *жел-* был в прошлом шире, но впоследствии был стеснен новообразованиями.

Название *жилв'ӑк* встречается в с. Трыстеник, округ Плевен.

Название *желбъ̀* встречается в с. Радилово, округ Пазарджик.

Название *жел'ӳда* характерно для сел Кондофрей и Чуковец, округ Радомир.

Названия с корнем *жел-* имеют соответствия в других славянских языках. Они восходят к общеславянскому и древнеболгарскому *желы* [8], которое следует признать исконным, общим названием черепахи в славянских языках. Так, в этом болгарском ареале мы находим сохраненные элементы с общеславянскими чертами, которые не нашли отражения в болгарском литературном языке, причем эти черты совпадают с другими подобными чертами, указанными С. Стойковым [9].

---

[6] Р. Стойков. Наименования на български селища в турски документи на Ориенталския отдел на Народна библиотека «В. Коларов» от XV, XVI, XVII и XVIII век. — «Известия на Народна библиотека „В. Коларов"», Библиотека при Соф. държавен университет за 1959 г., т. I (VII), 1961, стр. 370, 440.

[7] Об этих преданиях см. подробнее: Д. Маринов. Народна вяра и религиозни народни обичаи. — СбНУ, кн. XXVIII, 1914, стр. 103.

[8] См.: С. Младенов. Етимологичен и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941, стр. 165; М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. II. М., 1967, стр. 41.

[9] С. Стойков. Указ. соч., стр. 112.

Единичные названия

На всей болгарской территории, и главным образом в ареале названий с корнем *кост-*, есть несколько названий, которые имеют ограниченное территориальное распространение.

Название *жàба* изредка встречается в некоторых селах в округах Пазарджик, Тетевен, Елхово.

Название *каплѝна* (*каплѝнка*) распространено в нескольких селах в округах Бяла и Русе.

Название *клъпỳнка* (*клъпỳнга*) распространено в нескольких селах в округах Горна Оряховица и Севлиево.

Между этими двумя последними названиями, очевидно, имеется тесная связь как в географическом расположении, так и по происхождению. Наверное, название *клъпỳнка* получено путем метатезы из *каплѝнка*. Происхождение этих названий не очень ясно, но в их основе как будто лежит представление о чем-то накрытом крышкой.

Название *коритàнка* (*куртàнка*) спорадически распространено в округах Тырново, Казанлык, Русе. Оно возникло — по причине внешнего сходства между черепахой и корытом — из слова *корѝто* с суффиксом *-анка*.

Двусоставные названия

Двусоставные (сложные) названия черепахи распространены преимущественно и исключительно в восточной части ареала названий, образованных с корнем *кост-*. По своим структурным особенностям они представляют два основных типа:

а) образованные от прилагательного+существительное *жàба*;

б) образованные от существительного+существительное *жàба*.

К первому типу относятся следующие названия.

Название *кòстена жàба* (с фонетическими вариантами прилагательного — *кòск'ъна жàба*, *кустенѣ жàба*, *кòштена жàба*, *куштенà жàба*, *куштинà жàба*, *кòштерна жàба; гỳштена жàба*, *гуштенѐ жàба*, *гуштинѣ жàба*). Этот тип названия распространен в округах Ямбол, Сливен, Нова-Загора, Поморие, Варна, Толбухин, Силистра. Происхождение его совершенно ясно.

Название *корỳбна жàба* (с вариантами *курỳмна жàба*, *крỳмна жàба*, *кỳра жàба*) распространено в округах Котел, Казанлык, Бургас, Разград.

Название *кỳртена жàба* встречается в селе Сухиндол, Тырновский округ.

Название *карàва жàба* отмечено в с. Обручиште, округ Хасково.

Название *залупчàрска жàба* встречается в с. Шишманово, округ Самоков. Оно возникло по сходству с *залỳпци* 'маленькая деревянная посуда для переноски сыра, соли' (см. и *гъвàн жàба*).

Ко второму типу относятся следующие названия.

Название *куст ънѝшка жа̀ба* (с вариантами *кустенѝшка жа̀ба, куштенѝшка жа̀ба, кустинѐчка жа̀ба*) встречается в округах Горна Оряховица, Тырново, Чирпан.

Название *картану̀шка жа̀ба* употребляется в с. Темнинско, округ Горна Оряховица.

Название *поткорѝтка жа̀ба* встречается в городе Дряново.

Название *кору̀ба жа̀ба* (с вариантами *куру̀ба жа̀ба, кру̀ба жа̀ба*) имеет сравнительно четкий, хотя и ограниченный ареал (см. карту) в районе Тырново и в единичных населенных пунктах на юг, в округах Стара-Загора, Сливен, и на север — в округах Разград и Шумен. Это название представляет интерес, потому что оно в сущности — редупликация двух названий с одним значением 'жаба'. Первый компонент *коруба*, очевидно, следует связать со словом *курба̀* 'жаба' [10], встречающимся в некоторых родожских говорах. Но сейчас в сознании говорящих это значение первого члена двусоставного названия совсем побледнело, почему оно и осмысливается в связи с современным словом *кору̀ба* < *кора̀*.

Название *курита̀нка жа̀ба* (*курта̀нка жа̀ба*) встречается в округах Горна Оряховица, Тырново, Казанлык. Его связь со словом *корито* ясна.

Название *гъва̀н жа̀ба* встречается в с. Полковник-Свештарово, округ Толбухин, и оно образовано с помощью слова *гава́нка* 'маленькая деревянная посуда, деревянная мисочка' (ср. и *залупча̀рска жа̀ба*).

Название *костену̀рка жа̀ба* встречается в с. Страхилово, округ Свиштов.

Название *жа̀ба костену̀рка* (округа Ихтиман, Карлово) и название *жа̀ба курта̀на* (с. Писарево, округ Горна Оряховица) выделяются такой характерной чертой, как препозиция компонента *жа̀ба*, что в целом встречается очень редко.

Редко встречаются и такие названия, как *жа̀ба с коръ* — г. Калофер, с. Деветаки в Ловечском округе, с. Труд в Пловдивском округе.

Двусоставные (сложные) названия стоят в прямой связи с некоторыми из односоставных. Вполне очевиден путь возникновения односоставных названий из двусоставных — через семантическую конденсацию (универбацию), через преодоление лексической и семантической расчлененности двусоставных названий:

ко̀стена (*ко̀штена*) *жа̀ба* → {
ко̀стеница
костену̀рка
ко̀стелка
ко̀стенка
костендѝлка
коштану̀га
}

ку̀ртена жа̀ба → *курта̀нка* и т. д.

---

[10] Т. Стойчев. Родопски речник. — «Българска диалектология. Проучвания и материали», кн. II. София, 1965, стр. 195.

В некоторых случаях, как *костенӯрка жа̀ба*, *курита̀нка жа̀ба*, универбация оказалась недостаточно выразительной, отчего произошли гибридные формы.

Нужно еще добавить, что сложные названия в целом близки друг к другу, что показывает, что для возникновения некоторых из них сыграло свою роль и междиалектное взаимодействие.

Таким образом, на территории болгарского языка известно множество названий для черепахи. Рассмотренные здесь названия собирались в течение длительного времени с помощью очень широкого опроса. Среди них есть такие названия, как *жѐлба̀ба*, *желбъ̀*, *жел'ӯда*, *жилв'а̀к*, *корита̀нка*, *каплѝна*, и многие из числа двусоставных, которые не отмечены в богатом словаре Н. Герова. Однако многообразие названий, как видно, является кажущимся, потому что почти все названия сводятся к двум основным типам — образования с корнем *жел-*, которые занимают южную часть болгарского языкового пространства (более архаичные), и образования с корнем *кост-* (более новые), которые занимают северную часть болгарской языковой территории. Это двойственное деление в общих чертах совпадает с классификацией болгарских говоров, предложенной С. Стойковым, — на центральные и латеральные (периферийные) говоры [11]. Ареал названий с корнем *кост-* приблизительно совпадает с центральной частью болгарских говоров, а ареал названий с корнем *жел-* примерно совпадает с их латеральной частью.

Перевод с болгарского
О. Н. Трубачева

---

[11] С. Стойков. Указ. соч. (см. особенно карту, приложенную к статье).

И. П. Петлева

ПРАСЛАВЯНСКИЙ СЛОЙ ЛЕКСИКИ СЕРБОХОРВАТСКОГО ЯЗЫКА[1], I

Цель настоящей работы дать по возможности полный реестр праславянских слов сербохорватского языка с одновременной фиксацией их реконструированной (фономорфологически) праславянской формы, хронологически приуроченной к концу существования праславянского языка. Ряд слов снабжен необходимыми комментариями. В конце статьи будут изложены некоторые наблюдения над праславянской лексикой сербохорватского языка в сравнении с аналогичной лексикой других славянских языков.

Стараясь дать возможно более полный список праславянских слов в сербохорватском языке, я использовала диалектную и архаическую лексику, а в ряде случаев и топонимы, так как иногда только эти сведения давали возможность включить в состав индекса то или иное слово, в современном литературном языке не сохранившееся. Поэтому в качестве источников были выбраны не этимологические словари, а словарь Вука Караджича и Словарь Югославянской Академии (RJA). Кроме того, нами были использованы материалы словаря Ивековича—Броза и «Сербо-хорватско-русского словаря» И. И. Толстого (ИТ); выписки, сделанные О. Н. Трубачевым из рукописных материалов Сербской АН и др., а также диалектные материалы, собранные В. Михайловичем (см. список использованной литературы).

Методика отбора была следующей: при сплошном просматривании сербохорватских неэтимологических словарей отбрасывались «молодые» слова (новые заимствования, кальки, поздние многоаффиксные производные) и выписывались предположительно древние образования. Затем проводилась проверка отобранных слов на основе имеющейся этимологической литературы. Отсутствие этимологического словаря сербохорватского языка я старалась в какой-то мере восполнить использованием этимологической картотеки сектора, славянских этимологических словарей

---

[1] Данная статья является итогом моей работы, проведенной в Институте русского языка АН СССР под руководством О. Н. Трубачева по методике, разработанной в Секторе этимологии и ономастики при подготовке этимологического словаря славянских языков.

Бернекера и Миклошича, этимологических словарей отдельных славянских языков, выписок из неизданных этимологических материалов П. Скока, сделанных О. Н. Трубачевым, этимологических указаний RJA, монографий о немецких, греческих, тюркских, романских заимствованиях, отдельных словообразовательных заметок и статей. В отношении этимологически неясных слов трудно найти правильное решение вопроса об их включении или невключении в состав праславянского словника, так как это требует специальных этимологических исследований. При работе над индексом я обычно опиралась на существующие этимологические объяснения, не давая новых решений.

В соответствии с практикой составителей Этимологического словаря в индекс включены не только корневые слова, но и разнообразные древние производные. При отборе последних внимание обращалось на древность словообразовательной модели, семантики, характер ударения, время первой фиксации слова и (при наличии данных) на его ареал. Однако порою очень трудно отличить новое слово, образованное по старой модели, сохранившей свою продуктивность до сих пор, от древнего, возникшего еще в праславянский период. Поэтому в индекс невольно могут войти отдельные слова, образованные уже после распада праславянского единства.

В соответствии с выдвинутой в последние годы гипотезой об изначальной диалектной расчлененности праславянского языка и отсюда о предполагаемом наличии праславянских диалектизмов (в частности, словообразовательных и лексических) [2] в список включались не только древние слова, представленные в большинстве славянских языков или в нескольких из них, но и в ряде случаев лишь в одном сербохорватском языке, особенно, если такое слово имеет и.-е. соответствия за пределами славянских языков.

В состав нашего индекса традиционно вошла лишь апеллативная лексика. В праславянский словник включаются заимствования периода праславянского единства — германские, иранские и др. В индексе приводятся, как правило, лишь лексически самостоятельные слова и не приводятся обычно формы словоизменения. Чаще в нем отражены перфективные формы глагола, однако при древности обеих — перфективной и имперфективной — обе и приводятся. В него вошли и древнейшие приставочные глаголы, выражающие разные способы действия: начало, результат, огра-

---

[2] О. Н. Трубачев. Принципы построения этимологических словарей славянских языков. — ВЯ 1967, № 5; Он же. О составе праславянского словаря. — «Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов (София, 1963)». М., 1963; Он же. О праславянских лексических диалектизмах серболужицкого. — «Серболужицкий лингвистический сборник». М., 1963; T. Lehr-Spławiński, F. Sławski. Z pracowni Słownika prasłowiańskiego. — RS XX, 1958.

ничение в длительности действия. Прилагательные даются обычно в той форме, в какой они представлены в словарях, т. е. в большинстве случаев — в нечленной, а в ряде других — в членной форме. Это вызвано еще и тем обстоятельством, что иногда различие по членности—нечленности играет в сербохорватском языке смыслоразличительную роль (ср. *дѐтињā* 'детская' и *дѐтиња* 'беременная'). В индекс не включены некоторые регулярные образования: наречия на *-о*, большинство отглагольных существительных на *-ние*, *-ие* и, как правило, деминутивы. Подробнее о принципах отбора и реконструкции — см. Проспект [3]. В нашем индексе рядом с реконструированными праславянскими формами приводятся реальные сербохорватские слова (в кириллице) в основном в экавском варианте с указанием ударения (если оно отмечено в словарях) и диалектного или архаического характера слова (если также на это есть указания в словарях). При словах даются значения в тех случаях, когда это необходимо: при омонимах, редких (старых или диалектных) словах.

Большой интерес для моей работы представляли уже опубликованные индексы праславянской лексики отдельных языков (польского, чешского, болгарского, сербохорватского) [4] и особенно пробные выпуски Праславянского словаря (Краков) [5] и Основного общеславянского словарного состава (Брно) [6].

В заключение необходимо отметить, что реконструкция праславянского лексического фонда сложна, в определенных пределах — гипотетична.

Мысль, высказанная В. Н. Топоровым о том, что «целый ряд весьма важных для истории праславянского языка условий останется для науки навсегда неизвестным, [но] тем не менее нельзя ставить под сомнение . . . полезность и принципиальную возможность построения истории праславянского языка, [которая], конечно, не сможет точно и вполне адекватно отразить действительную эволюцию праславянского языка» [7], может быть в какой-то степени отнесена и к исследованиям в области реконструкции праславянской лексики. Однако выделение и инвен-

---

[3] Этимологический словарь славянских языков. Проспект. Пробные статьи. Составитель О. Н. Трубачев. М., 1963.

[4] T. Lehr-Spławiński. Element prasłowiański w dzisiejszym słownictwie polskim. — «Studia historyczne ku czci Stanisława Kutrzeby», II. Kraków, 1938, стр. 469—481; T. Orłoś. Element prasłowiański w dzisiejszym słownictwie czeskim. — «Studia z filologii polskiej i słowiańskiej», 3. Warszawa, 1958, стр. 267—283; S. Radewa. Element prasłowiański w dzisiejszym słownictwie bułgarskim. — «Studia z filologii polskiej i słowiańskiej», 4. Warszawa, 1963, стр. 171—199; I. Popović. Geschichte der serbokroatischen Sprache. Wiesbaden, 1960, гл. XVI.

[5] «Słownik prasłowiański». Zeszyt próbny. Kraków, 1961 (ротапринт).

[6] «Základní všeslovanská slovní zásoba». Brno, 1964 (ротапринт).

[7] В. Н. Топоров. Некоторые соображения относительно изучения истории праславянского языка. — «Славянское языкознание». М., 1959, стр. 3.

таризация предположительно праславянского лексического слоя, т. е. древнейшего ядра сербохорватской лексики, думается, будет полезным для дальнейших исследований в области сербохорватского словаря.

*а — *а*, союз
*а — *а*, мждм.
**ablъko* — *jȁбука*, ж.
— *jȁбуко*, ср. (стар.)[8]
**abolnь* — *jȁблāн*, м. 'тополь, купальница', (стар.) 'яблоня'
**agnę* — *jȁгње*, ср.
**agnędь* — *jàгнēд*, м.
**agnętina* — *jàгњетина*, ж.
**agnętjьjь* — *jàгњеħū*
**agnidlo* — *jȁгњило*, ср. (стар. диал. и топон.)
**agnica* — *jàгњица*, ж.
**agniti(sę)* — *jȁгњити(се)*
**agnьсь* — *jȁгњац*, *jагањац* } м. (стар.)[9]
**agoda* — *jȁгода*, ж.[10]
**agodica* — *jȁгодица*, ж. 'ягодка; ежевика', *jȁгодице*, ж. мн. 'скулы'
**agodьnъ* — *jȁгодан* (стар. и топон.)
**aj* — *âj*, мждм.
**aje* — *jáje*, ср.
**ajina* — *jajина* 'яичная скорлупа' (диал. — Maš. 434)
**ajьce* — *jájце*, ср. 'яичко'; 'яйцо' (диал. — сев. и сев.-зап.)
**ajьčьnъ* — *jajчан* (только у Даничича)
jajчен (стар.)
**ajьnъ(jь)* — *jájaн*, *jàjнū*
**a ko* — *ȁко*, союз
**a li* — *ȁли*, союз
**a no*, **a ni* — *ано*, *ани*, союз (стар.)
**apьno* — *вáпно*, *jáпно*, ср. (диал.)
**arьmъ* — *jápам*, м.
**asenъ/ь* — *jȁсēн*, м.
**asika* — *jàсика*, ж.
**astrębъ* || **jastrębъ* — *jȁстрēб*, м.
**ašćerica* — *jȁштерица*, ж.
**ašćerъ* — *jȁштер*, м. (стар. и диал. редк.)[11]
**atje* — *аħе*, союз (стар. редк.)
**a (o)vo* — *аво*, союз (стар.)
**avь* — *jâв*, ж.
jáва, ж.
**aviti (sę)* — *jáвити(се)*
**avorъ* — *jȁвōр*, м.
**avorьnъ* — *jȁвōран* (стар.)
**avьnъ* — *jâван*
**azъ* — *jâ*, мест.
**a že* — *ȁре*, *ар*, союз (стар.)
**ba* — *ба*, мждм.
**baba* 1 — *бȁба*, ж.[12]

---

[8] Оформление этого слова в современном сербохорватском языке по женскому роду характерно и для других южнославянских языков, как и сосуществование у него двух значений — 'яблоко' и 'яблоня'.

[9] Есть предположение о церковнославянском характере с.-хорв. *jȁгњац* («Základní všeslovanská slovní zásoba». Брно, 1964, ротапринт).

[10] С.-хорв. *jȁгода* 'земляника, клубника', стар. и диал. 'ягода (любая)'; диал. 'ягода' (Sus. 161) и 'ягода ежевики' (Maš. 433).

[11] С.-хорв. *jȁштерица* 'прыщик на языке', *jȁштер* 'болезнь горла' (стар. редк.), а также 'гуштер' (в одной загадке и в диал. — Ђор. II, 187). В сербохорватском языке ящерицу обычно обозначают словами *гȕштер*, *гȕштерица*.

[12] С.-хорв. *баба* 1 имеет многочисленные значения: 'бабушка, старуха; жена', 'кормилица' (в Дубровнике); диал. также: 'теща' (ЛМ 366; ГП 79), 'повивальная бабка, акушерка' (Миħ. 172; Вис. 148 и др.), 'пчелиная матка' (там же).

*baba 2 — ба̏ба, ж.[13]
*babica 1 — ба̏бица, ж.
*babica 2 — ба̏бица, ж.
*babinъ — ба̏бин
*babiti — ба̏бити 'принимать при родах, быть акушеркой'
*babъka 1 — ба̏пка, ж.
*babъka 2 — ба̏пка, ж. (диал.)[14]
*babъkъ — ба́бак, м. 'рукоятка косы'
*babьjь — ба̏бљӣ
*babьskъjь — ба̏пскӣ
*bacati, *baciti — ба̏цати, ба́цити
*badati — ба́дати, итер. к бо̏сти
*badъ — ба̑д, м. 'punctus' (1 раз в XVII в.), 'стрекало, палка, которой погоняют волов, буйволов' (диал. — Тр. 75; Ел. I)
*badъlь, *badylь — ба̑даљ, бадељ (диал.), ба̀даљ, бадиљ — м.[15]
*baxorica — ба̏хорица, ж.
*baxoriti — ба̏хорити
*baxorьcь — бахорац, м. (только у Стулли)
*bajalica — ба̏јалица, ж. (только у Кар.)

*bajalьcь — ба̏јалац, м. (только у Стулли)
*bajati — ба̏јати
*bajь — бај, м. 'колдовство' (стар. редк.)
*bajьka — ба̑јка, ж.
*bal(ъ)vanъ || *bъlvanъ — ба̀лван, м.[16]
*ban'a — ба̏ња, ж.
*bara — ба̏ра, ж.
*baranъ — ба́ран, м. (стар. и диал., редк. — Nk 270)[17]
*basnь — ба̏сна, ба̏сан (диал.), ба̏сма — ж.[18]
*batati — ба̑тати
*batina — ба̑тина, ж.
*bat(j)a — ба́та, баħа — м. 'братец'
*batъ || *bata — ба̏т, м., ба̏та, ж.
*baviti(sę) — ба̏вити се 'пребывать где-л.; заниматься чем-л.' ба̏вит 'остаться, задержаться' (диал. — Ел. I)
*bedro — бе̏дро, ср., бе̏дра, ж.
*belnъ — блем, блен — м. 'белена' (стар. редк.)
*berdja — бре̏ђа 'беременная'
*bergt'i — бриjѐħи (стар.)

---

[13] С.-хорв. ба̏ба 2 'небольшая наковальня (гвожђе), на которой косцы отбивают косу'. В том же значении употребляется ба̏бица 2 (только у Кар.); ср. еще диал. с.-хорв. бапка 'стальной инструмент для точки косы' (ЈШ 28).

[14] С.-хорв. диал. ба̏пка (у Кар. ба̀пка) 'начињено као соха (права одозго) те се на њу наслоне два шлемена' (хорв.), 'старинная монета' (имотск.), 'часть седла' (Куч. 16), 'стальной инструмент для точки косы' (ЈШ 28).

[15] С.-хорв. ба̑даљ (хорв.) 'род колючей травы' (босн. ба̑дељ), 'спина у ежа'; 'овод' (по Кар. — черногор.); ба̀даљ (по Кар.-Црмн.) 'стрекало, палка с железным наконечником, которой погоняют волов, буйволов'. Ср. еще ба̑дље, ж. мн., ба̑дљи, м. мн. 'болезнь глаз', 'длака'.

[16] Не исключено, что это тюркизм (Ф а с м е р I, стр. 186).

[17] Существует мнение о неисконном характере этого слова в сербохорватском языке (RJA I, стр. 176).

[18] Мысль о тюркском источнике слова ба̏сма (ИТ) кажется неверной в связи с семантической близостью его 'што бајалица (бајач) говори кад баје' к гл. ба̏јати 'бахорити' и закономерностью перехода -snь > -smь; ср. русск. песня и с.-хорв. пѐсма (< *pěsnь). Видимо, ба̏сма < ба̏сна.

*bergъ — *брêг*, м.[19]
*berkyni — *брèкиња*, ж.
*bermę, -ene — *брȇме*, ср.
*bersky, -ъve — *брȅсква*, ж.
*berstěnъ, *berstьnъ — *брестен*
бриjестан
*berstovъ — *брèстов*
*berstъ — *брêст*, м.
*berza — *брȅза*, ж.
*bez — *без*, предл.
*bezъdъbna/ъ — *бèздана*, ж.
бèздан, м.
*bez(ъ)sěda — *бèседа*, ж.
*bez(ъ)sěditi — *бèседити*
*běda — *бéда*, ж.
*běditi — *бéдити* 'клеветать'
*bědьnъ — *бêдан*
*běgati — *бjȅгати* (стар.)
*běgunъ — *бjèгӯн*, м. (стар.)
бегу́нац, м.
*běgъ — *бêг*, м.
*bělica — *бèлица*, ж.[20]
*bělidlo — *бèлило*, ср.
*běliti — *бéлити*
*bělǫga, *bělǫgъ — *бjȅлуга*, ж., *бjȅлӯг*, м. 'белая свинья' (стар.)
*bělъ — *бйо, бȅо*
*bělъka — *бêлка*, ж. 'белая курица' (диал.)
*bělь — 1 *бȅљ*, м. 'заболонь' (диал. славон.) 2 *бêљ*, м. 'покрывало, одеяло' (стар. и диал. — Ел. I)
*bělьсь — *бéлац*, м. 'белый конь', (стар.) 'белок'
*bělьmo — *белмȍ*, ср. (диал. — Cres), ср. совр. *бедна*, ж.
*běsъ — *бêс*, м. 'бешенство, злоба'
*běsьnъ — *бéсан*
*běžati — *бèжати*
*bičь — *бйч*, м.
*bidlo — *бйло*, ср.
*birati — *бйрати*, итер. к *бра̏ти*
*biti (sę) — *бйти (се)*
*blazniti — *бла̂знити* (стар.)
*blaznь — *бла̂зан*, ж. (стар. редк.)
*blebetati — *блебèтати*
*blekati — *бле́кати*
*blęsti — *блести* 'хулить, болтать' (стар.)
*blěděti — *бле́дети*
*blědъ — *блêд*
*blědьnъ — *блиjèдан* (стар.)
*blějati — *бле́jати*
*blěskъ — *блêсак*, м.
*blixati || *blyxati — *блихати* 'рвать, извергать' (стар. редк.)
*bliskati — *блиjèскати* } стар.
блйскати
*blistati — *блйстати*
*blizna — *блȋзна*, ж. } диал.
блȋзни, ж. мн.
*blizъ — *блȋз*, нареч., предл. и (стар.) прил.
*blizъkъ — *блйзак*
*blizьnę, -ęte — *блȋзне*, ср. 'близнец' (м. или ж. р.) (только у Кар.)
*blizьnъ — *блйзан*, м. 'близнец' (стар. редк.)
*blizьnьсь — *близа̀нац* } м.
блйзнац (стар.)
*bližika — *блйжика*, ж. 'родственник, -ица'
*bližьnьjь — *блйжнӣ* (стар.)
*blǫditi, *blǫděti — *блу́дити* 'развратничать'
блу́дети 'блуждать; заблуждаться, ошибаться'

[19] С.-хорв. *брêг* 'холм, возвышенность, взгорье, горка' (стар. и диал. также 'берег') — древнее значение: ср. др.-в.-нем. *berg* 'гора', гот. *baírgahei* 'горы' и др. (Ф а с м е р I, стр. 153).
[20] См. широкий круг предметов, обозначаемых этим словом (по цвету — 'нечто белое'): вид пшеницы, сливы, черешни, яблони, тутового дерева, почвы и т. д.

*blǫdъ — бл*у̂*д*, м.
*blǫdьnъ — бл*у̂*дан*
blǫsti — блусти 'errare' (стар. редк.)
*blutiti — бл*у̂*тити* 'болтать вздор, валять дурака'
*blъxa — б*у̏*ха*, ж.
blьskati — бускати (стар.)
blьsknǫti — блеснути (диал. босн.)
blьstěti — блештет (диал. — Ел. I)
*blьvati — бљ*у̏*вати*
bl'uditi — бљудити (стар.), несов. к *бљусти*
*bl'udo — бљ*у̏*до*, ср. *бљ*у̏*да*, ж. (диал.)
bl'usti — бљусти 'блюсти' (стар.)
*bl'uščь || *pl'uščь — бљ*у̂*шт*, м.
*bl'uzgati — бљ*у̏*згати* 'лить, хлестать' (хорв.); 'болтать вздор' (Лика; Maš. 426)
bo — бо, союз
*boba, *bobica — бо́ба*, ж.
бо̀бица, ж.
'ягодка, прыщ'
bobovъ — бо̀бов (стар.)
bobrovъ — бо̏бров (только у Стулли)
bobъ — бо̏б, м.
bobьnъjь — бо̏бнӣ
bodati — бо́дати (1 раз в XVIII в.)
bodъ — бо̂д, м. 'укол'
*bodъlь, *bodьl'a — бо̂даљ*, м. 'чертополох', *бодљи*, мн. 'иглы, хвоя', *бо́дља*, ж. 'колючка, шип, игла'
body, -ъve — бо̏два, ж. 'острога, трезубец' (диал. славон.)
bodьcь — бо̀дац, м. 'прострел, колотье; бодливый (вол)'
bodьnъ — бо̂дан
bodьnь — бодањ, м. 'којим орач боцка волове' (диал. — Куч. 47)
bogatěti — бо̀гатјети (стар.)
bogatiti (sę) — бо̀гатити (се)
bogatъ — бо̀гат
bogъ — бо̂г, м.
bogyni — бо̀гиња, ж.
bojati (sę) — бо̀јати се
боја̏т (диал. — Ел. I)
bojaznь — бо̏ја̄зан, ж.
bojь — бо̂ј, м.
bojьcь — бо̀јац, м. (стар.)
bojьnica — бо̂јница, ж.
bojьnikъ — бо̀јнӣк, м. 'драчун', (стар.) 'воин'
bojьnъ — бо̂јан
bokъ — бо̂к, м.
boky, -ъve — бо̏ква, *бо̏квица* } ж. 'подорожник'
bolb(ositi) — блаб(осити) (стар.)
bolestь — бо̀ле̄ст, ж.
bolěti — бо̀лети
bolěznь — бољезан, ж. (стар. редк.)
bolgo — бла̂го, ср.
bolgostь — бла́го̄ст, ж.
bolgь — бла̂г
boltišče — бла̏тӣште, ср.
bolto — бла̏то, ср. 'грязь, болото', (стар.) 'озеро'
boltьnъ — бла̏тан
bolvorъ — бла̏во̄р, *бла̏вӯр*, *мра̏во̄р* } м.[21]
bolzina — бла̀зина, ж.

---

[21] Скок считает это слово балканизмом < иллир. **bolauro*, **molauro* (см.: F. Bezlaj. Etimološki slovar slovenskega jezika. Poskusni zvezek. Ljubljana, 1963).

*bolz(ь)na — *блазна* (диал. Миђ. 258; Ђор. II, 105)[22]
*bolžiti — *блажити*
*bolь — *бол*, м. (стар. — ж.)
*bolьjь — *бољӣ* 'лучший'
*bolьnъ — *болан*
*bora — *бора*, ж.
*borda — *брада*, ж.
*bordatъ — *брадат*
*bordavica — *брадавица*, ж.
*bordьnъ — *брадан* (стар. редк.)
*bordy, -ъve — *брадва*, ж.
*borti sę — *борити се, брати се* (стар.)
*borna 1 — *брана*, ж. 'борона'
*borna 2 — *брана*, ж. 'плотина, насыпь'
*bornati — *бранати* 'боронить'
*borniti — *бранити* 'защищать, запрещать'
*borovъ — *боров* 'сосновый'
*boršьno — *брашно*, ср.
*borvъ — *брав*, м.[23]
*borvьjь — *брављӣ* 'овечий'
*borzda — *бразда*, ж.
*borzditi — *браздити*
*borъ — *бор*, м. 'сосна'
*borьcь — *борац*, м. (RJA) / *борац*, м. (ИТ) } м.
*bosti — *бости*
*bosъ — *бос*
*božica — *божица*, ж.
*božitjь — *божић*, м.
*božьjь — *божјӣ*
*bǫba, *bǫbica — *буба* / *бубица* } ж. 'насекомое'[24]
*bǫbati — *бубати*
*bǫbnǫti — *бубнути*
*bǫb(ъ)la — *бубла*, ж. 'ком'
*bǫbulica, — *бубуљица*, ж. 'прыщик, пузырь'
*bǫbulь — *бубуљ*, м. 'валун'
*bǫbъlь — *бубаљ*, м. 'барабан' (1 раз в XVI в.)
*bǫbьnь — *бубањ*, м.
*bratanitjь — *братанић*, м. 'племянник' (босн.)
*bratanъ — *братан*, м. 'братец'
*bratanьcь — *братанец*, м. 'племянник'
*bratanica — *братаница*, ж. 'племянница'
*bratimъ — *братим*, м. 'побратим' (стар.)
*bratitjь — *братић*, м. 'племянник'
*bratučęda — *братучеда*, ж.
*bratučędъ — *братучед*, м.
*bratьcь — *братац*, м.
*bratьja — *браћа*, ж. собир.
*bratьnьjь — *братњӣ* (стар.)
*bratьskъjь — *братскӣ*
*brexati — *брехати*
*bręcati, *bręčati — *брецати* / *бречати*
*bręknǫti — *брекнути*
*brękъ, *bręka — *брек*, м. / *брека*, ж.
*briditi — *бридити*
*bridъkъ — *бридак, бритак*
*briti — *брити* (стар. и диал. — Црес)
бријати
*britva — *бритва*, ж.
*broditi — *бродити*
*brodъ — *брод*, м.
*brojiti — *бројити*
*brojь — *број*, м.
*brotjь — *броћ*, м. 'марена'

---

[22] С.-хорв. диал. *блазна* 'нека велика змија или аждаха која чува закопано благо' (Миђ. 258), 'кућна змија' (Ђор. II, 105).

[23] С.-хорв. *брав* 'баран (овца, ягненок), козел (коза, козленок)', диал. (Славония, Банат, Бачка) 'боров, кастрированный кабан' (RJA). Диалектное значение является древним: ср. родств. др.-в.-нем. *barug* 'боров'.

[24] См. статью: И. Попович. О словенским коренима **bǫb-* и **pǫp-* и неким њиховим дериватама. — ЈФ XIX, 1951—1952, стр. 167—168.

**bruknǫti* — *брýкнути*
**brusiti* — *брýсити*
**brusъ* — *брŷс*, м.
**bruzgati*, **bruzgnǫti* — *брýждати* 'брызгать, хлестать' *брýзнути* (1 раз в XVII в.)
**bruzgъ* — *брŷзаг*, м. (стар. диал.)
**brъstъ* — *бр̑ст*, м.
**bry*, *-ъve* — *бр̑в*, ж. 'веко' (1 раз в XIII в.)
**brysati* — *бр̏сати*
**bryzgati*, **bryzgnǫti* — *бр̏згати*, *бр̏знути*
**brьna* || **bьrna* — *брна*, ж. 'грязь' (стар.)
**brьnьje* — *брње*, ср. 'грязь' (стар.)
**brъšl'anъ* — *бр̏шљан*, *бршта̄н* м.
**bučati*, **bučiti* — *бýчати*, *бŷчити*
**buditi* — *бýдити*
**buxati 1* — *бýхати* 'стучать'
**buxati 2* — *бу̏јати* (< *бухати*) 'подняться (о тесте)' (только у Кар.)
**bujati* — *бýјати* 'шуметь, бушевать'
бу̏јати 'разрастаться'[25]
**bujьnъ* — *бŷјан* (стар.)
**buka*, **bukъ* — *бŷка*, ж., *бŷк*, м.
**bukati* — *бýкати*
**bukovъ* — *бŷков*
**buky*, *-ъve* || **bukъ* — *бŷква*, ж. 'бук; буква, письмо'
бук, м. (стар.)
**buliti* — *бýљити*
**buna* — *бýна*, *бŷна* (диал. — Ел. I) ж. 'бунт'
**buniti* — *бýнити*
**bur(ь)janъ* — *бу̏рјан*, м.
**burьnъ* — *бŷран*
?**bur'a* — *бŷра*, ж.
**busati sę* — *бу̏сати се* 'бить себя (в грудь)', (диал. — Ел. I) 'мучити се ни за шта'
**bušiti* — *бŷшити*
**bъči*, *-ьve* — *ба̏чва*, ж.
**bъděti* — *бдје̏ти*
**bъdriti* — *бадрити* (редк. диал. — Истрия)
**bъdrъ* — *ба̀дар* (RJA), *ба̏дар* (ИТ) (сейчас только о лошади)
**bъdьnъjь* — *ба̏дњӣ*
**bъdьnь* — *ба̀дањ* (RJA), *ба̏дањ* (ИТ) м.
**bъxnǫti* — *ба̀хнути*, *ба̀нути*
**bъxъtati(sę)* — *ба̀хтати (се)*
**bъxъtъ* — *ба̏хат*, м.
**bъkъvica* — *ба̏квица*, ж. 'жбан'
**bъrbotati* — *брбо̀тати*, *брбóтати*[26]
**bъrkati* — *бр̏кати*
**bъrzati* — *бр̀зати* 'спешить'
**bъrzěti*, **bъrziti* — *бр́зјети* (стар.), *бр́зити* 'торопить'
**bъrzica*, **bъrzdica* — *брзѝца*, *бр̀зица*, *брздѝца* ж.
**bъrzina* — *брзѝна*, ж.
**bъrzъ* — *бр̑з*
**bъrzьсь* — *бр̀зац*, м.

[25] Слово не имеет общепринятой этимологии. С.-хорв. *бу̏јати* 'пышно разрастаться; подниматься (о воде)', перен. 'бурно развиваться' (ИТ) сопоставимо с русск. *буять* 'разрастаться', укр. *буяти* 'разрастаться; резвиться'.

[26] К этому же корню относится еще несколько с.-хорв. глаголов (*бр̏бљати*, *бр̏болити*, *бр̏босати*, *брбýкати*) звукоподражательного характера.

**bъrъ* — *бâр*, м. 'черное (птичье) просо'
**bъzděti* || **pьzděti* — *бȁздети*
**bъzol'a* — *зо̏ља*, ж. 'оса'
**bъzova*, **bъzovina* — *бзо̏ва* / *зо̏ва* } ж. 'бузина'
бзо̏вина (стар.) / *базовина* (стар.) / *зо̏вина* } ж. 'куст, древесина бузины'
**by* — *би*, част.
**bykъ* — *бȋк*, м.
**bylica* — *бѝлица*, ж. (стар.)
**bylь* — *биљ*, ж. (стар.)
**bylьje* — *бȋље*, ср. собир.
**bylьka*, **byla* — *бѝлка*, ж. / *била* 'травка' (диал. — Kast. 388)
**bystrica* — *Бѝстрица* (топон.)
**bystrina* — *бистрѝна*, ж.
**bystrota* — *бистро̀та* ж. (стар., редк.)[27]
**bystrъ* — *бѝстар*
**byti* — *бѝти*
**bytьje* — *бѝће*, ср. 'имущество' (стар.); 'существо'
**byvati* — *бѝвати*, итер. к *бити*
**bьčela* — *пчѐла* / *чѐла* (диал.) } ж.
**bьčelьcь* — *чѐлац*, м.
**bьlnika* — *бу̏ника*, ж.
**bьlnъ* — *бу̑н*, м.
**bьrati* — *брȁти* 'собирать, рвать', (стар.) 'брать'
**bьrdo* 1 — *бр̏до*, ср. 'гора, холм'
**bьrdo* 2 — *бр̏до*, ср. 'бёрдо'
**bьrdidlo* — *бр̀дила*, ср. мн. / *бр̀дило* (диал. — Ел I, Мић. 55)
**bьrdьnъjь* — *бр̏днӣ* 'горный'
**bьrglezъ* — *бр̏гљез*, м. 'поползень'
**bьrkati*, **bьrknǫti* — *бр̏кати* / *бр̏кнути*
**bьrkъ* — *бр̑к*, м.
**bьrlogъ* — *бр̏лог*, м.
**bьrlь* — *брљ*, м.
**bьrvь* — *брв*, ж. (RJA), м. (ИТ) 'бревно; мостик'
**bьrvьno* — *бр̀вно*, ср.
**cęta* — *цѐта*, ж. 'мелкая монета' (стар.)
**cědidlo* — *цѐдило*, ср.
**cěditi* — *це́дити*
**cědjь* — *цȇђ*, м.
**cěglъjь* — *цѝглӣ*
**cělica* — *цѐлица*, ж.
**cělina* — *целѝна*, ж.[28]
**cěliti* — *це́лити*
**cělostь* — *це́лōст*, ж.
**cělovati* — *целѝвати* (ИТ), *целѝвати* (RJA), *цјело̀вати* (стар.)
**cělъ* — *цѐо*
**cělьcь* — *це́лац*, м.
**cěna* — *це́на*, ж.
**cěniti* — *це́нити*
**cěnьnъ* — *цѐнан*
**cěpati* — *це́пати* 'колоть, рвать' / *цѝпȁти* 'колоть' (диал. — Skok) / *цѝпȁт* 'копать глубоко' (диал. — Sus. 154)
**cěpiti* — *це́пити*
**cěpunъ* — *цѝпун*, м. 'отвор на букви, кроз који тече вода на воденично коло' (диал. — ЈШ 49)
**cěpъ* — *цȇп*, м. *цȋп*, м. (диал. — РН 114)

[27] С.-хорв. слова, относящиеся к *бистр-* (< **bystr-*), употребляются сейчас только со значением 'чистый, ясный'. Только сущ. *бистрота* зафиксировано со старым значением 'быстрота' один раз в XIV в.; в XVIII в. оно отмечено уже со значением 'чистота'.

[28] С.-хорв. *целѝна* 'цельность, целое'. Понятие 'целина' передается в сербохорватском языке словами *цѐлица*, *цѐлац*, однако в говорах встречается и сущ. *целина* с этим значением (Vrb. 25; Sus. 154).

**cěrъka* — *цѐпка*, ж.
**cěrьcь* — *цѐпац*, м.
**cěriti* — *цѐрити*
**cěsarь* || **cьsarь* — *цѐсар* / *цȁр* } *м.*
**cěsta* — *цѐста*, ж.
**cětja* — *цйјећа* / *цйјећ* } предл. ʻиз-за, по причинеʼ (стар.)
**cěvъka* — *цȇвка*, ж.
**cěvь* — *цȇв*, ж.
**cěvьnica* — *цјѐвница*, ж. (стар.) ʻсвирельʼ
**cěvьn'akъ* — *цѐвња̄к*, м.
**cipati sę* — *цйпати се*
**cipъ* — *цӣп*, м. ʻкрасный дроздʼ
**čaditi* — *чȁдити*
**čadъ*, **čadь* — *чȁд*, м. (стар.) *чад*, ж. (1 раз в XVIII в.)
**čadьnь* — *чȁдан* (1 раз в XVII в.)
**čajati* — *чȁјати* (стар.) ср. *чаје̏т* ʻчамити, нестајатиʼ (диал. — Ел. II)
čapati — *чапати* ʻхвататьʼ (Stulli)
**čapja* — *чȁпља*, ж.
**čapъkъ* — *ча́пак*, м.
**čara* || **čarь* — *чара*, ж. (стар.) *чȃр*, ж.
**čarati* — *ча́рати*
**čarovati* — *чаро̀вати* (Stulli) / *чваро̀вати* (диал.)
**čarьnica* — *чарница*, ж. (1 раз в XVII в.)
**čarьnikъ* — *чарник*, м. (стар.)
**čarьnъ* — *чȃран* (стар.)
**časь* — *чȁс*, м.
**čaša* — *чȁша*, ж.
**čeka*, **čekъ* — *чека* ʻловачка заседаʼ (диал. — Вис. 25), *чѐк*, м.
**čekadlo* — *чѐкало*, ср.
**čekati* || **čakati* — *чѐкати*, *чȁкати* (стар.)
**čelnъ* — *чла̂н* м. / *члȇн*, м. (стар. и диал. чакав.)
**čelnъkъ* — *чла́нак*, м.
**čelo* — *чѐло*, ср.
**čelověčьjь* — *чо̀вечјӣ*
**čelověkъ*, **čьlověkъ* — *чо̀век*, м. / *чло̀в(ј)ек*, м. (стар. и диал.)
**čelьnъjь* — *чѐлнӣ*, *чѐонӣ*
**čel'adinъ* — *чељȁдин*, м.
**čel'adь* — *чѐља̄д*, ж. собир.
**čel'upina*, **čel'upъ* — *чѐљупина*, ж. мн. (стар.) ʻчелюстиʼ / *чѐљӯп*, м. (в одной песне) ʻчелюстиʼ [29]
**čel'ustь* — *чѐљӯст*, ж.
**čemerika* — *чемѐрика*, ж.
**čemerъ/ь* — *чѐме̄р*, м.
**čemerьnъ* — *чѐме̄ран*
**čepurъ* — *чѐпӯр* / *чȁпӯр* } м.
**čepati* — *че́пати* ʻнаступать, раздавливать; слонятьсяʼ
**čepъ* || **čapъ* — *чѐп* / *чȁп* } м. ʻзатычкаʼ
**čepьcь* — *чѐпац*, м.
**čerda* — *чре́да*, ж.
**čerenьcь* — *чѐренац*, м.
**čer(e)mušь(a)* — *черемуш*, м. (хорв.) / *чремуш*, ж. (хорв.) / *црйјемуша*, ж. (Лика) [30]
**čerenъ* — *чѐрен*, м.
**černъ* — *црѐн* / *чрен* (стар.) } м. ʻручкаʼ

---

[29] Эти с.-хорв. слова сопоставимы с сущ. *чѐљӯст* (и семантически и, видимо, этимологически). Однако они могут быть сравнительно новыми образованиями на с.-хорв. почве, вследствие более поздней и немногочисленной их фиксации (по сравнению с *чѐљӯст*).

[30] RJA фиксирует еще: *цријемош*, *цријемуш*, *цријемуж*, *цријемужа*, а также, вероятно, тоже древние формы с начальным *с* : *сријемуша*, *сријемужа*, *сријемуш*, *сријемуж*.

*čerpati — *црѐпати*
чрепати (стар.)
*čerpъ, *čerpa — *црêп*, м.
чрêп (диал. Kast. 389 и стар.)
црêпа, ж. (диал. — Ел. II)
*čerslo 1 — *чресло*, ср. (стар. и диал.)
*čerslo 2 — *чресла*, ср. мн. (стар.)
*čerzъ — *чрêз*, предл. 'из-за' (диал.) 'через' (стар.)
*čeršьn'a — *трêшња*
црêшња (диал. — Nk. 271)
чрешња (стар.) } ж.
*čertъ — *чрêт*
црêт } м.
*červo — *чрево*, ср. (стар.)
цре́во, ср.
*červьja, *červa — *црêвља* (диал.)
црêва (диал.)
чревља (стар.) } ж.
*červьnica — *чревница*, ж. 'понос' (стар.)
*červьnъjь — *црêвнӣ; чревни* (стар.)
*česmina — *чѐсмина*
чѐсвина } ж. 'каменный дуб'
*česadlo — *чѐсало*, ср.
*česati — *чѐсати*
*česlь — *чêшаљ*, м.
*česno — *чѐсно*, ср.
*česnъ — *чѐсан*, м. 'чеснок'
*česnъkъ — *чеса́нак*, м. (стар.)
чѐсња̄к, м. (диал.)
*četa — *чêта*, ж.
*četvero || *četvoro — *чêтверо* (стар.)
чêтворо
*četverъ || *četvorъ — *чêтвер* (стар.)
чêтвор
*četvьrtъkъ — *четвр̂та̄к*, м.
*četvьrtъjь — *чѐтвр̂тӣ*
*četvьrtь — *чêтвр̂т*, ж.
*četyre — *чѐтири*
*četyre na desęte — *четр̂наест*
*čezati — *чêзати* 'исчезать' (стар. редк.)
*čeznǫti — *чêзнути* 'исчезнуть' (RJA), 'желать, стремиться; тосковать' (ИТ)
*čędo — *чêдо*, ср.
*čędь — *чед*, ж. собир. (стар.)
*čęsta — *чêста*, ж.
*čęstica — *чѐстица*, ж.
*čęstiti — *че́стити* (стар.)
*čęstъ — *чêст*
*čęstь — *чêст*, ж.
*čęstьnъ 1 — *че́стан* 'частичный' (ИТ)
*čęstьnъ 2 — *чѐстан* 'счастливый; честный' (ИТ)
*čěpavъ — *чи̏пав* (диал. — Тр 62; Ел. II)
*čilъ — *чи̏о* 'бодрый, сильный'
*činiti (sę) — *чи̏нити (се)*
*činъ — *чи̑н*, м.
*činь — *чи̑ни*, ж. мн. 'чары, колдовство'
*čirъ — *чи̑р*, м.
*čirьjь — *чирај*, м. (1 раз в XVI в.)
*čir'akъ — *чирјак*, м. (стар.)
*čislo — *чи́сло*, ср. 'число' (стар.), 'четки'
*čisti — *чи́сти* (стар.)
*čistina — *чисти̏на*, ж.
*čistiti — *чи̏стити*
*čistota — *чисто̀та*, ж.
*čistъ — *чи̏ст*
*čistьсь — *чи́стац*, м.
*čitati — *чи̏тати*
*čitavъ — *чи̏тав* 'весь, целый'
*čitъjь — *чи̏тӣ* 'такой же, подобный'

*čižьkъ — чи̏жак, м.[31]
*čudesьnъ — чу̏десан
*čuditi (sę) — чу̏дити (се)
*čudo, -ese — чу̏до, ср.
чудѐсо, ср. (диал. — Ел. II)
*čudьnъ — чу̏дан
*čujati — чу̏јати
*čupati — чу̏пати
*čuperъ(kъ) — чупе́рак, м.
*čupъ, *čupa — чу̏п, м.
чу̏па, ж.
*čuti (sę) — чу̏ти (се)
*čuvati — чу́вати
*čьbanъ — жбȁн, жбȁњ, џбȁн } м.
*čьbьrъ — чà̀бар, м.
*čьjь — чȉј(ӣ)
*čьkati — чкȁти 'ковырять' (Вук.)
*čьlnъ — чу̏н, м.
*čьlnъkъ — чу̏нак, м.
*čьma — ча́ма, ж.
*čьmiti, *čьmati — ча́мити
ча̏мати
*сьrmь — цр̑н, м. и ж. 'ногтоеда'
црњ, м.
*čьrmьnъ — чрман (стар.)
[Цр̀мница (топон.)]
*čьrněti — цр̑њети; црњети (стар.)
*čьrnica — цр̀ница, ж.
црница, ж. (стар.)
*čьrnidlo — цр̀нило, ср.
црнило, ср. (стар.)
*čьrnika — цр̀ника, ж.
*čьrniti — цр̀нити; црнити (стар.)
*čьrnъ — цр̑н 'черный'
чрн (стар.)
*čьrnьcь — црнац, м.
чрнац, м. (стар.)

*čьrpati || *čerpati — цр̀пати
чрпати (стар.)
*čьrpt'i || *čerpt'i — цр̀псти
*čьrstviti — чвр̀стити
*čьrstvьnǫti — чвр̏снути
*čьrstvъ — чвр̑ст
*čьrta — цр̀та, чрта (стар.) } ж.
*črtadlo — цр̀тало, чртало (стар.) } ср. 'сошник, лемех'
*čьrtъ — [цр́тити]
*čьrtati — цр̀тати 'чертить, рисовать'
*čьrva — цр̀ва, ж. 'червоточина'
*čьrviti — цр̀вити (стар. и диал. — Maš. 428)
*čьrvivъ — цр̀вив (стар.)
чрвив (редк.)
црвљив
чрвљив
*čьrvenъ, čьrvjenъ — цр̀вен
чрвен (стар.)
цр̀љен
цр̀вљен
*čьrvjenь — цр̏вēн, ж. 'краснота; скарлатина'
*čьrvotočina — црвòточина, ж.
чрвоточина, ж. (стар.)
*čьrvь — цр̑в, м.
чрв, м. (стар.)
*črvьcь црвац, м.
чрвљи
*čьrvьjь црвљи, чрвљи (2 раза в XVIII в.)
*čьrvьkъ || *čьrv'akъ — цр̀вак, м.
*čьrvьnъjъ — чрвни (редк., стар.)
*čьstiti — чàстити 'почитать, угощать'
*čьstь — чȁст, ж. 'честь; угощение'

[31] RJA ссылается только на одного автора.

*čьstьje — *ча̂шħе*, ср. 'честь, угощение' (редк.)
*čьstьnъ — *ча̏стан* 'честный'
*čьto — *што̏*, *шта̏*, мест.
*da — *да*, союз и част.
*dajati — *дajamu* (стар.), итер. к *дати*
*dalekъ — *да̀лек*
*dalь — *да̂љ*, ж.
*dalьnьjь — *да̂љнӣ*, *да̂љњӣ*
*danъkъ — *да́нак*, м.
*danь — *дан*, ж. (стар.)
*dariti — *да́рити* (стар.)
*darovati — *даро̀вати*
*darъ — *да̂р*, м.
*darъkъ — *да́рак*, м
*darьnъ — *да́ран* (стар. редк.)
*datelь — *да̏тељ*, м. (стар.)
*dati — *да̏ти*
*datja — *да̂ħа*, *да̏ħа* } ж. (стар).
*davati — *да́вати*, итер. к *да̏ти*
*daviti (sę) — *да́вити(се)*
*davьnъ(jь) — *да́ван*, *да̂вњӣ* (стар.)
*debelъ — *дѐбео*
*delbti — *длисти* (диал.)
*delbto — *дле́то*, ср.
*dernъ — *дре̏н*, м.
*derti — *дре̏ти*
*dervenъ — *дре̏вен*
*dervo — *дре̂во*, ср. (диал. — Црес.)
*dervьje — *дриjевље*, ср. собир. (стар.)
дривље (диал. — Skok)
*dervьnъjь — *дре̂внӣ*
*desętero || *desętoro — *де̏сетеро* *десеторо*
*desęterъ — *де̏сетер* (стар.)
*desętina — *десѐтина*, ж.
*desętъjь — *дѐсе̄тӣ*
*desętъkъ — *десе́так*, м.
*desętь — *де̏се̄т*
*desiti — *дѐсити* (RJA)
де̏сити (ИТ)
*desnica — *де̏сница*, ж.
*desnъ(jь) — *де̏снӣ* (ИТ)
дѐснӣ и *де̏сан* (RJA)
*devętero || *devętoro — *де̏ветеро*, *де̏веторо*
*devęterъ — *де̏ветер*
*devętina — *девѐтина*, ж.
*devętъjь — *дѐве̄тӣ*
*devętъkъ — *деве́так*, м.
*devętь — *де̏ве̄т*
*devętь na desęte — *девѐтнаест*
*devetь desętъ — *деведѐсе̄т*
*devę(tь) silъ/ь — *девѐсиљ*, м. (стар.)
*dęsla — *де̂шли*, ж. мн.[32]
*dęsna — *де̂сна*, ж. (стар., диал.)
де̂сни, ж. мн.
*dętelina — *де̏телина*, ж.
*dętelъ || *dętelь || *dętьlъ — *дје̏теo*, м. (стар.)
дје̏тељ, *де̏тељ*, м. (диал.)
дѐтао, м.
*dědina — *дjѐдина*, ж. (стар.)
*dědinъ — *дjȅдин* (стар.)
*děditjь — *дjȅдиħ*, м. (стар. диал.)
*dědovъ — *де̏дов*
*dědъ — *де̏д*, м.
де̏да 'отец, отец матери, тесть' (диал. — ЛМ 222)
*dělati — *дѐлати* (редк.)
*děliti (sę) — *де́лити (се)*
*dělo — *де̏ло*, ср.
*dělъ — *де́л* (диал. чакав.)
ди̏о, *диjел* } стар. } м.
*děl'a — *диља*, *диљ*, *дил* } предл. (стар.)
*dětę, -ęte — *де́те*, ср.
*děti — *де̏ти* 'деть'
ди̏ти (стар.) 'говорить'
*dětinьjь — *дѐтињӣ* 'детский'

[32] RJA считает, что это испорченное *десни*, но ср. польск. *dziąsła*.

**dětinьja* — *дјѐтиња* 'беременная' [33]
**dětь* — *дӣјет*, ж. собир. (стар.)
**dětьca* — *дѐца*, ж. собир.
**dětьcь* — *дијѐтац*, м. (стар.)
**děva* — *дéва*, ж.
**děvaja* — *деваја* (стар.)
**děvati* — *дéвати*, итер. к *дѐти*
**děverь* — *дȅвер*, м.
**děvica* — *дȅвица* 'служанка' (диал. — Kast. 390; Sus. 157)
**děvičьjь* — *дјѐвичијӣ* (стар.)
**děvičьskъjь* — *дјѐвичаскӣ* / *дјѐвичкӣ* (стар.)
**děvojьka* — *дѐвōјка*, ж.
**děvъ* — *дјȅв* / *дјȅв*, м. стар.
**děvьcь* — *дјевац*, м. (стар.)
**děvьnъ* — *дјȅван* (2 раза — в XVII и XVIII в.)
**děvьskъjь* — *дјȅвскӣ* (стар.)
**děža* || **děži*, *-ьve* — *дӣжа* / *дӣжва* ж. (диал.) *дијежва* (диал. — Вис.; Kan. 268)
**dira* — *дира*, ж.
**dirati* — *дӣрати*, итер. к *дрети*
**divina* — *дивѝна* / *дивљѝна* ж.
**diviti (sę)* — *дӣвити (се)*
**divьjь* — *дивљӣ* / *дȉвијӣ* / *дȉвјӣ*
**divьnъ* — *дȉван*
**do* — *до*, предл.
**doba* || **dobь* || **dobo* — *дȍба* (ср. нескл. — ИТ) *дȍб*, ж. *дȍбо*, ср. (диал. — Ел. I) [34]

**dobaviti* — *дȍбавити*
**doběgt'i* — *дȍбећи*
**doběžati* — *добѐжати*
**dobrina* — *добрѝна*, ж.
**dobro* — *дȍбро*, ср.
**dobrota* — *добрȍта*, ж.
**dobrovati* — *добрȍвати*
**dobrъ* — *дȍбар*
**dobryni* — *Дȍбриња* (топон.) *добрѝња* — эвфемистич. название зла, болезни (диал. — Ел. I)
**dobyti* — *дȍбити*
**dobytja* — *добӣћа*, ж. (стар.)
**dobytь* — *дȍбӣт*, ж.
**dobytьje* — *добӣће*, ср. (стар.)
**dobytъkъ* — *добӣтак*, м.
**dobyvati* — *добӣвати*, итер. к *дȍбити*
**dočęti* — *дȍчети* (стар.) 'кончить'
**dodati* — *дȍдати*
**dodatъkъ* — *додáтак*, м.
**dogoditi(sę)* — *догȍдити(се)*
**dogъnati* — *дȍгнати*
**doxoditi* — *дохȍдити*
**doxodъ* — *дȍход*, м.
**dojica* — *дȍјица*, ж.
**doji(d)lica* — *дȍјилица*, ж.
**dojiti* — *дȍјити*
**dojьcь* || **dъvojьcь* — *дȍјци*, м. мн.
**dojьnъ* — *дојан* (стар.)
**doјěxati* — *дȍјахати*
**dojьti* — *дȍћи*
**dokazati* — *докáзати*
**dokonati* — *докȍнати*
**dola*, **dol'a* — *дȍла* / *доља* ж.
**dolaziti* — *дȍлазити*
**doletěti* — *долѐтети*

[33] С.-хорв. прилаг. *дȅтињӣ* 'детский' употребляется только в полной форме, а прилаг. *дјѐтиња* 'беременная' — только в краткой, и это формальное различие выполняет здесь смыслоразличительную функцию.

[34] Первонач. ср. рода (*дȍбо*) сохранился в сербохорватском и в верхнелужицком.

*dolga — *длага* (диал., Далмация); *длази* 'дашчице за привијање сломљених удова' (диал.— Миһ. 386)
*dolina — *дòлина*, ж. (RJA) *долѝна* (ИТ)
*dolinьnъjь — *дòлињӣ* (стар.)
*doliti — *дòлити*
*dolka — *длăка*, ж.
*dolnь — *длăн*, м.
*dolъ — *дô*, м.
*dolьnъjь — *дôљнӣ*, *доњӣ*
*dol'aninъ — *дòљанин*, м.
*domatjьjь — *дòмāћӣ*
*domatjьnъjь — *дòмāшњӣ*
*domъ — *дôм*, м.
*donesti — *донêс* (диал. — Ел. I)
*donositi — *донòсити*
*doperti — *дòпрēти*
*dopъlzt'i — *дòпусти* (1 раз в XV в.)
*dorga — *дрăга*, ж.
*dorgъ(jь) — *дрâг*, *дрâгӣ*
*dorgyni — *дрàгиња* (стар.) / *драгиња* (диал. — Skok) / *драгѝња* (диал. — Cres) } ж.
*dorъ — *Дор* (топон.)
*dosada — *дȍсада*, ж.
*dosaditi — *дȍсáдити*
*do se lě — *дòселе* (стар.) / *дȍслē* } нареч.
*doségati — *досéгати*
*dosěgt'i — *досéћи*
*dosęgnǫti — *досéгнути*
*dospěti — *дòспети*
*dostati — *дòстати*
*dostignǫti — *дòстигнути*
*dostigt'i — *дòстићи*
*dostojati(sę) — *достòјати(се)*
*dostojь — *достој*, м.
*dostojьnъ — *дòстōјан*
*dostǫpiti — *достýпити* (стар.)
*dosupti — *дòсӯти*
*dosypati — *дòсипати*
*dotekt'i — *дотèћи*
*do to lě — *дòтоле̄* (стар.) / *дȍтле̄* } нареч.
*dovelkt'i — *довýћи*
*dovesti — *довèсти* 'довести'
*dovezti — *довèсти* 'довезти'
*dovoditi — *довòдити*.
*do voli — *довољ*, нареч. (стар.)
*dovoliti(sę) — *довòлити(се)* (стар.)
*dovolьnъ — *дȍвōљан*
*dovoziti — *довòзити*
*dovьlěti — *довӣлēт* 'дојадити, доћи до душе, дотужити' (диал. — Ел. I)
*dǫbovъ — *дŷбов*
*dǫbrava || *dǫbrova — *дỳбрава*, ж. *Дỳбрōвник* (топон.)
*dǫbъ — *дŷб*, м.
*dǫbьje — *дŷбље*, ср. собир.
*dǫga — *дýга*, ж.
*drapati — *дрáпати*
*dražiti — *дрáжити*
*drevьnъ(jь) — *дрêвнӣ* (ИТ)
*dręxolъ, *dręselъ — *дрехал* (Скок Эт.) *дрèсео* (стар.)
*dręždžati — *дрéждати*
*drěčьnъ — *дречан* (стар. и диал.) *дричан*
*drěkъ — *дрек* м. (диал.)
*drěmati — *дрéмати*
*drěmъ — *дрêм*, м.
*driskati || *dristati — *дрúскати* (диал.) *дристати* (диал.)
*droba — *дроба* 'еда' (диал. — Вис. 22)
*drobiti — *дрòбити*
*drobъ || *dropъ — *дрôб* / *дрȍп* } м.
*drobьnъ — *дрȍбан*
*dropy || dropja — *дрȍпља*, ж.
*drozdъ — *дрôзд*, м.

*drozgati — [см. здро́згати]
*drozgъ — дро̑зак, м.
*droždža — дро̀жда, ж.
*drǫgъ, drǫga || *drǫkъ — дру̑г, м.
— дру̑га, ж. (диал.)
друк, м. (диал.)
*drugъ — дру̑г, м.
*drugъjь — дру̑гӣ
*družina — дру̀жина, ж.
*družiti (sę) — дру́жити(се)
*družьba — дру̀жба, ж.
*družьnъ — дружан (Stulli)
*drъgati — [см. др̀ктати, др̀хтати]
*drъgъtъ — др̏хат, др̏кат } м.
*drъvěnъ || *drъvьnъ — др̏вен, дрван
*drъvo — др̏во, ср.
*drъvьje — др̑вље, ср. собир.
*drъvьnъ — дрван (стар.)
*dryxati — дри́хати (диал.)
*duda — ду́да, ж.
*dudati — ду̏дати
*duxъ, *duxa — ду̑х, ду̏х, диал. ду̀х — м.
ду̏ха, ж. (стар.)
*duxadlo — ду̀хало, ду̏вало } ср.
*duxati — ду́хати
ду́вати
*duxnǫti — ду́(х)нути
*du(d)lo — ду̏ло 'часть мехов' (диал.), ду̏ло 'жерло источника' (диал. — Gter 65 и др.) } ср.
*dulьcь — ду̏лац, м.
*dumati — ду̀мати (стар. и диал.)
*dunǫti — ду̏нути
*dupiti — дупити (1 раз в XV в.)
*dupьl'a || *dupъlo — ду́пља, ж. ? дубло (диал. — Gter 46)
*duriti (sę) — ду́рити (се)
*durьnъ — ду̏ран

*duša — ду́ша, ж.
*dušiti — ду́шити
*dušьkъ — ду́шак, м. 'вздох'
*dušьnikъ — ду̀шник, м. 'дыхательное горло'
*dušьnъ — ду́шан (стар.)
*duti (sę) — ду̏ти (се)
*dvęka — двёка, ж. 'деготь' (диал.)
*dvignǫti — дѝгнути
*dvigt'i — дѝћи
*dvizati — дѝзати, двѝзат се (диал. — Sus. 158)
*dvizь — двиз (стар.)
[см. двизац, м.
двизе, ср.
двизица, ж.]
*dvorišče — дво̀рӣште ср. (ИТ)
дво̀риште, дво̀рӣште } ср. (RJA)
*dvorъ — дво̑р, м.
*dvorьnikъ — дво̑рнӣк, м.
*dъbna — дна, ж. (стар.)
*dъbno — дно̏, ср.
*dъbrь — Дабар (топон.), дебри, мн. (стар. — только 1 раз; см. еще Gter. 38)
*dъxati — да́хати (стар.)
*dъxnǫti — да̀хнути
*dъxorь — тво̑р, м. 'хорек'
*dъxъ — да̑х (стар.), да̏х (ИТ) } м.
*dъkt'i, -ere — кћи̂, ж.
*dъska — да̀ска, ж.
*dъščanъ — да̏шчан (Вук.)
да̀шчан (ИТ)
*dъva — два̂
*dъva desęti — два́десе̄т
*dъva na dcsęte — два́наест
*dъva šьdi — два̂жде (диал.)
два̂шти (стар.)
два̂ш
*dъvě sъtě — две̏ста
*dъvojakъ — дво̏ја̄к, м.
*dъvojiti — дво̀јити
*dъvojь, *dъvoje — двој, дво̏је
*dъžd(ž)iti — да̀ждети

*дъždžь, *dъždža — *дäжд*, м., *дäжда*, ж. (стар.)
*dъždžьnъ — *дäждан*, *дäжден* (стар.)
*dybati — *дибати* (стар. и диал.)
*dyxati — *дӣхати*
*dyxnǫti — *дӣхнути*
*dyxъ — *дих*, м. (стар. и диал.)
*dymati — *дӣмати* (стар.) итер. к *дути* [см. еще *надӣмати*]
*dymiti (sę) — *дӣмити (се)*
*dymъ — *дӣм*, м.
*dyždžь — *дижд*, ж. (стар.)
*dьlbati — *дäлбат* ʻрыть, копатьʼ (диал. — Sus. 156)
*dьlbidlo — *дӳбило*, ср.
*dьlbiti — *дӳбити*
*dьlbti — *дӳлсти*
*dьlbъ — *дуб*, м. (1 раз)
*dьlbъkъ, *dьlbьсь — *дӳбак* (диал. — Gter. 47), *дӳбац* (диал.) м.
*dьlgota — *дугдта*, ж. (стар.)
*dьlgъ 1 — *дӳг*
*dьlgъ 2 — *дӳг*, м.
*dьlžalica — *дӳжалица*, ж. (диал.)
*dьlžina — *дужӣна*, ж.
*dьlžiti — *дӳжити* (диал.)
*dьlžь — *дӳж*, ж. (стар.)
*dьlžьnikъ — *дӳжнӣк*, м.
*dьlžьnъ — *дӳжан*
*dьlina — *дљӣна*, ж.
*dьliti — *дљӣти*
*dьnevьnъ(jь) — *днёван*, *днёвнӣ*
*dьniti — *дáнити*
*dьnь — *дâн*, м.
*dьn(ьn)ica — *дàница*, ж.
*dьnьnъjь — *дâнӣ*
*dьnь sь — *дàнас*, нареч.
*dьrača, *dьračь — *дрäча*, ж., *дрäч*, м.
*dьrati — *дèрати*
*dьrexa || drěxa — *дрёха*, ж.
*dьrmati, *dьrmiti — *др̀мати*, *др̀мити*
*dьrpati, *dьrpiti — *др̀пати*, *др̏пити*
*dьrti — *др̀ти* (стар.)
*dьrzъ — [см. *дрзма*]
*dьržadlo — *др̀жало* ср. (стар.)
*dьržati (sę) — *др̀жати (се)*
*dьržava — *др̀жава*, ж.
*dьržavьnъjь — *др̀жāвнӣ*
*dьržьkъ, *dьržakъ — *др̀жак*, м.
*e da || *ěda — *ёда*, част. ʻлиʼ
*ei — *éја*, част. ʻдаʼ (диал.)
*ej — *êј*, мждм.
*e (o)no — *ёно*, *èнē*, *ёни* част.
*e to — *èтō*, *èтē* част.
e (o)vo — *ёво*, *èвē* част.
*edinakъ, *edinъkъ — *једӣнāк*, м. (1 раз в XIII в.) *једӣнак* м. (стар.) ʻединственный сынʼ
*edinica — *једӣница*, ж. ʻединственная (дочь)ʼ и др.
*ediniti — *једӣнити*
*edinъ(jь) — *јёдӣн*, *јёдӣнӣ*
*edinьсь — *једӣнац*, м. ʻединственный (сын)ʼ и др.
*edla — *јéла*, *јёла* (диал.) ж.
*edly, -ъve — *јêлва*, ж. (диал.)
*ed(ъ)va — *јèдва*, нареч.
*edьnakъ — *јёднāк*
*edьnъ — *јèдан*
*edьnъ na desęte — *једàнаест*
*elenina — *јèленина*, ж.
*elenь — *јèлен*, м.
*elenьjь — *јèлењӣ*
*elito — *јелито*, ср. (стар. редк.)
*elьxa || *olьxa — *јóва*, *јóха* ж.
*elьša — *јёлша*, ж. (сев.-хорв. — Вук.)
*esènina — *јесèнина* (RJA), *јёсенина* (ИТ) ж.

**esenь* — *jȅсе̄н*, ж.
**esenьnьjь* — *jѐсе̄њӣ*
**esenь sь* — *jесѐнас*, нареч.
**esetra* — *jѐсетра*, ж.
**esi* — *jѐси*
**esmь* — *jѐсам* / *сам* — формы наст. вр. гл. **byti*- *бӥти*
**estь* — *jȅст* / *je*
**ešče* || **ješče* — *jȍшт(е)* / — *jȍш* / *јоштер* — нареч.
**ezero*, **ezerъ* — *jȅзеро*, ср.
jȅзе̄р, м. (диал.)
**ezerьnъ* — *jȅзеран*
**ežiti sę* — *jéжити се*
**ežь* — *jȇж*, м.
*(j)ęcati — *jȅцати*
*(j)ęčati — *jéчати*
*(j)ęčьmenьnъ(jь) — *jѐчмен(ӣ)*
— *jа̀чменӣ*
*(j)ęčьmy, -ene — *jѐчам*, м. 'ячмень'
ja̋чмен, м. 'ячмень', у Кар.: 'ячмень на глазу'
jȅчме̄н, м. 'ячмень' (редко), у Кар.: 'ячмень на глазу'
*(j)ęčьmykъ — *jачмик*, м. 'ячмень' (чакав. — 'ячмень на глазу')
jȅчмӣк / *jȇчмӣк* — м. 'ячмень на глазу'
**ęčьnъ* — *jечан* (только у Стулли)
*(j)ękati, *(j)ęknǫti — *jéкати*
jéкнути
ȅкнут
'ударить со звуком' (диал. — Ел. 1)
*(j)ękъ, *(j)ęka — *jȇк*, м.
jȅка, ж.
*(j)ęti, **jьmǫ* — *jѐти* (стар. и диал.)
*(j)ętra — *jȇтра* / *jȅтра* — ж. 'печень'
*(j)ęza — *jéза* 'дрожь, жуть'

**ęziti* — *jезйти* 'сердиться, злиться' (диал. — Skok)
**ěditi* — *jéдити* 'злить'
**ědivo* — *jȅдӣво*, ср.
**ědja* — *jȅђа*, ж. 'еда' (стар.)
**ědlo* — *jȅло*, ср.
**ědmь* — *jȇм* 1 л. от *jȅсти*
**ědro* 1 — *jȅдро* / *ja̋дро* — ср. 'парус'
**ědro* 2 — *њедра*, ср. мн.
**ědъ* || **jadъ* — *jȇд*., м. 'яд' 'горечь, злоба'
jа̂д, м. 'яд', 'гнев'
ja̋д 'горе'
**ědъkъ* || **jadъkъ* — *jȇдак* / *jȇткӣ* / *jȅдак* / *jȅтки* — 'едкий, злой'
**ěsti* — *jȅсти*
**ěstivo* — *jȅстӣво*, ср.
**ěstva*, **ěstvo*, **ěstvina* — *јиства*, ж. (стар. редк.)
јиство, ср. (1 раз в XVI в.)
jȅствина, ж. 'еда'
**ězda* || **jazda* — *језда*, ж. (стар. редк.)
**ězditi* || **jazditi* — *jѐздити* (RJA)
jéздити (ИТ)
**ězdъ* || **jazdъ* — *језд*, м. (стар. редк.)
**ěziti* — *jáзити*
ja̋збити
**ězvina* — *ja̋звина* (стар.) / *ja̋збина* — ж.
**ězvьcь* — *ja̋завац* / *ja̋звац* (редк. стар.) / *јабзац* (чакав.) — м.
*(j)ězъ, *(j)ězь — *jа̂з*, м. 'канал'
— *јаз*, ж. (1 раз в XVI в.)
**ězьnъ* — *јазан* (стар.)

*ěža — *jȁжа*, ж.
?**gaba* — *гȁба*, ж. 'подагра' (диал.)
?**gabavъ* — *гȁбав*
**gadina* — *гадина*, 'дикий зверь, волк' (диал. — ЛМ 393, 583)
**gaditi* — *гȁдити*
**gadъ* — *гȁд*, м.
**gadьnъ* — *гȁдан*
**gadjati* — *гáђати*
**gagati* — *гáгати*
**gajiti* — *гáјити*
**gajь* — *гȃј*, м.
**gaka* — *гȁка*, ж.
**gakati* — *гáкати*
**gakъ* — *гȃк*, м. 'грач' (диал.), 'цапля', 'крик, гвалт'
**galębь* — *гȁлēб*, м. 'чайка'
**galica* — *гàлица*, ж.
**galiti* 1 — *гáлити* 'таращить глаза' (стар.), 'стремиться, тосковать' (диал.)
**galiti(sę)* 2 — *гáлити (се)* 'покрывать облаками (небо), студить' (в нар. пословице — диал.); 'прояснять, -ся' (Лика); 'засучивать, заворачивать' (в нар. песне)
**galiti* 3 — *галйт* 'утолять боль, успокаивать' (диал. — Ел. I)
**galitjь* — *гàлић*, м. 'ворон'
**galovornъ* — *галòвран*, м.
**galъ* — *гао* (стар. редк.) 'гадкий', '*черный'
**galьcь* — *гáлац*, м.
**garišče* — *гàриште*, ср. (стар.)
**gariti* — *гȁрити*
**garь* — *гȃр*, ж.
**gasiti* — *гáсити*
**gasnǫti* — *гȁснути*
**gatati* — *гáтати* 'гадать, ворожить, лечить знахарством'
**gatiti* — *гȁтити* 'делать канаву, запруду'
**gata*, **gatъka* — *гáта*, ж. (редк.) 'гатање; сијери, маштаније' (RJA)
— *гâтка*, ж. 'загадка, басня, сказка'
**gatь*, **gata* — *гȃт*, м. *гата*, ж. (стар. редк.) } 'канава, запруда'
**gatjě* — *гȁће*, ж. мн.
**gatьcь* — *гáтац*, м. (редк.)
**gavęzъ* — *гȁвез*, м. название ряда растений
**gaviti sę* — *гавити се* 'мало се гадити'
**ga(jь)vornъ* — *гȁврāн*, м.
**gaziti* — *гȁзити*
**gazъ* — *гȃз*, м.
**gladidlo* — *глàдило*, ср.
**gladiti* — *глȁдити*
**gladъkъ* — *глȁдак*
**glezьnъ/ь*, **glezьno* — *глȅжањ*, м. *глезно*, ср. (только в одном словаре и диал. — Sus. 159)
**ględati* — *глȅдати*
**ględъ* — *глȇд*, м. 'взгляд; вид' и (диал. — Ел. I) 'красота'
**ględьnъ* — *глȅдан* (стар. и диал. — Ел. I)
глéдан (диал. — Вук. 382) 'видный, красивый'
**glibъ* — *глȋб*, м.
**glina* — *гњйла* — *глина* (стар.) } ж.
**glista* — *глúста*, ж.
**gliva* — 1. *гљйва*, ж. *глйва* (диал. — Skok) } 'гриб, губка, трут'
2. *глива* 'glanda' (стар.)
**glivati* — *гливати* 'глотнуть' (диал.)
**globa* — *глòба*, ж.
**glodati* — *глòдати*
**glogyni* — *глòгиња* *глогйња* (диал. — Ел. I) } ж.
**glogъ* — *глȍг*, м.

*glomotъ — гло̏мо̄т (редк.) / гло̏ма̄т } м. 'шум, грохот'
*g(ъ)lota — гло̏та, ж,
*glǫbъkъ || *glъbokъ — гелбо̏к (диал. — Cres)
галбо̏к (диал. — Sus. 159)
*gluxnǫti — глу̏хнути
глу̏нути
*gluxъ — глу̑х
*gluma — глу́ма, ж.
*glumiti(sę) — глу́мити(се)
*glumъ — глум, м. (1 раз в XVII в.)
*glumьcь — глу́мац, м.
*glumьnь — глуман (стар.)
*glupъ — глу̑п [35]
*glušiti — глу́шити
*glъtati — гу́тати
*glъtnǫti — гу̏тнути
гу̏нути
*glъtъ — гу̑т, м.
*glybokъ — гли́бок (у венгерских хорватов)
Гли́бокӣ Бро̑д (село в Хорватии)
*gnesti — гње̏сти 'давить, жать' (стар. редк.)
*gneta — гњета, ж. 'давка' (только в одном словаре)
*gnětidlo — нитило, ср. 'трут' (Бернекер 312)
*gnětiti — [см. унитити 'разжигать' (стар.) (Бернекер 312)]
*gněviti (sę) — гње́вити (се)
гне́вити (се)
*gněvъ — гне̑в / гње̑в } м.
*gněvьnъ — гне̑ван
гње̑ван
*gnězditi(sę) — гне́здити(се)
*gnězdo — гне́здо, ср.
*gnida — гњи̏да, ж.
*gnilъ — гњи̏о
*gniti — гњи̏ти
*gnojišče — гно̀јӣште, ср.
*gnojiti(sę) — гно̀јити (се)
*gnojь — гно̑ј, м.
*gnojьnica — гно̑јница / гно́јница } ж.
*gnojьnikъ — гнојник / — гноја̀нӣк } м.
*gnojьnъ — гно̏јан
*gnusiti — гну́сити
*gnusъ/ь — гну̑с, м. (ж.)
*gnusьnъ — гну̏сан
*gnatъ — гња̑т / — књат } м.
*gn'aviti — гња́вити
*gobino — гобино, ср. 'полба' (стар.)
*godati sę — годати се 'случиться' (диал.)
*godina — го̏дина, ж.
*godišče — го̀диште, ср.
*goditi (sę) — го̀дити (се)
*godovati — годо̀вати
*godъ — го̑д, м. 'праздник; удобный случай; время; годовщина'; (стар. — в идиомах) 'год'
*godьnъ — го̏дан
*gojiti — го̀јити
*gojь — го̑ј, м.
*gojьnъ — го̑јан
*goldovati — гладо̀вати
*goldъ — гла̑д, м.
*goldьnъ — гла́дан
*golěmъ — го̀лем,
голе̑м (диал. — Ел. I)
*golěmьnъ — го̏лијеман 'огромный' (стар., только в нар. песне)
*golěnica — голѐница, ж.
*golěnь — го̏ле̄н, ж.
*golica — го̀лица, ж.
*goliti — го̀лити

[35] Существует предположение, что слово *глу̑п* в с.-хорв. языке является русским или церковнославянским заимствованием.

**golma* — *гла̑ма* ‘голые каменистые горы, с одной стороны пологие, с другой — крутые’ (диал. — Gter 21)
**golota* — *го̀лота*, ж.
**golǫbica* — *голу̀бица* ж.
**golǫbinъjь* — *голу̀бињӣ*
**golǫbь* — *гȍлӯб*, м.
**golsiti* — *гла́сити*
**golsъ* — *гла̑с*, м.
**golsьnъ* — *гла̏сан*
**golva* — *гла́ва*, ж.
**golvatъ* — *гла̀ват*
**golvina* — *гла̀вина*, ж.
**golvьnica* — *гла̀вница*, ж.
**golvьnъ* — *гла̑ван*
**golvьn'a* — *гла́вња*, ж.
**golь* — *го̑*
**golyšь* — *го̀лиш*, м.
**golьcь* — *го̀лац*, м.
**gomol'a*, **gomolь* — *го̀мо̀ља*, ж.
— *го̀мољ*, м.
**goniti* — *го̀нити*
**gonъ* — *гȍн*, м.
**gonьcъ* — *Гонац*, м. муж. имя (стар.)
**gora* — *го̀ра*, ж.
**gordina* — *гра̀дина*, ж.
**gordišče* — *Гра̀диште*, ср. (топон.)
**gorditi(sę)* — *гра́дити (се)*
**gordja* — *гра̑ђа*, ж. ‘ограда’
**gordъ* — *гра̑д*, м.
**gordьcь* — *гра́дац*, м.
**gordьnъ* — *гра̑дан* (стар. редк.)
**gordьskъjь* — *гра̀дскӣ*
**gorěti* — *го̀рети*
**gorxorь*, **gorxorina* —
гра̏хор, м. | ‘чечевица’
гра̏хорина, ж. | ‘чечевица’
**gorxъ* — *гра̏х*, м.
**gornati* — *гра̀нати* ‘с воодушевлением, цветисто рассказывать о чем-н.’ (диал. — Вук. 382)
**gornǫti* — *гра̀нути* ‘блеснуть, взойти (о солнце)’

**gorupъ* — *горуп* ‘горький’ (в одном словаре)
**goruša* — *гору̏ша*, ж. ‘насекомое, которое грызет виноград’ (диал. — Sus. 160)
**gorušica* — *гору̏шица*, ж.
**gorьcь* 1 — *горац*, м. ‘горянин’ (1 раз в XVIII в.)
**gorьcь* 2 — *го́рац*, м. ‘зверобой; горечавка’
**gorьčica* — *го̀рчица*, ж.
**gorьčina* — *горчѝна*, ж.
— *грчѝна*, ж.
**gorьčiti* — *го́рчити*
гр̑чити
**gorьjь* — *гȍрӣ* ‘худший’
**gorьknǫti* — *го̀ракнути*
— *гр̏кнути*
**gorькъ* — *го́рак* | ‘горький’
— *гр̑к* | ‘горький’
— *гȍрак* ‘горячий, теплый’ (диал. — Kast. 391)
**gorьnica* — *го́рница*, ж.
**gorьnьjь* — *го̑рњӣ* ‘верхний’
**gorьskъjь* — *го̀рскӣ* ‘лесной; горный’
**gor'aninъ* — *го̀ранин* | м. (диал.)
— *го̀ран* | м. (диал.)
**gospoda* — *госпо̀да*, ж. собир.
**gospodinъ* — *госпо̀дин*, м.
**gospodja* — *гȍспођа*, ж.
**gospodyni* — *госпо̀диња*, ж. (стар.)
**gospodь* — *гȍспо̄д*, м.
**gospodьskъjь* — *гȍсподскӣ*
**gostinъka* — *гости̑нка* ‘гостья’ (диал. — Ел. I)
**gostinьnica* — *го̀стионица*, ж.
**gostinьcь* — *гостинац*, м.
**gostiti* — *го̀стити*
**gostja* || **gosti* — *гȍшћа*, ж.
**gostь* — *го̑ст*, м. ‘гость’; (стар. и диал. — ZkM 282) ‘чужестранец’
**gostьba* — *го̀зба*, ж.
**gotoviti(sę)* — *го̀товити (се)*

**gotovъ — го̏тов*
**govędina — го̏ведина*, ж.
**govędo — го̏ведо*, ср.
говеда, ср. мн.
**govędjьjь — го̏веђӣ*
**gověti — го̏вјети*
'угождать' (стар.);
го̄вё̄т (диал. — Ел. 1)[36]
**govoriti — гово̀рити*
**govorъ — го̏во̄р*, м.
**govьno — го́вно*, ср.
**gǫba* 1, **gǫbica — гу̏ба*, *гу̏бица* ж. 'морда, рыло', (стар.) 'губа'
**gǫba* 2 — *гу̏ба*, ж. 'нарост на дереве, гриб, лишайник; трут (из лишайника); проказа'
**gǫdadlo — гу̏дало*, ср.
**gǫděti — гу̏дети*
**gǫdъ — гу̑д*, м. 'гуд' (стар.)
**gǫdьсь — гу́дац*, м. (стар.)
**gǫsakъ*, **gǫsьkъ — гусак*, м. (1 раз в XVIII в.)
гу́сак, м.
**gǫsl'arь — гу̏сла̄р*, м.
**gǫslь*, **gǫsli — гу̏сла*, ж. (стар.)
гу̏сли, ж. мн. (стар.)
гу̏сле, ж. мн.
**gǫsti — гу́сти* 'гудеть, играть на смычковом инструменте' (стар.)
**gǫstina — густи̏на* ж.
**gǫstiti — гу́стити*
**gǫstъ — гу̑ст*
**gǫsъka — гу̏ска*, ж.
**gǫsyni — гусиња*, ж. 'гусыня? гусятина?' (у венгер. хорв.)
**gǫsьjь — гусји*
**gǫšča — гу̏шта* (шток.), *гушћа* (стар. чакав.), *гушћ* (диал. — Црес) ж. 'чаща'
**gǫzica — гу̏зица*, ж.
**gǫzъ — гу̑з*, м. (стар.)
**grabežь — гра̏беж*, м.
**grabišče*, **grabjišče — грабиште* 'део грабља' (диал. — Миħ. 13)
гра̏бљӣште, ср. 'ручка грабель' (только у Кар.)
**grabiti — гра̏бити*
**grabjě* || **grablję*, **grabljě — гра̏бље*, ж. мн.
**grabrъ*, || **grabъ — гра̀бар*, *гра̏б* м.
**grabul'a — гра̀буље*, ж. мн. 'грабли'
грабуље 'дио чешља за чешљање сламе за кров' (диал. — Кап. 268)
**grabьja — гра̏бља*, ж. 'грабеж; грабля (грабли)'
**gračь — грач*, м.
**gradъ — гра̏д*, м.
**graja — гра̏ја*, ж. 'карканье, грай'
гра́ја, ж. 'шум голосов, гомон'
**grajati — гра̏јати* 'каркать, граять'
гра́јати 'кричать, галдеть'
**graka*, **grakъ — гра̏ка*, ж.
гра̑к, м.
**grakati — гра́кати*
**gramada* || **gromada — грама̀да*, ж. (стар.), *Грамада* (топон.)
**grana — гра́на*, ж.
**granica — гра̀ница*, ж. 'граница; дуб'
**greba — грêба* 'је оно што се на дну суда ухвати од млека' (диал. — Шаул.)
**grebadlo — гребало*, ср. 'кочерга; грабли'
**grebati — гребати* 'закопать, схоронить' (Stulli)

---

[36] Не исключено, что это слово в с.-хорв. языке является церковнославянизмом.

грѐбати 'скоблить'
**grebenь* || **greby, -ene — грѐбе̄н*, м. (редко — ж.)
**grebišče — грѐбӣште*, ср. (диал.) 'кладбище'
**grebti — грѐпсти* 'царапать, чесать, скоблить', 'грести' (только в идиоме)
**grebul'a — грѐбуља*, ж.
грѐбуље, ж. мн.
**grebъ*, **grebь — грѐб*, м. 'могила' (стар. зап.)
грѐ̂б, м. 'земля, вскопанная собакой, курицей' (редк.).
грѐб, ж. 'могила' (стар. чакав.)
**grebьсь — Грепци*, м. мн. (топон.)
**grebьja*, **grebjica* — 1. *гре́бља*, ж. 'бороздка для посадки лука, картофеля'
грѝбља 'борозда, канавка или дорожка между грядками' (диал. — Maš. 432)
гребљица, ж. 'грядка' (1 раз в XVI в.)
2. *грѐбља* 'кочерга, мотыга' (диал. — Skok)
**grebьlo*, **grebьlica — гре́бло*, ср.
грѐблица, ж. 'кочерга'
**grebьnica — грѐбница*, ж. 'гробница, склеп'
**grebьnъ — грѐбан*
**gręda — гре́да*, ж.
**grędelь — гре́дељ*, ж.
**grędъ* — [см. *гре̂дом* 'мимоходом']
**gręsti — грѐсти* 'идти' (редк.)
**gręzati — грѐзати*
**greznǫti — грѐзнути*
**gręzь — грез*, м.
**gręzьnъ — грезан* (только в одном словаре)
**grěxъ — гре̂х*, м.
**grě(ja)ti — грѐјати*
**grěšiti — гре́шити*
**gričь — грӣч*, м. 'холм, бугор' (кайк.)
**grimati* || **grěmati — гримӓт* 'греметь' (диал. — Ел. I)
**griva — грѝва*, ж.
**grivьna — грѝвна*, ж.
**grobъ — грȍб*, м.
**grobьje — гро̑бље*, ср.
**grobьnica — грȍбница*, ж.
**grobьnъ — грȍбан*
**groxnǫti — грȍнути*
грȍхнути
**groxotati — грохо̀тати*
**groxotъ — грȍхот*, м.
**groměti — громјети* 'греметь, грохотать' (стар. диал.)
**gromorъ — громор*, м. (стар.)
**gromotъ — грȍмо̄т*, м.
**gromъ — гро̑м*, м. (RJA)
грȍм, м. (ИТ)
**gromъkъ — грȍмак*
?**grotlo — гро́тло*, ср.
**grotъ — гро̑т*, м.
**groza — грȍза*, ж.
**grozdъ — гро̑зд*, м.
**grozdьje — гро̑жђе*, *гро̑зје* (диал.) — ср. собир.
**grozdьnъ — гро̑здан*, *гро̑зан* — (стар.)
**groziti(sę) — грȍзити (се)*
**grozьnica — грȍзница*, ж.
**grozьnъ — гро̑зан* (RJA)
грȍзан (ИТ)
**grǫbiti — гру́бити*
**grǫbostь — гру́бо̄ст*, ж.
**grǫbъ — гру̑б*
**grǫdь — гру̑ди*, ж. мн.
**grǫdьnъ — грудан*
**grǫziti — грузӥт* 'погружать, опускать' (диал. — Црес)
**gruda — грȕда*, ж.

*grudmę, -ene — гру̏мēн, грум (в нар. пословице) } м.
*grudy, -ъve — гру̏два, ж.
*grudьnъ — грудан (хорв.), груден (кайк.) } м. 'декабрь'
*gruxati — гру́хати
*gruxnǫti — гру̏хнути, гру̏нути
*gruxъ — гру̏х, м. 'камешки' (чакав.)
*grustiti(sę) — грустити (се) 'тошнить; надоесть' (стар.)
*grustь — груста, ж. (стар. редк.)
*grustьnъ — грустан (стар. редк.)
*grušča — грушта, грушћа (чакав.) } ж. 'скука'
*grušiti — гру́шити
*grušьсь — гру́шац, м. 'кусок каменной соли';
грушац 'град' (диал. — Куч. 333; Ђор. 86)
*grъkati — гр̏кати
*grъmъ — гр̑м, м.
*grъstiti(sę) — гр̀стити (се) 'чувствовать отвращение'
*grъstь — гр̑ст, ж. 'отвращение'
*grъstьnъ — грстан 'отвратительный' (стар. редк.)
*gryzti — гри̏сти
*gryzъ, *gryza — гри̑з, м.
*gryzica, *gryzьnica — гри̏зица, ж. (диал.)
гри̏зница, ж.
гри̏злица, ж.
*gryža — гри̏жа, ж.
*grьměti — гр̀мети
*gubiti — гу̀бити
*guka 1 || *gъlka — гу̏ка, ж. 'опухоль, шишка, ком'
*guka 2, *gukъ — гу̑ка, ж., гу̑к, м. 'воркованье'
*gukati — гу́кати
*guknǫti — гу́кнути
*guliti 1 — гу́лити 'обдирать, грабить'
*guliti 2 — гу́лити 'много пить'
гӯљйт 'глотать, есть, много пить' (Ел. I)
гӯлйт 'идти (о дожде)' (диал. — Sus. 160)
*gumьnišče — Гу̏мнӣште, ср. (топон.)
*gumьno — гу́мно, гу́вно } ср.
*gunь, gun'a — гу̑њ, м.
гу̑ња 'вид мужской суконной одежды' (Ел. I)
*guščerica — гу̏штерица, ж.
*guščerъ — гу̏штēр, м.
*gvězda — зве́зда, ж.
*gvězdьnъ — зве̏здан
*gvizdnǫti — зви́знути
зви̏знути
*gvozdъ — гвозд, м. 'лес' (стар. и диал. — Куч. 60)
*gvozdь — гво̏зд, м. 'железо; камень, торчащий из земли' (диал.)[37]
*gvozdьje — гво̂жђе, ср. 'железо'
*gъbnǫti — га̀нути
*gъm(ъ)ziti, *gъmyzati ||
*g(ъ)myzati, *gъmyziti —
га̀мзити
га̀мизати
гми̏зати
гми́зити
*g(ъ)myza — гми́за, ж.
гми́зе, ж. мн.
*gъnati — гна̏ти (стар.)

[37] Существует мнение об идентичности (исторической) слов *гвозд* 'лес, и *гвозд* 'железо, камень' (Sławski 4, стр. 387).

**gъrbъ*, **gъrba* — *грб*, м. (только 1 раз в XVI или XVII в.)[38]
Грб (топон.)
гр̏ба, ж.
**gъrbavъ* — *гр̏бав*
**gъrbina* — *гр̏бина*, ж.
**gъrbiti(sę)* — *гр̏бити се*
**gъrbьcь* — *гр̏бац*, м. (Stulli)
**gъrčiti* || **kъrčiti* — *гр̏чити* 'корчить'
**gъrčь* || **kъrčь* — *гр̏ч*, м. 'судорога'
**gъrděti* — *гр́дети*
**gъrdina* — *грди̏на*, ж. (стар.)
**gъrditi (sę)* — *гр́дити (се)*
**gъrdoba* — *грдо̏ба*, ж.
**gъrdostь* — *гр́до̄ст*, ж.
**gъrdъ* — *гр̑д* (стар. зап.) 'заносчивый' (в книгах с церковным и смешанным яз.); 'ужасный, уродливый'
**gъrdyni* — *гр́диња*, ж.
**gъrdьcь* — *грдац*, м. (только в одном словаре)
**gъrmiti* — *гармӥт* 'греметь' (диал. — Sus. 159)
**gъrne* — *гр̑не*, ср. (у Кар.)
грнс 'глиняный горшок с крышкой' (диал. — ГП 32)
**gъrno* — *грно*, ср. 'горячие угли, засыпанные золой (в кузнице), где раскаляют железо' (босн.)
gъrnьcь — *гр̑нац*, м.
**gъrnьčarь* — *гр̑нча̄р*, м.
**gъrstь* — *гр̑ст*, ж. (стар.)
**gъrtati* — *гр̑тати*
**gъrtnǫti* — *гр́нути*
**gybati* — *ги́бати* 'сгибать, шевелить'
**gybnǫti* — *ги̏нути* 'погибать'
**gybъ* — *гӣб*, м. 'складка, сгиб; сустав'
**gybъkъ* — *ги̏бак*
**gyzda* — *ги́зда*, ж.
**gyzdati* — *ги́launchздати*
**gyža* — *гижа* 'чокот винове лозе' (диал. — ЈМ 23
гица 'чокот' (диал. — Ел. I)
**xaba* — *хаба*, ж. 'порча, вред, ущерб' (стар.)
**xabiti*, **xabati* —
хабити (стар.) } 'портить, вредить, изнашивать'
ха̏бати }
?**xabati(sę)* — *хабати* 'смущать; быть внимательным' (диал. — Врбник, Крк)
хабати се 'остерегаться'
**xajati* — *ха̏јати*
**xalǫga* — *ха̀луга*, ж.
**xarati*, **xariti* — *ха̏рати*
харити (стар.)
**xlapiti* — *хла̏пити*
**xlapnǫti* — *хла̏пнути*
**xlapъtati* — *хла̀птати*
**xlastati* — *хластати* 'болтать'
**xlębь* — *хлеб*, ж. 'пропасть, бездна' } (1 раз в XVIII в.)
хлѐп, м. }
хљеб, ж.?
хљѐп, м. 'водопад'
**xlępiti* — *хле́пити* 'страстно желать' (стар.)
**xlěbъ* — *хлѐб*, м.
**xlěbьcь* — *хлѐбац*, м.
**xlěbьnъ(jь)* — *хлѐбан*
хлѐбнӣ
**xlěvъ* — *хлӣјев*, м. (стар.)
**xlipati* — *хѐлпат* (диал. — Црес)
**xlǫdъ* — *хлу̑д*, м. 'палка, жердь' (диал. — Истрия)
**xl'ustati* — 1. *хљустати* 'жевать' (стар.)

[38] Слово *грб*, м., отмечено только в книге, написанной церковным (или смешанным) языком.

2. *хљустати* 'сильно ударить' (Крк)
xl'ustъ — 1. *хјӯст* 'ливень' (диал. — Kast. 392)
2. *хјӯст* 'прут, хлыст' (диал. — Kast. 392)
**xodatajь* — *ходатај*, м. (стар.)
**xoditi* — *хо̀дити*
**xodul'a* — *хо̀дуље*, ж. мн.
**xodъ* — *хо̂д*, м.
**xodьсь* — *хо̀дац*, м.
**xolditi* — *хла́дити*
**xoldъ* — *хла̂д*, м.
**xoldьnъ* — *хла́дан*
**xolpъ* — *хла̏п*, м.
**xolpьсь* — *хла̏пац*, м.
**xomǫtъ* — *хо̏мӯт*, м. 'горсть, пучок'; (стар.) 'ярмо'
**xorbriti* — *хра́брити*
**xorbrostь* — *хра́брōст*, ж.
**xorbrъ* — *хра́бар*
**xormina* — *храмина*, ж. (стар.)
**xormъ* — *хра̂м*, м.
**xorna* — *хра́на*, ж. 'пища'
**xornitelь* — *хра́нитељ*, м. 'кормилец', (стар.) 'хранитель'
**xorniti* — *хра́нити* 'кормить; беречь, хранить'
**xorǫgy*, *-ъve* — *хо̀ругва*, ж.
**xotěti* || **xъtěti* — *хо̀тети*
хтје̏ти
**xrakati* — *хра́кати*
**xraknǫti* — *хра́кнути*
**xrapati* — *храпати* (чакав.), см. *храпав* 'хриплый'
**xrepavъ* — *хрѐпав* (Истрия)
**xrěnъ* — *хре̏н*, м.
**xribъ* — *хриб*, м. 'бугор' (стар.)
**xridъ*, **xrida* — *хри̑д*, м. и ж.
хри́да, ж.
**xripa* 1 — *хрипа* ж. (1 раз)
**xripa* 2 — *хри̏па* 'скала, утес' (диал. — Gter 34)
**xripati* — *хри́пати*

**xromota* — *хромо̀та*, ж. (стар.)
**xromъ* — *хро̏м*
**xromьсь* — *хро̀мац*, м.
**xropati*, **xropiti* — *хропати*
хро̀пити
**xropti* — *хропсти*
**xropъ* — *хроп*, м. (редк.)
**xropьсь* — *хро̀пац*, м.
**xrǫsta* — *хру̏ста*, ж. (1 раз в XVI в.)[39]
**xrǫstati* — *хру̀стати*
**xrǫstiti* — *хрустити* 'звенеть; блестеть' (у одного автора в XVI в.)
**xrǫstnǫti* — *хруснути* 'разломиться' (1 раз в XV в.)
**xrǫščь* — *хрӯшт*, м.
**xrupati* — *хрупати*
**xrupěti* — *хрупјети*
**xrupiti* — *хру̏пити*
**xrupъ*, *xrupa* — *хруп*, м.
хрупа ж.
**xrьbьtъ* — *хр̀бат*, м.
**xrьstati* — *хр̏стати*
**xuděti* — *худјети*
**xuditi* — *ху́дити*
**xudoba* — *худо̀ба*, ж.
**xudostь* — *худост*, ж.
**xudъ* — *хӯд* 'плохой, несчастный, бедный'; 'полый, разорванный' (диал. — Kast. 393)
**xudyni* — *хӯдиња*, ж. (стар.)
**xudь* — *худ*, ж. (чакав. — 2 раза в XVII в.)
**xudьсь* — *хӯдац*, м. (стар.)
**xukati* — *ху́кати*
**xukъ*, **xuka* — *хӯк*, м.
хӯка, ж.
**xula* — *ху̏ла*, ж.
**xuliti* — *ху̏лити*
**xvala* — *хва́ла*, *ва́ла*, *фа́ла* } ж.
**xvaliti (sę)* — *хва́лити (се)*

[39] RJA приводит лат. *crusta*, считая, видимо, с.-хорв. слово латинским заимствованием.

*xvalьba — *хвалба*, ж. (1 раз в XVIII в.)
*xvalьcь — *хва́лац*, м. (стар. и диал. — Истрия)
*xvalьnъ — *хва̑лан*
*xvastъ/ь, *xvasta — *хваст*, м. и ж. } *хваста*, ж. } 'хвастовство' (1 раз в XVIII в.)
*xvastati (sę) — *хва̏стати (се)*
*xvatati (sę) — *хва̏тати (се)*
*xvatiti (sę) — *хва̏тити (се)*
*xvatъ — *хва̑т*, м. 'сажень'; (стар.) 'схватывание, ловля'
*xvoja — *хво́ја*, ж.
*xvojьnь — *хвојан*
*xvostъ — *хвост*, м. (редк.)[40]
хо̏ст } м. (диал.)
ху́ст }
*xvostьnъ — *Хвосно*, ср. (топон.)
*xъbъtъ — *ха̀бат*, м.
*xъbъta — *а́пта* } ж. 'бузина'
— *ха́пта* } (диал.)[41]
*xъlmъ, *xъlma — *ху̑м*, м.
хума, 'врста земље' (диал. — Вис. 58).
*xъlmъka — *ху̀мка*, ж.
*xъmelь — *хмѐљ* } м.
мѐљ }
*xъrčьkъ — *хр́чак*, м.
*xъrkati — *хр́кати*
*xъrtъ — *хр̏т* } м.
р̏т }
*xyliti — *хилити* 'прогонять, притеснять, мучить' (стар. чакав.)
*xyl'ati — *хиљати* 'моргать'
*xyl'avъ — *хѝљав*
*xyna, *xynь, *xynъ — } 'обман, ложь'
хина, ж.
хин, ж. (1 раз в XVIII в.)
хин, м. (2 раза: в XV и XVI в.)
*xyniti — *хи́нити*
хињити
*xynьba — *хи́мба*, ж. (диал.)
*xynьcь — *хинац* } м.
хињац }
*xytati, *xytiti — *хи̏тати* } 'хватать, бросить'
хи̏тити }
*xytěti — *хи́тети* 'спешить'
*xytrina — *хитрѝна*, ж.
*xytriti — *хи̏трити*
*xytrъ — *хи̏тар*
*xytryni — *хитриња*, ж. (2 раза в XVI в.)
*xytrьcь — *хитрац*, м.
*xytъ/ь — *хи̑т*, м.
*xytьcь — *хитац*, м.
*xytьnъ — *хи̑тан*
*xyža || *xyša || *xysa — } ж. 'дом'
хи̏жа (кайк.)
хиша
хиса
*xyžina — *хи̏жина*, ж. 'чулан, клеть'
*i — *и*, союз
*ikra — *ѝкра*, ж.
*ilišče — *Илиште*, ср. (топон.)
*ilovъ — *илов*
*ilъ — *ил*, м. (стар.)
*inakъ, *inako — *ѝна̄к*, прил.
ѝна̄ко, нареч.
*inъ(jь) — *ѝн*, *ӣњӣ* 'другой'[42]
*inъda — *инда*, нареч. (стар.)
*inъde — *ѝндје*, нареч.
*inьje, *inь — *ӣње*, ср.
ињ, м. (1 раз в XVIII в.)
*iskati — *ѝскати*
*istina — *ѝстина*, ж.
*istъjь — *ѝстӣ*
*istьcь — *истац*, м.
*iti, jьdǫ — *ѝти* (стар.), *ѝћи*
*iva — *ѝва*, ж.

[40] Возможно, это с.-хорв. слово заимствовано из русского языка.
[41] ИТ считает эти слова тюркизмами.
[42] Значение 'один' в с.-хорв. языке отмечается только в отдельных производных типа *инокупан*, *инокостан*.

**jagla — jáгла*, ж.
**jaxati* || **jěxati — jȁxати*[43]
**jakъ(jь) — jâк(ū)*
**jalovica* || **alovica — jȁловица*[44], ж.
**jalovina — jàловина*, ж.
**jaloviti (sę) — jȁловити (се)*
**jalovъ — jȁлов*
**jalovъka — jàлōвка*, ж.
**jalovьcь — jалóвац*, м.
**jama — jȁма*, ж.
**japadь — jȁпāд*, ж.[45]
**jara*, **jarь/ъ — jȁра*, ж.
jâp, м. (ж.)
**jare*, *-ęte — jȁре*, ср.
**jarębica — jарèбица*, ж.
jерèбица, ж.
**jarębь — jȁрēб*, м.
**jarętina — jàретина*, ж.
**jarętjьjь — jàреħū*
**jarica — jàрица*, ж.
jȁрица, ж.
**jarina — jȁрина*, ж.
**jarišče — jариште*, ср.
**jariti (sę) — jáрити (се)*
**jarostь — jáрōст*, ж.
**jaruxъ — jàрух*, м.
**jarъ(jь) — jâp(ū)*
**jarъka — jȁрка*, ж.
jâрка, ж.
**jarъkъ(jь) — jâрак*,
jâркū (стар.)
**jarьcь — jȁрац*, м.
**jarьnъ(jь) — jаран* (стар.)
**jasli*, **jasla — jȁсли*, *jȁсле* ж. мн.
jȁсла, ср. мн.
jȁсло, ср. (редк.)
**jasněti* || **(j)ěskněti — jàсњети*
**jasniti* / **(j)ěskniti — jȁснити*
**jasnota* || **(j)ěsknota — jаснòта*, ж.
**jasnъ* || *(j)ěsknъ — jȁсан*
**jastrębъ* || **astrębъ — jȁстрēб*, м.
**jata — jата* 'куħа од камена покривена сламом' (Vrb. 26)[46]
**jatiti (sę) — jȁтити (се)*
**jato — jȁто*, ср.
**jazgra/o* || **ězgra/o — jéзгра*, ж.[47]
jéзгро, ср.
**jazь — jâз*, м. 'язь'
**jebati — jèбати*
**je že — jêр*, *jȅр*, *jêре* — союз
**jędrъ — jéдар*
**jędrьnъ — jедрн* (стар.)
jадрн (чакав.)
**jętry*, *-ъve — jêтрва*, ж.

[43] В. Ташицкий считает форму **jěxati* праславянской, а **jaxati* — староцерковнославянской и южнославянской (W. Taszycki. Prasłow. **jěti*, stpol. **jeć* 'jechać'. — «Зборник за филологиjу и лингвистику» IV—V, 1961—1962, стр. 333—336).

[44] **jal-* || **al-* — для всех слов с этим корнем.

[45] А. Кнежевич, ссылаясь на Миклошича, приводит это слово как тюркское заимствование (A. Knežević. Die Turzismen in der Sprache der Kroaten und Serben. Meisenheim am Glan, 1962, стр. 164, 474). Однако Бернекер (стр. 441) считает *jȁпад* образованным на славянской почве: сопоставляя с *запад*, он вычленяет старый префикс *ja-* (*ja-пад*). С.-хорв. слово представляется древним, возможно, праславянским образованием.

[46] Слово отсутствует в RJA и других с.-хорв. словарях. Оно не представлено и в этимологических словарях (Бернекера, Фасмера, Преображенского), где в статье о *jata* (русск. *ятка*) приводится лишь с.-хорв. *пojата*.

[47] Н. Йокл («Ein urslavisches Entnasalierungsgesetz Antikritik und Nachträge». — AfslPh XXIX, 1907, стр. 45—46) считает, что *jéзгра* может продолжать праслав. **jazgra*. Г. Ильинский («Slavische Etymologien» II. — AfslPh XXVIII, 1906, стр. 451—455) дает три праславянские формы: **jędro*, **jęzdro* и **jęzgro* (последняя — для с.-хорв. и болг. слов).

*językъ — jѐзик, м.
jа̀зик, м. (диал.)
*jugъ — jу̏г, м.
*juxa — jу́ха, ж.
jу́ва, ж.
*junakъ — jу̀на̄к, м.
*junę, -ęte — jу́не, ср.
*junica — jу̀ница, ж.
*junьсь — jу́нац, м.
*juriti — jу́рити [48]
*jutro — jу̏тро, ср.
*jutrьnьjь — jу̏трњӣ, jу̏трнӣ
*južьnъ(jь) — jу̏жан, jу̏жнӣ
*jьgra — ѝгра, ж.
*jьgrati — ѝграти
*jьgrišče — ѝгрӣште, ср. (стар.)
*jьgъla — ѝгла, ж.
*jьkati — [ѝцати, ѝка̄вка]
*jь li — ѝли, союз
*jьmati — ѝмати
*jьmela — ѝмела, мѐла, омела — ж.
*jьmenovati — ѝменовати
*jьmę, -ene — ѝме, ср.
*jьskra — ѝскра, ж.
*jьskriti (sę) — ѝскрити (се)
*jьverъ — ѝве̄р, м.
*jьz(ъ) — из(а), предл.
*jьzbaviti — ѝзбавити
*jьzběgt'i — ѝзбећи
*jьzběžati — избѐжати [49]
*jьsbyti — ѝзбити
*jьzbьrati — ѝзбрати
*jьzčeznǫti — ѝшчезнути
*jьzdati — ѝздати
*jьzěsti — ѝзести
*jьziti — изѝсти (диал.), изѝћи
*jьzęti — ѝзети
*jьzgъnatt — ѝз(а)гнати
*jьzxoditi — исхо̀дити
*jьzletěti — излѐтети
*jьzlětati — изле́тати
*jьzlězti — ѝзљести
*jьzliti — ѝзлити
*jьzměniti (sę) — изме́нити (се)
*jьzmesti — измѐсти
*jьznesti — ѝзне̄ти
*jьzpekt'i — испѐћи
*jьzplyti — ѝсплити (стар.)
*jьzrygati — изрѝгати
*jьzryti — ѝзрити
*jьztekt'i — истѐћи
*jьztokъ — ѝсток, м.
*jьzumiti — ѝзумити 'обезумить'
*jьzuti (sę) — ѝзути (се)
*jьzvelkt'i — изву́ћи
*jьzvesti — извѐсти
*izvirati — ѝзвирати
*izvirъ — ѝзвир, м.
*jьzvoditi — изво̀дити
*jьzvorъ — ѝзвор, м.
*jьzvortiti — изврáтити
*kъ(n) — к, ка, предл.
*ka — ка, ке, к, част.
*kačati — ка̀чати
*kadidlo — ка̀дило, ср.
*kaditi — кáдити
*kadъ — ка̑д, м.
*kadь — ка̑д, ж. (стар.)
кáда, ж.
*kajati (sę) — ка̏јати (се)
*kakati — ка̀кати
*kakъ(jь), *kako — ка̏к, ка̏кӣ, ка̏ко, ка̏о — нареч., союз
*kakъvь — ка̀кав

---

[48] Среди нескольких этимологических версий существует и предположение о тюркском источнике этого слова (M i k l o s i c h, стр. 106).

[49] Интересны словообразовательно-морфемные балтийские и латинские параллели к ряду славянских глаголов на *из-*, приводимые О. Н. Трубачевым в Проспекте и в этимологической картотеке сектора. Они отмечены для: *избежати, издати, извести, изићи, изети, излетети, излити, изменити (се), измести, испећи, исплити, изригати, изрити, истећи, извратити.*

*kal'ati — *кȁљати*
*kalina — *кàлина*, ж.
*kaliti — *кáлити*
*kal'uga; *kaluža, *kal'uža — *кàљуга*, ж.
кȁлужа, ж.
кàљужа, ж.
*kalъ — *кȃл*, м.
кȃо, м.
*kalьnъ — *кȃлан*
кȃон
*kamenьje — *кàмēње*, ср. собир.
*kamenьnъjь — *кȁмен*
*kamo — *кȁмо*, нареч.
*kamy, -ene — *кȁм*, м.
кȁмēн, м.
кȁми, м. (стар.)
*kamykъ — *кȁмӣк*, м. (чакав.)
*kan'a — *кȁња*, ж.
*kaniti — *кáнити*[50]
*kapati — *кȁпати*
*kapivo — *капиво*, ср.
*kapja — *кȁпља*, ж.
*kapnǫti — *кàнути*
*karasъ, *karasь — *кàрас*, м.
кàрāш, м.
*karati — *кáрати*
*karъ, *karь — *кȃр*, м.[51]
кȃр, ж.
*kasati — *кȁсати*[52]
*kaša — *кȁша*, ж.
*kašl'ati — *кàшљати*
*kašlь(<*kaslь) — *кȁшаљ*, м.
*kavъka — *кȃвка*, ж.
*kazati — *кáзати*
*kaziti — [*накáзити*]
*kazъ — *каз*, м. 'наказа, страшило' (стар.)
*kladivo — *клȁдиво*, ср.
*klamati — *клàмати*[53] (диал.)
*klan'ati (sę) — *клȁњати (се)*
*klapati — *клȁпати*
клáпати
клàпати (диал.)
*klasti — *клȁсти*
*klenъ — *клȅн*, м.
*klepadlo — *клèпало*, ср.
*klepati — *клèпати*
*klepъka — *клȅпка*, ж.
*klepьcь — *клéпац*, м.
*kl'eveta — *клèвета*, ж.
*kl'evetati — *клевèтати*
*klěnъ — *кљȅн*, *клȉјен*, м.
*klěšča (*klěstja) — *клéшта*, ср. мн.
клéште, ж. мн.

---

[50] С.-хорв. *кáнити* имеет соответствия в южнославянских языках. Мошинский (K. Moszyński. Uwagi do 6 zeszytu «Słownika etymologicznego jezyka polskiego» F. Sławskiego. — JP XXXIX, 1, 1959, стр. 4—5) связывает с этим глаголом польск. *kania* 'поля шляпы', с.-хорв. *кȁње* 'веки', словен. *kánjav* 'лохматый человек', выводя их из **kapn-*, **kap-* 'покрывать, защищать'.

[51] С.-хорв. *кара* Фасмер считает ц.-слав. словом (Фасмер II, стр. 190).

[52] С.-хорв. *касати* не имеет общепринятой этимологии: Фасмер (M. Vasmer. Kritisches und Antikritisches zur neueren Slavischen Etymologie. — RS V, 1912, стр. 132—134) соотносит его с н.-греч. κοσεύω, которое восходит к осм. *košmak*. Махек (V. Machek. Beiträge zum baltisch-slavischen Wörterbuch. — ZfslPh XVIII, 1942, стр. 21—23) связывает его с лтш. *ķuošu*, *ķuôst*, нем. *Hast*, *hasten* и слав. *česati* 'быстро идти'.

[53] С.-хорв. *клàмати* — древнее образование (ср. др.-инд. *klāmati*), широко представленное в славянских языках (польск., чеш., слц., словен., др.-н.-луж., укр. диал.). Однако Славский считает его сравнительно новым образованием, возникшим уже в отдельных славянских языках (Sławski II, стр. 248—249). Бернекер связывает с *кламати* глагол *климати* (*klěm-), представленный также в чешском, болгарском и белорусском языках.

**klěščiti* || **klěstiti* — *клијештити*
**klětь*, **klětъka* — *клêт*, ж. (стар.) *клијетка*, ж.
**klęcati* — *клѐцати*
**klęčati* — *клѐчати*
**klęka*, **klękъ* — *клѐка*, ж. *клѐк*, м.
**klękati* — *клекати*
**klęknǫti* — *клѐкнути*
**klękti* — *клѐћи*
**klęskъ* || **kleskъ* — *длеск*, м. *длесак*, м.
**klęti* — *кле́ти*
**klętva* — *клѐтва*, ж. *кле́тав*, ж. (диал.)
**klicati* — *клѝцати*
**kličь* — *клûч*, м. (стар. и диал.)
**kliknǫti* — *клѝкнути*
**klikti* — *клѝћи*
**klikъ* — *клûк*, м.
**klipъ* || **kъlipъ* — *клûп*, *м.*
**klisъ* — *клûс*, м.[54]
**klizati (sę)* — *клѝзати (се)*
**klizъkъ* — *клѝзак*
**klokotati*, **klokъtati* — *клокòтати*, *клòктати*
**klokotъ* — *клȍкōт*, м.
**klomn'a* || **klopn'a* — *клȍња*, ж.[55]
**kloniti (sę)* — *клòнити (се)*
**klopati* — *кло́пати*
**klopiti* — *клòпити* (редк.)
**klopotati* — *клопòтати*
**klopotъ* — *клȍпōт*, м.
**klopъ* 1, **kъlopъ* — *клȍп*, м.
**klopъ* 2 — *клоп*, м. 'затвор'
**klǫbo* || **klǫbъ* — *клубо*, ср. (в XVI в.) *клу̏пко*, ср.
**klǫpь* — *клу́па*, ж., *клу̂п*, ж.
**kl'učiti* — *кључити*
**kl'učь* — *кљу̂ч*, м.
**kl'uka* — *кљу̏ка*, ж. (диал.)
**kl'ukati* — *кљу̏кати*
**kl'ukъ* — *кљу̂к*, м.
**kl'unъ* — *кљу̂н*, м.
**kl'usati* — *кљу̏сати*
**kl'use*, *-ęte* — *кљу́се*, ср.
**klъcati* — *ку̏цати*
**klъkъ* — *ку̂к*, м.
**klьnъ* — *ку̂н*, м.
**klьvati* — *кљу̏вати*
**kobiti* — *кòбити*
**kobyla* — *кòбила*, ж.
**kobylьjь* — *кòбиљӣ*
**kobь* — *кôб*, ж. *коба*, ж. (стар.)
**kokor-* — [*кокоруша*, *кокòрав* (диал.)]
**kokošь* — *кȍкōш*, ж.
**kokati* — [*кокòтати*]
**kokotъ* — *кȍкōт*, м.
**kolačь* — *кòлāч*, м.
**kolda* — *кла̏да*, ж.
**kolěbati* — *колѐбати* *кољѐбати* (стар.)
**kolěbъka* — *кòлевка*, ж. *кòлепка*, ж.
**kolěno* — *кòлено*, ср.
**koli*, **kolě* — *кȍље*, союз (диал.)
**kolikъ*, **koliko* — *кòлик* *кȍлико*, нареч.
**kolnьcь* — *кла́нац*, м.[56]

---

[54] С.-хорв. *клûс* связывают с и.-е. **klipsó-s* (ср. лит. *klỹpas*). — J. Loewenthal. Zur baltisch-slavischen Wortkunde. — AfslPh XXXVII, 1920, стр. 386.

[55] Славский (Sławski II, стр. 262—263) реконструирует **kloma*, **klomnьja*. Миклошич (Miklosich, стр. 118) выводит из **klop-n-*.

[56] С.-хорв. *кла́нац* имеет соответствия в южнославянских языках, а также в чешском и полабском. Его связывают с лит. *kalnas*, лтш. *kalns* (V. Jagić. Zum litoslavischen Sprachschatz. — AfslPh II, 1877, стр. 397, также — Скок Эт.).

*kolo, -ese — *кȍло*, ср.
колесо, ср.
*kolo-vortъ — *кȍловрāт*, м.
*kolsiti (sę) — *класити се* (стар. кайк.)
*kolsъ — *клâс*, м.
*kolsьje — *клâсје*, ср. собир.
*kolsьnъ 1 — *класан*
класен (кайк.)
*kolsьnъ 2 — *класан*, м. 'июнь' (стар.)
*kolti — *клäти*
*koltiti — *клáтити*
*koltьn'a — *клáтња*, ж.
*kolъ — [*кòлац*, м., *кȍље*, ср. собир.]
*komarь — *кòмāр*, м.
*komati — *кòмати*[57]
*komiti — *кòмити*
*komolъ — [*кòмолац*, м.]
*komonika — *комòника*, ж.
*komъ — *кȍм*, м. (диал.)
*konati — [*до-кòнати* (чакав. и шток.)]
*konina — *кòњина*, ж.
*konopja, *konopь — *кòнопља*, ж.
кòноп, м.
*kon'uxъ — *кȍњӯх*, м.
*konъ — *кȍн*, м. (стар.)
*konь — *кȍњ*, м.
*konьcь — *кòнац*, м.
*konьčina — *кóнчина*, ж. (стар.)
*konьčiti, *konьčati — *кончити*, *кòнчати*
*konьčьnъ — *кòначан*
*konьskъjь — *кȍњскӣ*
*kopa — *кȍпа*, ж. (диал.)
копä, ж. (чакав.)
*kopanь, *kopan'a — *кòпања*, ж.
копањ, м.
*kopati — *кòпати*
*kopiti — [*с-копити* (диал.)]
*kopъrina / *koprěna — *кòпрена*, ж.[58]
*kopriva — *кòприва*, ж.[59]
*koprъ — *кȍпар*, м.
*kopyto — *кòпито*, ср.
*kopytьnikъ — *кòпитнӣк*, м.
*kopьje — *кòпље*, ср.
*kopьniti — *кòпнити*
*kopьno — *кȍпно*, ср.
*kopьnъ — *кȍпан*
*kora, *korica — *кȍра*, ж.
кȍрица, ж.
*korabjь — *кȍрāбљ*, м.
кȍрāб, м.
*korěniti(sę) — *коријèнити(се)* (стар.)
*korěnь — *кȍрēн*, м.
*korěnьje — *кòрēње*, ср. собир.
*korěnьnъjь — *кȍрјенӣ*
*koristiti — *кòристити*
*koristь — *кȍрӣст*, ж.[60]
*koristьnь — *кòристан*
*koriti — *кòрити*
*korkъ — *крâк*, м.
*korlь — *крâљ*, м.
*korpъ — *крȁп*, м.

[57] Буга связывает *кòмати* с лит. *kamúoti* 'мучить, изнурять' (ср. русск. *кометь* 'изнурять себя'). — К. Буга. Славяно-балтийские этимологии. — РФВ LXX, 1913, стр. 255. Лёвенталь предполагает связь с англ. *schamble*, вост.-фриз. *schampen*. — J. Loewenthal. Zur baltisch-slavischen Wortkunde. — AfslPh XXXVII, 1920, стр. 393.

[58] Скок («Slavia» I, 1923) рассматривает *коприна* (*копрена*) как тождественное с лат. *cooperimentum*. Г. Ильинский («Славянские этимологии». — ЈФ V, 1925—1926, стр. 184—186) считает эту этимологию неубедительной и сравнивает *kop-ъr-ina* с лит. *kepùrė* 'шляпа', праслав. **čерьсь* — с **kep-* 'резать'.

[59] **Kopriva* общепринятой этимологии не имеет. Слово связывают с **koprina*. Однако возможна и **kropiva* (к **kropiti*). См. литературу, приведенную у Фасмера (Vasmer II, стр. 366—367).

[60] Славский пишет о возможности разных трактовок этого слова: **koristь*, **korystь* (Sławski II, стр. 513—515).

*korsta — *кра̏ста*, ж.
*kortiti — *кра̀тити*
*kortьkъ — *кра̀так*
*korva — *кра̏ва*, ж.
*korvajь — *кра̀ва̄ј*, м.
*korvьjь — *кра̏вљӣ*
*koryto — *ко̀рито*, ср.
*kosa 1 — *ко̀са* , ж.
*kosa 2 — *ко̀са*, ж.
*kosakъ — *ко̀сак*, м. (диал.)
*kosatъ — *ко̀сат*
*kosěrь, *kosorъ, *kosyrь — *ко̀сијер, ко̀сор, ко̏сор, ко̀сӣр*, м.
*kosidlo — *ко̀сило*, ср. (редк.)
*kosišče — *ко̀сӣште*, ср.
*kositi — *ко̀сити*
*kosivo — *косиво*, ср. (диал.)
*kosmati — *ко̀смати, ко̏смати*
*kosmatъ — *ко̏смат, ко̀смат, ко̏снат*
*kosnǫti — *ко̀снути*
*kostrava / *kostrěva — *ко̀страва*, ж. *ко̀штрава*, ж.
*kostrika — *ко̀стрика*, ж. *ко̀штрика*, ж.
*kosturъ — *ко̏стӯр*, м.[61]
*kostь — *кôст*, ж.
*kostьka — *ко̀цка*, ж.
*kostьnъ, *kostěnь — *ко̏стан ко̏штан кошћен*
*kosъ — *кôс*, м.
*kosъ — *ко̏с*
*kosьсь — *ко̀сац*, м.
*košara, *košarъ — *ко̀шара*, ж. *ко̏ша̄р*, м.[62]
*košul'a, *košulica — *ко̀шуља*, ж. *ко̀шуљица*, ж.
*košuta — *ко̀шута*, ж.[63]
*košь — *ко̏ш*, м.
*košьnica — *ко̏шница*, ж.
*koterъ(jь) — *котери* (диал.)
*kotiti — [*коту̀рати*]
*kotiti (sę) — *ко̀тити (се)*
*kotъ — *кôт*, м.
*kotьсь — *ко̀тац*, м.
*kotьlь — *ко̀тао*, м.
*kovarьnъ — *ко̏ва̄ран*
*kovati — *ко̀вати*
*kovъ — *кôв*, м.
*kovylь — *ковиљ*, м.
*kovylьje — *ко̀вӣље*, ср. собир.
*koza — *ко̀за*, ж.
*kozьjь — *ко̏зјӣ*
*kozьlę, -ęte — *ко̏зле*, ср.
*kozьlъ — *козао*, м.[64]
*koža — *ко̀жа*, ж.
*kožuxъ — *ко̀жух*, м.
*kožura — [*кожу̀рица, кожу̀рина*, ж.]
*kožьnъ(jь) — *ко̏жан, ко̏жнӣ*
*kǫda — *ку̀да̄, ку̏д*, нареч.
*kǫdělь — *ку̀деља*, ж.
*kǫdelьnъjь — *ку̀дељнӣ*
*kǫdravъ — *ку̏драв*
*kǫdrь — *кудар*
*kǫdě — *ку̀ђе, ку̀дије*, нареч.
*kǫkolь — *ку̀коль*, м.
*kǫpadlǫ — *ку̀пало*, ср.
*kǫpati (sę) — *ку́пати (се)*
*kǫpělь — *ку́пељ*, м. (ж.)
*kǫpina — *ку̀пина*, ж.

---

[61] Славский считает это слово праславянским диалектизмом, образованным от **kostь* (S ł a w s k i II, стр. 534).

[62] Слово может быть объяснено как производное от *кош* или как заимствование через румынский из лат. *casēaria* 'сыроварня' (Ф а с м е р II, стр. 360).

[63] С.-хорв. *ко̀шута* имеет соответствия в болг., словен., др.-чеш., слц. и русск.-ц.-слав. языках и имеет общеславянскую топонимическую основу (F. B e z l a j. Slovenska vodna imena I, стр. 291) **košuta*, **košutъ* < **ko-* и **šutъ* 'безрогий' (Ф а с м е р II, стр. 362).

[64] RJA приводит указание Стулли о том, что это слово заимствовано сербохорватским языком из русского.

*kǫsati — ку́сати
*kǫsiti — ку́сити
?*kǫsъ(jь) — ку̑с
*kǫsъ, *kǫsъkъ — ку̑с, м.
ку́сак, м.
*kǫtati — [с-ку̀тати]
*kǫtja — ку̏ћа, ж.
*kǫtъ — ку̑т, м.
*kǫtьnьjь — ку́тњӣ
ку̑тњӣ
*kǫželь — ку́жељ, м.[65]
*kradja — кра̏ђа, ж.
*kradъ — [кра̑дом, нареч.]
*krajina — кра̀јина, ж.
*krajь — кра̑ј, м.
*krajьnьjь — кра̑јњӣ
кра̑јнӣ
*krakati — кра́кати
*krasa — кра́са, ж. 'змея' (эвфемизм)
*krasiti — кра́сити
*krasota — красо̀та, ж.
*krasti — кра̏сти
*krasьnъ — кра́сан
кра̑сан
*krečati — кре́чати
*kreka — кре̏ка, ж.
*krekati — кре̏кати
*kreknǫti — кре̏кнути
*krekъtati — крекѐтати
*kremenьje — крѐме̄ње, ср. собир.
*kremenьnъjь — кре̏менӣ
*kremy, -ene — кре̏ме̄н, м.
кре̏м, м. (диал.)
*kremykъ — кремик, м. (диал. стар.)
*kresadlo — кре̏сало, ср.
*kresati — крѐсати
*kresivo — кре̏сӣво, ср.
*kresnǫti — кре̏снути
*krěpiti — кре́пити
*krěpostь — кре̏по̄ст, ж.
*krěpъkъ — кре̏пак
*krěsiti — кре̑сити
*krěsъ — кре̑с, м.
*krękъ — [жабо̀кречина, о̏кријек]
*krętati — кре́тати
*krętnǫti — кре́нути
*kričati — кри́чати
*kridlatъ — кри̏лат
*kridlo — кри́ло, ср.
*kriknǫti — кри́кнути
*krikъ — кри̑к, м.
*krina — крина, ж. (стар.)
*krinica — кри̑ница, ж. (стар.)
*kriviti — кри́вити
*krivъ — кри̑в
*krivьcь — кри́вац, м.
*krivьda — кри̑вда, ж.
*krojiti — кро̀јити
*krojь — кро̑ј, м.
*krokati — кро̀кати
*kromě — кромје, предл.
*kropidlo — кро̀пило, ср.
*kropiti — кро̀пити
*kropъ — кро̏п 'сильный дождь' (Црес)[66]
*krosno — кро̏сна, ср. мн.
кро̏сна, ж.
*krošьn'a — кро̏шња, ж.
*krotostь — кро̏то̄ст, ж.
*krotъkъ — кро̏так
*krotiti — [у-кротити]
*krovъ — кро̑в, м.
*krǫgъ — кру̑г, м.
*krǫtiti — кру́тити
*krǫtъ — кру̑т
*krǫžiti — [о-кружити]
*kruxъ — кру̏х, крув, кру, м.
*kruliti — крулити (диал.)[67]

[65] С.-хорв. *кужељ* имеет соответствия в русск., укр., болг., словен., чеш. языках. У слова нет общепринятой надежной этимологии: его выводят из *kǫgelь, *krǫželь или связывают с *kǫdělь (Фасмер II, стр. 401).

[66] Слово приводится Тентором (M. Tentor. Prilog Bernekerovu rječniku. — JФ V, 1925—1946, стр. 209). Оно отсутствует в RJA и в словаре Ивековича—Броза.

[67] С.-хорв. *крулити* (M. Tentor. Prilog Bernekerovu rječniku. — JФ V, 1925—1926, стр. 209) отмечено как диалектное на Цресе и Реке:

*krupa — *кру́па*, ж.
*krupica — *кру̏пица*, ж.
*krupiti — *кру́пити*
*krupьnъ — *кру́пан*
*kruš(ьk)a — *кру̏шка*, ж.[68]
*krušina — *кру̏шина*, ж. (хорв.)
*krušiti — *кру́шити*
*krušьсь — *кру́шац*, м.
*krъxati — *кр̀хати* (*кр̏ати*)
*krъxъkъ — *кр̀хак*
*krъšiti — *кр̀шити*
*krъšь — *кр̏ш*, м.[69]
*krъtъ — *кр̏т*, м.
*krъvaviti — *крва́вити*
*krъvavъ — *кр̏ва̄в*
*krъvьnъ(jь) — *кр̏внӣ*
*kry, -ъve — *кр̑в*, м.
*kryš- — [*кри̏шом*, нареч.]
*kryti — *кри̏ти*
*kuč- — *ку̏чка*, ж.
ку́чак, м.
ку̏че, ср.[70]
*kuditi — *ку̀дити*
*kuka — *ку̏ка*, ж.
*kukati — *ку̏кати*
*kukavica — *ку̏кавица*. ж.
*kukъ — *кук*, м. 'кукавица' (Ђор. II, 3)

*kuna, *kunica — *ку́на*, ж.
ку̀ница, ж
*kun'ati — *ку́њати*[71]
*kunьjь — *ку̑њӣ*
*kupiti 1 — *ку́пити* 'купить'
*kupiti 2 — *ку̏пити* 'совокупить, собрать'
*kupja — *ку̏пља*, ж. (стар.)
*kupъ, *kupa — *ку̏п*, м.
ку́па, ж.
*kupьсь — *ку́пац*, м.
*kupьnъ 1 — *ку̏пан* 'совокупный'
*kupьnъ 2 — *ку́пан* 'покупной'
*kuriti — *ку́рити* (стар.)
*kurъ — *ку̏р*, м. (стар.)
*kurъva — *ку̑рва*, ж.
*kurьjь — *ку̑рjӣ*
*kusiti — *ку̏сити* (стар.)
*kušati — *ку̏шати*
*kuznica — *Кузница* (топон.)[72]
*kvaka — *ква̏ка*, ж.
*kvakati — *ква́кати*
*kvariti — *ква́рити*
*kvarъ, *kvarъ — *ква̑р*, ж. (стар.)
ква̑р, м.
*kvasina — *ква̏сина*, ж.
*kvasiti — *ква́сити*
ква̏сити

---

creva krule. Сюда же чакав. *кру́љав*, *кру̑љаст* 'lahm, verkrüppelt', *кру̑љац* 'калека'. Эти слова вместе со словен. *krúliti* 'vermstümmeln, rings behacken' и *kruljav*, а также польск. *królić* (< *krulić*) 'runzeln' Покорный выводит из и.-е. *(s)kreu-* (P o k o r n y I, стр. 398).

[68] Слово не имеет общепринятой этимологии (Ф а с м е р I, стр. 463).

[69] Это слово, представленное в южнославянских языках, имеет литовское соответствие *krausus* (Славянские древности. Лекции В. Г. Г р и г о р о в и ч а, составленные А. Смирновым. — РФВ, т. II, 1879, стр. 102). Славский (III, стр. 181) производит от **krъšiti*.

[70] Слово, видимо, звукоподражательного характера, и тогда его можно соотнести с русск. *кутенок* и др. Однако существует предположение о его связи с лит. *kaũkti* 'выть', др.-инд. *kṓcati*, *kṓkas*, и тогда оно должно рассматриваться изолированно от русского слова (см.: Ф а с м е р II, стр. 434).

[71] С.-хорв. *куњати*, родственное лтш. *kavêt* 'проводить время; задерживаться', нашло отражение и в других славянских языках (русск., укр. и, возможно, чеш. и слц.) — см.: Б е р н е к е р, стр. 639; Ф а с м е р II, стр. 404.

[72] П. Ивич пишет, что слово существует в сербохорватском литературном языке и в диалектах Тупижница, Майданпек (в Сербии) также в качестве апеллатива со значением 'Schmiede, Münzanstalt' (P. I v i ć. Einige Beiträge zur slavischen Etymologie und Wortgeographie. — WdS, Jg. I, 1956, стр. 144).

**kvasъ — квâс*, м.
**kvasьnъ — квáсан*
**květъ — цвêт*, м.
**kvičati — квúчати*
**kviliti — цвúљети, цвиjѐлити*
квилити (Црес.)
**kvisti*, **kvьsti — цвàсти*
**kvocati — квȍцати*
**kvьrčьkъ — цвр̏чак*, м.
**kvьrkati*, **kvьrčati — цвр́кати*
цвр́чати
**kvьrknǫti — цвр́кнути*
**kvьtъ — цвâт*, м.
**kъ(n) — к(ка)*, предл.
**kъbьlъ — кàбао*, м.
**kъ(gъ)da — кàда* / *кȁд* } нареч.
**kъ(gъ)dy — кади*, нареч. (стар.)
**kъxnǫti — кахнути*
**kobasa*, **klobasa —*
кобáса, ж. (стар.)[73]
клобаса, ж. (диал.)
**kъlčь — кŷч*, м. (далмат.)[74]
**kъlějь*, **kъlěja*, **kъl'e*, **kъlь —*
клûj, м. (ц.-слав.?)
клѝja, ж.
каље, ср.
каљ, м.
**kъlějati — клѝjати*
**kъlica — клѝца*, ж.
**kъlinъ — клѝн*, м.
**kъli(ja)ti — клѝти*
клѝjати
**kъlькъ*, *kъlьcь — кàљак*, м.
кàљац, м.
**kъlpъ — куф (куп)* м. (диал.)[75]
**kъlь* — [*кàлац*, м.]
**kъmetь — кмȇт*, м.[76]
**kъněja — кнеja*, ж. (стар. кайкав.)[77]
**kъnęgyni — кнѐгиња*, ж.
књѐгиња, ж.
**kъnęzь — кнêз*, м.
**kъnęžjь — кнêж* (стар.)
**kъniga — књѝга*, ж.[78]
**kъrbanь — кр̀ба̄њ*, м.[79]
**kъrčagъ / a — кр̀ча̄г*, м.[80]
**kъrcati — кр̏цати*
**kъrčiti 1 — кр́чити* 'корчевать'
**kъrčiti 2* || **gъrčiti — кр̏чити се* 'корчиться' (кайк.)
**kъrčь 1 — Кр̀ч*, м. (топон.)
кр̀ч, м. (стар.)
**kъrčь 2* || **gъrčь — кр̏ч*, м. 'корча'
**kъrčьma — кр̀чма*, ж.[81]

---

[73] Слово не имеет убедительного этимологического решения. Подробнее см.: Sławski II, стр. 143—144.

[74] Славский связывает с **kolti* (Sławski II, стр. 145).

[75] В. Вайян считал с.-хорв. *куф* (*куп*) романским заимствованием (RES IX, 3—4, 1929, стр. 270—271), но сейчас утвердилось мнение, что *куф* < слав. **kъlpъ*, которое сравнимо с лит. *gul̃bis*, *gul̃bė*, *gul̃bė* и др. В. Кипарский считает это слово праевропейским заимствованием («Etymologie gestern und heute». — «Kratylos» XI, 1—2, 1966, стр. 77).

[76] Славский считает поздним праславянским заимствованием из ср.-лат. (Sławski II, стр. 279—281).

[77] С.-хорв. слово зафиксировано Мажураничем («Prilozi za hrvatski pravno-povjesni rječnik», стр. 514) — см.: L. Hadrovics. — ZfS VII, 1962, стр. 653.

[78] Слово имеет несколько этимологических объяснений (см.: Фасмер II, стр. 262—263).

[79] **kъrbanь* < **kъrbъ* (Sławski II, стр. 475—476).

[80] Наиболее вероятным представляется объяснение О. Н. Трубачева: **kъrkъ* 'шея'+суф. *-jaga* (см.: Фасмер II, стр. 341).

[81] Слово не имеет общепринятой надежной этимологии (см.: Sławski, II, стр. 74).

*kъrdъ — *кр̑д, кр̑д*, м.
кр̑до, ср.[82]
*kъrga — *кр̑га*, ж.[83]
*kъrka — *кр̑ке*
[*кр̏кача*, ж.]
*kъrkati — *кркати*
*kъrknǫti — *кр̑кнути*
*kъrma 1 — *кр̑ма*, ж. 'корма'
*kъrma 2 — *кр́ма*, ж. 'корм'
*kъrmiti — *кр́мити*
*kъrniti — *кр́њити*
*kъrnь — *кр́н*, ж.
кр́њ, ж.
*kъrpa — *кр̑па*, ж.
*kъrpati, *kъrpiti — *кӓрпат*
(Sus. 163)
кр̄пӓт
(Елез. I)
кр̑пити
*kъrpelь — *кр̑пељ*, м.[84]
*kъrpja — *кр̑пље*, ж. мн.
*kъrtiti — *кр̀тити* (стар. и диал.)
*kъrzati — *кр̑зати*
*kъrž- — *кржав*
кржљав
*kъsьnĕti — *кӑснити*
*kъsьnъ — *кӑсан*
*kъto — *ткȍ, кȍ*, мест.
*kyčiti sę — *кӣчити се*
*kydati — *кӣдати*
*kydnǫti — *кӣнути*
*kyxati — *кӣхати*
кӣјати
*kyxnǫti — *кӣхнути*
кӣнути
*kyjь — *кuj*, м. (стар. редк.)
*kyka — *кӣка*, ж.
*kykati — [*скӣчати, скӣка*]
*kykъ — *Кӣк*, м. (топон.)[85]
*kyla — *кӣла*, ж.
*kylavъ — *кӣлав*
*kypĕti — *кӣпети*
*kysati — *кӣсати*
кисати
*kys(e)lica — *кӣселица*, ж.
*kysĕti — *кисйети*
*kyslъ, *kyselъ — *кӣсао* (диал.)
кӣсео
*kysnǫti — *кӣснути*
*kystь — [*кишчица*, ж.][86]
*kyša — *кӣша*, ж.
*kyta — *кӣта*, ж.
*kytiti — *кӣтити*
*lada — *лӑда*, ж.
*lagoda — *лӑгода*, ж. (диал.)
*lagoditi — *лӑгодити*
*lagodьnъ — *лӑгодан*
*lagy, -ъve — *лагва*, ж., *лагев*, ж. (стар.)
*lajati — *лӑјати*
*laj — *лâј*, м. (стар.)
*lajьno — *лâјно*, ср.
*lalati — *лалати*
*laloka — *лàлока*, ж.
*lamati — *ла́мати*
*lapъtati — *лàптати*
*lapъtь — *лàпат*, м.
*lasica — *лӑсица*, ж.
*laska — *лӑска*, ж.
*laskati — *лӑскати*
*laskavъ — *лӑскав*
*lastavica, *lastovica —
лӑставица, ж.
лӑстовица, ж.
*latica — *лàтица*, ж.
*latiti — *лӑтити*

---

[82] В. Махек сравнивает слав. **kъrdъ* 'Herde' с др.-инд. *śardha-* 'Herde' («Slavia» XVI, 2—3, 1939, стр. 187).
[83] Слово убедительно не объяснено (см.: Ф а с м е р II, стр. 323).
[84] Славский относит к **kъrpa*, **kъrpati* и предполагает, что слово существовало уже в праславянскую эпоху (S ł a w s k i II, стр. 85—86). М. Будимир (SR VI—VII, 1954, стр. 176) считает это слово остатком словаря индоевропейских пеласгов.
[85] Шютц сравнивает с лтш. *kūkums* 'Höcker' (Gter. 22).
[86] RJA отмечает и стар. с.-хорв. *кист*, но как заимствование из русского.

*lazina — ла̀зина, ж.
*laziti — ла̏зити
*lazъ, *lazь — ла̏з, м.
лаз, ж., ла́за, ж.
*le (lě) — ле, љȅ, част.
*lebetati, *lebьtěti > lebděti — лебѐтати, лѐбдети[87]
*legt'i — лѐћи
*ledъ — лȇд, м.
*ledьnъ — лȅдан, лȅден
*lelějati — лелѐјати
ле́љати
*lel'a — љѐља, ж.
ле́ла, ж.
*lemešь, *lěmešь, *leměšь — лѐмеш, љѐмеш, лѐмиш, лѐмјеш, м.
*lepenъ — лȅпен, м.
*lepina — лѐпиња, ж.
*lepetati — лепѐтати
*lep(ъ)tyrь, *lepyrь — лȅптӣр[88], лȅпир, лȅпер, љȅпӣр, м.
*letěti — лѐтети
*leto — ле́то, лѐто, лȅто, ср.
*letъ — лȇт, м.
*letъka — лȅтка, ж.
*ležati — лѐжати
*lęcati sę — ле́цати се
*lędina — лѐдина, ж.
*lędьja — лѐђа, ср. мн.
ледва, ср. мн. (чакав., 1 раз в XVI в.)
*lętja — ле́ћа, ж.

*lěčiti — ле́чити
*lěgati — ле́гати
*lěxa — ле́ха (ле́ја), ж.
*lějьka — лȇјка, ж.
*lěkarь — лѐкāр, м.
*lěkь 1 — лȇк, м., 'лекарство'
*lekъ 2 || *likъ — лȇк, м. 'малая часть чего-л.' (Ел. I)
ли̏к 'нечет' (диал.)
лȅк, м.[89]
*lěmęzъ — љȅмēз, м.
*lěmati — ле́мати
*lěniti sę — ле́нити се
*lěnostь — љȅнōст, ж.
*lěnъ, *lěnь — лȇн, лȇњ
*lěnъka — лȇнка, ж.
*lěnьcь — ле́нац, м.
*lěpiti (sę) — ле́пити (се)
*lěpostь — ле́пōст ж.
*lěpota — лепо̀та, ж.
*lěpъ 1 — лȇп 'красивый'
*lepъ 2 — лȇп, м. 'клей, замазка'
*lěpъkъ — ле́пак, м.
*lěsa, *lěsica — лȅса, ж.
лȅсица, ж.
*lěska — ле́ска, ж.
*lěsъ — лȇс, м. 'лес' (стар.)
*lěsьje — ли̏јесје, ср. собир. (1 раз в XVI в.)
*lětati — ле́тати
*lětina — лȅтина, ж.
*lětišče — лѐтӣште, ср.
*lětьnьjь — лȅтњӣ, лȅтнӣ
*lěto — лȅто, ср.
*lěto se — љȅтōс, нареч.
*lětovati — лȅтовати
*lěvakъ — лѐвāк, м.
*lěvati || *livati — ле́вати

[87] С.-хорв. лѐбдети, видимо, старое: оно сопоставимо с др.-чеш. lebduše (см.: Б е р н е к е р); также В. М а х е к («Einige slavische Volgenamen». — ZfslPh XX, 1950, стр. 37—41).

[88] С.-хорв. лȅптӣр, лȅпир связаны скорее всего с глаголом лепѐтати (се) (см. RJA, Б е р н е к е р и др.), однако форма љепир, по мнению Мусича, дает основание сопоставить эти слова с прилаг. лијен (A. M u s i ć. Netopir i leptir. — JФ VI, 1926—1927, стр. 101).

[89] С.-хорв. лȇк, м. и ли̏к в RJA и других сербохорватских словарях не зафиксированы. Отсутствуют они и в этимологических словарях.

**lěvъ* || **livъ* — *лȇв*, м.
**lěvъjь* — *лȇвӣ*
**lěvъkъ* || **livъkъ* — *лȅвак*, м.
**lěztva*, **lěztvica* —
љȅстве, ж. мн.
лȅствица, ж.,
лȅствице, ж. мн.
**li* — *ли*, част.
**libati* — *лѝбати*[90]
**lice* — *лѝце*, ср.
**ličiti* 1 — *лѝчити* 'быть похожим'
**ličiti* 2 — *лѝчити* 'объявлять, кричать'[91]
**ličьba* — *лȋџба*, ж.
**lixva* — *лѝхва*, ж.
**lixъ* — *лȋх*
**likъ* — *лȋк*, м. 'лицо, вид'
**lin'ati* (*sę*) — *лѝњати* (*се*),
лѝњати (*се*)
**linь* — *лѝњ*, м.
лȉн, м.
**lipa* — *лѝпа*, ж.
**lipanъ*, **lipenъ* — *липан*, м.
липен, м.
**lipьnь* — *лѝпањ*, м.,
лȉпањ, м.
**lisica* — *лѝсица*, ж.;
лѝсице, ж. мн.
**listopadъ* — *лѝстопāд*, м.
**listъ* — *лȋст*, м.
**listьje* — *лȋшће*, ср. собир.
**listьnъ* — *лѝстан*
**lisъ* — *лȋс*, м.
**lišajь* — *лѝшāј*, м.
**lišiti* (*sę*) — *лѝшити* (*се*)
**liti* — *лѝти*
**litva* — *литва*, ж. 'большой прилив, ливень' (Ђор., Куч. 332)[92]
**lizati* (*sę*) — *лѝзати* (*се*)
**logъ*, **loga* — *лȏг*, м.
лóга, ж.
**lojiti* — *лòјити*
**lojь* — *лȏј*, м.
**lojьnъ* — *лȍјан*
**loktika* — *лòћика*, ж.
**loky*, *-ъve* — *лȍква*, ж.
**lomiti* — *лòмити*
**lomъ* — *лȏм*, м.
**lonьcь* — *лòнац*, м.[93]
**lopata* — *лòпата*, ж.
**lopatica* — *лòпатица*, ж.
**lopiti* — *лòпити*
**lopuxъ* — *лòпӯх*, м.
**lopъta* — *лȍпта*, ж.
**losknǫti* — *љȍснути*
**lošь* — *лȏш*
**lovišče* — *лòвиште*, ср.
**loviti* — *лòвити*
**lovъ* — *лȏв*, м.
**lovьcь* — *лòвац*, м.

---

[90] С.-хорв. *лѝбати* 'зыбиться, колебаться' еще Ст. Микуцкий связывал с лит. *lajbas* 'гибкий, тонкий, сухопарый, долговязый' (см. 7-й отчет канд. Ст. Микуцкого. — ИОРЯС, т. IV. СПб., 1855, стб. 405).

[91] Фасмер (II, стр. 496) связывает этот глагол с *лик* 'лицо, образ'; Фр. Курелац выводил его из **kličiti*, ср. идиому: продават *на клич* (диал.) — см.: Fr. Kurelac. Brojanica ili deset glagolskih zrnac. — «Rad» XV, 1871, стр. 119.

[92] С.-хорв. *литва* — древнее образование (типа *бритва*). В RJA и других словарях не зафиксировано.

[93] Слово не имеет надежной этимологии. Скок (Эт.) предполагает, что это южнославянское слово более молодое, чем праслав. **gъrnьcь*. Оно образовано как деминутив: ср. *лона*, ж. 'посуда за каву' (Истра), *лоница* — и далее к греч. ληνός '*копања*' или λέκος 'lanx, здјела'. Ф. Безлай предполагает, что это южнославянское заимствование из балканских языков (лат. *lanx*, греч. ληνός), а также излагает точку зрения Оштира, который допускает существование палеоевроп. **lón-* (Oštir. Rasprave I, стр. 284), — F. Bezlaj — J. Hubschmid. Sohläuche und Fässer... — SR IX, 1—2, 1956, стр. 61.

*lovьčьjь — лôвчјӣ (стар.)
*lovьnъ (jь) — лȍван, лòвнӣ
*loza — лȍза, ж.
*lozьje — лôзје, ср. собир.
*lozьnъ — лȍзан
*lože — ложе, ср. (стар.)
*ložiti (sę) — лòжити (се)
*lǫčiti — лу́чити
*lǫgъ — лŷг, м.
*lǫka — лу́ка, ж.
*lǫkavъ — лу̀кав
*lǫkъ — лŷк, м.
*lǫk(ъ)no — лукно, ср. (стар.)
*lǫtъka — лу̏тка, ж.
*lǫžьnъ — лу̏жан
*lubina — лу̀бина, ж.
*lubъ — лŷб, м.
*lučiti — [получити, случити]
*lučь, *luča — лŷч, м. и ж.
лу̏ча, ж.
*lučьka — лу̏чка, ж.
*lučьnъ(jь) — лŷчан
*luditi sę — лу́дити се
*ludъ — лŷд[94]
лу̏да, м. и ж.
*lukъ — лу̏к, м. (раст.)
*luna — лу́на, ж.
*lunь — лу̏ња, ж.
*lupati, *lupiti — лу́пати,
лу́пити, лу̏пити
*lupežь — лу́пеж, м.
*lupina, *l'upina — лу̀пина, ж.
љупина, ж.
љу̏пине, ж. мн.
*lupъ, *lupa — луп, м. (1 раз)
лу̏па, ж.
лŷп, м. (стар.)

*luska, *l'uska — љу̏ска, ж.
*lusknǫti — љу̏снути
*luščiti — љу́штити
*lutati — лу́тати
*luža — лу̏жа, ж. (стар.)
*lъgati — лàгати
*lъsknǫti — ласнути
*lъskъtъ — лȁскат, м.
*lъščiti — лàштити (се)
*lъžica — лàжица, ж.
*lъživъ — лàжив
*lъžь — лâж, ж., лàжа, ж.
*lъžьcь — лàжац, м.
*lъžьnъ — лȁжан
*lyčina — лѝчина, ж.
*lyga — [лѝгуре, ж. мн.][95]
*lyknǫti — ликнути[96] (кайк.-хорв.)
*lyko — лѝко, ср.
лѝк, м.
лѝка, ж.
*lysica — лѝсица, ж.
*lysina — Лѝсина, ж. (топон.)
?*lyskati (sę) — лискати (се) (стар. диал.)
*lysъ — лис, м.,
лис (стар.)
*lystъ — лѝст, м.
*lysъka — лѝска, ж.
*lysьcь — лѝсац, м.
*lьgъkъ — лȁк
*lьněnъ — лȁнен
*lьnišče — лàнӣште, ср.
*lьnъ — лȁн, м.
*lьstiti — ластити (стар.)
*lьstivъ — лàстив (стар.)
*lьstь — лâст, ж. (стар.)

[94] А. Вайан считает, что *луд* < **blǫdъ* (A. Vaillant. — «Slovo» 2. Загреб, 1953, стр. 9 сл.). По-другому (со списком литературы) — Фасмер II, стр. 528: возможно, родственно лит. *liūstù*, *liū̃sti* 'грустить', *liū̃dnas* 'печальный', др.-прусск. *laustineiti* 'унижаете', наверняка — гот. *liuts* 'лицемерный' и др.

[95] С.-хорв. *лигуре* 'малене саонице, што се дјеца возају на њима по леду и снијегу' (центр. и зап. районы) выводится Скоком (Эт.) из **lyga* (*-ура* — аугментативный суффикс) < и.-е. **(s)luga* — от корня **sleng-* 'склизати'. Сюда же русск. *лыжа*.

[96] Скок (Эт.) объединяет с.-хорв. *ликнути* 'ударити, јекнути', *лик* 'ударац, шум' с праслав. **lykati* — итер. к **lъkati* (ср. словен. *likati* 'schluchzen', блр. *лык* 'Schluck' к и.-е. корню **(s)lūk-*, ср. нем. *schlucken*).

**lьznǫti — лàзнути*[97]
**lьvъ — лȁв*, м.
**l'ubiti — љýбити*
**l'ubovati — љубòвати* (диал.)
**l'ubъ — љуб* (диал.)
**l'uby, -ъve — љýби, љýбав, љу-ба*, ж.
**l'ubьсь — љýбац*, м. (Истр.)
**l'udi — љȕди*, м. мн.
**l'udina — љȕдина*, ж.
**l'udьskъјь — љȕдскӣ*
**l'ul'ati — љýљати*
**l'ulьka — љȕљка*, ж.
**l'utica — љỳтица*, ж.
**l'utiti — љýтити*
**l'utostь — љȕтōст*, ж.
**l'utъ — љȕт*
**l'utьсь — љýтац*, м. (стар.)

Сокращения источников

Вис.	*М. Филиповић.* Живот и обичаји народни у Височкој нахији. — СЕЗб LXI. II одељ. Живот и обичаји народни, 27. Београд, 1949.
Вук.	*Ј. Вуковић.* Акценат говора Пиве и Дробњака. — «Српски дијалектолошки зборник» X. Београд, 1940.
ГП	*М. Филиповић, П. Томић.* Горња Пчиња. — СЕЗб LXVIII. IV одељ. Расправе и грађа, 3. Београд, 1965.
Ђор.	*Т. Ђорђевић.* Природа у веровању и предању нашега народа. — СЕЗб LXXI. Одељ. друштв. наука. Живот и обичаји народни, 32. Београд, 1959.
Ел. I, II	*Гл. Елезовић.* Речник косовско-метохиског дијалекта, I—II. Београд, 1932—1935.
ИТ	*И. И. Толстой.* Сербско-хорватско-русский словарь. М., 1957.
Јарм.	*Ср. Кнежевић, М. Јовановић.* Јарменовци. — СЕЗб LXXIII. Одељ. друштв. наука. Расправе и грађа, 4. Београд, 1958.
ЈШ	*Ј. Павловић.* Живот и обичаји народни у крагујевачкој Јасеници и Шумадији. — СЕЗб XXII. Живот и обичаји народни, 12. Београд, 1921.
Куч.	*Ст. Дучић.* Живот и обичаји племена Куча. — СЕЗб XLVIII. II одељ. Живот и обичаји народни, 20. Београд, 1931.
ЛМ	*Dr. Ђорђевић.* Живот и обичаји народни у Лесковачкој Морави. — СЕЗб LXX. Одељ. друштв. наука. Живот и обичаји народни, 31. Београд, 1958.
Миђ.	*Љ. Мићовић.* Живот и обичаји Поповаца. — СЕЗб LXV. II одељ. Живот и обичаји народни, 29. Београд, 1952.
Рад.	*Б. Радовић.* Гајење и обрада лана у нашем народу. — «Гласник Етнограф. музеја у Београду», књ. XIX, т. XIX, Београд, 1956.
Рес.	*Ст. Мијатовић.* Ресава. — СЕЗб XLVI. Насеља и пор. становништа, 26. Београд, 1920.
Скок Эт.	— см. Skok Et.

---

[97] С.-хорв. *лазнути* 'лизнуть' — древний аблаут к *лизати* (*i* ‖ *ь*): ср. ст.-чеш. *lzáti*, словен. *leznóti* (см.: RJA; Фасмер II, стр. 494).

Снј *С. Грбић.* Српска народна јела и пића из среза Бољевачког. — СЕЗб XXXII. Живот и обичаји народни, 14. Београд, 1925.

Тр. *Ст. Мијатовић, Т. Бушетић.* Технички радови Срба сељака у Левчу и Темнићу. — СЕЗб XXXII. II одељ. Живот и обичаји народни, 14. Београд, 1925.

ФГ *М. Шкарић.* Живот и обичаји «планинаца» под Фрушком гором. — СЕЗб LIV. II одељ. Живот и обичаји народни, 24. Београд, 1939.

Шаул. *А. Шаулић.* Прилог лексици народних говора. — «Наш језик». Нова серија, VIII. Београд, 1957.

Шум. *Ј. Ердељановић.* Етнолошка грађа о Шумадинцима. — СЕЗб LXIV. IV одељ. Расправе и грађа, 2. Београд, 1951.

Cres *M. Tentor.* Der čakavische Dialekt der Stadt Cres [Cherso]. — AfslPh 30. Berlin, 1909.

GTer *J. Schütz.* Die geographische Terminologie der Serbokroatischen. Berlin, 1957.

Jr *M. Kosor.* Izvori, pravopis i jezik Jurinovih rječnika. «Rad» 315. Zagreb, 1957.

Kan. *Tv. Kanaet.* Podveležje i Podvelešci. — «Naučno društvo NR Bosne i Hercegovine» VI. Odelj. istor.-filol. nauka, 5. Sarajevo, 1955.

Kast. *I. Jardas.* Kastavština. «Zbornik za narodni život i običaje južnih Slovena» 39. Zagreb, 1957.

Lex. *T. Matić.* Lexicalia iz starih hrvatskih pisaca. — «Rad» 315. Zagreb, 1957.

Maš. *Lj. Maštrović.* Rječničko blago ninskoga govora. — «Radovi Instituta JAZU» III. Zagreb, 1957.

Nk *St. Sekereš.* Govor našičkog kraja. — «Hrvatski dijalektološki zbornik» 2. Zagreb, 1966.

Pal. 138 *L. Zore.* Paļetkovańe. — «Rad» 138. Zagreb, 1899.

Palj. 170. *L. Zore.* Paljetkovanje po oblasti našega jezika. — «Rad» 170. Zagreb, 1907.

PH *I. Brabec.* Govor podunavskih Hrvata u Austriji. — «Hrvatski dijalektološki zbornik» 2. Zagreb. 1966.

Skok *P. Skok.* Mundartliches aus Žumberak [Sichelburg]. — AfslPh 33. Berlin, 1912.

Skok Et. *P. Skok.* Etimologijski rječnik hrvatskog ili srpskog jezika (машинопись).

Sus. *J. Hamm, M. Hraste, P. Guberina.* Govor otoka Suska. — «Hrvatski dijalektološki zbornik» 1. Zagreb, 1956.

Vrb. *I. Žic.* Vrbnik (otok Krk). — «Zbornik za narodne običaje južnih Slovena» 33. Zagreb, 1949.

ZkM *A. Šepić.* Zakon kaštela Mošćenic, prijepisi njegovi, tekst i jezik. — «Rad» 315. Zagreb, 1957.

В. В. Виноградов

ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ. V

I. Зодчий

Акад. А. И. Соболевский предполагал, что слово *зодчий* вошло в русский литературный язык в период второго югославянского влияния, т. е. не ранее конца XIV—начала XV в. Это слово родственно словам *здание*, *здати*, *созидати*, *создатель*, *зиждитель* (ср. *зиждется*) и т. п. По мнению А. И. Соболевского, в русском языке оно должно бы звучать *зедчий*, если бы русские книжники не прочитали югославянского *ъ* после *з* как *о* [1], т. е. если бы югославянское написание этого слова как *зъдчий* не повлияло бы и на его русское произношение. Таким образом, слово *зодчий* проникло в русский литературный язык чисто книжным путем в период «второго южнославянского влияния».

Акад. А. Х. Востоков в «Церковно-славянском словаре» приводит слово *зьдьчий* в значении 'мастер, строитель, владетель' («Зьдьчий. — τέκτων, faber Pat., κτήτωρ, possessor. Dial. male») [2].

Кроме того, Востоков отмечает слова *зьдечий* и *зьдичий* из сочинений Ефрема Сирина по списку XIV в.: писець ли еси, помяни *зьдечья* и камение дѣлающихъ (κλείστας· καὶ λεπτούργους). Востоков предполагает здесь значение 'горшечник' (ср. *зьдарь* 'гончар, лепящий из глины, κεραμεύς, figulus'. Ant.). (Ср. *зьдъ* 'глина', *зьдьный* 'глиняный') [3].

Слово *зьдьчий* исследователями старославянского языка (А. Мейе, Р. Ф. Брандтом) признается образованием, относящемся к более поздней эпохе жизни древнеславянского языка (сложенным по образцу *кравчий*, *ловчий* и т. п.) [4].

Зодчий в ц.-слав. *зьдьчий* 'aedificator', 'possessor', д.-серб. *зьдьць* 'faber' (Дан.); ново-серб. *зидар* 'faber murarius' (Вук.),

---

[1] Рец. на кн.: С. К. Булич. Церковно-славянские элементы в русском литературном и народном языке. — ЖМНП, 1899.

[2] А. Х. Востоков. Церковно-славянский словарь. Материалы для словаря и грамматики. Приложение к VI т. ИОРЯС, 1857, стр. 287.

[3] Срезневский I, стб. 1009.

[4] См.: Преображенский I, стр. 247. Ср. у Герцена в «Записках одного молодого человека»: В Греции все было так проникнуто изящным, что самые великие люди ее похожи на художественные произведения. Не напоминают ли они собою, например, светлый мир греческого *зодчества*?

хорв. *zidar*, *zidarc*, *zidatej* 'structor' (Стул.); чеш. *zednik* 'Maurer' (Ранк.) [5].

К. Педерсен приводил русск. *зодчий* в числе примеров изменения *ь* в *ъ* между согласными в старославянском языке [6].

Акад. Ф. Ф. Фортунатов, считая это слово заимствованным из церковнославянского языка с *о* из *ъ*, так объяснял звуковую форму этого слова: «Ст.-слав. *зьдьчии* (не встречающееся в старых памятниках) фонетически не должно бы было получить *ъ* из *ь* в первом слоге (гласная *ь* имела здесь по положению большее количество, при котором ь не подвергалась изменению в ъ даже и перед твердым слогом), но под влиянием *зъдъ* при *зьдъ* 'глина', 'стена' и при *зьдьчии* или *зьдчии* (с утратой второго *ь*) явилось *зъдчии*; в *зъдъ* при *зьдъ* гласная *ъ* перенесена была некогда из других падежей, где, например, в род. пад. *зъда*, она образовалась фонетически из *ь* „меньшего количества“ в то же время, когда *зьдьти* перешло в *зъдати* (а *ъ* во всех древних памятниках), так что *зъдъ* из *зьдъ* является однородным с *сѫдобъ* в Синайской псалтыри под влиянием *ъ* из *ь* в *сѫдъба* и т. д.» [7].

У Кариона Истомина в «Орации при поднесении царице Софии Алексеевне книги блаженного Августина „Боговидная любовь“» слово *зодчество* употреблено в переносном метафорическом смысле: Паче елея (?) жаждущаго источников воды, жаждеми ты Господня на таковое пречастиейшаго художества *зодчество* чистых мыслей, блаженных разумений и чистых словес [8].

В 17-томном академическом «Словаре современного русского литературного языка», в котором обычно указывается, когда впервые то или иное слово фиксируется лексикографическими источниками, для слова *зодчий* в качестве такого первоисточника отмечен «Лексикон треязычный» Федора Поликарпова (1704), для *зодческий* — «Словарь Академии Российской» (1792), для *зодчество* — Дополн. к «Церковному словарю прот. П. Алексеева» (1776) [9]. Все эти сведения являются очень запоздалыми, так как слово *зодчий* зарегистрировано в русских текстах с конца XIV—начала XV в.

Слово *зодчий* в русском литературном языке XVIII в. считалось принадлежностью высокого стиля. Так, Г. Р. Державин посвятил свое стихотворение «*Зодчему* Тончию» [10].

---

[5] А. С. Будилович. Первобытные славяне в их языке, быте и данным лексикальным, II, 1. Киев. 1878—1882, стр. 103.

[6] KZ XXXVIII, 1902—1903, стр. 322.

[7] Ф. Ф. Фортунатов. Старославянское *тъ* в 3 лице глаголов. — ИОРЯС XIII, 2, 1908, стр. 5.

[8] С. Н. Браиловский. Один из пестрых XVII Столетия. СПб., 1902. Приложения, стр. 475.

[9] «Словарь современного русского литературного языка» IV. М.—Л., 1955, стр. 1309—1310.

[10] «Сочинения Г. Р. Державина» IX. СПб., 1883. Словарь, стр. 379.

Ср. также: Там *зодчий* зиждет храм молитвы (Конч. благ. 704, 4);

Здесь тонут зиждущих плотину
Работников и *зодчих* тьма (II, 160, 8).

Но в карамзинской школе оно было признано архаическим славянизмом. А. С. Шишков защищал его в своем «Рассуждении о старом и новом слоге», объединив с такой группой устарелых славянизмов: «Как могут обветшать прекрасные и многозначащие слова, таковые, например, как: *дебелый*, *доблесть*, *присно*, и от них происходящие: *одебелеть*, *доблий*, *приснопамятный*, *приснотекущий* и тому подобные? Должны ли слуху нашему быть дики прямые и коренные наши названия, таковые, как: *любомудрие*, *умоделие*, *зодчество*, *багряница*, *вожделение*, *велелепие* и проч?» [11].

«Вот беда для нынешних писателей, когда кто в писаниях своих употребляет слова *брашно*, *требище*, *рясна*, *зодчество*, *доблесть*, *прозябать*, *наитствовать* и тому подобные, которых они сроду не слыхивали, и потому о таковом писателе с гордым презрением говорят: „Он педант, провонял славянщизною и не знает французского в штиле элеганцу“» [12].

Характерно, что в «Словаре церковно-славянского и русского языка» слово *зодчий* объявляется старинным: «*Зодчий*, *я*, и *аго*, с. м. Стар. Знающий науку зодчества, архитектуру; архитектор» [13]. Правда, при словах *зодчество* и *зодческий* этой пометы нет: «*Зодчество*, а. Наука располагать, строить здания; архитектура. Искусен в зодчестве». «*Зодческий*, *ая*, *ое* прил. Относящийся к зодчеству. Зодческое искусство» [14].

Слово *зодчества*, по словам Шишкова, «так же редко в простых разговорах употреблялось, как слова *угобзится*, *непщевать*, *доблесть*, *прозябать*, *светалоносный* и другие подобные. Оно известно токмо тем, которые прилежно в языке своем упражняются» [15].

А. С. Шишков свидетельствует, что в разговорном языке конца XVIII—начала XIX в. было в ходу слово *архитектор*, слово же *зодчий* многим образованным людям казалось странным и непонятным: «Слово *зодчий*, — писал Шишков, — есть настоящее русское, происходящее от глагола *созидать*; но ежели бы кто в разговорах сказал: *я нанял зодчего строить дом*, то верно бы многие нашлись у нас такие, которые бы спросили: ково он нанял?

---

[11] А. С. Шишков. Рассуждение о старом и новом слоге. СПб., 1813, стр. 47.

[12] Там же, стр. 28.

[13] «Словарь церковно-славянского и русского языка», составленный вторым отделением имп. Академии наук, II. Изд. 2. СПб., 1867—1868, стр. 194.

[14] Там же.

[15] А. С. Шишков. Указ. соч., стр. 295.

а другие бы с насмешкою сказали: он говорит странным языком! И так разговаривая с русскими и по-русски, надлежит непременно употреблять иностранные слова: Я нанял архитектора строить дом»[16].

В 20—40-е годы XIX в. слово *зодчество* входит в широкий литературный оборот.

В «Дневнике» А. И. Герцена (под. 8 янв. 1843 г.): Можно ждать еще развития византийского *зодчества*, а уже готического нельзя.

У Аполлона Григорьева в «Дружеской песне» (1845 г.):

Отложив земли печали,
Возлетимте к светлой дали:
Буди вечен наш союз!
Слава, честь и поклоненье
В горних *зодчему* творенья,
Нас сотворшему для дел. . .

У А. Г. Венецианова в письме Милюковым (19 дек. 1837 г.): Дворец горит, за век невредимо простоявший и бывший памятником того духа *зодчества*[17].

В «Воспоминаниях» Е. М. Феоктистова (1887—1896): Можно очень верно судить о положении дел и оказаться не совсем искусным *зодчим*, когда самому приходится воздвигать здание на месте признанного негодным[18].

У Н. И. Пирогова в «Дневнике старого врача»: Цель и мысль пойманные, так сказать, в сеть материала, — на полотно в красках живописца, в мрамор *зодчего*, на бумагу в условные знаки и слова поэта, — живут потом целые века своею жизнию, заставляя и полотно, и мрамор, и бумагу сообщать из рода в род содержимое в них творчество[19].

II. *Поползновение*

В современном русском языке небольшая группа книжных имен существительных на *-новение* с глагольной основой, обозначающих действие или состояние, стремление, является морфологически, стилистически и семантически разобщенной, разъединенной (ср. *проник-новение*, *возник-новение*, *исчез-новение*, *иссяк-новение*, *усек-новение*, *отдох-новение*, *претк-новение*, *отдох-новение*

---

[16] А. С. Шишков. Указ. соч., стр. 303.

[17] «А. Венецианов в письмах художника и воспоминаниях современников». М.—Л., «Academia», 1931, стр. 179.

[18] Е. М. Феоктистов. Воспоминания (1887—1896). Л., 1929, стр. 249—250.

[19] «Сочинения Н. И. Пирогова» II. Киев, 1910, стр. 18.

и *вдохнов-ение*, *располз-новение*, *столк-новение*, *прикос-новение*, *дерз-новение*, ср. *дерзать*, *дерзнуть*. Ср. *мгновен-ие*, ср. *миг*; *мановение*, но в «Полтаве» Пушкина:

И резким *манием руки*
На русских двинул он полки.

Ср. образование иной категории: *омовение*, *откровение*. Большая часть этих слов — древние славянизмы. Лишь единичные из них подверглись резкой экспрессивной деформации. Таково слово *пополз-новение*.

Слово *поползновение* в современном языке воспринимается как книжное. Оно имеет яркую ироническую окраску и служит, по большей части, средством отрицательной характеристики какого-нибудь нескромного желания, упорного, но скрытого намерения. Значение этого слова в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова определяется так: «Не вполне определившееся или скрываемое намерение, желание: У него было *поползновение* уехать, не сказав никому» [20]. Кроме того, здесь же отмечается смысловой оттенок: «Желание показать что-нибудь, претензия: Он был одет . . . с некоторой изысканностью и с *поползновением* на солидность и собственное достоинство (Достоевский)». Однако нетрудно убедиться в том, что это толкование не вполне точно. Оно воспроизводит частные смысловые нюансы словоупотребления, порождаемые тем или иным индивидуальным окружением, контекстом. Правильнее было бы определить *поползновение на что-нибудь*, *к чему-нибудь* или с инфинитивом как ʻпокушение на что-нибудь, недостаточно определенное или недостаточно обоснованное притязание на что-нибудь, стремление к чему-нибудь внутренне желаемому, но трудно достижимомуʼ. Оно представляет собою отвлеченное образование от глагола *поползнуть* или *поползнуться*. Действительно, в языке древнерусской письменности отмечены глаголы: *попълзтисѧ—поползтися* со значениями: 1) ʻпоползти, соскользнуть, совратитьсяʼ (в Изборнике 1073 г.: *попълзошасѧ* на нечьстиѥ); 2) ʻвпасть в ошибку, в грех, погрешитьʼ (в «Повести временных лет»: Соломонъ . . . бы мдръ, но наконьць *поползеся*. 6494 г.)»; однократные формы *попълзнути—поползнути* ʻпоскользнуться, впасть в заблуждение, в ошибкуʼ (в «Пчеле»: Горьчае языкомь *поползънути*, нежели ногами); *попълзнутисѧ—поползнутися* ʻпоскользнуться; совратиться, впасть в ошибкуʼ (в Хронике Георг. Амартола по Уваров. сп.: Конь же по моему камену *поползънувъся*, на землю въсадника съверже; в «Пчеле»: мужь клѧтволюбець *поползънетьсѧ* в безакониѥ) [21].

---

[20] Ушаков III, стр. 591.
[21] Срезневский II, стб. 1201—1202.

От глагола *попълзтися* было образовано имя существительное *попълзению*, которое обозначало действие — соответственно значениям этого глагола: 'неверный шаг, ошибка; соблазн'. Понятно, что те же значения должно было выражать и слово *поползновение*, в котором лишь выступал оттенок однократности, резкого движения, свойственный глаголу *попълзнутися*.

Таким образом, перед нами — слово, восходящее к старославянской традиции в составе русского литературного языка (ср. в Изборнике 1073 г. 174: Жена очима *поплъзению*, дшамъ пагоуба; в послании Никифора м. Влад. мон.: измѣть нозѣ твои ѿ *пополъзенія* [22]).

В словарях Академии Российской и в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1867 г. указана и форма несовершенного вида к *поползнутися* — *поползаться* [23], *поползатися*.

Объяснение этого «славенского» глагола в «Словаре Академии Российской» заслуживает упоминания. Здесь различаются два значения: 1) собственно: 'падать, поскальзываться'; 2) переменно: 'в искушение приходить, получать преклонность к какому-либо порочному делу': *Поползнулся* на взятки [24].

Таким образом, в основе слова *поползнуться* лежал образ сползания, соскользания, совращения с твердого и прямого пути. В церковно-культовом аспекте этот символ обозначал греховное искушение, соблазн, уклон к пороку.

Понятно, что при переходе этого слова в сферу делового языка это значение должно было приобрести более гражданский оттенок — 'покушение на что-нибудь порочное или предосудительное'. Это значение становится основным у слова *поползновение* в русском литературном языке еще до XVIII в.

В «Словаре Академии Российской» слово *поползновение* признано «славенским», т. е. относящимся к высокому стилю. Прямое его значение 'действие поскользнувшегося, падение' иллюстрируется лишь примером из псалтыри. Ср. у Державина: Ноги моей в *поползновенье* . . . Горел. 552, 2 [25]. Но это значение считалось главным образом принадлежностью церковнославянского языка. Второе же, переносное, значение сохраняло всю свою жизнеспособность: «Покушение к какому-либо порочному делу. Впасть в *поползновение*» (ср.: *Поползновенный* . . . удобопреклоняемый к чему-либо порочному, предосудительному) [26].

У И. М. Долгорукого в «Капище моего сердца»: не могу себе представить, как мы решились так откровенно, нагло и без всяких предваряющих и обольстительных глаголов, обнюхаться и

---

[22] Срезневский II, стб. 1201.

[23] «Словарь Академии Российской» IV. СПб., 1822, стр. 1525; «Словарь церковно-славянского и русского языка» II, 1867—1868, стр. 751.

[24] «Словарь Академии Российской» IV, 1822, стр. 1525.

[25] «Сочинения Г. Р. Державина» IX. Словарь, стр. 410.

[26] «Словарь Академии Российской» IV, 1822, стр. 1525.

тотчас пуститься в сладострастнейшие *поползновения* [27]. Ср. там же: В тайном *поползновении* сердца, кроме бога, испытующего наши совести, никакой мирской закон касаться нас не может и не должен (стр. 367).

Ср. у Пушкина в черновой редакции стих. «Французских рифмачей суровый судия»:

Постойте! Наперед узнайте, чем душа
У вас исполнена — прямым ли вдохновеньем
Иль необузданным одним *поползновеньем*,
И чешется у вас рука по пустякам,
И вам не верят в долг, а деньги нужны вам.

В «Словаре церковно-славянского и русского языка» глагол *поползатися—поползнутися* объявлен церковным архаизмом. В слове же *поползновение*, оставленном безо всякой стилистической отметки, по-прежнему различаются два значения: 1) 'действие поползающегося и поползнувшегося; преткновение': Яко избавил еси душу мою от смерти . . . и нозѣ мои от *поползновения*. Псал. LV, 14; 2) 'покушение на что-либо предосудительное, или порочное' [28].

Очевидно, только второе значение было живым в начале XIX в. Оно становится все более широким, облекаясь оттенками легкой иронии.

У В. Г. Белинского в письме В. П. Боткину (от 30 декабря 1839 г.): Я теперь в таком состоянии, что оскорбление духа грубым непониманием при *поползновении* резонерствовать о нем приводит меня в остервенение.

В письме тому же Боткину от 5 сентября 1840 г.: У меня у самого есть *поползновение* верить то тому, то другому, но нет сил верить, а хочется знать достоверно.

В связи с семантической эволюцией слова *поползновение* находится судьба слова *поползень*, которое выпало из литературного употребления еще в первой половине XIX в.

В «Словаре Академии Российской» слово *поползень* определяется так [29]:

1) 'ребенок ползущий и ходить еще не могущий';

2) 'птица'.

В «Словаре церковно-славянского и русского языка» сюда присоединено еще «простонародное» значение 'пролаз, низкопоклонник, проныра': Видели мы довольно таких поползней [30].

---

[27] И. М. Долгорукий. Капище моего сердца. — «Русский архив» XXVIII, 7. М., 1890, стр. 290.

[28] «Словарь церковно-славянского и русского языка» III, 1867—1868, стр. 751.

[29] «Словарь Академии Российской» IV, 1822, стр. 1525.

[30] «Словарь церковно-славянского и русского языка» III, 1867—1868, стр. 751.

Но слово *поползень* должно было исчезнуть из литературной речи и уступить место более экспрессивным и более употребительным синонимам — *проныра*, *пролаз*.

III. *Стих нашел*

Когда говорят о народной или простонародной, «фольклорной», русской лексике, то обычно имеют в виду прежде всего исконный славянский (праславянский или общевосточнославянский) морфологический инвентарь словаря. Такое ограничение материала отчасти оправдывается этимологической точкой зрения на состав лексики. Но было бы ошибочно отрицать глубокое проникновение в народную русскую стихию и в ее семантический строй лексических элементов, заимствованных русским языком извне. В некоторых пластах иноязычных заимствований вся семантическая структура обвеяна русским народным духом, народным миропониманием, естественно, иногда отражающим духовную культуру далекого прошлого.

Уже давно было замечено: «То, что для теперешнего образованного человека является результатом поэтического творчества, может на иных ступенях развития являться путем простого наблюдения и сухой логической работы мыслительной способности»[31].

Это положение подтверждается историей выражения (*такой*) *стих нашел (на кого-нибудь)*.

Устойчивое фразеологическое сочетание: *стих (какой-нибудь) найдет*, *нашел на кого-нибудь* обозначает: 'охватило кого-нибудь, найдет на кого-нибудь странное, капризное и неожиданное настроение, причудливое, внезапное душевное состояние' (ср. *дурь найдет на кого-нибудь*, *столбняк найдет* и т. п.).

Ср. у Д. Фонвизина в «Бригадире»: Не гневайся, матушка, на своего супруга — на него сегодня худой *стих нашел*.

У Тургенева в рассказе «Конец Чертопханова»: И хоть бы слово кому промолвила — все только глазами поводила да задумывалась, да подрыгивала бровями . . . да руками перебирала, словно куталась. Этакий *стих* и прежде на нее *находил*[32].

У Тургенева в «Фаусте»: Вдруг *найдет* на нее *стих* какой-то: ни читать не хочет, ни разговаривать, шьет в пяльцах, возится с Наташей, с ключницей, в кухню вдруг сбегает, или просто сидит, поджав руки, и посматривает в окошко, а не то примется играть с няней в дурачки.

---

[31] В. Ф. Воеводский. Этимологические и мифологические заметки. I. Чаши из человечьих черепов и тому подобные примеры утилизации трупа. — «Записки имп. Новороссийского университета» XIV, 1878, стр. 59.

[32] М. Михельсон. Русская мысль и речь, II. СПб., 1914, стр. 317.

У Тургенева же в романе «Накануне»: . . . Иногда, совершенно неожиданно, проявлялось в ней непреодолимое желание чего-нибудь необыкновенного. . . *Находил* ли на нее этот *стих* зимой — она приказывала нанять две-три ложи рядом. . .

Несмотря на то, что употребление слова *стих* чаще всего в составе фразеологического сочетания *стих находит на кого-нибудь* было известно в русском литературном языке издавна — с XVII—XVIII вв., все же ни слово *стих* в этом значении, ни целостное выражение *стих находит на кого-нибудь* не были отмечены ни одним толковым словарем русского литературного языка до Даля. В словарях Академии Российской и в «Общем церковно-славяно-российском словаре» П. Соколова (1834) указываются два значения слова *стих*: «1) Сочетание слов, известным числом и родом стоп связанных. *Стих* — шестистопный, пятистопный. 2) Статья»[33]. В академическом словаре 1847 г. отмечены тоже два значения, но в иной формулировке и с указанием на сферу стилистического применения второго из этих значений: «*Стих*, а, с. м. 1) В поэзии: известное соединение стоп. *Стихи* шестистопные, ямбические, хореические. 2) Церк. Отдел слов, имеющих полный смысл; период. В первой главе Премудрости Соломона шестнадцать стихов»[34].

В «Толковом словаре» Даля объединены все эти лексикологические указания и присоединено к ним разговорно-фразеологическое сочетание: *стих находит*, *нашел на кого-нибудь*. Здесь под словом *стих* читаем:

«*Стих* м. — мерная строка; известное число стоп, соединенных в одну строку или составляющих отдельную часть размера. . .

Писать стихи, *стихами*, *в стихах*. *Белые стихи*, без рифм. *Хорошенький стишек*, *стишки*. И *он кропает стишёнки*. . . *Семипяденные стишищи*. Црк. Отдел слов, имеющих полный смысл; период речи. *Несколько библейских стихов вместе составляют зачало*. *В первой главе Премудрости Соломона 16 стихов*. ||Народн. всякое изреченье, отдельная мысль, полное выражение, статья, пословица. *Стих находит*, *нашел на него*, состояние, расположение. *На него такой стих находит*, охота, к чему, или внезапная блажь, странность, причуда; дурь. *Не добрый на него стих нашел*. ||*Стих*, *стихер* народн. легенда; сказание, предание в стихах, иногда рифмованных, о предметах духовных, о вере, о чтимых святых. . . *Стих*, юж. зап. полоска плетеная, строка, дорожка в лаптях»[35].

В. И. Даль заимствовал народные значения слова *стих* из «Опыта областного словаря великорусского наречия» и «Допол-

---

[33] «Общий церковно-славяно-российский словарь», ч. 2. СПб., 1834, стр. 1379.

[34] «Словарь церковно-славянского и русского языка» IV, 1867—1868, стр. 474.

[35] Даль² IV, стр. 332—333.

нения» к нему. В «Опыте областного великорусского словаря» отмечено слово *стих* лишь в значении: «Изречение, отдельная мысль или выражение, статья. Новгор. Тихв.» (стр. 215).

В «Дополнении к опыту областного великорусского словаря» (1858) находим:

«*Стиховитый*, *ая*, *ое*, пр. и *стиховой*, *ая*, *ое*, пр. Иногда обнаруживающий капризный дух. Псков. тверск. осташк. . . . *Стих*, а, с. м. Каприз. псковск. тверск. осташк.

Стишь, и, с. ж. . . . 2) То же, что стих. псковск. тверск. осташ.» (стр. 255).

Итак, употребление слова *стих* в значении 'блажь, расположение духа, настроение' роднит литературный язык с областной народной речью. Во всяком случае, это употребление широко известно народному языку.

Совершенно ясно, что в толкованиях слова *стих* у Даля отразилось его архаическое и ограниченное понимание старорусской мифологии и древнерусского мифологического творчества (с точки зрения современной поэзии очень любопытно совпадение словесно-художественных установок В. И. Даля и А. Солженицына).

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией проф. Д. Н. Ушакова (1940, т. IV, 520) разговорное выражение *стих* в значении 'настроение (ср. *такой стих нашел*), душевное состояние' выделено в особое, самостоятельное слово. Это фразеологически замкнутое употребление слова *стих* здесь рассматривается как свободное, общее значение его, и без всякого основания в нем обособлено два оттенка. При этом все примеры, кроме одного, отражают лишь фразеологическое сочетание *стих находит*, *нашел*: «*Стих*, нескл., м. (разг.). Настроение, душевное состояние. Этакий *стих* и прежде на нее *находил*. Тургенев — Ласковый тон и тихий *стих* (у отца). Г. Успенский — Да добрый ли? Спросил я. — Как *стих найдет*. Некрасов. — На него сегодня худой *стих нашел*. Фонвизин — Блажь, дурь. Как *найдет* на него *стих*, — начинает буянить». Если оставить в стороне индивидуальное словоупотребление Глеба Успенского, то здесь всюду видно лишь одно фразеологически связанное употребление слова *стих* в выражении *стих находит*, *найдет*, *находил*, *нашел*. Как объяснить происхождение этого, очевидно, очень давнего выражения?

Ведь слово *стих* здесь, несомненно, восходит к греч. στίχος (stichos) и намекает на связь этого выражения с областью словесного творчества.

Е. Елеонская в статье «Заговор и колдовство на Руси в XVII и XVIII столетиях» пишет: «В перечне заговоров, составленном дьяками, обращает на себя внимание то, как они именовали заговоры; эти названия неясны вследствие отсутствия точного содержания заговоров. Дьяки отмечают „заговорец“, „уговор“, „статью“, в просторечии встречается термин „*стих*“; какая раз-

ница, однако, в содержании или строении поименованных таким образом заговоров, решить трудно. Но заговорец ли, *стих*, статья — всякого названия заговор был ценным приобретением, и его брали, где могли, не пренебрегая знаниями прохожего и проезжего незнакомого человека» [36]. Какой бы ни был заговор, его применяли как во спасение, так и на погибель. Губительный заговор (в том числе и стих) мог издалека настигать, находить свою жертву. Недаром, принимая присягу на верность, клялись еще в XVI в. «ведовством по ветру никакого лиха не насылати и следу не выимати» (ср. историю слов *напускать*, *напускной*).

В «Этимологическом словаре» русского языка А. Преображенского дается такая общая справка о выражении: «*На него такой стих находит*, *нашел* — внезапная охота к чему-либо, блажь, придирчивость и т. п. Это из значения — строка, линия, полоса» (т. II, 387). Очевидно, здесь применен своеобразный прием антиисторической ложной этимологии — по каламбурно-синонимическому признаку: такая полоса пришла, нашла; такая линия вышла, и т. п. Само собой разумеется, что все это имеет очень мало прямого отношения к историко-этимологической судьбе выражения *на него такой стих нашел*, *находит*. И связь образования этой формулы с мифологической атмосферой заговора или наговора выступает еще очевиднее.

IV. Отпетый (человек, дурак и т. п.)

Для семантической истории многих выражений очень важно определение социальной среды формирования их значений и путей их экспрессивно-смысловых странствований. Эту мысль особенно ярко и внушительно в XX в. защищал А. Мейе. Вот пример. Разговорное прилагательное *отпетый* в значении 'безнадежнонеисправимый, отъявленный', носящее яркую печать экспрессии осуждения, по своей этимологической природе прозрачно. Легко восстановить и внутреннюю форму современного качественного значения этого слова применительно к лицам. Она ярко видна в таком, например, прозвище одного из действующих лиц «Петербургских трущоб» Вс. Крестовского: Желтоволосый старичонко, с неподвижными рыбьими глазами, *отпетый*, да не похороненный, Пахом Борисович Пряхин. Очевидно, это переносное значение слова *отпетый* развилось из причастия *отпетый*, т. е. подвергшийся всем обрядам, совершаемым над умершим перед погребением, перед отправлением в могилу (*отпеть покойника*). Иными словами, 'такой, что люди его как бы отпели, совершили обряд отпевания', с отрицательной экспрессией — 'пропащий, вычеркнутый из списка достойных жизни людей'.

---

[36] «Русский Архив» L, 4, 1912, стр. 622.

Ср. у Островского в комедии «Живи не так, как хочется»: Прощай Груша! Со мной что-то недоброе делается, на твоей душе грех будет. Я голова *отпетая*, ты меня знаешь.

У Достоевского в «Дядюшкином сне»: Ну, что на меня глаза выпучил, *отпетый* дурак!

У Б. Маркевича в романе «Бездна»: Перед нами находился давно порешенный, давно *отпетый* человек [37].

Ср. тип *отпетого* в «Очерках бурсы» Н. Г. Помяловского. Помяловский в очерке первом «Зимний вечер в бурсе» изображает *отпетого* в лице Гороблагодатского:

Он был *отпетый*.

Отпетый характеристичен и по внутреннему и по внешнему складу. Он ходит, заломив козырь на шапке, руки накрест, правым плечом вперед, с отважным перевалом с ноги на ногу; вся его фигура так и говорит: «хочешь, тресну в рожу? думаешь, не посмею!» — редко дает кому дорогу, обойдет начальника далеко, чтобы только избежать поклона. Гороблагодатский поддерживает самое неприличное дело, если оно относится ко вреду высших властей, *отмачивает* дикие штуки. Он ревнитель старины и преданий, стоит за свободу и вольность бурсака и, если нужно будет, не пощадит для этого священного дела ни репутации, ни титулки. Он основной столп товарищества. Бурсаки с такими доблестями обыкновенно звались *отпетыми*. Но *отпетые* были разного рода: одни из них назывались *благими*: это были дураковатые господа, но держащиеся тех же принципов; другие назывались *отчвалыми*: эти были вообще не глупы, но лентяи бесшабашные; Гороблагодатский же был *отпетый башка*: он шел в первых по учению и в последних по поведению. Башка и отчвалый умно гадили начальству, а благой глупо: например, вдруг захохочет учителю в лицо и покажет ему кукиш; вздерут благого, а через несколько времени он опять выкинет какую-нибудь глупую дерзость. Но никто из *отпетых* так не солил начальству, как Гороблагодатский [38].

В очерке втором «Бурсацкие типы»: Сторож. . . крикнул вслед утекающей бурсы: «Сволочь *отпетая*! Всех вас перепороть следует (стр. 65).

В очерке «Женихи бурсы»: Но Аксютка, как *отпетая* личность, не обращает внимания на служительские власти. Он продолжает ломиться к Цепке в хлебную.

— Кто тут? — послышался голос Цепки.

— Это я, Цепа.

— Я тебе дам такого хлебца, что не съешь. . . прочь пошел! (стр. 136).

---

[37] М. И. Михельсон. Русская мысль и речь, I. СПб., 1912, стр. 764.

[38] Полное собрание сочинений Н. Г. Помяловского, II, Изд. 2. СПб., 1868, стр. 14.

В отрывке «Андрей Федорович Чебанов»: Детский либерализм и преждевременная, ни к чему не ведущая дипломатика, привитая насильственно, была делом француза, действительно враля *отпетого*, всегда искусственно раздражавшегося своими фразами (стр. 283).

Это употребление и значение слова *отпетый* еще не были отмечены в академическом словаре 1847 г. Очевидно, они вошли в норму русского литературного языка не ранее 40-х годов. Но где, в какой социальной среде они сложились? В среде духовенства, в бурсе, в кругу блатного мира? Неясно. Ведь отпевали всех, кого хоронили.

Но, по-видимому, была еще совсем иная экспрессивно-идеологическая линия развития и движения слова *отпетый*, ярче всего выступающая в стилях публицистической окраски.

В 17-томном академическом «Словаре современного русского литературного языка» почему-то слово *отпетый* включается в такие фразовые контексты: *отпетый вопрос*, *отпетая старина* и т. п. — о чем-либо прошлом, невозвратном. Такое применение иллюстрируется двумя цитатами: «Таким образом прошло двадцать лет. В конце 1858 года *отпетый* и похороненный вопрос воскрес с новой силой. (Писар. Подвиги европ. авторит.)»;

«Если и сохранилось что-нибудь от этой прежней, франтовой его жизни, то сохранилось. . . в виде какой-то пережитой, *отпетой* старины, которую, увы, не воскресят никакие косметики. (Достоевский, „Дядюшкин сон")»[39].

Ясно, что оттенок «невозвратимого», «далекого от живой общественной жизни» ведет совсем к другой экспрессивно-семантической атмосфере, чем та, которая характеризует образы «*отпетой* головы», «*отпетого* дурака» и т. п. Вместе с тем в публицистическом употреблении слова *отпетый* более выпукло выступают его этимологические основы, его смысловые оттенки, намекающие на отношение к прошлому, уже потерявшему актуальное значение для современности.

V. Хоть святых вон выноси

Святые — это иконы в древнерусском обиходе (ср. *святцы*). Слово *святые* в значении 'образа, иконы' встречается еще в языке Пушкина. В «Сказке о мертвой царевне и о семи богатырях»:

Дверь тихонько отворилась,
И царевна очутилась
В светлой горнице; кругом

[39] «Словарь современного русского литературного языка» VIII. М.—Л., 1959, стр. 1519.

Лавки, крытые ковром,
Под *святыми* стол дубовый,
Печь с лежанкой изразцовой. . .

У Льва Толстого в народных рассказах («Солдаткино житье»): бабушка «обмыла мальчика, надела чистую рубашку, подпоясала и положила под *святые*» [40]. Смысловая структура слова — *святые* ясна. Оно до сих пор употребительно в языке народной словесности и в областных говорах.

На этом фоне легко объясняется фразеологизм *хоть святых (вон) неси (выноси, уноси)* и т. п. В академическом словаре применение этого выражения характеризуется слишком широко: «о чем-либо непристойном, безобразном» [41].

В «Толковом словаре живого великорусского языка» Даля под словом *святой* есть такое сообщение: Такой содом, что *хоть святых вон неси*, образа, иконы. Наменял *святых* [42]. Здесь указывается общий смысл фразеологического оборота и намечается общий экспрессивный контекст его употребления.

Синтаксические контексты применения этого фразеологизма в общем однотипны:

Уж какую он в последнее время ахинею городил, так *хоть святых вон понеси* (Салтыков. Невинные рассказы, XII, 9);

Во хмелю Мирон бывал буен. Дело известное: трезвый ребенка не обидит, а напьется — *святых вон выноси* (Бунин. Веселый двор).

О поговорке *хоть святых вон уноси* как выражении почтения к иконам писал С. В. Максимов: «Во многих местах завешиваются иконы во время пиршеств, пляски и других развлечений; нельзя сидеть в шапке, свистать: все это большой грех. . . Говорят также *хоть святых вон выноси* про тех, которые врут не в меру, «и *святых выноси* и сам уходи» и про бестолковый гам и крик на миру в замену обычного «поднялся гомон». «Пусть св. иконы не видят греховных людских развлечений и не слышат свиста пустодома» [43]. Все это очень широко и неопределенно, хотя и не противоречит смысловому существу поговорки. Суть ее в древнем культовом убеждении, что почтение к иконе должно оберегать ее от созерцания всего непристойного, греховного или присутствия при неприличных событиях.

---

[40] См. «Словарь современного русского литературного языка» XIII. М.—Л., 1962, стр. 469.

[41] Там же.

[42] Д а л ь[3] IV, стр. 94.

[43] С. В. М а к с и м о в. Крылатые слова. СПб., 1899, стр. 443—494.

Ю. П. Чумакова

ЗАМЕЧАНИЯ К ГЕОГРАФИИ И ЭТИМОЛОГИИ СЛОВ *рядно, рядиина*

Заметка посвящается группе ткаческих терминов *рядно*, *рядиина*, *рядинный*, связанных с обозначением домотканины. В словарях современного русского языка значение слова *рядно* разъясняется так: 'толстый холст из конопляной или грубой льняной пряжи' [1], 'толстый холст из пеньковой или грубой льняной пряжи; изделия из этого холста' [2]; 'толстый холст кустарного производства' [3]. Значение слова *рядиина* определяется через *рядно*, а *рядинный* — как 'сшитый из *рядины*'.

Кроме русского языка, эта группа терминов прослеживается также в украинском, белорусском и некоторых говорах польского. Ср. укр. *рядно*, *рядиина*, *рядовина* — 'толстая пеньковая ткань; род толстой и плотной дерюги, дерюга, грубый холст, употребляющийся на скатерти, мешки и пр.' [4] О наличии термина *рядный* (о холсте) у белорусов сообщает И. Носович [5]. На территории Польши эти термины отмечены исключительно в белорусской огласовке и только в пограничных польско-белорусских говорах. Например: *radno* — 'плахта; толстое конопляное полотно' (Majdańska Huta, Baciki Średnie, Podolany, Rybniki), *radniany* — 'из толстого полотна' (Majdańska Huta) [6]. Таким образом, группа *рядно* и производные может быть определена как специфические восточнославянские ткаческие термины.

Русское *рядно* уже не раз оказывалось предметом этимологического истолкования. Предложено две этимологии: 1) к корню *ред-* (в *редок*), из первоначального *рѣдьно* — 'редкая ткань' [7]; 2) к корню *ряд-* (<*рѧд-*), из *рядьно* [8].

---

[1] Ушаков III, стб. 1422.

[2] «Словарь современного русского литературного языка», т. 12. М.—Л., 1961, стб. 1667.

[3] Ожегов, стр. 683.

[4] Гринченко IV, стр. 92—93.

[5] Носович, стр. 571.

[6] Картотека Словаря польских говоров ПАН в Кракове (рук. проф. М. Карась).

[7] Горяев, стр. 307.

[8] Преображенский II, стр. 240.

Сближение с *редкий*, предполагающее, очевидно, закрепление якающего произношения в первоначальном *рѣдьно*, основано на недоразумении, на смешении двух неродственных групп образований, которые одинаково служат названиями определенных сортов кустарных тканей. Так, уже В. И. Даль поместил в одной словарной статье под *Редкий* не только такие слова, как *редина*, *рединка* 'реденькая ткань, серпянка, недотка, редно', *редизна* (в холсте) 'реденькое место по оплошности ткача', сиб. *редень* — 'редь, реденькая тканина', влад. *редочь* 'реденькое, жидкое полотно', волж. *режа* 'самая редкая рыболовная сеть' и под., но и образования типа *редно*, *ре(я)днина*, *ре(я)довитина*, *редовина* [9]. Не отличая последних четырех слов от *редчина*, *редочь*, Даль указал для всех общее значение 'грубый деревенский холст, по реденькой основе и с самым легким прибоем (бердом); идет на мешки и на подстилку' и ошибочно их написал все одинаково через «ять», хотя далее здесь же им приведены и варианты с *я* — *рядно́*, мн. *ря́дна*.

Между тем и фонетическая структура (с корневым *я* из носового), и специфика суффиксов *-н-* (<*-ьн-*), *-ов* препятствуют соединению образований типа *рядно*, *ряднина*, *рядовина* с группой *Редкий* и, напротив, заставляют видеть в них исходный корень *рѧд-*. Что же касается семантической стороны предложенной Горяевым этимологии, то А. Г. Преображенский справедливо заметил по этому поводу, что «рядно шьют не из редины, а из частой дерюжной ткани» [10].

Решительно относя *рядно* к богатой группе *Ряд*, сам он, однако, вынужден был признать, что при обычной ясности значений в образованиях этой группы у славян «затруднительно только *рядно*». И лишь в качестве вероятного семантического обоснования своей этимологии Преображенский упомянул следующий признак этимона: «мешок шьется не в перегиб одного полотнища, как обыкновенно, а рядами в шесть полотнищ».

Как ни странно, объяснение Преображенского утвердилось в этимологической литературе без учета авторских сомнений [11], хотя при сколько-нибудь внимательном рассмотрении оказывается, что признак, выдвинутый им в качестве опорного, мотивирующего, связан не с основным значением слова ('сорт домотканины'), а с производным ('изделие из этой ткани, мешок'). Истолкование смысловой связи слов *рядно* и *ряд* требует, на наш взгляд, новой или дополнительной аргументации. Необходимо привлечь исторические материалы и показания говоров.

---

[9] Даль² IV, стр. 119—120.

[10] Преображенский II, стр. 241.

[11] Vasmer II, стр. 562; Н. М. Шанский, В. В. Иванов. Т. В. Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1961, стр. 294.

В памятниках письменности — ни по данным словаря И. И. Срезневского, ни по данным картотеки Словаря древнерусского языка — образование *рядно* с указанным или близким значением не засвидетельствовано. Но начиная с конца XVI в. часто встречается прилагательное *рядной* в качестве определения при существительных, обозначающих домашние ткани или изделия из них: *холст*, *сукно*, *рогожа*, *скатерть*, *плат*, *простынишка*, *мех*, *наволока*, *сарафан*, *ряска* и под. Ср. примеры: Куплено. . . *скатерть рядная* (Приходно-расходные книги Волоколамского монастыря, № 2, л. 84, 1573—1574 гг.); Купил *сукна рядного* и простого (Книги приходно-расходные Антониева Сийского монастыря, № 1, л. 46 об., 1578 г.); Явил 90 аршинъ *холсту рядного*, 90 аршинъ холсту тонково (Таможенные книги Тихвина монастыря, № 334, л. 4 об., 1670 г.); . . .*рогож* частых *рядных* (Таможенные книги Тихвина монастыря, № 317, л. 32, об., 1668 г.); *Наволока*. . . с постели толстая *рядная* (Московский суконный двор, 1750 г.). В общий ряд включаются и примеры с существительными *мех*, *мешок*: Куплен *мехъ рядной* (АО-П-Р-К, Монастырская казна, 1658 г.); Куплено *мешков рядных* (там же, 1700 г.).

К значению прилагательного *рядной* в приведенных контекстах обращаем внимание на его явную противопоставленность определениям *простой*, *тонкий* и, напротив, известную однородность с определениями *толстый*, *частый*. Особенно интересны случаи столкновения в одном контексте прилагательного *рядной* с определением *браной*, если учесть, что специальный ткаческий глагол *брать* и его производные связаны с обозначением особой техники узорного тканья. Например: 2 простынишка *рядные*, плат *рядной* узкой, скатеришка *бранная* (Имущ. Н. Ром, 118).

Еще определеннее выявляется связь рассматриваемой группы терминов со свойствами самой ткани и особенностями тканья по данным областных словарей и показаниям современных русских говоров. Так, в «Опыте областного великорусского словаря» псков. *ряднина* растолковано как 'деревенская холстина н а 4 н и т и'. По свидетельству В. Бурнашева, *ряднина* — 'холстина из пеньковой пряжи, в ы т к а н н а я в 3 ц е п к а (разрядка наша. — *Ю. Ч.*) и употребляемая на мешки и веретья' [12].

В современных говорах нами записаны особые терминологические словосочетания типа *рядной холст*, *рядной столешник* (Алтайский край, Рязанская обл.), *по-рядному ткать* (Захаровский р-н Рязанской обл.). Все эти термины обслуживают усложненный способ ручного тканья, когда для образования зева используется более двух ниченок (цепков) и более двух подножек. В результате получается ткань не с обычным прямым пере-

---

[12] В. Б у р н а ш е в. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного, т. II. СПб., 1844, стр. 54.

плетением нитей, а в виде косых ступенчатых рядков. Ср. контекст: *Реднóй* холст он патолшы, ткецца ф чатыря цапка, редочкими абразуицца (с. Гладкие Выселки Захаровского р-на Рязанской обл.); Сталешники ткали на чатырех падношках, *па-ряднóм* (с. Плахино Захаровского р-на Рязанской обл.); *Реднóй* ткуть редочкими у три цапка (д. Вяткино Усть-Пристанского р-на Алтайского края).

У белорусов также специальное название *у рады* носит способ тканья на четырех подножках [13], а *рядным* (*радным*) называется холст, «тканый нарочито рядами» [14].

При толковании польского областного *radno* Ян Карлович подчеркнул тот же признак, заметив, что это толстое полотно, которое «w rzędy utkane» [15].

Учитывая все эти факты, следует, по-видимому, слово *рядно* рассматривать как субстантивированную форму прилагательного *рядной*, которое было образовано на базе существительного *ряд*, связанного с обозначением особой техники тканья и особой фактуры ткани [16]. Вытканное таким способом полотно оказывалось толще, плотнее и прочнее простого. Так изготовлялась прежде всего домотканина из низкосортной пряжи, предназначенная для хозяйственных нужд — на постилку, мешковину и пр. Субстантивированная форма среднего рода, обобщая, и стала выражать именно это специализированное значение — 'грубая низкосортная домотканина хозяйственного назначения', тогда как прилагательное *рядной* использовалось как определение в составе словосочетаний во всех иных случаях, допускающих противопоставление. Например: *рядной холст* (ср. *простой*, *тонкий*), *рядное сукно* (ср. *простое*) и т. д. Отсюда связь ткаческого термина *рядно* с его дополнительным, частным значением 'мешок'.

Касаясь словообразовательной природы этого слова, напомним, что недавно Ю. В. Откупщиков высказал предположение о его приглагольном образовании. Рассматривая древнейшие отглагольные образования типа *полено*, *пшено*, он пишет: «Возможно, что к этой группе слов следует отнести *ряднó* (ср. *рядить*, а не *ряд* — как обычно принято считать)». И дальше: «Отношение слова *гумнó* (<*губнó*) к глаголу *губить* — такое же, как отношение слов *сукнó*, *ряднó* к *сучить*, *рядить* или слова *луна* к *лучить*» [17].

---

[13] А. Я. Дуйсбург. Из истории материальной культуры восточных славян (развитие ткацкого станка). Канд. дисс. Л., 1945, стр. 132.

[14] Носович, стр. 571.

[15] J. Karłowicz. Słownik gwar polskich, т. III. Kraków, 1903, стр. 462.

[16] Интересно, что, например, в Захаровском р-не Рязанской обл. *рядными* называют и фабричные ткани с косым переплетением нитей.

[17] Ю. В. Откупщиков. Из истории праславянского словообразования. — «Этимологические исследования по русскому языку», вып. V. М., 1966, стр. 80, 90.

К сожалению, в статье Ю. В. Откупщикова интересующее нас слово не было рассмотрено специально, и мысль об отнесении его в разряд старых приглагольных образований осталась недоказанной.

Допуская такую возможность в принципе [18], нельзя, однако, не считаться с фактом отсутствия следов специального значения у глагола *рядить* применительно к ткацкому делу. С этой точки зрения восточнославянское *рядно* нельзя объединять с принадлежащим к той же тематической группе старым общеславянским термином *сукно* (**sukъno*), связь которого со специальным глаголом *сучить* бесспорна.

С другой стороны, необходимо учитывать существование аналогичных по структуре производных образований, соотносимых с существительными, типа общеславянских **poltьno* (к **poltь*), **bьrvьno* (к **bьrvь*), древнерусских *медъвѣдьно* (к *медъвѣдь*) 'медвежья шкура, одеяние из медвежьей шкуры' [19], *пъртьно* (к *пъртъ*) — 'одежда, платье' [20] и под., среди которых поздние, как два последних примера, отчетливо сохраняют характер субстантивированных прилагательных.

Особенно интересно в этом плане сопоставление слова *рядно* с *портно* (из *пъртьно*) — 'грубый толстый холст' [21], сев. 'узкий грубый холст на крестьянские и рабочие рубахи' [22]. Оба термина обозначают род грубого холста и, являясь субстантивированными прилагательными, входят в подобные словообразовательные цепи: *порт*, *портной*, *портно*, *портнина* и *ряд*, *рядной*, *рядно*, *ряднина*. Образования *портно* и *портнина* так же синонимичны, как и *рядно—ряднина*. Ср. *портнина* 'то же, что портно, грубое портно' [23]; 'толстый холст из поскони или льняных вычесей' [24].

Можно думать, что закреплению региональных новообразований на *-но* в немногочисленной группе названий домашних тканей в какой-то мере способствовало наличие старых общеславянских терминов *сукно* и *полотно*.

---

[18] Ср. юридич. *рядить—рядная* (грамота), *рядной* (устав) и т. д.

[19] Срезневский III, Дополнения, стб. 161.

[20] Срезневский II, стб. 1755.

[21] «Словарь церковно-славянского и русского языка», т. III. СПб., 1847, стб. 374.

[22] Даль² III, стр. 322.

[23] Даль² III, стр. 322.

[24] «Словарь церковно-славянского и русского языка», т. III, стр. 374.

Ю. И. Чайкина

ЕЩЕ РАЗ О СЛОВЕ *кулига*

Трудно встретить слово, о котором было бы столько противоречивых мнений, сколько о лексеме *кулига*.

О происхождении этого, издавна привлекавшего внимание языковедов слова писали многие, но по-разному. Одни лингвисты вообще отказываются от определения этимологии его (А. Г. Преображенский, М. Фасмер), другие настаивают на финском происхождении данной лексемы (А. Л. Погодин [1], М. П. Веске [2], Я. Калима [3]), третьи говорят о том, что оно наследие древнерусского языка (Н. М. Шанский [4], А. И. Федоров [5]).

Подобный разнобой во мнениях объясняется отчасти тем, что в современных русских народных говорах это слово имеет самые разнообразные, иногда очень далекие друг от друга значения. И в самом деле, если в шенкурских и пинежских архангельских говорах *кулига* — 'крутой изгиб, поворот реки' [6], в вятских — 'лес, расчищенный, выкорчеванный, выжженный под пашню или пожню' [7], в кадниковских, тотемских, вологодских — 'полоса, засеянная горохом, гороховище' [8], в тульских — 'луговина, лужок' [9], в вятских — 'деревня в лесу, починок' [10], то в настоящее

---

[1] А. Л. Погодин. Севернорусские словарные заимствования из финского языка. — «Варшавские университетские известия», вып. 4, 1904, стр. 187.

[2] М. П. Веске. Славяно-финские культурные отношения по данным языка. Казань, 1890, стр. 40, 46—48.

[3] J. Kalima. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki, 1919, стр. 140.

[4] Трудно согласиться с этимологией этого слова, предложенной в «Кратком этимологическом словаре» под редакцией Н. М. Шанского: «*Кулига* является образованием с суффиксом *-ига* от *куль*. См. *Кулик. . . Кулик* образовано с помощью суффикса *-икъ* от *куль*» (стр. 173).

[5] А. И. Федоров. Общеславянская и древнерусская лексика в беломорских говорах. — «Уч. зап. ЛГУ», вып. 52, № 267, 1960, стр. 210.

[6] Картотека Словаря русских народных говоров Института русского языка АН СССР, Ленинград (Картотека СНГ).

[7] Даль² II, стр. 554.

[8] П. А. Дилакторский. Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении, 1902, рукопись, № 25—27. — Картотека СНГ.

[9] Картотека СНГ.

[10] Даль² II, стр. 554.

время трудно свести все эти разнообразные значения к единому семантическому центру.

Попытки Я. Калимы установить происхождение этого слова со всеми его значениями из фин. *külä* не дали желаемых результатов. Прав, на наш взгляд, М. Фасмер, считавший, что происхождение *кулига* из фин. *külä*, где *külä* обозначает 'деревню', не соответствует всем значениям этого слова в русском языке [11]. Продолжая мысль Фасмера, можно сказать, что при установлении этимологии слова *кулига* было бы более целесообразным на первых порах говорить не о происхождении этого слова в целом, со всеми его значениями, а свести все разнообразие его значений по говорам к нескольким семантическим центрам, объединяющим слова с наиболее близким семантическим содержанием. Изучение происхождения каждой такой группы слов в отдельности должно быстрее дать желаемые результаты.

Как свидетельствуют материалы Картотеки Словаря русских народных говоров, все значения слова *кулига* по говорам можно свести, на наш взгляд, к трем семантическим центрам: 1) 'участок поля, луга или леса', 2) 'крутой изгиб реки, залив', 3) 'населенный пункт, деревня в лесу'.

Обращает на себя внимание тот факт, что в древнерусском языке XV—XVII в. данное слово используется с тремя основными значениями, причем каждое из них тяготеет к одному из трех семантических центров, о которых только что шла речь. По-видимому, из этих трех значений, путем трансформации их, развивается в дальнейшем по говорам все разнообразие смыслового содержания лексемы *кулига*.

Наиболее часто в памятниках XV—XVII вв. встречается *кулига* со значением 'участок земли' (луг, пожня среди пашен в лесу, поляна): . . . а Федоръ Мамоновъ сказал про ту *кулигу* выменял де я ту *кулигу* у Федосѣя Самохваленского а становится на то *кулиге* сѣна копенъ по пятидесят нне тое *кулигу* выкосил Заузоленинъ Ивашко Малининъ [12].

Кулига с этим значением — широкоупотребительное слово в древнерусском языке XV—XVII вв. Оно встречается в северных — беломорских [13], двинских [14], белозерских [15] — памятниках, в документах средней полосы — московских, переяславских,

[11] Vasmer II, стр. 410.

[12] «Допросные речи старожилов. Собрание документов Нижегородской губернской Архивной комиссии XVI—XVII вв.» — Картотека ДРС.

[13] И. Е. Елизаровский. Лексика беломорских актов XVI—XVII вв. Архангельск, 1958, стр. 37.

[14] П. Я. Черных. Очерки русской исторической лексикологии. М., 1956, стр. 105.

[15] J. Kalima. Указ. соч., стр. 140.

ростовских [16], в западных — псковских [17], а также в южных — курских, орловских [18].

Показательно, что *кулига* — с этим или близким к этому трансформированным значением — имеет чрезвычайно широкое распространение и в современных народных говорах. По данным Картотеки Словаря русских говоров, оно отмечено в Архангельской, Вологодской, Кировской, Пермской областях, на Урале, в Сибири, в Костромской, Владимирской, Ярославской, Псковской, Калининской, Брянской, Орловской, Курской, на Дону, в Саратовской, Куйбышевской и других областях.

Кулига со вторым значением не имело такой широты распространения в русском языке XV—XVII вв. Оно характерно было главным образом для восточных областей. Здесь *кулига* выступало со значением 'залив реки, который летом (в малую воду) обсыхает и зарастает травой, пойменный луг на берегу': . . .а что, государь, за дорогу, что ездят к Москвѣ из Котельников, там. . . и пуще водено, что ближе к пруду, а по сторонам, государь, *кулигами*, в ыной *кулиге* с а ж е н и по 300 воды [19].

В современных народных говорах близкие к данному значения отмечены у слова *кулига* в вологодско-вятских, архангельских, брянских говорах, а также в Сибири и на Дальнем Востоке [20].

В статье делается попытка проследить происхождение и историю этого слова с третьим значением: *кулига* — 'обособленная часть волости с рядом населенных пунктов, объединяемых церковью', т. е. то, что позднее стало обозначаться словом *приход*.

Кулига с этим значением обнаружено в рукописных памятниках XVII—XVIII вв., хранящихся в Череповецком краеведческом музее: в столбцах Воскресенского Череповецкого монастыря [21], в синодиках Филиппо-Ирапского монастыря [22].

Многочисленные примеры из столбцов Череповецкого монастыря говорят об активном использовании этого слова в значении 'часть волости'. Порядок расположения слов, с помощью которых

---

[16] «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси», т. II. М., 1958.

[17] А. И. Л е б е д е в а. Значение топонимики для исторической лексикологии. — «Уч. зап. ЛГУ», вып. 52, № 267, 1960, стр. 168.

[18] С. И. К о т к о в. Из истории некоторых диалектных слов. — «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. 3. М., 1962, стр. 159.

[19] «Хозяйство Морозова, 1652, Материалы по истории феодально-крепостнического хозяйства», вып. 1—2. М.—Л., 1933—1936. — Картотека ДРС.

[20] Картотека СНГ.

[21] Столбцы Воскресенского Череповецкого монастыря XVII—XVIII вв. Рукописный фонд Череповецкого краеведческого музея, $\frac{\text{Р } 361}{51}$; см. также: Б. С. П у ш к и н. Описание принадлежащих Л. М. Савелову документов. М., 1912.

[22] Синодики Филиппо-Ирапского монастыря конца XVII—начала XVIII в. Фонд ЧКМ $\frac{\text{Р } 361}{51}$ (кн. рукописн.), № 17, 18.

конкретизируется название местности, указывает на более узкое содержание термина *кулига* в сравнении с *волость*, так как на первом месте в документах всегда *волость* как слово, обозначающее более крупную административную единицу, на втором — *кулига* как часть волости:

ср., например, столбец № 2, 1632 г.: Череповецкие волости, Воскресенского монастыря, Степановские *кулиги*, деревни Паздерина. . .;

столбец № 6, 1640 г.: . . . сирота, крестьянин Череповецкой волости, Чучкия *кулиги* (Чудской), деревни Голбина;

столбец № 23, 1661 г.: . . . нищей богомолец, Белозерского уѣзду Натпорожскаго стану, Череповецкой волости, Туховские *кулиги* Никольской поп Никифорище. . .

Прежде чем переходить к вопросу о происхождении слова *кулига*, необходимо более подробно познакомиться с соответствующей реалией.

По сведениям историков, на всем обширном пространстве Севера в XV—XVII вв. и позже наблюдался гнездовой тип поселений [23], заключающийся в том, что близлежащие деревни объединяются в специфические «гнезда». Столбцы Череповецкого и синодики Филиппо-Ирапского монастырей свидетельствуют, что часть волости с таким «гнездом» в средней и южной части Белозерья имела местное название — *кулига*. Деревни на территории кулиги чаще всего находились в непосредственной близости друг от друга (1—2 км, иногда 3—4), так что кулига представляла собою как бы обособленное «гнездо». Одна кулига отделялась от другой пустыми, незаселенными лесными и болотистыми землями. В состав белозерской кулиги входило от пяти до 20 деревень.

Каждая кулига имела название, причем именовались они чаще по рекам, по течению которых располагались, или по центральному пункту, селу, где находилась церковь.

В столбцах Череповецкого монастыря встречается упоминание о четырех кулигах, находящихся в ведении последнего [24].

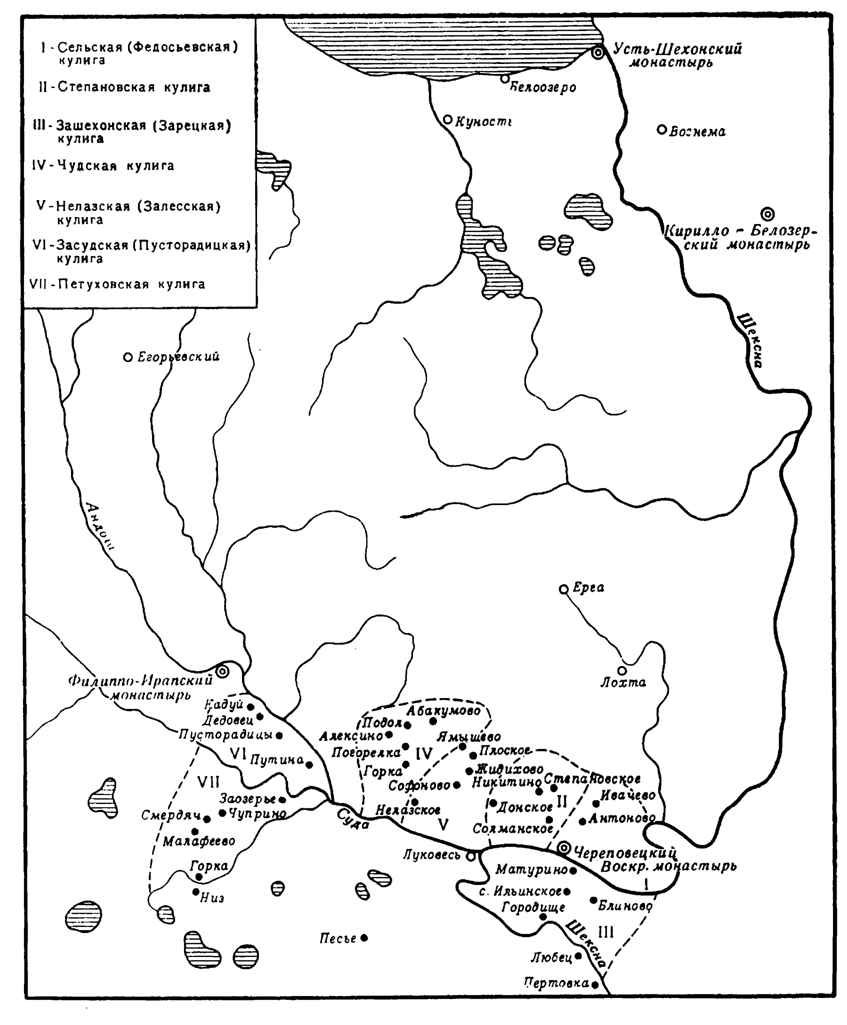
В синодиках Филиппо-Ирапского монастыря отмечены кулиги, именованные по рекам: Засудская (на р. Суде), Нелазская (на р. Нелазе), Петуховская (на р. Петух). Ср., например: Род Игнатия Никифорова Нелаские *кулиги*, деревни Иевлевы. . .; Род Петушской *кулиги* деревни Смердяч. . .[25]

---

[23] М. В. Витов. Гнездовой тип расселения на русском Севере. — «Советская этнография» 1955, № 2.

[24] Л. Ф. Афетов. Исторический очерк бывшего Череповецкого Воскресенского монастыря и его земельных владений. Череповец, 1895 (рукопись), фонд ЧКМ. В главе «Земельные владения монастыря» перечислены все деревни каждой из четырех кулиг. Например, в составе Зашехонской кулиги указаны дд. Матурино, Блиново, Малата, Милятино, с. Ильинское; в составе Чудской кулиги — 20 деревень и т. д.

[25] Синодик Филиппо-Ирапского монастыря, № 17.

Белозерье XVII в.

Как отмечено выше, гнездовой тип поселения свойствен был обширнейшим территориям Севера. Привлечение документов XVII—XVIII вв. позволяет утверждать, однако, что распространение термина *кулига* со значением ‘часть волости с «гнездом» деревень’ характерно для ограниченной территории, расположенной по нижнему и среднему течению р. Суды с притоками и на одном из участков по течению Шексны [26] (см. карту).

[26] И в наши дни местное население Череповецкого района использует в обиходной речи эти общие названия частей прежних волостей, не употре-

Доказательства этому следующие. В северных новгородских пятинах, где поселения тоже располагались «гнездами», «гнездо» деревень в XVI—XVII вв. называлось *волосткой*: всего въ Селетцком погосте и того погоста в *волостках* и въ Порозерской *волостке*. . .[27]

В памятниках письменности Кирилло-Белозерского и Спасо-Прилуцкого Вологодского монастырей, расположенных на расстоянии всего 100—120 км от местности, где употребляется термин *кулига*, с этим или близким значением используется слово *ключ*. В «Росписи деньгам, собранным с вотчин Прилуцкого монастыря» (1612 г.), читаем: деревня Околомонастырского *ключа*. . ., с Сергеева *ключа* 2 рубля 14 алтын. . .[28]

В жалованной грамоте царя Ивана Васильевича Кирилло-Белозерскому монастырю (1557 г.) тоже есть упоминание о трех монастырских ключах — Колдомском, Кнутовском и Зарецком [29].

Слово *кулига* с интересующим нас значением в русском национальном языке XVII—XVIII вв. было узкоместным, диалектным. Не случайно, что в документах первой половины XVII в. одни и те же части Череповецкой волости называются по-разному. Называя районы Череповецкой волости, белозерский воевода Андрей Образцов ни разу не приводит термин *кулига*, употребляя вместо него описательные обороты или используя обобщенное название кулиги без соответствующего термина, так как в словаре северных белозерских говоров XVII в. это слово отсутствовало. Вот отрывки из «Отписки белозерского воеводы. . . о действиях литовских людей. . . в Белоозерѣ» (1618 г.):

а нашли де они на лѣсу, то жъ Шухтоские волости в Чудцѣ (т. е. в Чудской *кулиге*. — *Ю. Ч.*);

. . . и стали в Неласкихъ въ деревнѣ Великомъ Дворѣ (т. е. в Нелазской *кулиге*. — *Ю. Ч.*) [30].

Совсем иное обнаруживается в «Поручной патриаршихъ крестьянъ села Федосьева. . .» (1641 г.), документе, написанном на

бляя слово *кулига*. Кисова, Вочкома, Улома и др. в Череповецком р-не — это не отдельные населенные пункты, а общие названия гнезд поселений, так как в Вочкоме, например, в наши дни четыре деревни (Харламовское, Минино, Грязливец и Ручьи), в Кисове — три (Большой двор, Верх, Карпово), в Уломе — свыше десяти (Кротово, Клопузово и пр.).

[27] Материалы Поместного приказа по Новгороду и Новгородской области XVI—XVII вв. Рукописный отдел биб-ки им. В. И. Ленина, ф. 178, 6632. О термине *волостка* см.: М. В. Витов. Гнездовой тип. . ., стр. 34.

[28] «Архив М. П. Строева», ч. II. Пг., 1917, стр. 223.

[29] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси. М.—Л., 1946, стр. 597; см. также: Из Романовы слободки привезли старосты дымные деньги съ Татаровского *ключа* съ тридцати вытей 5 алтын без деньги; да с Арбувского *ключа*. . .; да с Конобовского *ключа*; да съ Зарѣцкого *ключа*. — «Книги приходные Кирилло-Белозерского монастыря (XVI—нач. XVII в.)». Опубликованы в кн.: Н. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство, т. II, вып. 1 и 2. СПб., 1910.

[30] «Архив М. П. Строева», ч. II, стр. 469.

«месте», в Череповецкой волости. Термин *кулига* используется здесь четко и последовательно: Се язъ, Иван Онофриевъ. . . поручился по крестьянине Стефановские *кулиги* деревни Паздерина, по Федорѣ Поликарповѣ, в томъ, что жити ему за нашею порукою въ тои же Стефановской *кулиге* в деревнѣ Никитинѣ [31].

Данные современных говоров также свидетельствуют об узкой сфере бытования этого слова с интересующим нас значением в прошлом. Дело в том, что, кроме белозерских говоров, ареал этого слова, по данным Словаря Картотеки народных говоров, с близким к нашему значению отмечен только в виде отдельных изолированных «островков» в вятских (*кулига* — 'починок, деревня в лесу') и в вологодских (*кулига* — 'деревня, находящаяся далеко в стороне от погоста, деревня на отставе').

Внелингвистические данные, а именно история края, где был распространен административный термин *кулига* в XVII—XVIII вв., хотя бы косвенно, но могут помочь в решении лингвистических вопросов — установлении этимологии этого слова.

Как известно, в конце VIII—начале IX в. в районе Межозерья (Ладожского, Онежского и Белого озер) жили вепсы, язык которых принадлежал к балтийско-финской группе финно-угорских языков. После расселения вепсов сразу же проникает в эти места мощный колонизационный поток славян.

По мнению историков и археологов, в XV—начале XVIII в. какая-то часть вепсов «. . . обитала в верховьях Суды» [32]. Есть свидетельства очевидца, который в первой четверти XVI в. встречался с вепсами в Судском стане Белозерского уезда: «Жители этой местности, — пишет он, — имеют особый язык, хотя нынче почти все говорят по-русски» [33].

Значительная часть вепсов, помимо течения рек Свирь и Оять, располагалась в верховьях Суды. Между тем интересующая нас территория, где бытовало ранее слово *кулига*, как сказано, была расположена восточнее, по среднему и нижнему течению р. Суды, а также по Шексне, при впадении в нее Суды. Следовательно, речь идет о территории, только прилегающей к области основного обитания вепсов. В этих местах проходила граница между вепсами и русскими, так что вепсские поселения перемежались с русскими. Лингвисты и историки находят здесь большое количество топонимов вепсского происхождения, с помощью которых славяне отмечали «соседство с собою иноязычного населения» [34].

---

[31] «Архив М. П. Строева», ч. II, стр. 1029.

[32] До настоящего времени вепсы проживают в этих местах — в Борисово-Судском р-не Вологодской обл. (Н. И. Богданов. Народность вепсы и их язык. — «Труды Карельского филиала АН СССР», вып. 12. Петрозаводск, 1958, стр. 64).

[33] С. Герберштейн. Записки о Московских делах. СПб., 1908, стр. 123.

[34] Названия населенных пунктов и урочищ этой местности на *весь*: Череповесь, Арбужевесь, Луковесь, Весь Ёгонская; названия деревень

Уже название одной из кулиг Череповецкого монастыря — Чудская — говорит о том, что на территории ее жили ранее вепсы, или чудь.

Итак, слово *кулига* в XVII—XVIII вв. распространено было в местности, где русские поселения располагались в непосредственном соседстве с вепсскими.

Лингвистические данные более определенно говорят о финском происхождении слова *кулига* с этим значением. Важно отметить, что слова с этим корнем можно обнаружить в словарном составе не одного какого-то языка, а ряда языков прибалтийско-финской группы. Так, по словам Я. Калимы, «в финском *kylä* 'деревня', карельском *külä*, вепсском *külä*, *küla* 'вообще чужие сёла', эстонском *küla* 'село' обозначают населенную местность, соседство» [35]. В финских диалектах и в дальних родственных языках *küla* обозначает 'дом' [36]. Таким образом, это не случайная, пришедшая извне лексема, а слово основного словарного фонда многих прибалтийско-финских языков.

При непосредственном и частом контакте русских и вепсов, живущих поблизости друг от друга, по-соседски, славяне легко могли усвоить вепс. *külä*, которым вепсы называли скопления («гнезда») славянских поселений, ведь по-вепсски 'чужие села' — *külä*.

Интересно, что в языке современных вепсов, проживающих несколько севернее верховьев Суды, в Пондале (Бабаевский р-н Вологодской обл.), *külä* — 'соседняя деревня', а *külähine* — 'чужой, житель соседней деревни' [37].

Сопоставление вепс. *külä* и русск. *кулига* свидетельствует, однако, о соответствии только части корневого состава этих слов. Откуда морфема *г-а*? По всей вероятности, слово подверглось на русской почве морфологическому освоению, такому же, как в беломорских говорах, где отмечен следующий закономерный процесс при заимствовании слов из угро-финских языков: «. . . в заимствованиях . . . которые в оригинале имели . . . согласный (h, k) или аспирацию. . ., появляется слог *-га* (ср. *kare*, в беломорских говорах *карега* 'порожек'; карельское *jame*, в беломор-

---

в Череповецком р-не: *Средняя Чудь*, *Задняя Чудь*, д. *Пертовка* — владение художника Верещагина (*pert* по-вепсски 'изба'). «Едва ли вызовет сомнение утверждение, что местные названия, содержащие этноним *чудь*, по большей части соответствуют действительному расселению чуди-вепсов, что за топонимами в данном случае стоит реально существовавшее население» (В. В. Пименов. Вепсы. М., 1965, стр. 183).

[35] J. Kalima. Указ. соч., стр. 140—142.

[36] Л. Хакулинен. Развитие и структура финского языка, ч. II. М., 1955, стр. 24.

[37] Эти сведения любезно сообщены нам М. И. Зайцевой, сотрудником Карельского филиала АН СССР. В настоящее время М. И. Зайцева участвует в сборе материалов для составления диалектного словаря вепсского языка.

ских говорах *ямега* 'шпагат')»[38]. Морфологическое освоение вепсского слова, как видно, тоже состояло в добавлении слога *-га* к *külä*.

Какова же история этого слова в Белозерье? Местные памятники свидетельствуют об активном бытовании его в XVII—первой половине XVIII в. Сопоставляя записи синодиков Филиппо-Ирапского монастыря, можно прийти к выводу, что *кулига* начинает постепенно выпадать из речевого обихода говорящих к концу XVIII в.

Забвение этого термина выражается в том, что он начинает заменяться словом *волость*. Например: Род Чудской *волости*, дер. Маслова (вместо Чудской *кулиги*. — *Ю. Ч.*); Род Нелаской *волости*, деревни Парфенки. . . (вместо Нелазской *кулиги*. — *Ю. Ч.*)[39].

На тех страницах синодиков, где записаны умершие в начале XIX в., термин *кулига* последовательно заменяется словом *приход*: Род Покровского *приходу* деревни Починка. . .; Род *прихода* Пусторадицкого. . . (вместо Пусторадицкой *кулиги*. — *Ю. Ч.*).

Несмотря на то, что в официальном сообщении с конца XVIII в. *кулига* уступает место слову *приход*, в живом употреблении с трансформированным значением оно продолжает сохраняться. На довольно ограниченной территории Череповецкого и Кадуйского р-нов Вологодской обл. (нижнее течение р. Суды и участок Шексны) в первой половине XX в. оно бытует с разным семантическим содержанием.

М. К. Герасимов зарегистрировал его в Череповецком уезде в начале XX в. еще со значением, близким к тому, которое имело это слово в XVII—XVIII вв.: «*кулига* — 'местность, селения которой расположены по обеим сторонам небольшой реки, т. е. в группе, в куче'. Каждая *кулига* имеет название по реке, у которой она расположена (Кисовская, Андогская, Петуховская). Отсюда *кулижане* — жители кулиги»[40].

В самой южной части Череповецкого р-на *кулига* обнаружено с иным, трансформированным значением — 'группа людей, «подозрительная» компания'. В Вочкоме значение слова осложняется эмоцией отрицательной оценки: «Не хочу я и дела иметь с вашей пьяной *кулигой*»; «Вон *кулига* собралась — картежники»; «С этой воровской *кулигой* водицци не стану!» (записано в июне 1967 г. в дд. Харламовское и Пленичнике)[41].

---

[38] И. В. Сало. Влияние прибалтийско-финских языков на северно-русские говоры поморов Карелии. М., 1966, канд. дисс. (рукоп.), стр. 99.

[39] Синодик Филиппо-Ирапского монастыря XVIII в., № 17.

[40] М. К. Герасимов. Словарь уездного Череповецкого говора. — Сб. ОРЯС, т. 87. СПб., стр. 47. Ср. вепс. *külähine* 'чужой, житель соседней деревни' и слово *кулижане* череповецкого говора, отмеченное М. К. Герасимовым.

[41] С этим же значением обнаружено это слово в уломском и ваучском говорах: «*кулига* — собрание, сборище в смысле „подозрительной" компании»

На севере Череповецкого р-на *Кулигой* неофициально называют в наши дни лесистую, глухую местность на территории Дмитриевского сельсовета и др. По воспоминаниям, местные жители соседних приходов с некоторой настороженностью относились к людям, жившим в *Кулиге*.

Местность *Кулига* (одно время был даже Кулижский сельсовет) граничит с Кадуйским р-ном, в речи жителей которого до нашего времени сохранился фразеологический оборот *послать на кулигу*, употреблявшийся со значением 'послать в глушь, в глухое, лесное место, неведомо куда', синонимичный литературному *к черту на кулички*: *Послать* бы его *на кулигу*, заистывал бы; Цего ты его слушаёшь, *пошли* его *к цёрту на кулигу*! [42]

Итак, в пользу вепсского происхождения *кулига* со значением 'часть волости с группой близлежащих поселений' говорит следующее: а) совершенно не случайно появление его в словарном составе средних и южных белозерских говоров, так как на территории, занимаемой этими говорами, русские издавна вступали в непосредственный и каждодневный контакт с вепсами; б) вепс. *külä* и русск. *кулига* сходны по звуковому облику и близки по значению; в) в значении *кулига* в современных череповецких и кадуйских говорах, правда, очень глухо и завуалированно, проскальзывает момент, сближающий семантику его с теми оттенками значения, которое имело это слово в начальный период своего бытования в русском языке. До сих пор оно означает группу людей или местность, чем-то отличающиеся от окружающих (*кулига* — это не просто компания, а какая-то особая, обособленная группа, «подозрительное» сборище; *Кулига* — это лесистая, глухая местность, с людьми, не такими, как в соседних местах).

По словам Я. Калимы, все многочисленные другие значения этого слова ('участок луга, пашни', 'излучина реки', 'росчисть' и мн. др.) «лучше возводить к этому» [43], т. е. близкому к тому, которое рассмотрено в настоящей работе.

Однако окончательное решение этого вопроса требует специальных исследований.

(С. А. Еремин. Описание уломского и ваучского говоров. Пг., 1933, стр. 52).

[42] Записано в с. Пусторадицы Кадуйского р-на в августе 1967 г.

[43] J. Kalima. Указ. соч., стр. 140.

Ђ. Михайлович

ЗАМЕТКИ ПО ЭТИМОЛОГИИ СЕРБОХОРВАТСКИХ СТРОИТЕЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ

кућа '*domus*'

Современная сильно разветвленная семантика слова *кућа* дает нам возможность выяснить первоначальное значение этого строительного термина. На основе различий между современным значением в литературном языке и значениями, существующими в диалектах, можно проследить развитие этого слова и эволюцию самого термина.

Слово *кућа* известно только на юге славянской территории и существует в следующих литературных языках: словенском (*koča*), сербохорватском (*кућа*), македонском (*куќа*) и болгарском (*къща*).

Рассмотрим прежде всего значения этого слова:

'кухня' и 'дом': Кучи в Черногории [1], Фрушка Гора в Среме [2];

'определенный тип дома' — приземљуша (маленький низкий домик): Зета в Черногории [3];

'пастушья хижина': Высокская область в Боснии [4];

'место, где есть очаг или огонь': Попово в Герцеговине [5], Боровица в Боснии [6], Ресава в Сербии [7], Саникский округ в Боснии [8], Неготинская Краина и Ключ в Сербии [9], Гласинац в Боснии [10], Любичские села в Сербии [11] и т. д.;

'могила (вечный приют)';

---

[1] Ј. Ердељановић. Кучи, племе у Црној Гори. — СЕЗб VIII. Београд, 1907, стр. 249.

[2] М. Шкарић. Живот и обичаји ..планинаца под Фрушком Гором. — СЕЗб LIV. Београд, 1939, стр. 43.

[3] А. Јовићевић. Зета и Љешкопоље. — СЕЗб XXXVIII. Београд, 1926, стр. 451.

[4] М. Филиповић. Живот и обичаји народни у Височкој нахији. — СЕЗб LXI. Београд, 1949, стр. 598.

[5] М. Филиповић — Л. Милићевић. Попово у Херцеговини. — «Научно друштво Босне и Херцеговине» XV. Оделење историјско-филолошких наука, II. Сарајево, 1959, стр. 99.

[6] М. Филиповић. Боровица. — СЕЗб XLVI. Београд, 1930, стр. 601.

[7] С. Мијатовић. Ресава. — СЕЗб XLVI, стр. 138.

[8] М. Карановић. Саничка жупа у Босанској Крајини. — СЕЗб XLVI, стр. 254.

[9] К. Јовановић. Неготинска Крајина и Кључ. — СЕЗб LV. Београд, 1940, стр. 36.

[10] М. Филиповић. Гласинац, антропогеографско-етнолошка расправа. — СЕЗб XXXII. Београд, 1949, стр. 230.

[11] Р. Илић. О љубићским селима. — СЕЗб V. Београд, 1903, стр. 19.

при ласковом обращении (*кућо моја!*);

'родина': засвидетельствовано в 1367 г.[12]

Значения деминутива *кућица*:

'Ein Hauschen gesetzter Fasolen' [13]

'коробка, ящичек' — theca, repositorium;

'шелуха (кожура) вокруг семени' (например, у яблока): у одного автора XVIII в.;

'небольшая ямка, выкопанная в земле для посадки овощей';

'детское место (в утробе матери)' — membrana dove sta involto il parto der ventre: в словарях Микали, Беллы и Стулли [14].

Этимология этого названия не вызывает затруднений, так как еще и сейчас в сербохорватском языке существует глагол *кутати, закутати* (< **kǫtati*) в значении 'скрывать, прятать', а сам апеллатив *кућа* выводится из праславянского **kǫtja*.

Семантический переход 'дом' > 'кухня' или 'место, где есть очаг' вполне логичен, так как именно огонь и очаг являются характерными элементами дома. Точнее говоря, ощущение подлинной безопасности давало не только огражденное, закрытое пространство, но и то, что такое убежище обязательно имело место, где разводился огонь. Эволюция значения 'дом' > 'кухня' говорит о том, что слово *кућа* существовало уже в эпоху праславянского единства, когда такое примитивное жилище имело только одно помещение и для людей, и для домашних животных. Такое же положение, когда дом служил одновременно и для людей, и для скота, находим у Ксенофонта в описании им кавказских горцев; его записи подтверждает современный осетинский язык, в котором слово, обозначающее дом, имеет три значения: 'жилой дом', 'хлев' и 'амбар' [15]. Другими словами, современная осетинская синонимика не случайна, так как она показывает, что эти три понятия отражали образ жизни того времени. Еще более яркий пример можно найти в нашем недавнем прошлом: около 150 лет назад в области Млава в Сербии «около огня в доме спали люди, а по углам — скот . . . огонь в доме не гасили в течение всего года» [16].

В этнографической литературе есть многочисленные свидетельства того, что современный дом делится на помещение, где находится очаг и где месят хлеб (*кућа*), и собственно комнату (*соба*); это говорит о том, что слово *соба* как строительный термин относится к гораздо более позднему хронологическому слою.

То, что слово *кућа* образовано на основе глагола *кутати* (< **kǫtati*) и что оно первоначально значило 'закрытое со всех сторон помещение', очень рельефно показывают следующие значения слова *кућица*: 'кожура (шелуха) около семени'; 'детское место (в утробе матери)'; 'футляр для очков или для книги'.

---

[12] RJA V, стр. 726.

[13] Караџић, стр. 357.

[14] RJA V, стр. 733.

[15] Абаев I, стр. 524.

[16] Љ. Јовановић. Млава. — СЕЗб V, стр. 265.

Далее, анализ значения этого слова показывает также, что такое жилище было землянкой. Ср.: ямка, выкопанная в земле для посадки картофеля или фасоли, называется *кућица*, так же называется и углубление в земле, необходимое для одной детской игры (отмечено в словаре Вука Караджича). Наконец, слово *закута* (< **zakǫta* < **za-|-kǫt+a*) в значении 'землянка' известно и русскому языку [17]. Существует еще одно значение слова *кућица*, записанное в племени Куча в Черногории: здесь *кућица* значит 'небольшой сноп пшеницы'. Это значение, безусловно, вторично, так как связано с внешним видом дома, т. е. оно могло появиться только, когда дом «вышел» из земли на поверхность и своим видом стал напоминать сноп сжатой пшеницы.

Интересно подчеркнуть, что у общегерманского корня, обозначающего дом, отмечается сходная идеосемантика. Нем. *Haus* выводится из прагерм. *hus*, которое происходит от и.-е. глагола **skeu-* 'umhüllen, bedecken' [18]. В подобных же отношениях находятся греческие слова *domos* и *demo*, как и с.-хорв. *зграда* и *градити*.

Совсем иную идеосемантику демонстрирует апеллатив *jama*, который известен на чакавской территории в Далмации [19] и образован от глагола *jamuти*. Надо подчеркнуть, что первоначально понятие о доме (*кућа*) связывалось с группой людей, а не с отдельным человеком, что проливает свет и на социальную сторону возникновения этого названия. Итак, современное чакавское слово *jama* означает толпу, сгрудившуюся вокруг огня, разведенного на определенном защищенном месте. Внутренний анализ этого слова не может дать столько сведений, сколько дал анализ предыдущего; можно еще добавить, что слово *jama* очень близко слову *jamo*, которое, видимо, и послужило прототипом этого современного строительного термина на чакавской территории.

Из всего этого следует:

независимо от условий климата и рельефа, само слово *кућа* как строительный термин образовано от глагола *кутати*;

понятие «дом» в далеком прошлом, и во всяком случае в период праславянского единства, относилось к жилью в земле — землянке;

судя по современным значениям, под словом *кућа* надо подразумевать 'einfeuriges Haus', которое обозначало общее помещение и для людей, и для домашних животных;

существование основы *kut-* (<**kǫt-*) и на востоке славянской территории говорит о том, что этот термин был известен уже в эпоху праславянского единства.

Перевод с сербохорватского *И. П. Петлевой*

---

[17] Даль I, стр. 1485.

[18] P. Grebe. Duden-Etymologie, Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache. Mannheim, 1964, стр. 253.

[19] J. Žic. Vrbnik na otoku Krku. — «Zbornik za narodni život i običaje južnih Slovena» IV. Zagreb, 1899, стр. 2.

И. Г. Добродомов

ИЗ БУЛГАРСКОГО ВКЛАДА В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ, II[1]

Вклад древних тюркских языков в славянские языки был, вероятно, более значительным, чем это принято считать. Обычно предполагают, что первые тюркские языки Восточной Европы носили булгарский характер, то есть были по своим признакам близки к чувашскому языку. Внимательный анализ фонетических особенностей некоторых древних славянских заимствований с Востока позволяет обнаружить в них следы булгарского посредства и снять некоторые неясности в области фонетики этих заимствований. Нельзя не учитывать также той большой культурной и торговой роли, которую играла Волжско-Камская Булгария в распространении некоторых тюркских булгарских слов среди соседних народов.

русск. *чаша* и т. п.

Это слово характеризуется почти общеславянским распространением: русск. *ча́ша* 'сосуд полушаром или около того; братина, миса' (Даль); укр. *ча́ша*; блр *чаша*; др.-русск. *чаша*; ст.-слав. ч︢аша 'ποτήριον'; болг. *ча́ша* 'чаша, стакан'; макед. *чаша* 'стакан'; с.-хорв. *ча̏ша* 'кубок'; словенск. *čáša*; чеш. *číše* 'кубок', ст.-чеш. *čiešě*; слвц. *čaša*; польск. *czasza*; полаб. *cosó* (по Бернекеру). Отсутствуют только показания лужицких языков. На славянской почве это слово не этимологизируется, а поиски соответствий в других индоевропейских языках пока не привели к успеху. Сопоставление Ф. Миклошича с др.-прусск. *kiosi* 'кубок', а также с лит. *kiáušė* 'череп', лтш. *kausis* 'череп', на том якобы основании, что из вражеских черепов делали чаши, питье из которых якобы передавало пирующим силу побежденных врагов, или же потому, что чаши имели вид черепов, в дальнейшем осталось неподтвержденным, ибо древнепрусское слово оказалось польским заимствованием, а прочие балтийские формы далеки от славянских и фонетически, и семасиологически. Однако за неимением других убедительных и окончательных этимологий и эта этимология до

[1] Первая статья помещена в ежегоднике «Этимология. 1967». М., 1969.

сих пор не сходит со страниц словарей. В частности, именно исконное родство с др.-прусск. формой отстаивает М. Р. Фасмер.

Гораздо большей популярностью сейчас пользуется предложенная Х. Хюбшманом и К. Уленбеком этимология, согласно которой славянские названия вместе с санскр. *caṣakas*, *caṣakam* 'кубок' и арм. *čašak* восходят к гипотетическому иранскому наименованию кубка **čašaka*, родственному н.-перс. *чäшидäн* 'отведывать', *чашт* 'завтрак' (цитируется по «Этимологическому словарю русского языка» А. Г. Преображенского, где указана литература). Хотя эта этимология, отличающаяся большими небрежностями по отношению к славянскому вокализму (краткость *a* в источнике), а также к семантической стороне заимствования, и была подвергнута критике [2], она в редуцированном виде получила распространение во многих славянских этимологических словарях как глухое указание на возможный (а иногда без этого осторожного эпитета) иранский первоисточник.

О. Н. Трубачев в монографии «Ремесленная терминология в славянских языках» [3] пришел к выводу, что праславянское «**čaša*, обозначавшее первоначально, по-видимому, низкий сосуд для питья древней формы с широким отверстием, возможно, было ... „культурным словом“, т. е. это слово заимствовано из другого языка». От восстановления исконной дославянской формы О. Н. Трубачев предусмотрительно отказался: «... хотя формально мы имеем право попытаться восстановить для праслав. **čaša* исконную дославянскую праформу **kjasja* < **kēsi̯a*, она едва ли поможет нам продвинуться вперед в этимологии этого слова, напротив, скорее сведет нас с правильного пути. Не имея возможности назвать родственные формы из западных индоевропейских языков, исследователи склонялись к тому, что **čaša* заимствовано из иранских языков».

Отказ от весьма проблематичных гипотетических конструированных праформ при отсутствии каких бы то ни было «зацепок» для внутренней реконструкции (все славянские формы ни в чем не уклоняются от регулярной рефлексации праслав. **čaša*) является наилучшим решением в подобном случае. Ведь в славянский праязык слово могло прийти или в «готовом» виде как **čaša*, или в виде **čēša*, **časja*, **kjaša*, **kēxja*, **kăša* и т. п. и т. д. Учитывая разного рода субституции, количество дославянских гипотетических форм можно увеличивать до бесконечности.

Если иранский лексический материал непосредственно не дает возможности в настоящий момент обнаружить в древних и современных иранских языках точный первоисточник славянской пра-

---

[2] А. Мейе в рецензии на этимологический словарь Э. Бернекера — см. RS II, стр. 66—67; см. также: V a s m e r III, стр. 306.

[3] М., 1966, стр. 276—277.

формы, то необходимо подумать о возможном языке-посреднике, который, заимствовав какую-то иранскую форму, видоизменил ее таким образом, что получившие ее из этого языка славяне могли довести ее до легко реконструируемой сейчас праславянской формы **čaša*.

Таким отдаленным первоисточником вполне могла быть иранская форма, продолжением которой является перс. کاسه *касе* 'чаша, чашка', которое легло в основу многих тюркских названий чашки: по свидетельству Л. З. Будагова, это персидское слово в татарском получило значение 'плоская чашка', а в казахском (киргизском, по терминологии XIX в.) — 'полоскательная чашка'. В. В. Радлов отмечает наличие слова *кäсä*, *кесä* в чагатайском, так называемом «восточнотюркском (Osttürkisch)» и в киргизском (каракиргизском, по старой терминологии) со значением 'чашка' [4]. Есть это слово во многих современных тюркских языках: казах. *кесе* (диал. *кәсе*) 'шай ішуге арналған ыдыс, шыны, пияла', узб. *коса* 'чашка', каракалп. *кесе* 'чайная чашка, пиала'.

Являются новыми заимствованиями из турецкого языка приводимые О. Н. Трубачевым сербохорватское *ћáса* 'вид глубокой глиняной или металлической миски' и макед. *ќасе* 'глиняная миска'.

Кроме того, оно заимствовано арабами: كَأْس *кя'с* 'чаша' или كَاس *кяс* 'чаша' [5].

Итак, в персидском کاسه *кāсе* 'чаша, чашка' мы видим типичное «культурное слово» — элемент весьма подвижной лексической группы слов самого различного семантического содержания, легко кочующей от одного народа к другому вместе с обозначаемой подобным словом реалией. В заимствовании такого «культурного термина» в качестве посредника между иранскими и древними славянскими диалектами мог выступать один из булгарских языков, который заимствовал от иранцев слово **кāсе* еще до булгарского перехода прототюркского *с* в *ш*, но передал это слово славянам уже после перехода *с* в *ш* в виде **kāšä*. Отсюда и праславянская форма **čaša* с морфологической заменой *-ä* на *-a*, причем долгий слог **ča-* развил акутовое ударение. Ср. судьбу начального согласного в славянских и западноевропейских наименованиях сабли, в которых представлено чередование начальных *с/ш*.

В современном чувашском языке старый иранизм типа **каша* не сохранился, он был вытеснен новым русским заимствованием

---

[4] Л. З. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. II. СПб., 1871, стр. 109; В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. II. СПб., 1899, стр. 1159—1160.

[5] О. Н. Трубачев. Ремесленная терминология в славянских языках, стр. 301. Арабское слово считается и арамейским заимствованием: «Arabische Chrestomatie aus Prosaschriftsteller». 7. Aufl. Leipzig, 1960, стр. 11.

чашӑк 'блюдо, чашка' (ср. *чей чашӑкӗ* (*чашки*) 'чайная чашка', *йывӑҫ чашӑк* 'деревянное блюдо'), которое также известно и в более близкой к русскому языку форме *чашкӑ*. Несомненными славянскими заимствованиями являются приводимые Ф. Миклошичем в его «Этимологическом словаре славянских языков» венг. *csésc* и рум. *čaške*.

русск. *сабля* и т. п.

Слово это известно почти всем славянским языкам при тождестве значения: русск. *сáбля*, укр., блр. *шáбля*, др.-русск. *сабля* (в оригинальных текстах употребляется в современном значении 'длинный кривой меч, острый с одной стороны', а в переводных — для передачи греч. ἐγχειρίδιον 'нож, кинжал, небольшой меч'), ст.-слав. **сабля**, болг. *сáбля*, *сáбя*, *сáбья*; макед. *сабја*; с.-хорв. *са̏бља*, словенск. *sȃblja*, чеш. *šavle*, слвц. *šabl'a*, польск. *szabla*, н.-луж. *sabl'a*. Из славянских языков заимствованы приводимые только Ф. Миклошичем в его этимологическом словаре литовские формы *šoble*, *šoblis* (явно белорусско-польского происхождения); венг. *száblya*; нем. *Säbel* (более старые формы *sabel*, *sebel*, *sewel*, *seibel*, *saibel* с XV в.); франц. *sabre* (стар. *sable* с XVII в.); исп. *sable* (с XVII в.); ит. *sciabla*; рум. *sabie*.

Из славянских языков этого названия не знает лишь верхнелужицкий язык.

Для этого загадочного и не поддающегося даже восстановлению праславянской формы наименования существует множество различных этимологий: 1) из венг. *száblya*; 2) из араб. سَيْف *сайф* 'сабля, меч'; 3) из тюрк. *сап* 'рукоятка вообще (в том числе и у сабли)'; 4) из загадочного древнерусского названия петуха *сабль* в Изборнике 1073 года: *сабл'ь ходя въ саблицахъ веселъ* = ἀλέκτωρ ἐμπεριπατῶν θηλείαις (цит. по Срезневскому III, 237). Ср. ст.-польск. *sabelek* 'kogucik, т. е. петушок'; 5) от тюрк. глагола *чап/шап/сап* (ср. чуваш. *ҫап*, *ҫуп* 'бить') 'рубить'; 6) из ср.-греч. ζαβός 'кривой'; 7) из камско-булгарского **sabja* от финского корня **śab* 'резать', откуда венг. *szabni* 'кроить', *szabó* 'портной'.

Не вдаваясь в анализ всех приведенных здесь этимологий, ибо несостоятельность многих из них очевидна или же ясна из приведенного распространения слова в разных языках, ограничусь лишь характеристикой наиболее перспективной, на мой взгляд, этимологии, предложенной Ф. Е. Коршем в «Этимологическом словаре» А. Г. Преображенского. Впоследствии, правда, Корш отказался от этой этимологии.

Булгарская этимология очень хорошо объясняет варьирование согласных *с/ш* в анлауте славянских форм: вероятно, славяне заимствовали этот военный термин у булгаров в тот момент,

когда происходил булгарский переход *с* > *ш*. Впрочем, возможность заимствования через разные булгарские диалекты также не исключена. Вместе со всеми другими восточными этимологиями названий сабли это объяснение очень хорошо согласуется с общим направлением распространения слова с Востока на Запад. История этого термина во многих языках — яркое свидетельство важной роли Волжской Булгарии как крупного ремесленного и торгового центра Восточной Европы в средние века. Вероятно, из булгарского же языка происходит и изолированно стоящее в казахском языке наименование короткого меча и кинжала — *сапы* и также не имеющее соответствий в других тюркских языках. Возможно, что казахское наименование связано с приводимым у В. В. Радлова [6] «восточнотюркским» и турецким словом شاپ *шап* 'прямой меч', которое также не обнаруживает ясных связей. Если о возрасте славянских слов мы кое-что знаем, то относительно казахского слова ничего определенного сказать не можем, точно так же мы ничего не можем сказать о его предыстории. Попытка свести воедино источник славянских и казахского слов вынуждает нас остановиться на реконструкции их общего булгарского прототипа в виде **саби*, **сапи* с неустойчивостью в отношении звонкости/глухости интервокального губного смычного. Впрочем, казах. *сапы* в разной степени может быть возводимо и к праформе с начальным шипящим спирантом *ш*, к которой восходят и некоторые славянские формы (как известно, в казахском языке общетюркский согласный *ш* регулярно заменялся свистящим *с*): **шаби*, **шапи*. Далее в казахском слове можно предполагать сингармонизацию вокализма по первому слогу, отсюда современное *сапы* с вокализмом заднего ряда. В заключение анализа истории казах. *сапы* необходимо заметить, что значение 'кинжал' объединяет казахское слово с русск. ц.-слав. *сабля* 'нож, кинжал' в переводных текстах.

На славянской почве булгарск. **саби*, **шаби* получило типичное для существительных женского рода оформление на *-а*, отсюда **sabi̯a*, **šabi̯a* > *sabl'a*, *šabl'a*. Что касается чешской формы *šavle*, то она восходит к какой-то контаминации более ранней славянской формы типа *šabla* с одной из старых немецких форм с *v* типа *sewel*. Предположить развитие *b* > *v* на булгарской почве можно, но тогда обнаружатся затруднения с развитием *l*, которое на чешской почве не возникало. В восточнославянских же языках отсутствуют следы форм с *v*, поэтому единственной возможностью объяснения чешской формы является (вслед за В. Махеком) предположение о контаминации с немецкой формой, содержащей губной спирант *v*.

Хотя слово *сабля* и считается старым заимствованием, в древнерусском языке XI в. оно, очевидно, не было привычным. Например,

[6] «Опыт словаря тюркских наречий» IV. СПб., 1911, стр. 981.

в «Повести временных лет» по Лаврентьевской летописи слово *сабля* встречается только три раза, а *мечь* — свыше 12 раз. При этом в двух контекстах обнаруживается явное противопоставление сабли как типичного восточного оружия мечу, бывшему весьма обычным оружием восточных славян. Первое упоминание сабли отмечено в самом конце историко-этнографического вступления к «Повести временных лет», где «старци козарьстии» следующим образом комментировали первую дань, собранную хазарами с восточных славян и которая представляла собою «от дыма мечь»: «не добра дань княже мы ся доискахомъ оружьемь одиною стороною [остромь — *дополнено по Шлёцеру и Миклошичу*] рекоша саблями а сихъ оружье обоиду остро рекше мечь си имуть имати дань на насъ и на инѣхъ страна[x]». Не столь ярко противопоставляются мечь и сабля в рассказе о событиях 968 г., когда печенеги в отсутствие князя Святослава напали на Киев и после переговоров русского воеводы Претича с печенежским князем был заключен мир. В знак дружбы Претич и печенежский князь обменялись подарками: «и въдасть печенъжьскии князь Прътичю · конь · саблю · стрѣлы онъ же дасть ему · бронѣ · щитъ · мечь». Только под 1086 г. упоминание сабли вполне нейтрально и не заключает в себе никакого противопоставления. На основании этих контекстов можно думать о сравнительно недавнем для XI в. заимствовании названия сабли вместе с самой реалией, которая относилась к тюркскому оружию, противопоставлявшемуся привычным славянским мечам.

Независимо от окончательной этимологии славянских наименований сабли, представляется несомненным, что все они отражают типично булгарское чередование *с/ш* в начале слова, а потому можно думать, что славяне получили саблю вместе с наименованием от какого-то булгарского народа (или народов) в период возникновения булгарско-тюркского соответствия *ш/с*.

В современном чувашском языке в качестве названия сабли используется слово *хӗҫ*, восходящее к общетюрк. *қылыч* и имеющее теперь значение 'меч, сабля'; кроме того, употребляется и русское заимствование *сапӑл*, *саплӗ* 'сабля' [7]. Было бы интересно проследить, какие названия употреблялись в качестве наименований меча и сабли до заимствования русск. *сапӑл*, *саплӗ*; но, к сожалению, история лексики чувашского языка и его диалектов до сих пор остается неисследованной.

русск. диал. *шурка* 'овца'

В книге О. Н. Трубачева «Происхождение названий домашних животных в славянских языках» [8] приводится, вероятно, по «Смо-

[7] В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964, стр. 301; А. Е. Горшков. Роль русского языка в развитии и обогащении чувашской лексики. Чебоксары, 1963, стр. 46.

[8] М., 1960, стр. 81.

ленскому областному словарю» В. Н. Добровольского [9] русск. *шурка* 'овца', оставленное без этимологии. Аналогичное название отмечено также в «Словаре белорусского наречия» И. И. Носовича: «*Шурка* — овца. *Шурки бегуць в двору*».

Прежде чем давать этимологию этого сугубо восточнославянского слова, целесообразно упомянуть также казанское диалектное наименование овцы *саргá* (Даль). Этимология последнего не вызывает никакого затруднения: это преобразованное (возможно, из притяжательной формы с озвончением конечного согласного) татар. *сарык* 'овца'. Родственные формы обнаруживают башкирский (*һарыҡ*), казахский (*сарық* или *мәліш* 'овца русской породы'), каракалпакский (*сарық* 'название одной из пород овец, без курдюка'), а также чувашский (*сурӑх* 'овца'). Все эти тюркские слова не имеют никакой этимологии. Сближение всех этих слов с русск. *ярка*, предложенное А. М. Щербаком: «Следует обратить внимание на значительное фонетическое сходство рассматриваемого слова с русским *ярка*. В этой связи показательно наименование словом *сарык* в казахском, каракалпакском и татарском языках овцы без курдюка, овцы русской породы», — справедливо оценивается у В. Г. Егорова как сомнительное [10].

Морфологическое оформление русского диалектного *сарга* было обусловлено воздействием со стороны исконного *овца*, откуда оформление тюркизма типичным окончанием женского рода *-а* в именительном падеже.

Среди тюркских форм обращает на себя внимание полное тождество анлаута: во всех языках, кроме башкирского, представлен начальный *с-*, хотя в чувашском языке следовало бы ожидать *ш-*. Форма с начальным *ш-* обнаруживается в марийском *шорык* (в вокализме отражено произношение верховых чувашей — *сорӑх*, а конечное *к* находит точное соответствие в сундырском диалекте чувашского языка — *сорӑк*), в горно-марийском *шарык* [11]. Впрочем марийский анлаутный *ш-* мог возникнуть из более старого *с-* на марийской почве [12]. Но русская и белорусская формы *шурка* с неоспоримостью свидетельствуют о наличии древнечувашской формы **шурӑк* 'овца', которая на восточнославянской почве подверглась таким же преобразованиям, как и этимологически родственное *сарга* в русских говорах Казанской губернии, под влиянием русск. *овца*. Современное чувашское название овцы *сурӑх*

---

[9] Смоленск, 1914, стр. 1009.

[10] А. М. Щербак. Названия домашних и диких животных в тюркских языках. — «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961, стр. 111; В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка, стр. 197.

[11] М. Р. Федотов. Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми, ч. I. Чувашско-марийские связи. Чебоксары, 1965, стр. 114.

[12] Там же, стр. 21.

явно вторично: оно возникло в результате сравнительно позднего подновления слова по татарскому образцу, но затронуло лишь начальный согласный, не повлияв на вокализм. В русском же диалектном *шурка*, а также, возможно, марийском *шорык* отражен более древний облик чувашского названия овцы.

Что касается болгарских диалектных названий стада овец *сури́а*, *сюре́к*, *сюрия*, *сиријä* (дунницк., ольшанск. — СССР), приводимых О. Н. Трубачевым в указанной в этом разделе книге (стр. 105), то они не имеют никакого отношения к рассмотренному названию овцы, а являются переделкой тюркских слов *сӱрӱ*, *сӱрӱк* 'стадо, толпа, множество, войско'[13].

[13] Автор выражает глубокую признательность Л. С. Левитской за многие ценные справки по чувашскому языку.

В. И. Лыткин

К ЭТИМОЛОГИИ СЛОВ *УГРЫ* И *ЮГРА*

В русских летописях слова *угры* и *югра* как названия народов употребляются в течение многих столетий: под *уграми* понимаются венгры (первый раз встречается слово *угра* под 890 г., затем под 898 г., 902 г., 934 г. и т. д. вплоть до XVI в.) [1], а под *югрой* (иногда также *угра*) — вогулы (манси) и остяки (ханты) (первый раз слово *югра* встречается под 1096 г., затем 1114 г., 1187 г. и т. д. до XVI в.) [2].

До сих пор нет удовлетворительного толкования происхождения этих интересных этнических терминов: широко распространенная на Западе этимология слова *угры* нас не удовлетворяет, а слово *югра* до сих пор не имеет сколько-нибудь научной этимологии.

Прежде всего необходимо выяснить, в какой исторической и географической обстановке бытовали эти термины.

Русская летопись называет венгров (мадьяр) *угре*, которые в конце IX в. н. э. прошли по южнорусским степям, мимо Киева, в западном направлении. Арабские и византийские источники дают также указания на то, что мадьяры пришли на современную родину с востока. Константин Багрянородный (X в.), называя венгров турками, повествует: «Народ Турков в старину имел жительство вблизи Хазарии в местности, называемой Леведией по имени первого воеводы их. . . Печенеги. . ., двинувшиеся войною на Хазар и разбитые ими, принуждены были покинуть свою землю и заселить землю Турков. В войне, возникшей между Турками и Печенегами. . . войско Турков было разбито и разделилось на две части: одна часть поселилась на востоке в части Персиды. . ., а другая часть вместе со своим воеводою и предводителем Леведием поселилась в западной стороне, в местах, называемых Ателькузу, где ныне живет народ Печенежский. . . Спустя несколько времени, Печенеги, напавши на Турков, выгнали их с князем их Арпадом. Турки, обратившись в бегство и ища новой земли для поселения, пришли и выгнали жителей из Великой Моравии и поселились

[1] Украинцы и теперь этим словом называют венгров.

[2] См., например, «Указатель к первым восьми томам полного собрания русских летописей, изданных императорскою Архивною Комиссиею». СПб., 1907.

в их земле, где и живут поныне. . . К вышеупомянутым Туркам, поселившимся на востоке в краях Персиды, эти западные Турки доселе отправляют посланцев, которые видят их и часто приносят от них ответы». «Должно знать, что Печенеги первоначально имели место жительства на реке [3] Атиле, а также на реке Гейхе» [4].

Новейшие исследователи предполагают, что Леведия и Ателькуза обозначают одну и ту же территорию — район Дона и побережья Азовского моря [5]. Но и на эту территорию мадьяры пришли только в IX в., раньше они жили еще восточнее. На основании изучения византийских источников устанавливают, что мадьяры в V—VI вв. жили на территории к северу от Кавказа в соседстве с булгарами и осетинами, из языка которых заимствовали массу слов, в частности из языка булгар заимствовали термины виноделия (северная граница культуры винограда: Могилев — Днепропетровск—Сарепта). На Дон же попали только в 830 г., где были северными соседями хазар [6].

Первоначальную родину венгров устанавливают на основании лингвистических данных. Ближайшими сородичами венгров являются манси (вогулы) и ханты (остяки). Все эти три языка объединяются в угорскую группу финно-угорской семьи языков.

Современные финно-угроведы мыслят дислокацию прежних угров в следующем виде [7]. В мансийском и хантыйском языках имеется много очень древних индоиранских заимствований. Эти данные указывают на то, что первоначальная родина угорских народов (манси, ханты и мадьяр) должна была находиться поблизости от индоиранцев, и манси и ханты во всяком случае находились к югу от современного места жительства. Замечательно то, что в угорских языках имеются общие названия для лошади и седла: отсюда выходит, что все угорские народы были раньше подобны скифам-коневодам, каковыми позднее остались только мадьяры. Манси и ханты, попав на север, сделались охотниками и рыболовами, и вместо лошади у них появились собака и олень [8].

---

[3] См. «Известия византийских писателей о Северном Причерноморье». — «Изв. ГАИМК», 1934, вып. 91.

[4] Яик, т. е. р. Урал.

[5] После Волги в мадьярских хрониках словом *Этель* или *Итиль* называется также Дон; это название применительно к Дону встречалось и у других народов (см., например, у польского писателя Длугоша).

[6] Géza Fehér. Bulgarisch-ungarische Beziehungen in den V—XI Jahrh.— Kel. Sz. XIX, 1921.

[7] Pápay József. A finnugor népek és nyelvek ismertetése. Budapest, 1922. — В серии: «A magyar nyelvtudomány kézikönyve» I, 4, под ред. J. Melich, Z. Gombocz и J. Németh.

[8] По Э. Сетяля (E. N. Setälä. Suomensukisten kansojen esihistoria. — «Tietosanakirja», IX), имеется и другая возможность: «вогулы и остяки первоначально были народами иной расы, которые бродили на территории, находящейся к северу от угров, и, попав под влияние угров, усвоили их язык».

Манси и ханты долгое время жили на территории, примыкающей к Уральским горам. «Эти области и их жителей древние источники называли *югрой*. . . Вероятно, вначале это наименование относилось к территории бассейна Печоры, стало быть, к европейской стороне, где жили обские угры (т. е. предки манси и ханты. — *В. Л.*); отсюда около XI—XII в. они начали перебираться на восточную сторону Урала, на теперешнее место жительства. Русские источники и этот район упоминают под именем *Югра*. Коми-зыряне и теперь манси и ханты называют *Йöгра*» [9].

Первоначально родину финно-угров предполагают где-то на территории от среднего течения Волги к востоку и северо-востоку от нее [10]. Здесь прафинно-угры заимствовали у своих соседей индоиранцев слово *sata* 'сто'.

Финно-угры еще в глубокой древности были разделены на две группы: на восточную и западную. Восточную группу, угорскую, составляли предки мадьяр, ханты и манси. «От восточной группы раньше всех отделились мадьяры (приблизительно в начале нашей эры). Это отделение произошло, вероятно, вследствие нападения какого-то чужого народа, в силу чего мадьяры подвинулись к югу, а манси и ханты, наверно, потянулись по западным склонам Урала на север. После отделения мадьяр они оставались едиными, позже также разделились на две части и около XI—XII в. с западных склонов Урала мало-помалу заняли современные места» [11].

«Когда Мадьяры оставили свою первоначальную родину в районе Урала и переселились к югу — об этом у нас нет достоверных данных. Только можно предположительно заметить, что, может быть, венгры проникли на Кавказ, следуя восточноевропейскому движению народов, которое имело место после распадения гуннского государства. В этом случае мы можем начало булгарского влияния (на венгерский язык. — *В. Л.*) отнести к середине V в., конец влияния — к началу VII в., а именно к тому времени, когда развернулась мощь хазар на обломках западного тюркского государства и когда передвижение кавказских булгар на север, на территорию средней Волги, уже было совершено или, по крайней мере, началось. В районе Кавказа, между прочим, попали в венгерский язык также и осетинские элементы, которые, судя по их звуковой форме, тоже могли быть заимствованы в IV—VI вв.» [12].

---

[9] Р á р а у. Указ. соч.

[10] См.: E. N. Setälä. Finnisch-ugrisch Spraschwissenschaft. Berlin, 1922; П. Хайду. К этногенезу венгерского народа — «Acta Linguistica», 2, 1951/52, стр. 271. — Возможно, прародина финно-угров простиралась до Урала и частично переходила даже за Уральский хребет.

[11] Р á р а у. Указ. соч., стр. 56. П. Хайду предполагает, что отделение предков венгров от остальных угров произошло в середине I тыс. н. э. (H a j d ú Péter. A magyar nyelv finnugor alapjai. Budapest, 1965, стр. 14).

[12] G o m b o c z Z. Die bulgarische Frage und ungarische Hunnensage. — «Ungarische Jahrbücher» I. Berlin, 1921.

Из сказанного следует, что первоначальную родину предков мадьяр, манси и ханты нужно искать где-то к востоку от среднего течения Волги, быть может, в бассейне р. Белой и нижнего течения Камы. Э. Молнар [13] размещает угров на территориях более северных: «Первоначальная родина угорских народов . . . лежала в восточной части Европейской России, между реками Вяткой и Камой, нижним течением р. Белой, среднеуральскими горами и верхним течением р. Камы». Сравнительно недалеко от этих территорий и в настоящее время живут манси (вогулы), а история застает их вместе с ханты (югру) на более западных территориях. Имеются также документальные данные о былом (более позднем) пребывании венгров где-то на территории современной Баш. АССР.

Мы уже выше приводили данные Константина Багрянородного о том, что западные венгры в X в. поддерживали связь с восточными венграми, оставшимися «в краях Персиды». Но эта связь на известный период, по-видимому, была прервана, хотя венгерские хроники все время помнили, что где-то на востоке есть их соплеменники венгры-язычники. С 30-х годов XIII в. связь между западными и восточными венграми восстанавливается вновь.

Венгерский монах Юлиан в 1236 г. путешествовал по Восточной Европе и встретил венгров где-то примерно на территории современной Башкирии [14]. Эти венгры впоследствии были тюркизированы, они переняли башкирский язык, оставив в последнем известный субстрат [15].

Остановимся специально на выяснении происхождения слова *угры*. В русской летописи (Лаврентьевский список) мы читаем: «По семь придоша Оугри Белии. . . Си бо Оугри почаша быти при Раклии цри. . . Паки идоша Оугри Черниии мимо Киев послеже при Олзе. . .» Большинство исследователей под *уграми белыми* понимают хазар (некоторые — гуннов) [16], а под *уграми черными* — теперешних мадьяр. Действительно, византийские писатели часто называют одним именем тюркоязычных хазар и мадьяр (ср. Феофана, который хазар называет восточными тюрками, и патриарха Николая Мистикоса, ум. в 925 г., который мадьяр называет западными тюрками).

Русская летопись (1015 г., Лавр. спис.) Карпаты называет *гора оугорьская*.

Предполагают, что русские впервые пришли в соприкосновение

---

[13] Molnár Erik. A magyar társadalom története az öskortól az Árpád-korig. Budapest, 1945.

[14] См.: С. А. Анненский Известия о татарах XIII—XIV вв. — «Исторический архив» III, 1940.

[15] См. статью: J. Németh. Ungarische Stammesnamen bei den Baschkiren. — «Acta Linguistica» XVI. Budapest, 1966, стр. 1 — 21, — в которой говорится о венгерских названиях родов башкир в подтверждение гипотезы о венгерской прародине в Башкирии; см. также: Б. А. Серебренников. К вопросу о связи башкирского языка с венгерским. Уфа, 1963.

[16] Например: Hodinka A. Az orosz élkönyvek magyar vonatkozásai. Budapest, 1916, стр. 34.

с мадьярами около начала IX в.[17], а с этого времени под уграми понимаются уже мадьяры. До этого времени у восточных писателей наименование *угры* иногда обозначало и другие народы. В настоящее время в западноевропейской науке господствует мнение о происхождении названия мадьяр — *угры*, сводящееся к тому, что первоначально этим именем славяне называли какие-то тюркские племена, с которыми мадьяры были, вероятно, в союзнических отношениях, а позже перенесено оно было на мадьяр [18].

«Славяне мадьяр вплоть до середины XIX в. называли таким именем (ср. польск. *węgrzyn*, чеш. *uher*, слвц. *uhor*, *uher*, словен. *vôgər*, *vogrin*, хорв. *vugrin*, *ugrin*, сербск. *ugar*, др.-русск. *угринъ*, мн. ч. *угре*, *угри*), возводимым к общей основной форме (*ѫгр-*), которое можно объяснить только таким образом, если предположим, что это название народа имелось уже у славян до расселения из первоначальной родины, т. е. еще до VI в., в языке, представлявшем еще известное единство. Этим именем единые славяне называли гуннов *оногур* (основная форма *онгур*), позже — другие такие народы, которые пребывали в районе Черного моря, Кавказа и Урала. Так досталось это имя также и мадьярам, которые тоже живали в этом районе» [19].

Среди гуннско-тюркских племен, которые в V—IX вв. заселяли некоторое время области южной России и далее территории между Доном, Черным морем, Кавказом и Уралом, мы действительно находим *оногур* (Прискос, V в.), *хунугур* (Иордан, VI в.), *унногур* (Захарий, VI в.), *уннугур* (Феофилакт, VII в.) и т. д. Это *оногур* многие исследователи сопоставляли с русск. *угры*, хотя и без лингвистического обоснования.

В последнее время венгерский тюрколог Д. Немет дал лингвистическое обоснование этому сопоставлению [20]. Оно заключается в следующем. Название народа *оногур* является составным булгаро-тюркским словом, первая часть которого обозначает 'десять', а вторая, *огур* (с булгаро-тюркским *р* вместо *з* других тюркских языков), является названием известного тюркского народа *огуз*. В названии *огуз* (булг.-тюрк. *огур*) *з* (булг.-тюрк. *р*) является уменьшительным суффиксом, а *ог* обозначает 'стрелу (род, племя)', так что *óнугр* из *онгур* (в тюркских языках в трехсложных словах гласный среднего слога может выпадать) обозначало 'десять стрел', т. е. 'десять племен'.

Д. Немет считает *онгур* за оригинал русского, вернее славян-

---

[17] А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. М., 1907, стр. 20.

[18] См.: Ра́рау. Указ. соч.; G. Weores. — «Suomen suku». Helsinki, 1928, стр. 395.

[19] Melich J. A honfoglaláskori magyarország. Budapest, 1925—1929, стр. 13.

[20] Németh G. On ogur, hét magyar. — «Körösi Csoma-Archivum» I, а также в «Magyar Nyelv» XVII.

ского, *жгър-*. Славяне (анты) уже в V в. могли знать это название тюркского народа в данной звуковой форме. Посредством такого предположения можно легко объяснить разнообразные славянские названия мадьяр (слвц. *ухор*, словен. *вогер* и т. д.). Эти *жгре*, по мнению Д. Немета, были именно булгаро-тюркские *онугуры*, которые жили между Уралом—Каспием—Кавказом, позже — в окрестностях Азовского моря. Впоследствии исчезло у восточных писателей имя *онугур* (вероятно, заменилось через *булгар*), но оно сохранилось у антов-русских и перенеслось на народы, которые жили на прежней территории онугуров, а именно на хазар, а еще позже — на современных венгров. Действительно, венгры некогда жили на Кубани (в V—VI вв.), а в начале IX в. — в окрестностях Азовского моря, т. е. на территории, которая у Geographus Ravennas обозначена через regio *Onogoria* (страна *Оногория*).

Славяно-русское *жгър* попало к византийцам, оттуда в латинские источники и западно-европейские языки (*Ungri*, *Hungari*, *Ungar-* и т. д.). Современное русское *венгр* является сравнительно поздним заимствованием из польского языка (см. выше).

Такое, весьма стройное, объяснение происхождения слова *угры—венгры* дает проф. Д. Немет.

Существует и другое мнение в отношении происхождения наименования *угры*, которое сводится к следующему. Слово *угры* тождественно с *югра*, которым называли русские летописи (главным образом новгородские) и называют теперь коми-зыряне обских угров, т. е. ханты и манси. Это отождествление, разумеется, обосновано, кроме внешнего сходства слов, еще и тем, что мадьяры (угры) и народы югра (ханты и манси) находятся в близком языковом родстве. Между тем, несмотря на этот весьма веский довод, сопоставление названий народов *угры* и *югра*, не получившее до сих пор удовлетворительного лингвистического обоснования, в научном мире не пользуется популярностью, в особенности после того, как была выдвинута вышеприведенная этимология таких авторитетных ученых, как Д. Немет и Я. Мелих.

Нами делается здесь попытка дать лингвистическое обоснование этого сопоставления на основании новейших достижений советской лингвистики, истории, археологии и т. д.

Прежде всего нам кажется невероятным то, что могущественные анты (восточные славяне) так поздно (IX в.) узнали о таком большом и воинственном народе, каковым являлись мадьяры, о народе, который до V—VI вв. н. э. жил не так уже далеко от родины славян (где-то за Волгой), если даже считать за первоначальную родину славян (до расселения, до VI в.) «северное Прикарпатье, бассейн Вислы, правые притоки Припяти, среднее Поднепровье, верхнее течение Буга и Днестра» [21].

Нам кажется, что восточные славяне уже в VI в., а может быть,

[21] А. М. Селищев. Славянское языкознание, т. I. М., 1941, стр. 5.

и раньше, проникли в более восточные районы — на Дон, в верхнее течение Волги. Еще А. А. Шахматов [22] предполагал, что «Восточнорусы перешли из Днепровского бассейна в Донецкий, осаживаясь по Северному Донцу и Осколу. . . Средоточием Восточной ветви был бассейн среднего течения Донца и Дона. Здесь они с севера и востока были окружены восточно-финскими племенами. На юге, к Азовскому и Черному морю, сидели кочевые тюркские орды и среди них в VI в. . . . гунские племена Кутригуров и Утригуров; к такому именно моменту относится показание византийца Прокопия о том, что к северу от Утигуров сидят бесчисленные племена Антов». Новейшие данные советской археологии подтверждают мнение Шахматова о раннем проникновении славян (антов) на восток. Область распространения «бесчисленных антских [23] племен» простиралась на территории лесной полосы от устья Дуная на северо-восток в направлении на Киев, Чернигов, Полтаву, Курск и Воронеж, причем частично освоена была и степь [24].

«Совершенно бесспорно то, что с середины первого тысячелетия н. э. . . . окончательно складывается в Верхнем Поволжье два обширных этнических массива. . . Обитатели верхнего течения Волги, без сомнения, принадлежали к группе северных восточнославянских племен. . . Население второго района (озеро Неро и Плещеево и Костромское течение Волги). . . без особых колебаний может быть отожествлено с летописной мерей» [25].

Славянское население верховьев Дона и Волги не могло не знать своих восточных соседей — финно-угорских племен, живших в районе среднего течения Волги и за Волгой, ибо народы Восточной Европы никогда не были отделены друг от друга китайской стеной, — достаточные указания на это дают лингвистика и археология.

На средней Волге, до появления там булгар, в I—VI вв. н. э. должны были жить предки мордвы и коми-удмуртов, а за Волгой, где-то в районе р. Белой, — угорские народы, т. е. предки мадьяр, манси и ханты, являвшиеся непосредственными соседями докоми-удмуртских племен (прапермян). В этот период славяне (анты) не жили в непосредственном соседстве с угорскими племенами, — между антами на Дону и уграми за Волгой находились прапермяне (а может быть, и мордва, если только она не жила западнее).

При таком размещении народов славяне-анты могли узнать имя

---

[22] А. А. Шахматов. Введение в курс истории русского языка, I. Пг., 1916, стр. 50—52.

[23] Впервые имя *ант* встречается в греческих надписях из Керчи III в. и с VI в. сходит со страниц истории.

[24] Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь. — ВДИ 1939, № 1, стр. 322.

[25] П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. М., 1941, стр. 90—97.

угров через предков удмуртов и коми (прапермян) в IV—V вв. или даже еще раньше.

Имеется возможность дать лингвистическое обоснование отождествлению названий народов *угры* (др.-русск. ѫгре) и *югра* (коми *йöгра*). В древнекоми языке, равно как и в общепермском, существовали, кроме открытых гласных среднего подъема *е, о, ö* (*ӧ*), также закрытые (средне-верхнего подъема) гласные *ẹ, ọ, ộ*. Нас интересуют здесь закрытый лабиализованный гласный *ộ*, напоминающий нем. *ü* и сохранившийся до сих пор в коми-язьвинском диалекте, которому соответствует в других коми диалектах и удмуртском языке обычно *ö*[26].

Существование этого закрытого *ö* (*ộ*) мы предполагаем в коми-зырянском слове *йöг-ра* (так называют коми мансийцев и хантыйцев), первую часть которого (*йöг-*) мы сопоставляем с коми-удмуртским словом *йуг* (коми-язьвинск. *jộg-*) с первоначальным значением 'светлый, блестящий' и возводим к древней форме с закрытым *ö* (*ộ*) *jộg-ra*. Новгородцы, узнавшие о народе *югра* от коми около XI в.[27], передали это закрытое *ộ* через *у* (*йугра*), тогда как это же слово в коми языке сохранилось со звуком *ö* (*йöгра* < **jộgra*).

В прапермском языке произошла деназализация сочетаний *-нг-*, *-нд-* и т. д., т. е. носовой согласный исчез, сохранившись в других финно-угорских языках, кроме венгерского (ср. коми *бугыль* 'глазное яблоко', эст. *pong*)[28]. Мы предполагаем, что в то время, когда докоми-удмурты (прапермяне) жили на средней Волге и в низовьях Камы, название угров звучало в докоми-удмуртских диалектах вроде **jộng-ra*. Эта форма слова послужила оригиналом для заимствования славянами названия угорских народов: праперм. **jộngra* > слав. **йѫгър-*. Затем в русском языке еще до XI в. «начальное *й* отпало как перед старым *у*, так и перед *у* из *о* носового» (ст.-слав. *юха—йуха*, рус. *уха*, ст.-слав. *ѭдоу*, русск. *уды* и др.)[29].

Таким образом, древнерусское название венгров *угр-* из **ѫгър-* (< **йѫгър-*)[30], летописное *югра* (название мансийцев и

---

[26] В. И. Лыткин. Исторический вокализм пермских языков. М., 1964, стр. 140—152.

[27] Путь в югру, которая в то время жила, по-видимому, также и на Печоре, пролегал через территорию вычегодских коми (Г. С. Лыткин, Зырянский край. СПб., 1889. Введение).

[28] См., например: Lakó György. A magyar hangállomány finnugor előzményei. Budapest, 1965, стр. 36—38.

[29] Н. Дурново. Очерк истории русского языка. М., 1924, § 173.

[30] В языке предков восточных славян начальное *й* должно было отпасть до исчезновения носовых гласных, до того момента, когда имя мадьяр (*ѫгр-*) было передано предками восточных славян западным народам (в том числе и западным и южным славянам). А необходимость в этом названии на западе появилась только тогда, когда там появились венгры (IX в.). В то время когда венгры жили на Востоке, предки западных и южных славян не знали

хантыйцев) и современное коми-зырянское название мансийцев и хантыйцев *йогра* единого происхождения. Их звуковое варьирование вполне объяснимо фонетическими изменениями пермских (коми и удмуртского) и древнерусского языков: слово *-угр* (из *жгр-*) и *югра* русскими были заимствованы из пермских языков в разное время и отображают разную стадию развития общепермского **jǫ̂ngra*:

прaперм. **jǫ̂ngra* > др.-коми **jǫ̂gra* > соврем. коми *йӧгра*
↓ ↓
др.-русск. **йжгр-* > **жгр-* > *угр-*; *югра*.

В основе древнерусского этнонима *югра* лежит именно древнекоми форма **jǫ̂ngra* с закрытым лабиализованным гласным (*ǫ̂*), напоминающим нем. *ü*, а не форма современного коми языка с *ӧ* (*ẹ*) — с нелабиализованным гласным среднего ряда среднего подъема. Современное коми *йӧгра* передалось бы в русском языке в виде *ёгра* (*йогра*) или *егра* (*йэгра*)[31], но не *югра*.

Что же должно было обозначать в прапермских диалектах слово **jǫ̂ngra*? Почему это название было приурочено к угорским племенам? На этот вопрос дает ясный ответ семантика слова *jǫ̂ng-*, перешедшего в современных коми и удмуртском языках в *йуг-* 'светлый'. Это слово в докоми-удмуртских диалектах обозначало 'белый', 'светлый', т. е. реку Белую.

Вторая часть слова *-ra* (*jǫ̂ngra* → *jugra*) могла обозначать первоначально 'Волга', а потом 'река' вообще. Действительно, у греческих писателей Волга называется *Ра* (у Птоломея — *Ra*, у Марцэлленуса — *Ra*, у Агафемероса — *Ras*). Это слово сопоставляют с морд. *Рав*, *Раво*, *Рава* 'Волга', 'река' (по-видимому, оно существовало и в прапермском языке) и считают старым финно-угорским словом [32]. В этом случае современное башкирское название р. Белой *Ак-Идель* 'белая Волга', 'белая река' является буквальным переводом с прапермского языка на тюркский [33].

В V—VI вв. венгров (мы предполагаем, что часть венгров) находят уже на Кубани. Не исключена возможность, что анты, называвшие предков мадьяр *жгре* из **йжгре*, перенесли это название с мадьяр на тюрков, живших здесь по соседству, а впоследствии это имя попало и в греческие источники в виде *оногур* (Прискос, V в.), *унногур* (Захарий, VI в.) и т. д. Что касается толкова-

---

этого народа. Таким образом, слово *йжгр-* имело общеславянскую форму, но бытовало в первое время только у восточной части славянства; к другим славянам оно попало уже после отпадения начального *й*.

[31] J a l o K. Syrjänisches Lehngut im Russischen. — FUF XVII, стр. 12.

[32] J. M i k k o l a. Der Name Wolga. — FUF XX, стр. 125—126.

[33] «Тюркские племена раньше знали нижнее и среднее течение Волги под именем *Атиль*, *Этиль*, *Итиль*. Верхнее течение им было неизвестно; со времени основания Булгарского царства Каму считали за верхнее течение Итиль, так что Каму еще теперь в чувашском языке называют *šurə̂-Adə̂l* 'белая Волга'. Идриси не знает действительного верхнего течения Волги, но знает только Каму, которая у него называется *Атиль*» (J. M i k k o l a, Указ. соч., стр. 125—126).

ния *он-огур* как 'десять стрел', то его нужно отнести на счет народной этимологии тюрков. Во всяком случае индоевропейцы (по крайней мере, анты) встретились с угро-финскими племенами гораздо раньше, чем с тюрками.

При нашей этимологии слова *угр-* напрашивается предположение о том, что слово *белый* в выражении летописца «поидоша угри белии» имеет отношение к названию территории по р. Белой, а следовательно, к предкам венгров, часть которых, по-видимому, входила в состав гуннских орд, появившихся в южной России в IV в. Не случайно с этого времени появляются мадьяры на Кубани — вдали от прежней родины (см. выше). По-видимому, часть мадьяр в общем потоке переселения народов оторвалась от прежней родины (в районе р. Белой) и, двигаясь в западном и юго-западном направлении, достигла Кубани, а известная часть пошла вместе с гуннами дальше на запад, разделяя судьбы последних.

Таким образом, русск. *угры, югра* и коми *йӧгра* является древним коми-удмуртским словом с первоначальным значением 'светлая (белая) река', которое первоначально звучало вроде **jǫ̂ngra*. Этим словом называлась река Белая или, быть может, Кама [34]. Русские заимствовали это слово в разное время в виде *угр* (< **жгр-* < **йжгр-*) и *югра*.

Тюркские народы, пришедшие на эту территорию позже, буквально перевели это название реки на свой язык: баш. *Ак-Идель*, чуваш. *šurə̑-Adə̑l* 'Белая Волга', 'Белая река'.

По названию реки получили наименование и племена, жившие по этой реке. Коми-удмуртское слово через русских (славян) проникло на запад и стало обозначать угров (ср. финно-угорские языки — *угры, венгры*; нем. *Ungarn* и т. д.) [35].

---

[34] Не исключена возможность, что название р. Камы является хантыйским словом с тем же значением, что и *югра*: ср. хант. *кам* 'светлый, прозрачный, чистый' (H. Paasonen. Ostjakisches Wörterbuch. Helsingfors, 1926, стр. 25). На территории пребывания обских угров нередко встречается название реки *Кам*, например: *Кам* — приток р. Конды, *Кам-шор* — приток р. Язьвы (Красновишерский р-н Пермск. обл.) и т. д. Следует обратить внимание также на то, что некоторые народы Восточной Европы (например, чуваши) называют Каму *Белой* Волгой.

[35] Народ, занимающий промежуточную территорию между двумя другими народами, часто является передатчиком этнонима. Например, марийцы, жившие между русскими и удмуртами, передали русским название удмуртов: самоназвание удмуртов *уд-мурт* (*мурт* 'человек'); уд- (< **одо*) > марийск. *оδо-* 'удмурт' > русск. (в XV—XVII вв.) *вотяк, отяк, вотин, отин* (корень *вот-—от-*; марийск. δ > русск. *т*) > дореволюционное русское название удмуртов *вотяк, вотский* с протетическим *в-* (ср. русск. *ольха—вольха*); см. «Вопросы марийского языкознания». Йошкар-Ола, 1964, стр. 61; «Вопросы финно-угорского языкознания» IV. Ижевск, 1967, стр. 302—306.

Название русских пермские народы (коми и удмурты) заимствовали от прибалтийских финнов, живших к западу от пермян в непосредственном соседстве с новгородцами: прибалт.-фин. **rôтс-* > общеперм. **roч* > коми *роч*, удм. *ӟуч* (см., например: В. И. Лыткин. Исторический вокализм пермских языков. М., 1864, стр. 61).

Б. А. Серебренников

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Коми-зыр. *кар* 'город'

Слово *кар* 'город' в коми-зырянском языке имеет параллель в родственном удмуртском языке, ср. удм. *кар* 'город', 'городище', представленное также в таких названиях населенных пунктов, как *Ижкар (Ижевск)*, *Порткар*, *Дзючкар*. Не чуждо это слово и коми-пермяцкому диалекту, ср , например, название *Кудымкар* (административный центр Коми-пермяцкого национального округа). В некоторых названиях встречается вариант *кор*, например *Искор*, *Пыскор*.

Далее, элемент *кар* также содержится в некоторых названиях населенных пунктов, расположенных в северной Чувашии, например *Муркар*, *Шашкар*, *Пошкар*, *Шупашкар* (чувашское название города Чебоксары).

Происхождение слова *кар* довольно загадочно. О. Соважо пытался связать его с нан. *korre* 'стена' и бурят. *xüre*, *küre* 'двор' [1]. Нерешенной остается проблема, каким образом подобное слово, даже с измененным значением, могло проникнуть в столь отдаленные от Сибири районы.

Т. Уотила пытался сопоставлять слово *кар* с мансийским и хантыйским *xar* 'место' [2]. В. Г. Егоров считает его иранским по происхождению [3]. Того же мнения придерживается Ф. И. Гордеев, связывающий его с иран. $x^{v}ar$ 'страна, город' [4].

Древние пермские народы, по-видимому, не имели селений городского типа. Нет также никаких точек опоры для предположения о том, что в основу слова *кар* могло лечь какое-нибудь исконно пермское слово со значением 'огороженное место', 'загородка' и т. п. Все это указывает на то, что *кар* в пермских языках является заимствованным словом.

---

[1] A. Sauvageot. Recherches sur le vocabulaire des langues ouralo-altaïques. Paris, 1930, стр. 89.

[2] T. E. Uotila. Syrjänische Chrestomathie mit grammatikalischem Abriss und etymologischem Wörterverzeichnis. Helsinki, 1938, стр. 90, 91.

[3] В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964, стр. 90.

[4] Ф. И. Гордеев. Балтийские и иранские заимствования в марийском языке. — «Происхождение марийского народа». Йошкар-Ола, 1967, стр. 188.

В чувашском языке *кар* не может восходить к архетипу *qar*, так как эволюция этого архетипа на чувашской почве должна была бы привести к форме *хur*. Чуваш. *кар* может восходить исторически только к *kär*. Как сомостоятельное слово *кар* в современном чувашском языке отсутствует. По сообщению В. Г. Егорова, оно сохранилось только в фольклоре (сказка *Улăп*) и в топонимике [5].

Пермские народы могли заимствовать это слово от чувашей или камских булгар.

Кар могло возникнуть в результате усечения предполагаемого камско-булгарского слова *kärman* 'крепость', ср. мар. *карман* 'крепость', чуваш. *карман*, тур. и джаг. *kärman* 'крепость'.

Не исключена также возможность заимствования слова *кар* из неизвестного индоевропейского языка, ср. ст.-ирл. *crō* 'изгородь', 'загон, хлев' и брет. *kêr* 'город'.

Корзоха 'густера'

В Справочнике Плещеева озера приводится перечень названий рыб, которые водятся в этом озере. В числе этих названий фигурирует явно неславянское название *корзоха*, или густера [6].

Есть основания предполагать, что название *корзоха* заимствовано из мерянского языка, поскольку достоверно известно, что меря некогда проживала в районе Плещеева озера, на что совершенно определенно указывает летописец: На Ростовськом озере Меря, а на Клещине озере Меря же [7].

Клещино озеро — это прежнее название современного Плещеева, или Переяславского, озера.

Слово *корзоха* очень созвучно, по крайней мере по внешней форме, с одним названием рыбы, встречающимся в хантыйском языке. В своей работе «Древние названия рыб в уральских языках» И. Шебештьен приводит слово *kărḭsǫ̂x̭* 'большая стерлядь', встречающееся в казымском диалекте хантыйского языка [8]. Кроме того, в хантыйском языке встречается слово *səx* 'налим' [9], которому в мансийском языке соответствует *səγ* с тем же значением [10]. Эти соображения дают основание предполагать, что название *корзоха* представляет сложное слово, состоящее из двух частей — *кор* и *сох* (*зох*).

---

[5] В. Г. Егоров. Указ. соч., стр. 90.

[6] «Плещеево озеро», вып. III. Переяславль Залесский, 1927, стр. 37.

[7] ПСРЛ, т. 1, стр. 10—11.

[8] N. Sebestyén Irén. Az uráli nyelvek régi halnevei. Budapest, 1935, стр. 26.

[9] K. F. Karjalainens. Ostjakisches Wörterbuch, bearb. und hrsg. von Y. H. Toivonen, Bd II (=Lexica Soc. Fenno-ugricae, Bd 10). Helsinki, 1948, стр. 835.

[10] А. Н. Баландин, М. П. Вахрушева. Мансийско-русский словарь. Л., 1958, стр. 110.

Курья ʻпродолговатый речной заливʼ

Слово *курья* распространено в севернорусских говорах и в Сибири. Имеет значение: ʻпродолговатый речной заливʼ, ʻзаболоченный рукав рекиʼ, ʻстарое русло рекиʼ. Зафиксировано также в Новгородских грамотах XIV—XV вв. [11] Относительно его происхождения существуют различные мнения. Калима объяснял его как заимствование из языка коми [12]. Вихман и Уотила рассматривают слово коми языка *kurja* ʻзаливʼ как заимствование из русского [13].

Встречающееся в коми языке слово *kurja* ʻречной заливʼ могло проникнуть в этот язык из какого-то неизвестного угорского языка. Следует заметить, что перевод этого слова М. Фасмером ʻпродолговатый речной заливʼ не является вполне точным. *Курья* — это пересохшая речная старица, не имеющая сквозного прохода. Внешне она может иметь форму продолговатого речного залива, иногда двух заливов, разъединяемых перешейком.

В мансийском языке имеется слово *хур* ʻкрай, кайма, бортʼ [14]. Если учесть, что *jā* в мансийском языке означает ʻрекуʼ, то легко понять первоначальное значение слова *курья*. *Курья* — ʻрека, находящаяся на краю главного русла, протока, текущая параллельно главному руслуʼ. Поскольку такие протоки нередко заносятся песком и пересыхают, то не исключена была возможность перенесения первоначального названия протоки и на название речной старицы.

Коми-зыр. *кыдз* ʻберезаʼ

Коми-зыр. слово *кыдз* (*kyʒ́*) ʻберезаʼ обычно сопоставляется с фин. *kaski* ʻмолодая березаʼ, эст. *kask*, водск. *kahči* ʻберезаʼ [15]. В удмуртском ему соответствует *кызь-пу* ʻберезаʼ, где элемент *пу* означает ʻдеревоʼ.

Подобное сопоставление нам не представляется правомерным. Если бы коми-зыр. *kyʒ́* ʻберезаʼ было родственно фин. *kaski* и эст. *kask*, то его можно было бы возвести к более древнему *kyʒ́k*. Утраченный согласный *k* мог бы проявиться в форме с притяжательным суффиксом 3 л. ед. ч., ср. коми-зыр. *кос* ʻталияʼ, но *коск-ыс* ʻего талияʼ.

Однако в слове *кыдз* в подобных случаях обнаруживается *j*, представляющий утраченный гласный *i* или *e*. Ассимилируясь предшествующему *ʒ́*, он дает долгую аффрикату, ср. *kyʒ́ʒ́ys* ʻего березаʼ (орфографически *кыддзыс*).

---

[11] Фасмер II, стр. 431.

[12] FUF 12, 1912, стр. 158.

[13] Yrjö Wichmann. Syrjänischer Wortschatz, bearb. von T. E. Uotila. (=Lexica Soc. Fenno-ugricae, Bd 7). Helsinki, 1942, стр. 128.

[14] А. Н. Баландин, М. П. Вахрушева. Указ. соч., стр. 144.

[15] B. Collinder. Fenno-ugric vocabulary. Uppsala, 1955, стр. 86.

По нашему мнению, коми-зыр. *кыдз* 'береза' не следует отделять от фин. *koivu* 'береза' и родственных ему слов в других уральских языках. В этимологическом словаре Коллиндера этот ряд соответствий представлен в следующем виде: фин. *koivu* 'береза', саам. *goai'vo*, эрзя-морд. *ki-lej*, *ki-leŋ*, мокша-морд. *ke-lu* (ср. *maŕlu* 'яблоня', *maŕ* 'яблоко'), мар. *kue*, *kugi*, *kogi* 'береза' (произв. слово?), манс. *kaal'*, *haal'* нен. *hoo*, нган. *küa*, *küje*, селькуп. *gä*, *gwə*, камас. *kojü*[16]. Коми-зыр. *кыдз* можно реконструировать как *ku-ǯi*. К корню слова *ku-* присоединен суффикс *-ǯi*, который, по всей видимости, имел значение собирательной множественности, ср. манс. *халяси* 'березняк', *ховтаси* 'ельник', *наҥкаси* 'лиственичный лес', хант. *нёрси* 'ивняк' и т. д.

По-видимому, подобный же суффикс содержится в мар. *энгыж*, эрзя-морд. *инзей* 'малина'.

Первоначальное значение коми-зыр. *кыдз* — 'березняк.

Лошадь

М. Фасмер считает слово *лошадь* старым заимствованием из тюркских языков, ссылаясь на такие параллели, как чуваш. *laša* 'лошадь', тур., крым.-тат., каз.-тат. и карач.-балкар. *alaša*. Элемент *-дь*, по его мнению, мог появиться как следствие аналогического приравнивания заимствованного слова *alaša* к словам типа ст.-русск. *ослѣдь*, греч. ὄναγρος 'осел'[17].

В ряде тюркских языков действительно имеется сходное по звучанию слово, ср. мишарско-тат. *алаша* 'лошадь', чуваш. *лаша* (*laža*) 'лошадь'. Оно проникло даже в некоторые угро-финские языки, ср. мар. *алаша* 'мерин', эрзя- и мокша-морд. *алаша* 'лошадь'.

Следует, однако, отметить, что в тюркских языках вышеуказанное слово производит впечатление какого-то чужеродного лексического элемента. Само по себе слово *alaša* или *laša* для тюркских языков нетипично. Наиболее типичным названием лошади, встречающимся во многих тюркских языках, является слово *at*. Даже в чувашском языке, где, казалось бы, название *laža* прочно закрепилось за названием лошади, имеется слово *ut*, означающее 'конь', которое точно соответствует фонетически общетюркскому слову *at* 'лошадь'.

Начальное *l* также совершенно не типично для исконно тюркских слов. Оно встречается только в заимствованных словах арабского или персидского происхождения. В чувашском языке, испытавшем значительное влияние угро-финских языков, оно более терпимо, хотя можно доказать, что в глубокой древности слов с начальным *l* в чувашском языке было значительно меньше.

---

[16] B. Collinder. Указ. соч., стр. 25.
[17] Фасмер II, стр. 525, 526.

Начальное *а* в мишарско-тат. *alaša* могло возникнуть в результате необходимости нейтрализации начального *l*.

Некоторые данные осетинского языка заставляют предполагать, что русское слово *лошадь* имеет какой-то иранский источник. В осетинском языке (иронский диалект) имеется слово *ласаг* (*lašag*) 'рабочий скот' (отличающийся большой физической силой) и глагол *ласын* (*lašyn*) 'возить, перевозить, увозить, транспортировать' [18]. Слово *laša*, проникшее в некоторые тюркские языки, означало, по-видимому, первоначально не коня, употребляемого для верховой езды, а лошадь, служащую для выполнения тяжелых полевых работ и перевозки тяжестей. Такое предположение в известной мере также подтверждается данными марийского языка, где заимствованное слово *алаша* означает 'мерин'. Подобное же значение оно может иметь и в чувашском языке.

Нерка 'небольшая заросль карликовой ивы'

Слово *нерка* встречается в поморских русских говорах Архангельской обл., например: *Здесь нет лесов. Одни нерки.*

Представляет заимствование из ненецкого языка, ср. нен. *нерка* 'ива' [19], также *неро* 'ивняк, тальник' [20]. Любопытно то, что на почве русского языка к заимствованному слову прибавилось значение собирательности.

Согра 'топкое болото, покрытое чахлым хвойным лесом'

Диалектное слово *согра* имеет довольно широкое распространение. Оно отмечено в говорах Архангельской, Вологодской, Пермской и Костромской областей, в Карелии, а также в Сибири [21]. Отмечено оно также и в Ярославской обл. Встречаются варианты: *шогра*, *шóхра* и *шохрá* [22]. Слово неясного происхождения. Я. Калима пытался его объединить с диалектным *содера* 'заболоченный лес'. Мы предполагаем угро-финское происхождение этого слова. *Согра* может быть связано с манс. *tärəγ* 'сосна'. В хантыйском языке ему соответствует *tegər* 'небольшая молодая ель, высокая стройная ель' [23]. При этом следует учесть, что в угорских языках *t* могло исторически возникнуть из первоначального *s*.

Распространение этого слова в Ярославской и Костромской областях, возможно, свидетельствует о заимствовании его из мерянского языка.

---

[18] «Осетинско-русский словарь». Орджоникидзе, 1962, стр. 247.
[19] Н. М. Терещенко. Ненецко-русский словарь. М., 1965, стр. 302.
[20] Там же, стр. 303.
[21] Vasmer II, стр. 687.
[22] Там же.
[23] B. Collinder. Указ. соч., стр. 119.

Элемент *r* в слове *согра* может быть уральским собирательным суффиксом. Первоначальное значение — 'негустой сосновый или еловый лес, растущий на болоте'.

Эрзя-морд. *уча* 'овца'

Эрзя-мордовское слово *уча* 'овца' не является одиноким и изолированным словом. Б. Коллиндер сопоставляет его с фин. *uuhi*, *uutu*, удм. и коми-зыр. *yž*, манс. *oš*, *os*, хант. *ač* 'овца' и мар. *užga* 'овечья шкура'. К этой группе слов он присоединяет венг. juh 'овца', но неуверенно, снабжая его знаком вопроса [24].

Трудно предположить, что уральские народы, первоначально дислоцированные в лесной зоне, могли иметь собственное название для овцы. Вероятнее всего, это слово является заимствованием из какого-то языка древнего поселения южнорусских степей. По-видимому, оно имеет кавказский источник.

Г. А. Климов реконструирует для общекартвельской эпохи слово *wac_1 'баран': груз. *wac-* 'баран'; мегр. *oč-*; чан. *oč-*, boč-; сван. *γwaš* 'горный козел'. По мнению Г. А. Климова, представляется возможной связь с абхазско-адыгской (абхаз. *а-цэ*, адыг. *цу*) и нахско-дагестанской основой (авар. *оц*, лакск. *ниц*, агул. *вец*, лезг. *яц*), обозначающей 'быка' [25].

Уральский прототип группы слов, отразившихся в финно-угорских языках, характеризовался начальным *u*, за которым следовала аффриката *č*, возможно, палатализованная.

Шар 'пролив' (диал.)

Слово *шар* 'пролив' отразилось в некоторых северных географических названиях, например *Маточкин шар*, *Югорский шар*. Согласно данным М. Фасмера, слово *шар* считают заимствованным из коми-зырянского языка. Калима [26] возводит его к коми-зыр. *шар* 'пролив'. Паасонен [27] связывает его с коми-зыр. *шор* 'ручей'[28].

В ижемском и печорском диалектах действительно имеется слово *шар* 'пролив' [29]. Насколько нам известно, это слово может иметь также значение 'речная протока' или 'полой'.

В самом коми языке слово *шар* является, по-видимому, заим-

---

[24] B. Collinder. Указ. соч., стр. 121.

[25] Г. А. Климов. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964, стр. 82.

[26] FUF 18, 1927, стр. 46.

[27] Kel. Sz. 16, стр. 57.

[28] Vasmer III, стр. 374.

[29] «Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов». Сыктывкар, 1961, стр. 425.

ствованным из какого-то угорского языка, ср. манс. *сăр*, *шăр* 'седловина (между двумя вершинами гор)', 'лесная перемычка между двумя болотами' (кондинск. диал.) [30]. Первоначальное значение слова *шар* — 'протока, соединяющая два водоема'.

Шимбарейка 'ежевика'

Слово *шимбарейка* 'ежевика' обнаружено сотрудницей Института русского языка АН СССР О. Н. Мораховской в д. Дёмино (Гусь-Хрустальный р-н Владимирской обл.) во время диалектологической экспедиции 1949 г. Деревня Дёмино находится в северной части так называемого Мещерского края.

По своему облику слово *шимбарейка* явно неславянское. Можно предполагать, что оно было некогда заимствовано из языка ныне исчезнувшей мещеры.

В марийском языке ежевика, точнее, ягода ежевики, имеет название *шем энгыж* [31] (букв. 'черная малина'). Следовательно, в слове *шимбарейка* может быть выделен самостоятельный элемент *шим* с предполагаемым значением 'черный'. Суффикс *-ейка* не вызывает никаких затруднений, ср. русск. *уклейка*, *канарейка* и т. п.

Более трудным для расшифровки оказывается загадочный элемент *бар*. Можно предполагать, что в основе его лежит встречающееся в некоторых финно-угорских языках название ягоды, ср. фин. *marja* 'ягода', мар. *мӧр* 'ягода' (обычно о землянике), ср. также эрзя-морд. *марь* в таких сложных словах, как *ла-марь* 'черемуха (ягода)', и манс. *мори* 'гроздь'.

Все эти соображения дают основание предполагать, что источником слова *шимбарейка* было *simmaŕ* или *šimmaŕ*. Слово принадлежало к мещерскому языку. Не исключена также возможность его принадлежности к мерянскому.

Элемент *шим* как будто бы свидетельствует в пользу того, что язык-источник был ближе к марийским языкам. Однако этот элемент мог встречаться и в мордовских языках, ср. эрзя-морд. *сём ве* 'глухая ночь' (перв. 'черная ночь').

Щелья 'каменистый берег или мыс'

Слово *щелья* распространено в крайних северных русских говорах Архангельской обл. и Коми АССР (бассейны рек Мезени и Печоры).

---

[30] А. Н. Баландин, М. П. Вахрушева. Указ. соч., стр. 106.

[31] «Русско-марийский словарь». М., 1966, стр. 168.

Слово, несмотря на свое кажущееся славянское обличие (связь со словом *щель*), представляет, по-видимому, заимствование из каких-то местных языков, ср. нен. *саля* 'мыс, полуостров'[32]. Не исключена также возможность участия мансийского слова *сули* 'глина'.

В дальнейшем, надо полагать, произошла контаминация с русским словом *щель*. Высокие берега и мысы, в особенности на Печоре, чаще всего составлены из красноватого, сильно потрескавшегося мергеля, что создавало впечатление чего-то покрытого щелями и трещинами.

---

[32] Н. М. Терещенко. Указ. соч., стр. 526.

Л. А. Гиндин

Ἀττική, Ἀττικός

Согласно многочисленным свидетельствам античных авторов, область, носившая в исторический период название Ἀττική, некогда называлась Ἀκτική, Ἀκταία и просто Ἀκτή. См., например: Strab. IX, 391: ... Ἀκτήν φασι λεχθῆναι τὸ παλαιὸν καὶ Ἀκτικὴν τὴν νῦν Ἀττικὴν παρονομασθεῖσαν...; Paus. I, 2, 6: ... ὀνομάζουσιν Ἀττικὴν τὴν χώραν, πρότερον καλουμένην Ἀκταίαν; Hes.: Ἀκταία· ἡ Ἀττικὴ πρώτως οὕτως ἐκαλεῖτο. καὶ ἡ ἐκ τοῦ Ἀκτίτου λίθου κατασκευασθεῖσα, τοῦ Πεντελικοῦ; St. B.: Ἀκτή. οὕτως ἡ Ἀττικὴ ἐκαλεῖτο...; Eust. ad Dionys. P. v. 423: Ἐκλήθη δὲ πάλαι ποτὲ καὶ Ἀκτὴ Ἀκτική; Et. M.: Ἀκτὴ: ἡ Ἀττική.

Сохранилось, помимо того, некоторое число имен собственных с основой *Ἀκτ(α)-, представляющих собой, подобно приведенным Ἀκτική и Ἀκταία, этникон-образования.

Ἀκτικός — 1. житель Аттики; 2. аттический (= Ἀττικός), ср. Et. M.: Ἀττικός: τὸ ἐθνικόν, ὁ Ἀθηναῖος, εἴρηται παρὰ τὸ Ἀκτή, Ἀκτικός, καὶ Ἀττικός.

Ἀκταῖος — 1. аттический; 2. житель Афин, ср. Et. M.: ... Ἀκταῖοι οἱ Ἀθηναῖοι, ἐκαλοῦντο; 3. древний царь Аттики; от его имени, согласно историко-мифологической традиции, древнее название этой области Ἀκτή, ср. St. B.: Ἀκτή... ἀπὸ Ἀκταίου τινός, ἀνὴρ δὲ ἦν αὐτόχθων, ὅς Φαβωρῖνος, ὅς ἐβασίλευσεν ἐκεῖ καὶ ἀφ' ἑαυτοῦ οὕτως τὴν χώραν ὠνόμασε καὶ τοὺς λαούς...; 3. брат Теламона; 4. эпитет Зевса; 5. сын скифского речного божества Истра, союзника троянцев.

Ἀκταία — одна из древних аттических фил Кекропса и вся Аттика (см. выше).

Ἀκταίων, ωνος — древний аттический герой-эпоним = Ἀκταῖος, ср. Strab. IX, 397: Ἀκτικὴν μὲν γὰρ ἀπὸ Ἀκταίωνός φασιν; то же в Et. M. 54, 14.

Ἀκταίη — женское ЛИ, в частности имя дочери Даная.

Ἀκταΐς, ίδος — жительница Аттики.

Ἀκτίτης = Ἀττικός, ср. St. B.: ... τὸ ἐθνικόν... Ἀκτίτης, ἐξ οὗ τὸ Ἀκτίτου πέτρα ἐν τῇ τραγῳδίᾳ ἀντὶ τοῦ Ἀττικοῦ... (ср. еще выше упомянутую глоссу Гесихия).

Все перечисленные этника, за исключением Ἀκταίων, можно найти у Стефана Византийского под Ἀκτή.

Интересно указать еще на Ἀκτεύς=Ἀκταῖος (W. Pape — G. Benseler. Wörterbuch der griechischen Eigennamen, I. Graz, 1959, стр. 49).

Поскольку в греческом имеется апеллатив ἀκτή, дор. ἀκτά, употребляемый в качестве географического термина с широким семантическим полем: 1. 'крутой морской берег, побережье', 2. 'речной берег', 3. 'мыс, коса, полуостров', 4. 'возвышенность, высота, могильный курган', — то прежде всего с ним были соотнесены интересующие нас имена собственные, ср. продолжение цитированного выше высказывания Страбона (IX, 391): [Аттика в древности называлась Актой и Актикой], ὅτι τοῖς ὄρεσιν ὑποπέπτωκε τὸ πλεῖστον μέρος αὐτῆς ἀλιτενὲς καὶ στενόν, μήκει δ' ἀξιολόγῳ κεχρήμενον, προπεπτωκὸς μέχρι τοῦ Σουνίου [1]. К тому же апеллатив ἀκτή и его производные ἀκταῖος, -α, -ον 'береговой, прибрежный, приморский', ἄκτιος, -ον то же, ἀκτίτης то же (или омонимичные им лексемы) достаточно широко представлены в греческой топонимии и антропонимии.

Ἀκτή — 1. восточный берег Пелопоннеса между Тризеной и Эпидавром; 2. полуостров в Стримонском заливе; 3. топоним в Аркадии, в Фессалии (Магнесия), где был культ Аполлона Ἄκτιος и Ἐπάκτιος, в Ионии, Сицилии.

Ἀκταῖος — относящийся к Ἀκτή в Ионии; Ἀκταῖος ὄρος — гора в Сицилии; ἀκταῖοι ἰχθύες·οἱ μὴ πελάγιοι, ἀλλ' αἰγιάλιοι (Hes.)

Ἄκτιον — мыс, город с храмом Аполлону (Акарнания), ср. ту же лексему для обозначения святилища Пана в Нижней Италии;

Ἄκτιος — эпитет Пана и Аполлона, греч. ЛИ; Ἄκτια, τά — древние юбилейные игры в честь Аполлона, проводившиеся в городе Ἄκτιον.

Ἀκτίτης — относящийся к Ἀκτή (обычно о строительном камне), ср. Ἀκτίτης λίθος· ἀπὸ ἐν Πελοποννήσῳ Ἀκτῆς (Hes.) (см. выше об Ἀκτίτης = Ἀττικός.

На первый взгляд представляется, что приведенных фактов достаточно для объяснения форм Ἀκτική, Ἀκτικός и т. п. в качестве производных от апеллатива ἀκτή, ἀκτά. Но общеизвестно, что в топонимической этимологии, как, впрочем, и в этимологии обычной лексики, наиболее очевидные решения весьма часто оказываются ложными, стимулированными народноэтимологическими сближениями. В данном случае настораживают, по крайней мере, три факта: 1) почему, если связь с ἀκτή столь на-

---

[1] Собственно, та же мысль высказана в наше время Вл. Георгиевым: «Ἀτθικός, Ἀττικός (*kt* > *tth*, *tt*) = ἀκτικός dérivé de ἀκτή 'côte escaprée'» (Vl. Georgiev. La toponymie ancienne de la péninsule Balkanique et la thèse méditerranéenne. Sofia, 1961, стр. 13).

глядна и ощутима, его дериваты 'Ακτική и 'Ακτικός в результате трансформации κτ > ττ перешли в 'Αττική и 'Αττικός?[2] 2) чем объяснить, что фонетическим изменениям подверглась лишь часть топонимов, не затронув прочие греческие имена собственные с тождественной по форме основой, соотносимой с упомянутым апеллативом? 3) среди апеллативных дериватов ἀκτή ни *ἀκτική, ни *ἀκτικός, вопреки Георгиеву (см. выше, прим. 1), обнаружить не удалось, соответственно они не встречаются и в ономастике, за исключением подлежащих исследованию, хотя само 'Ακτή и его производные, образованные аналогично апеллативным дериватам от ἀκτή, в чем мы уже убедились, достаточно широко распространены.

Вместе с тем представляется, что приводимые ниже факты дают возможность отделить ономастическую основу 'Ακτ(α) в 'Ακτική, 'Ακτικός, 'Ακταία и т. п. от греч. 'Α/ἀκτή и включить ее в число основ (лексем), принадлежащих догреческо-анатолийскому субстратному слою[3]. Так, в малоазийской ономастике, главным образом карийской, представлена антропонимика с основой, тождественной южнобалканской основе *'Ακτ(α)-: исавр., писид. Ακτης, кар. Ακτ[α]δημος, 'Ακταυασσις, Ακταυσσωλλος[4]. Особенно существенным свидетельством в пользу анатолийского происхождения 'Ακτ-ική = 'Αττ-ική, 'Ακτ-ικός = 'Αττ-ικός и т. д. оказывается тот факт, что в раннеанатолийском (хеттском) в отдельных случаях наблюдается ассимиляция *kt*>*tt*, ср., например, ^{GIS} *luttāi*- 'окно', видимо, к *luk(k)*- '(рас)светать'. Более того, в греческом ареале сохранился догреческо-анатолийский топоним, соотносимый с данными хеттскими словами и претерпевший аналогичную фонетическую эволюцию, а именно крит. Λύττος из более раннего Λύκτος, ср. хетт. *Lukkataš* (местечко в стране Lukkā)[5]. Здесь уместно напомнить также, что область Аттики является одним из самых плотных районов догреческо-анатолийской топо-

---

[2] Диссимиляцией согласных с переходом первого κ в τ пытался объяснить возникновение указанных форм, как производных от 'Ακτή, П. Кречмер (P. Kretschmer. Zur Geschichte der griechischen Dialekte. — «Glotta» I, 1909, стр. 41). Строго говоря, то же самое в цитированном месте предполагает и Георгиев (см. выше). Позже Кречмер отказался от этой мысли, предпочтя значительно менее убедительное толкование: 'Αττική, 'Αττικός = м.-аз. название города 'Ατταναoσός ('Αθανασσός) — греч. ἄττανον = τήγανον 'сковорода, горшок' — Hes. (см. P. Kretschmer. Pelasger und Etrusker. — «Glotta» XI, 1921, стр. 282 сл.; ср.: E. Schwyzer. Griechische Grammatik I. München, 1939, стр. 316).

[3] О догреческом субстратном слое анатолийского происхождения с необходимой литературой см.: Л. А. Гиндин. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. М., 1967.

[4] J. Sundwall. — «Klio», 11. Beiheft, 1913, стр. 241.

[5] Специально об этимологии критского топонима см.: Л. А. Гиндин. Указ. соч., стр. 106 сл. Другие примеры ассимиляции *kt* > *tt* в хеттском см.: H. Kronasser. Etymologie der hethitischen Sprache, I. Wiesbaden, 1962, стр. 102.

нимии в южнобалканском ареале (см. карты в указанной монографии автора).

Структурно-семантический анализ двух из приведенных м.-аз. личных имен позволяет углубить этимологическую интерпретацию догреч.-анат. основы *Ακτα-.

Ακταυσσολλος входит в группу м.-аз. сложных теофорных личных имен, ср. кар. Μαυσ(σ)ωλ(λ)ος, Πονυσσωλλ/δος, Καρυσωλδος и пр., содержащих во втором компоненте элемент -υσσ- (ωλ/δ-ος); в чистом виде эта основа представлена в кар. личных именах Υσσωλλ/δος, Υσσελδωμος. Элемент -υσσ-, далее, довольно прозрачно соотносится с позднегреч. ὑσσός 'копье, дротик', судя по позднехеттским лексико-ономастическим данным, заимствованным из Малой Азии [6]. Опираясь на указанное сопоставление, Вл. Георгиев предложил истолковать Υσσωλλ/δος как 'копьеносец (Speerkämpfer)', а Μαυσ(σ)ωλ(λ)ος как 'копьеносец богини Μᾶ'. Прочие личные имена с идентичным вторым компонентом можно объяснить аналогичным образом. Суффикс -ωλ/δ-ος < *āl(j)o-* рассматривается Георгиевым в качестве морфемы, образующей имена деятеля [7]. Ввиду того, что в хетто-лувийских языках в начале и середине ряда имен собственных и апеллативов наблюдается чередование *wa* : *u* [8], изложенная гипотеза находит дополнительные аргументы в ликийском, где В. В. Шеворошкину удалось выявить лексему *waz(z)is* 'войско' (от *wazi-* 'копье', resp. 'воин?' = ὑσσός), ср. лик. ЛИ *Wazija* и *Wazala*; последнее, будучи по происхождению именем деятеля, может быть объяснено как 'воин-копьеносец' и совмещено формально и семантически с уже рассмотренным Υσσωλλ/δος, -υσσωλλ/δος [9]. С данным ликийским словом полностью совпадает и вторая часть приведенного выше Ακτα-υασις, которому в связи с этим правомочно приписать значение 'копье', resp. 'воин бога (героя) *Ακτα'; соответственно толкуются структурно эквивалентные кар. ЛИ Παν-υασ(σ)ις, Αρ-υασις, лик. Ερι-υασις.

В случае правильности предложенной идентификации южнобалканской основы *'Ακτ(α)- с омонимичной малоазийской теофорной основой возникают весьма реальные предпосылки для семантической интерпретации (до)греческой ономастики, включающей указанную основу. Прежде всего обратимся к (до)греч. 'Ακτική > 'Αττική, 'Ακτικός > 'Αττικός. Суффикс -ικός, -η, -ον, легко в них вычленяемый, обозначает принадлежность и очень про-

---

[6] Ср.: J. B. H o f m a n n. Etymologisches Wörterbuch des Griechischen. München, 1961, стр. 387.

[7] Vl. G e o r g i e v. Der indoeuropäische Charakter der karischen Sprache. — AO 28, 1960, стр. 609, 617 сл.

[8] Подробно об этом чередовании см.: Л. А. Г и н д и н. Указ. соч., стр. 117 сл.; там же иная и, видимо, менее убедительная интерпретация рассматриваемых здесь м.-аз. имен собственных.

[9] Ср.: В. В. Ш е в о р о ш к и н. — ВДИ 1969, № 4, стр. 150.

дуктивен в собственных именах, образуя массу этника, например: Τρωική 'земля Трои, Троада, троянская земля' : Τρωικός 'троянец, троянский и т. п.' [10]; на основании этого с известной долей правдоподобия позволительно истолковать 'Ακτική — 'земля бога (героя) *Ακτα' : 'Ακτικός 'житель *Актики', '*актический', ср. в исторический период 'Αττικός 'житель Аттики', 'аттический'. Исходя из той же теофорной основы, можно предложить несколько иное толкование: 'Ακτικοί — 'имеющие отношение к богу (герою) *Ακτα', resp. 'поклоняющиеся богу (герою) *Ακτα', подобно тому как Ἰά(F)ονες 'ионийцы' (< анат. *Ii̯a-umna; -umna — анатолийский хеттский этникон-суффикс ~ греч. -ικος, -η, -ον) первоначально значило, видимо, 'происходящие от богини *Ii̯a' resp. 'поклоняющиеся богине *Ii̯a'; 'Ακτική — 'земля *актийцев', как Τρωική — 'земля троянцев'. К употреблению суффикса -ικ-α при адаптации туземного малоазийского материала см. килик. топоним Νηνικα (или Νινικα), вероятно, к лув. *nani(ja)-* 'брат', хетт. *nana/i-*, лик. *nẽni* [11]. 'Ακταῖος также представляет собой этникон-образование, построенное по продуктивной модели, см. Θηβαῖος 'житель Фив', Πυργαῖος 'житель города Πύργοι/ος', Λύκαιος — эпитет Аполлона (ср. Ακταῖος в качестве эпитета Зевса) и пр. В частности, Швицер специально отмечает, что -αιος встречается в адаптированных негреческих именах, см. 'Αριαῖος, Ζεβεδαῖος и т. д.[12] 'Ακταῖος в качестве личного имени (из указанного этникона) сохранилось, возможно, в линейном В *a-ka-ta-jo* (Кн. Пил.) [13] — факт немаловажный, так как в данном случае древнейшая письменная фиксация отразила звено фонетической эволюции, подтверждающее сообщения античных историков, основанные на устной традиции. Между прочим, первоначальная форма с κτ в догреч.-анат. Λύκτος > Λύττος также нашла отражение в линейном В *ru-ki-to* (Кн.) [14].

Что же касается формы с сочетанием τθ — Ατθίς, -ίδος' = 'Αττικη', ' =Ἀθῆναι (Hes.)', женское ЛИ, то это результат контаминации 'Αττική и 'Ἀθῆναι, ср. эпидаврскую форму 'Αθικαί вместо 'Αττικαί (δραχμαί) и 'Ατθικῷ вместо 'Αττικῷ [15].

'Ακτή в качестве синонима 'Ακτική, как уже упоминалось выше, вероятно, вторичное сближение с чисто греческим апеллативом и топонимом 'Α/ἀκτή, после чего, видимо, появился и рассмотренный выше этникон 'Ακταῖος и т. д.

---

[10] См.: E. Schwyzer. Griechische Grammatik, I. München, 1939, стр. 497.

[11] E. Laroche. Dictionnaire de la langue louvite. Paris, 1959, стр. 73.

[12] E. Schwyzer. Указ. соч., стр. 467 сл.

[13] O. Landau. Mykenisch-griechische Personennamen. Göteborg, 1958, стр. 17.

[14] Там же, стр. 217 сл.

[15] P. Kretschmer. Zur Geschichte der griechischen Dialekte. — «Glotta» I, 1909, стр. 41, прим. 1.

М. П. Дадашев

К ЭТИМОЛОГИИ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ СЛОВ *gel (ə)-do-/to-, *mazdo-

Существующая в словарях этимология и.-е. *gel(ə)-do-/-to-, *mazdo-[1] нуждается, на мой взгляд, в уточнении или добавлении. Представляется возможным дополнить эти этимологии за счет материала иранских языков.

И.-е. производная основа *gel(ə)-do-/-to- 'холод, мороз', 'холодный' образована путем сочетания и.-е. корня *gel(ə)- 'мерзнуть; замерзать', 'холодный' с и.-е. дентальным суффиксом -do-/-to-. На почве отдельных индоевропейских языков засвидетельствованы слова, восходящие как к *gel(ə)-, так и к *gel(ə)-do-/-to-. Согласно имеющимся этимологическим толкованиям, к и.-е. *gel(ə)-do-/-to- возводятся др.-исл. *kala-* 'мерзнуть; замерзать', др.-англ. *calan*, 'остужать; остывать, охладеть', др.-исл. *kaldr* 'холодный' (< герм. *kaldaz), *kuldi* 'холод' в нулевой ступени чередования (< герм. *kulđi- < kulþi- < и.-е. *gl̥-to-), гот. *kalds*, др.-англ. *ceald*, др.-фриз., др.-сакс. *kald*, др.-в.-нем. *kalt* 'холодный' (< герм. *kalda-); общегерманская производная основа *kalda- — это адъективированное причастие со значением 'холодный', развившимся из первоначального значения 'замерзший' || лат. *gelū*, *gelus*, *gelum* 'холод, мороз, стужа', *gelidus* 'холодный' || лит. *gélmenis*, *gelumà* 'сильный холод', лтш. *gāla* 'гололедица', *gàle* 'тонкая корка льда' || ср.-болг. golotь 'лед', русск. *голоть* 'гололедица' || греч. γελανδρός 'холодный'. Другие ближайшие этимологические соответствия, которые были бы отражениями и.-е. *gel(ə)-do-/-to-, в этимологической науке еще неизвестны.

На иранской почве мы считаем возможным относить к и.-е. основе *gel(ə)-do-/-to- (с палатализованным гуттуральным *ĝ*) н.-перс. *žalǽ*, *žāla* 'лед', 'град', 'иней', татск. *ǰælíd*, *ǰilíd* 'лед', 'ледяной', 'морозный', *ǰilidí* 'мерзлота', 'холодище'. Для персидско-татских слов можно дать западноиранскую форму *ǰalida- (из праиран. *ǰalida- < и.-е. *ĝel(ə)-do-); др.-иран. *ǰ* (из и.-е. *ĝ*) закономерно переходит в перс. *ž*, *ǰ*[2], татск. *ǰ*, ср., например:

[1] Pokorny, стр. 365—366; Klüge—Mitzka, стр. 342, 465; de Vries, стр. 297—298 и другие словари.

[2] H. Hübschmann. Persische Studien. Strassburg, 1895, стр. 228—229.

совр. перс. *ǰævidǽn*, тадж. *ǰovidan*, татск. *ǰavistǽ(n)*, *ǰavustæ(n)* 'жевать'; зап.-иран. **jav-* из праиран. **jau̯-* (< и.-е. **ĝ(i)eu̯-* 'жевать': ст.-слав. *žьvati*, русск. *ževatь* 'жевать', лит. *žiáuna* ед. ч. 'челюсть', лтш. *žaũnas* мн. ч. 'челюсти'; др.-англ. *cēowan*, др.-в.-нем. *kiuwan*, н.-в.-нем. *kauen* 'жевать' и т. д.)[3].

В отношении фонемы *l*[4] в др.-иран. **ǰal(i)da-* можно полагать, что она сохраняется или возрождается, в нарушение общеиранского ротацизма в ряде слов нескольких западноиранских языков, в словах, имеющих индоевропейское происхождение, ср., например, и.-е. **leiĝh-*/**loiĝh-*/**lĭĝh-* 'лизать' в др.-инд. *lēhmi*, арм. *lizem*, греч. λείχω, лат. *lingō*, др.-ирл. *lígim*, лит. *liežiù*, ст.-слав. *ližǫ* 'я лижу', гот. *bi-laigōn* 'облизывать', ср.-перс. *l(i)štan*, *l(i)stan*, н.-перс. *lištan* 'лизать'[5], совр. перс. *lisidæn*, тадж. *læsidan*, татск. *lisirǽn*, талыш. *lištæ*, курд. *alástin* 'лизать'; ср. еще: и.-е. **lab-i̯o-* в лат. *labium* 'губа', др.-англ. *lapian* 'пить, хлебать', др.-в.-нем. *laffan*(*luof*) 'лизать' и т. д.[6], зап.-иран.: совр. перс. *læb*, тадж. *lab*, татск. *lov* 'губа' и вост.-иран.: пам. зебаки *lab* 'губа', пам. ишкашим. *labú* 'губастый' (о человеке), пам. шугн. *lův*, *lůvd* 'говорить, петь', 'называть' (все это из праиран. **lab-*) и т. д.

Из сказанного следует, что ни звучание, ни значение зап.-иран. **ǰal(i)da-* (в перс. *žalæ*, *žāla* и татск. *ǰælíd*, *ǰilíd*, *ǰilidí*) не препятствуют его сближению с и.-е. **ĝel(ə)-do-*. Если это убеждает, то следует признать, что и.-е. база **ĝel(ə)-do-*/*-to-* обнаруживает близкие этимологические соответствия в лексике германских, италийских, балтийских, славянских, греческого и западноиранских (персидско-татского) языков и является, следовательно, общеиндоевропейским обозначением понятий 'мерзнуть; замерзать', 'мороз, холод, стужа', 'лед, град, иней', 'холодный, ледяной'.

И.-е. праформа **mazdo-* с основой на тематический гласный присутствует, как это установлено, только в лексике германских, кельтских и древнеиндийского языков[7]: ср., например, др.-англ. *mæst* (н.-англ. *mast*), др.-в.-нем., ср.-в.-нем. *mast* ж. р. 'откармливание скота' (< зап.-герм. **masta-* из и.-е. **mazdo-*), др.-англ. *mæstan* слаб. гл. 'откармливать скот' (< зап.-герм. **mastan*), с палатальной перегласовкой в корне: др.-в.-нем., ср.-в.-нем. *męsten* 'откармливать скот' (<зап.-герм. **mastjan* из и.-е- **mazd-i̯o-*), др.-англ.

---

[3] Pokorny, стр. 400; Kluge—Mitzka, стр. 358—359.

[4] Ареальное появление фонемы *l* в лексике северо-восточноиранского (скифо-осетинского) языка показывает в своей монографии: В. И. Абаев. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965, стр. 7, 11, 16—20, 22, 24, 28, 37—41, 80—81.

[5] Pokorny, стр. 668; Kluge—Mitzka, стр. 429.

[6] Pokorny, стр. 651; Kluge—Mitzka, стр. 444.

[7] Kluge—Mitzka, стр. 465; W. W. Skeat. A Concise Etymological Dictionary of the English Language. New York, 1963, стр. 317.

gemæst, др.-в.-нем. *mast*, ср.-в.-нем. *gemast*, *gemẹstet* адъект. прич. 'откормленный', 'жирный', н.-в.-нем. диал. *masr* 'жирный' || др.-ирл. *māt* 'поросенок' (из и.-е. **mazdo-*) || др.-инд. *mēdas-* ср. р. 'жир' (из и.-е. **mazdo-*), *mēdana-* ср. р. 'откармливание скота' (< и.-е. **mazdo-no-*), *mēdyati* 'станóвится жирным', *mēdya-* 'жирный' (< и.-е. **mazd-i̯o-*).

С корнесловами рассмотренных индоевропейских языков, для которых существует праформа **mazdo-*, смыкаются, по-видимому, такие тождественные им по звучанию и значению слова из лексики западноиранских языков, как перс., тадж. *mast* 'кислое молоко' (ср. тадж. *mastoba* 'суп с рисом, заправленный кислым молоком'), татск. *mast* 'кислое молоко', курд. *mast* 'кислое молоко, простокваша', *mastav* 'напиток из простокваши, разбавленной водой'. Для корнеслова западноиранских языков можно реконструировать форму **masta-* (< праиран. **mazda-*): зап.-иран. звукосочетание *st* закономерно возникает из праиран. *zd*. А др.-иран. *zd* развивается в одних случаях из и.-е *s* в сочетании с дентальным *d*, *dh*, *t*, а в других случаях — из сочетания двух дентальных[8], ср., например: др.-перс. *basta* прош. прич. 'связанный', перс. *bæstæ*, тадж. *vobasta*, татск. *bæstæ*, *dæbæstæ*, 'связанный' (предполагают, что зап.-иран. **basta-* < праиран. **bazda-* < < арийск. **badzdha-* из и.-е. **bhn̥dh-to-* прош. прич. 'связанный', где **bhn̥dh* — это и.-е. глагольный корень в нулевой ступени огласовки со значением 'связывать' плюс дентальный суффикс причастия прошедшего времени *-to-*).

Что касается семантической стороны зап.-иран. **masta-* (< праиран. **mazda-* < и.-е. **mazdo-*), то для него нами устанавливается значение 'кислое молоко', но первоначально, по-видимому, 'жирное молоко' (ср. арийск.: др.-инд. *mēdas* 'жир', *mēdya-* 'жирный' и т. д.).

Если такое толкование зап.-иран. **masta-* (< праиран. **mazda-* < < и.-е. **mazdo-*) верно, то мы вправе считать обозначение скотоводческих понятий 'поросенок', 'откармливать скот', 'молоко', 'жир', 'жирный' тематической основой **mazdo-* — лексическим новообразованием германских, кельтского и индо-иранских языков.

---

[8] H. Hübschmann. Указ. соч., стр. 202, 219, 220, 223; R. G. Kent. Old Persian: Grammar, Texts, Lexicon. New Haven, 1950, стр. 33; Uhlenbeck, стр. 185.

Г. А. Климов

КАВКАЗСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ (1—8)

1. Груз. *(m)xdal-* 'трусливый'; 2. Груз. *bur(w)aḳ-* 'поросенок'; 3. Картв. **c̣$_1$abl̥-* 'черешня' ~ нах.-даг. **c̣$_\gamma$ubul-* 'виноград'; 4. Картв. **pir(s$_1$)ṭw-* 'легкое' ~ нах.-даг. **pirṭ-* 'легкое'; 5. Нах.-даг. **marlʼ-* 'серп'; 6. Нах.-даг. **ral̰w-* (*δal̰w-*) 'локоть' ~ картв. **daq̣w-* то же ~ абхаз.-адыг. **ṯaγʷ-* то же; 7. Даг. *warani* 'верблюд'; 8. Абхаз.-адыг. **ccəγʷa-* 'куница, мышь' ~ картв. **ciq̣w-* 'белка' ~ нах.-даг. **ciṭṭ'ʼu-* 'куница' [1].

1. Груз. *(m)xdal-* 'трусливый'

Согласно предположению И. А. Джавахишвили, груз. *(m)xdal-* 'трусливый, робкий', как известно, продолжающее др.-груз. *qdal-* 'самка (лошади, осла), кобыла', по своему происхождению является причастием действительного залога, соотносившимся с масдаром *gamo-qd-a* 'выводить (о птенцах)' и, следовательно, исторически имевшим семантику 'выводящая' [2]. Однако такое решение затруднено двумя обстоятельствами. Во-первых, при этом приходится допускать, что в дописьменный период значение соответствующего масдара должно было быть более широким по сравнению с засвидетельствованным исторически. Во-вторых, форма рассматриваемого имени с начальным *m-*, характеризующим в картвельских языках причастия действительного и среднего залогов, характерна не для древнегрузинского, а уже для новогрузинского

[1] Приступая к публикации серии статей «Кавказские этимологии», предполагающей, в частности, межгрупповые лексические сопоставления в области кавказских языков, необходимо сделать существенное пояснение. Дело в том, что ввиду недоказанности тезиса о генетическом родстве между отдельными группами кавказских языков случаи межгрупповых словарных сопоставлений (не предполагающих заимствование) следует понимать исключительно в плане этимологических возможностей. Думается, что именно накопление таких сопоставлений способно предоставить в распоряжение исследователя тот материал, который может выявить системные соотношения, необходимые для признания сравниваемых языков родственными.

[2] И. А. Джавахишвили. Первоначальный строй и родство грузинского и кавказских языков. — «Введение в историю грузинского народа», т. II. Тбилиси, 1937, стр. 233—234 (на груз. яз.).

состояния: ср., например, *mxrdaloba-* 'трусость' в языке Шота Руставели, а также *mqrdal-* 'кобыла лошади, осла' в «Толковом словаре грузинского языка» Сулхана-Саба Орбелиани[3]. Поэтому более вероятным представляется заимствование этого, неизвестного в остальных картвельских языках, слова из древненахского **qadal* 'самка, кобыла' (бацб. *qadal-*, чечен. *qal-*, ингуш. *qela-*[4]), закономерно восходящему в свою очередь к нахско-дагестанскому **l̄'l̄'adal-* 'самка, женщина': ср. авар. *l̄'l̄'adi*, даргин. *x̣unul*, арчин. *l̄'l̄'onol*, рутул. *xədəl* 'женщина'[5], крыз. *qidil* 'самка'. Связь грузинского и бацбийского слов отмечалась, в частности, еще А. Н. Генко, предполагавшим, однако, для последнего грузинский источник[6]. Обращает на себя внимание отмеченный еще И. А. Джавахишвили факт, что в пшавском, мтиульском и гудамакарском диалектах грузинского языка, географически примыкающих к нахской языковой территории, эта основа по сей день имеет значение 'самка (лошади, осла)'. Если предполагаемое здесь объяснение верно, оно может послужить одним из свидетельств хронологически весьма ранних контактов грузинского языка с нахскими.

2. Груз. *bur(w)aḳ-* 'поросенок'

Аналогичное происхождение можно, по-видимому, допустить и для одиноко стоящего груз. *bur(w)aḳ-* 'подросший поросенок'. Это слово не засвидетельствовано ни в древнегрузинском, ни в других картвельских языках (ср. мегрел. *čiʒu-*, *čəxə-*, чан. *tila-*, сван. *gweč̣-*). Не видно и его словообразовательных связей с исконно картвельским материалом. Поэтому трудно разделить точку зрения о протокартвельской древности груз. *bur(w)aḳ-*, которое было отнесено к группе грузинских имен, предположительно сохранивших в окаменелом виде исторический классный показатель *b-*[7].

---

[3] Сулхан-Саба Орбелиани. Сочинения, т. IV_2. Тбилиси, 1965, стр. 396, 441 (на груз. яз.).

[4] Относительно древности бацбийских интервокальных звонких см.: A. Sommerfelt. Études comparatives sur le Caucasique du Nord Est. — NTS XIV, 1947, стр. 141—142, 144.

[5] К сопоставлению дагестанских основ см.: G. Deeters. [Рец. на кн.:] J. van Ginneken. Contribution à la grammaire comparée des langues du Caucase. — IF LX, 1, 1949, стр. 100; также: Е. А. Бокарев. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961, стр. 67. К. Боуда, принимая во внимание бурушаски *γendiṣ̌* 'царица' (??), реконструирует общедагестанскую праформу в виде **xe(n)d-* (K. Bouda. Buruschaski Etymologien, I. — «Orbis» XIII, 2, 1964, стр. 606).

[6] А. Н. Генко. Из области чеченской диалектологии. — «Языки Северного Кавказа и Дагестана» 1. М.—Л., 1935, стр. 126.

[7] См.: И. А. Джавахишвили. Указ. соч., стр. 187, 197. Критическое рассмотрение постулированной здесь категории имен см.: G. Deeters. Gab es Nominalklassen in allen kaukasischen Sprachen? — «Corolla Linguistica». Wiesbaden, 1955, стр. 31.

Если оставить в стороне отдельные суффиксально оформленные разновидности географически удаленного славянского названия кастрированного самца свиньи *borw-[8], то наиболее близкая ему параллель встречается в бацб. *buruḳ-* 'поросенок' (род. пад. *burḳ-e*^{n}, мн. ч. *burḳ-i*), которое и могло явиться его непосредственным источником. Вместе с тем бацбийское слово каким-то образом (возможно, на правах культурного заимствования) связано с нах.-даг. **burṭṭ'* 'поросенок', содержащим в исходе основы так называемый «четвертый» (смычногортанный геминированный) латеральный согласный: ср. авар. *buruṭ* 'козленок', эргат. пад. *burṭ-ica*, гунз. *buṭṭ''u* 'свинья', лакск. *burḳ* 'поросенок', арчин. *boq*, удин. *boq*, лезгин., крыз. *wak* 'свинья'[9]. В основе семантической вариации слова по нахско-дагестанским языкам может лежать допустимое для него более древнее значение 'пестрый' (как это имеет место и в случае и.-е. **porko-* 'поросенок'). Некоторые основания для этого дает сопоставление К. Боуды приведенной группы слов с ингуш. *bərh* 'пестрый, пегий' и даргин. *birh* 'рыжий'[10]. Вопрос об отношении кавказских фактов к и.-е. **porko-*[11] остается открытым.

3. Картв. *c̣$_{1}$abl̥- 'черешня' ~ нах.-даг. *c̣$_{\gamma}$ubul- 'виноград'

В сравнительно-исторической картвелистике предложено сведение груз. *c̣abl-*, мегрел. *č̣ubur-*, чан. *č̣ub(u)r-*, *č̣ubuj-* и сван. *heb-*, *jeb-* 'черешня' к общекартвельскому архетипу *c̣$_{1}$abl̥- со значением 'каштан'[12]. Если, однако, допустить большую древность семантики приведенного сванского эквивалента, то станет возможным гипотетическое сближение этой общекартвельской основы с нахско-дагестанским *c̣$_{\gamma}$ubul- 'виноград (черный)', реконструирующимся на основании авар. c̣$_{\gamma}$ibil (эргат. пад. c̣$_{\gamma}$olbo-ca), табас. *ṭumuṭ*, рутул., цахур. *ṭəməl*, удин. *ṭul* 'виноград' (если реконструкция вокализма нахско-дагестанской праформы несколько условна, то закономерность фонетического соответствия авар. c̣$_{\gamma}$w ~ ṭ(w) лезгинских языков установлена Е. А. Бокаревым[13].

[8] См.: О. Н. Трубачев. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960, стр. 64.

[9] Ср.: С. М. Хайдаков. Очерки по лексике лакского языка. М., 1961, стр. 30.

[10] Ср.: E. Benveniste. Noms d'animaux en indo-européen. — BSL XLV, 1, 1949, стр. 90.

[11] K. Bouda. Baskisch-kaukasische Etymologien. Heidelberg, 1949, стр. 25.

[12] См.: Н. Я. Марр. Яфетические названия деревьев и растений (pluralia tantum) II. — ИАН, 1915, стр. 825; Г. А. Климов. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964, стр. 247.

[13] Е. А. Бокарев. Смычногортанные аффрикаты прадагестанского языка (опыт реконструкции). — ВЯ 1958, 4, стр. 7—8.

Сюда, однако, не относятся рутул., цахур. и удин. *çubul-* 'каштан', являющиеся простыми заимствованиями из грузинского. Не имеет отношения к нахско-дагестанскому материалу и арм. (карабахск. диал.) *č̣γopur* 'грецкий орех', справедливо рассматривающееся в качестве картвелизма[14]. В заключение остается отметить, что А. С. Чикобава, рассматривающий только авар. *c̣ᵧi-bil-*, видит в нем неясный начальный элемент *c̣ᵧi-* и компонент *bil* с предположительным значением 'цветок', соответствие которому он ищет в груз. *babilo*, *dobilo* 'виноградная лоза, пущенная на дерево'[15].

4. Картв. **pir(s₁)ṭw-* 'легкое' ~ нах.-даг. **pirṭ-* то же

Соответствие груз. *pilṭw-* (др.-груз. *pirṭw-*) 'легкое' ~ мегрел. *pirṭw-*, *pižw-*, чан. *purpu* (?; сходными звукотипами легкие предметы обозначаются во многих других языковых группах) ~ сван. *peršdwa-*, *perešṭwa-* приводит к реконструкции общекартвельской основы **pir(s₁)ṭw-* того же значения[16]. Элементарными словообразовательными отношениями с этой основой связано и картв. **pṛṭw-in-* 'фыркать'. С другой стороны, встречающиеся в различных нахско-дагестанских языках сходные основы (ср. гунз. *pərṭi* 'легкие', арчин. *pärṭi* 'селезенка', лезг. *firṭ awun* 'фыркать, шмыгать носом') в случае своей исконности могут предполагать близкую и по своей семантике исходную основу *pirṭ-* (для семантической вариации ср. адыг. *жъэжъый* 'почки, легкие, селезенка'). Впрочем, эта новая картвельско-дагестанская параллель, подобно целому ряду других, несет на себе некоторый отпечаток дескриптивности входящих в нее образований. Мы уже не говорим о возможности сопоставления картвельской праформы с и.-е. **pleutịo-* 'легкие' (Pokorny 837—838).

5. Нах.-даг. **marl'-* 'серп'

В нахско-дагестанских языках широко распространено заимствованное слово для обозначения серпа: ср. чечен., ингуш. *mangal*, бацб. *namgal* (ср. др.-груз. *mangali*, совр. груз. *namgali*), лезг. *mangal*, *mukkal*, агульск. *mukkal* 'серп', удин. *mangal* 'коса', (из др.-арм. *mangał*). Вместе с тем на основании свидетельств

---

[14] Ср., например: Гр. Капанцян. О взаимоотношении армянского и лазско-мегрельского языков. Ереван, 1952, стр. 37.

[15] А. С. Чикобава. Об одной древней общей основе в термине виноградарства в иберийско-кавказских языках. — ИКЯ VI. Тбилиси, 1954, стр. 41—50.

[16] Ср.: А. С. Чикобава. Чанско-мегрельско-грузинский сравнительный словарь. Тбилиси, 1938, стр. 67 (на груз. яз.); Г. А. Климов. Указ. соч., стр. 189, 190—191.

большого числа языков легко реконструируется и исконное слово для обозначения мелкой разновидности серпа местного происхождения — **marl'*-: ср. чечен., ингуш. *mars*, авар. *nil'*, цез., гинух. *nešu* (*nešur*)[17], гунз. *mišu*, лакск. *mirx*, даргин. *mirš*, удин. *mex*. Обращает на себя внимание факт соотнесенности этой основы в ряде нахско-дагестанских языков с глагольной основой 'жать': авар. *l'il'-ize* (< *ril'-ize*, ср. также авар. *l'il'ari* 'жатва'), лакск. *tte-x-in*, даргин. *irš-is* (ср. также даргин. *arši* 'жатва'), удин. *ex-besun* (ср. также удин. *ex* 'жатва')[18]. Это обстоятельство дает основания предположить в составе нах.-даг. **mirl'*- исторический словообразовательный префикс **m(V)*-, производивший отглагольные имена. Сколько-нибудь уверенная постуляция этого префикса потребует, однако, доказательства на значительно более широком материале (в этой связи заслуживает внимания мысль К. Ш. Микаилова о возможности существования прадагестанского словообразовательного префикса *ma*- или *na*-, высказанная последним на основании рассмотрения таких форм, как авар. *maqo* 'сон' ~ *qiž-ize* 'спать', авар. *maγo* 'слеза' ~ *γod-ize* 'плакать' и т. п.[19]). Обнаружение такого префикса было бы интересным с точки зрения гипотезы внутреннего родства кавказских языков, поскольку тем самым была бы выявлена еще одна структурно-материальная изоглосса общекавказского распространения: ср. один из наиболее продуктивных общекартвельских словообразовательных префиксов **m(V)*-, а также реконструированный Н. Ф. Яковлевым в адыгских языках и Н. Я. Марром в абхазском префикс *m(a)*-, производившие, в частности, отглагольные имена[20].

6. Нах.-даг. **ralw-* (*ƌalw-*) ~ картв. **daqw-* ~ абхаз.-адыг. **t̲aγʷ-* 'локоть'

Кавказоведы уже давно обратили внимание на нахско-дагестанскую основу **rutt'*- или *ƌutt'*- 'ярмо, иго', имеющую многочисленные параллели в окружающих языковых группах (ср. картв. *uγel*-, сем. *gull*-, и.-е. *iug-om* то же) и обязанную, по-видимому,

---

[17] См.: Д. С. Имнайшвили. Дидойский язык в сравнении с гинухским и хваршийским языками. Тбилиси, 1963, стр. 34.

[18] Ср.: А. А. Магометов. О строе глагола в табасаранском языке. — «Вопросы изучения иберийско-кавказских языков». М., 1960, стр. 238. — Автор полагает, что начальный согласный в даргин. *mirš* 'серп' восходит исторически к префиксу грамматического класса *b*-.

[19] К. Ш. Микаилов. К вопросу о составе основы имени существительного в аварском языке. — «Уч. зап. ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР», т. XII. Махачкала, 1964, стр. 42—43.

[20] Н. Ф. Яковлев. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.—Л., 1948, стр. 273; ср. также: Н. Я. Марр. К вопросу о положении абхазского языка среди яфетических. — МЯЯ V. СПб., 1912, стр. 31.

своим происхождением древнейшим лингвистическим контактам[21]. В аварском языке наряду с закономерным продолжением последней *rutt'*- засвидетельствована и омофонная ей основа *rutt'*- 'локоть'[22], предполагающая, как показывает сравнение с ближайше родственными языками, иной прототип: ср. цез. *rut'*- 'локоть (мера длины)' при *ret'u*- 'ярмо', чечен.-ингуш. *dūol*-: *dal*- 'локоть' при *duq*- 'ярмо' (для регулярности соответствия нахского анлаутного *d* аварско-андийско-цезскому *r* ср. также: чечен.-ингуш. *dūog*- 'сердце' ~ авар. *rakw*- то же, чечен.-ингуш. *dūoš*- 'слово' ~ авар. *rošo*- то же, чечен.-ингуш. *dilx*- 'мясо' ~ андийск. *rit'*- то же). Таким прототипом должен был быть **ralw*- или **δalw*- с недостаточно ясным качеством начального согласного и где *l* являлся так называемым «седьмым» латеральным (звонким спирантом). Сугубо гипотетически он может быть сопоставлен с картв. **dagw*- и абхаз.-адыг. **taγʷ*- 'локоть'[23]. Вопреки ранее высказанному нами предположению авар. *nat*, лакск. *nak* и даргин. *dak* 'локоть (мера длины)', сюда, по-видимому, не относятся[24].

7. Даг. *warani*- 'верблюд'

Для обозначения такой неизвестной древним горцам реалии, как верблюд, в кавказских языках используются заимствования, идущие из различных источников (ср., например, груз. *aklem*-, каб. *maxŝa*-, хинал. *dewä*-). Самое распространенное и, судя по всему, достаточно древнее название верблюда в дагестанских языках может быть сведено к общему знаменателю **warani*-: ср. авар., гунз. лакск. *warani*, андийск. *gwarani*, даргин. *walri*, лезгин. *lawar*. Так как это слово к тому же не этимологизируется на собственно дагестанской почве, естественно обращение к внешней языковой среде. В этом отношении наиболее перспективными представляются поиски индоиранского (точнее — восточноиранского) источника слова. На эту мысль наводит и сопоставление указанных форм с санскр. *waraṇa* 'верблюд' (от основы *war*- 'везти, нести'), предпринятое еще А. Пиктэ[25].

---

[21] См.: G. Dumézil. Introduction à la grammaire comparée des langues caucasiques du Nord. Paris, 1933, стр. 15; А. С. Чикобава. Древнейшая структура именных основ в картвельских языках. Тбилиси, 1942, стр. 31 (на груз. яз.); В. М. Иллич-Свитыч. Caucasica. — «Этимология. 1964». М., 1965, стр. 334—335.

[22] Едва ли имеет сюда отношение квазиомонимия сванских слов *ūγwa*- 'ярмо' и *uγwna*- 'локоть'.

[23] О связи картвельской и абхазско-адыгской форм см.: Г. В. Рогава. К вопросу о структуре именных основ и категориях грамматических классов в адыгских (черкесских) языках. Тбилиси, 1956, стр. 8.

[24] Ср.: Г. А. Климов. Об этимологической методике Карла Боуды (на материале кавказских языков). — «Этимология». М., 1963, стр. 270.

[25] A. Pictet. Les origines indo-européennes ou les aryas primitifs, t. I. 2me ed. Paris, 1877, стр. 480.

8. Абхаз.-адыг.-* *ccəγʷa-* 'мышь, куница' ~ картв. ***ciqv-** 'белка' ~ нах.-даг. ***citṭ'u-** 'куница'

Сопоставление каб. *ʒəγʷa-*, адыгейск. *cəγʷa-* 'мышь' (шапс. диал. *ccəγʷa-* 'белка'[26]) с абхаз. *cəγ* 'куница' приводит, в соответствии с закономерностями исторической фонетики абхазско-адыгских языков, к реконструкции прототипа **ccəγʷa-*, по-видимому, обозначавшего целую совокупность объединенных по определенному признаку животных, подобно тому, как абхаз.-адыг. **baga-* обозначало волка, шакала и лису (к сравнению не привлекается убых. *dəγʷa-* 'мышь', судя по начальному согласному, являющееся заимствованием из кабардинского). Еще Ф. Борк, А. Тромбетти и Ю. Месарош искали соответствия адыгскому названию мыши в картвельских (ср. груз. *tagw-*, чан. *mtug-*) и нахско-дагестанских (чечен. *daxka*, бацб. *daxk̦*) языках[27]. Более перспективным, однако, представляется сопоставление абхазско-адыгской праформы с груз. *ciqw-* 'белка' и аварск. *citṭ'u-*, *catṭ'u-* и андийск. *satṭ'u* 'куница'[28]. Существенную трудность при историческом истолковании этой изоглоссы составляет тот факт, что за пределами грузинского, аварского и андийского языков основа пока не прослеживается; кист. *ciqo*, бацб. *ciqw*, цахур. *ciqij*, удин. *ciq* и бежит. *čiqi* 'белка' не привлекаются к сравнению, поскольку они являются грузинизмами. Необходимо отметить и то, что на абхазско-адыгской почве возможна интерпретация слова в качестве исторического композита, состоящего из **cc(a)-* 'зуб' и **γʷa-* 'грызть, глодать'[29].

9. Абхаз.-адыг. **ʒaʒ-* 'шило' ~ картв. **ʒeʒ(w)-* 'колючник' 'шип' ~ нах.-даг. **ʒaʒ-* то же

Идентичность семантики и большая близость звукотипа позволили сопоставить картв. **ʒeʒ(w)-*, обозначающее одну из наиболее характерных реалий кавказской флоры — bliuris (ср. груз. *ʒeʒw-*, чан. *da(n)ʒ-*[30]: сюда же, по-видимому, относится и чан.

[26] См. З. И. Керашева. Особенности шапсугского диалекта адыгейского языка. Майкоп, 1957, стр. 27.

[27] F. Bork. Beiträge zur kaukasischen Sprachwissenschaft. T. I. Kaukasische Miscellen. Königsberg, 1907, стр. 27; A. Trombetti. Elementi di glottologia. Milano, 1923, стр. 371; J. Meszaros. Die Päkhy-Sprache. Chicago, 1934, стр. 279.

[28] Два последних слова сопоставлены: Т. Е. Гудава. К вопросу о генезисе латерального звука *ṭ'* в языках аварско-андийско-дидойской группы и его фонетическом соответствии в картвельских языках. — ИКЯ VI, 1954, стр. 58.

[29] См.: K. Bouda. Baskisch-kaukasische Etymologien. Heidelberg, 1949, стр. 51. Иную интерпретацию слова ('шерсть'+'серая') предлагает А. К. Шагиров (устное сообщение).

[30] Картвельские формы сопоставлены: Н. Я. Марр. Яфетические названия деревьев и растений (Pluralia tantum), II, стр. 834; о дезаффрикати-

o-ʒarʒ-u 'пронзать шипом, острием', засвидетельствованное Ж. Дюмезилем[31]), с нах.-даг. **ʒaʒ-* (ср. чечен. *ʒaz*, авар. *zaz*, лакск. *ccacc*, табас. *ʒaʒ*, — см. ЭСКЯ, стр. 234—235). Н. С. Трубецкой усматривал соответствие нахско-дагестанскому слову в адыг. *za-* 'кизил (плод)'[32]. Необходимо указать и на не менее интересную возможность сопоставления с картвельской и нахско-дагестанской формами абхазско-адыгского **ʒaʒ-* 'шило': ср. абхаз, *ʒaʒ*, *ʒəʒ*, убых. $d^w əd^w a$, адыгейск. *dəd*, каб. *dədə* (абхазско-адыгские основы увязаны Г. В. Рогава[33]).

зации в чанском см.: Т. Е. Гудава. Об одном случае регрессивной дезаффрикатизации в занском (мегрело-чанском) языке. — «Сообщения АН ГрузССР» XXXIII, 2 (1964), стр. 501 (на груз. яз.).

[31] G. Dumézil. Documents Anatoliens sur les langues et traditions du Caucase, IV. Récits Lazes. Paris, 1967, стр. 141.

[32] N. Trubetzkoy. Nordkaukasische Wortgleichungen. — WZKM 37, 1—2 (1930), стр. 84.

[33] Г. В. Рогава. Указ. соч., стр. 42.

А. И. Харсекин

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О ПОПЫТКАХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЭТРУССКИХ НАДПИСЕЙ ИЗ ПИРГИ

В ходе раскопок этрусского святилища в Санта Севера (древние Пирги), близ Рима, летом 1964 г. были обнаружены три надписи на небольших золотых пластинках: одна на финикийском (пуническом) языке и две — на этрусском [1]. Находки привлекли к себе интерес исследователей, особенно потому, что финикийский и один из этрусских текстов (надпись А) оказались достаточно близкими по содержанию, чтобы их можно было рассматривать почти как билингву.

Правда, подобно некоторым другим древним билингвам [2], форма и последовательность изложения обеих частей не вполне тождественны, что в данном случае, очевидно, объясняется коренным различием синтаксического строя этрусского и финикийского языков и наличием в каждом из них специфических «застывших» формул. Это обстоятельство существенно затрудняет использование финикийской версии как «ключа» для понимания этрусского текста. Тем не менее ее помощь в интерпретации последнего несомненна.

Будучи уже обстоятельно исследована рядом автором [3], финикийская надпись достаточно ясна и переводится следующим образом:

---

[1] Впервые опубликованы: G. Colonna, M. Pallottino, L. Vlad Borrelli, G. Garbini. Scavi nel santuario etrusco di Pyrgi. Relazione preliminare della settima campagna, 1964, e scoperta di tre lamine d'oro inscritte in etrusco e in punico. — «Archeologia Classica» XVI, 1964, стр. 49—117.

[2] См., например: O. Masson. Les inscriptions chypriotes syllabiques. Paris, 1961, № 215, стр. 224; № 216, стр. 226 сл.; № 220, стр. 246 сл.

[3] Важнейшие из этих исследований: S. Moscati. Sull'iscrizione fenicio-punica di Pyrgi. — «Rivista degli Studi Orientali» XXXIX, 1964, стр. 257—260; G. Garbini. Considerazione sull'iscrizione punica di Pyrgi. «Oriens Antiquus» IV, 1965, стр. 35—52; A. Dupont-Sommer. L'inscription punique récemment découverte à Pyrgi. — «Journal Asiatique», 1965, стр. 289—302; A. J. Pfiffig. Uni—Hera—Astarte (Österr. Akad. d. Wissensch., Phil.-hist. Kl., Denkschriften, 88, 2). Wien, 1965, стр. 8—22, а также: А. И. Харсекин, М. Л. Гельцер. Новые надписи из Пирги на финикийском и этрусском языках. — ВДИ 1965, № 3, стр. 109—114.

$_{1}$*Lrbt l*^{c}*štrt ’šr qdš* $_{2}$*’z ’š p*^{c}*l w’š ytn* $_{3}$*tbry’ · wlnš mlk* ^{c}*l* $_{4}$*kyšry’ · byrḥ · zbḥ* $_{5}$*šmš bmtn’ bbt wbm*$_{6}$*tw · k*^{c}*štrt · ’rš · bdy* $_{7}$*lmlky šnt šlš III by*$_{8}$*rḥ krr bym qbr* $_{9}$*’lm wšnt lm’š ’lm* $_{10}$*bbty šnt km hkkbm* $_{11}$*’l*

$_{1}$Владычице Астарте место священное $_{2}$это, которое соорудил и которое даровал $_{3}$Тиберий Велиана, царь над $_{4}$К(а)йшри[4] в месяце *zbḥ šmš* [5] как дар в храм и [священный] учас$_{6}$ток[6] его, так как Астарта избрала бод’а[7] своего $_{7}$на царство. Три года [исполнилось] в ме$_{8}$сяце *krr*, в день погребения $_{9}$божества. И годы статуи божества $_{10}$в доме (т. е. храме) своем — [столь многочисленны пусть будут] как годы звезд $_{11}$этих.

Что же касается этрусских текстов, то попытки их толкований вызвали к жизни уже обширную литературу [8], из которой мы коснемся здесь лишь важнейших исследований, посвященных интерпретации более пространного текста А.

Благодаря четкости письма и хорошей сохранности пластинки его чтение не вызывает сомнений:
$_{1}$*ita · tmia · icac · he*$_{2}$*ramaśṿạ [·] vatieχe* $_{3}$*unialastrẹs · ϑemia*$_{4}$*sa · meχ· ϑuta · ϑefa*$_{5}$*riei · velianas · sal ·* $_{6}$*cluvenias · turu*$_{7}$*ce · munistas · ϑuvas* $_{8}$*tameresca · ilacve ·* $_{9}$*tulerase · nac · ci · avi*$_{10}$*l · χurvar · teśiameit* $_{11}$*ale· ilacve · alśase* $_{12}$*nac · atranes · zilac*$_{13}$*al · seleitala · acnaśv*$_{14}$*ers · itanim · heram*$_{15}$*ve · avil · eniaca · pul*$_{16}$*umχva*

Первая попытка истолкования надписи принадлежит М. Паллоттино [9]. Автор опирается преимущественно на комбинаторные приемы и ограниченные сопоставления с параллельными местами финикийской надписи, понимаемой им как текст, составленный по тому же поводу, но не тождественный этрусскому. Комбинаторные исследования затрудняются, однако, тем, что значительная часть словаря надписи не представлена в других этрусских памятниках. Поэтому такая — в основе, несомненно, правильная — методика оставляет смысл многих мест надписи нераскрытым [10].

---

[4] Т. е. ‘Цере’.

[5] Собств.: ‘в месяце жертвоприношения Солнцу (Шемешу)’.

[6] Или: ‘даром [состоящим из] храма и [священной] высоты’.

[7] Т. е. ‘зависимого человека своего’.

[8] См. библиографию работ, опубликованных до 1966 г.: G. Colonna, M. Cristofani, G. Garbini. Bibliografia delle pubblicazioni più recenti sulle scoperte di Pyrgi. — «Archeologia Classica» XVIII, 1966, стр. 279—282, а также обзор основных исследований, составленный Г. Риксом: H. Rix. Forschungsbericht: Die phönizisch-etruckischen Texte der Goldplättchen von Pyrgi. — «Göttingische gelehrte Anzeigen», Jrg. 220, 1968, стр. 64—94, особенно стр. 72—89.

[9] M. Pallottino. Le iscrizioni etrusche. — «Archeologia Classica» XVI, 1964, стр. 76—104.

[10] М. Паллоттино предлагает следующий предварительный перевод текста А (указ. соч., стр. 99): «Это (есть) храм (или часовня) и это (есть) место изображения??, посвященное Юноне-Астарте: Тефарий Велиана (или кто-либо совместно с Тефарием Велианой) даровал его; соответственно тому, что надлежит каждому из этих мест?? так три года . . . (и) приношение за . . . (действие, связанное с храмовой магистратурой или резиденцией высшего

Мало отличается своими методическими установками и более обстоятельное исследование А. Пфиффига [11]. Как убежденный противник этимологических приемов, автор также проводит свой поиск с позиций строгой комбинаторики, сочетаемой, однако, с более широкими, чем у Паллоттино, сопоставлениями с финикийской надписью. Этимологии привлекаются лишь в качестве вспомогательного средства при объяснении отдельных специальных терминов: *tmia* 'сокровищница' (ср. греч. ταμ(ι)εῖον 'казнохранилище', ταμίας 'распорядитель, казнохранитель'), heram- 'статуя Геры' (< греч. Ἥραν, вин. п. от Ἥρα 'Гера') [12].

Еще одна попытка полного объяснения надписи принадлежит К. Ольцше [13], методика которого ничем существенно не отличается от приемов, использованных его предшественниками. Но в ее реализации он обнаруживает больше смелости, и полученные толкования местами заметно отходят от содержания финикийского текста [14]. Особенно обращает на себя внимание повышенное число собственных имен, в идентификации которых он прибегает — к сожалению, не всегда удачно — к этимологическим приемам. Так, например, понимаемое им как топоним этр. *vatieχe* сближается с предполагаемым лат. **Vatica* или **Vaticus*, лежащим в основе позднейшего *Vatic-anus* (стр. 71) [15]. В *cluvenie* он усматривает древнее этрусское наименование города Caere (стр. 75), а в *tulerase* и *alśase* видит названия этрусских месяцев, последнее из которых сопоставимо, по его мнению, с Ἀλσεῖος Косского календаря (стр. 81).

Другие исследователи ограничиваются рассмотрением отдельных частей надписи и, исходя из переводов М. Паллоттино и А. Пфиффига, вносят в них лишь незначительные дополнения или

магистрата??). . . Следуют упоминания изображения (simulacro) ?? и (соответствующих?) лет . . .»

[11] A. J. Pfiffig. Указ. соч., стр. 22—35.

[12] В результате своего исследования Пфиффиг получил следующий перевод надписи: «Эта сокровищница? и эта статуя Геры . . ., [которые] посвятил? Юноне-Астарте, воздвигнутые в память о союзе, Тефарий Велиана; как посвящение для Клувении? дал он [их], данного места правитель, в жертвенный месяц? *tulerase*, потому что три года (в третьем году?) *χurvar* в *teśiamei* она дала?, в жертвенный месяц *alśase*, после того как из дома (или для дома) правителя *itala* он посвятил? . . . . . . Это, однако, и статую Геры годы все вместе? пусть хранят?» (указ. соч., стр. 35).

[13] K. Olzscha. Die punisch-etruskischen Inschriften von Pyrgi. — «Glotta» XLIV, 1966, стр. 60—108.

[14] Надпись переводится им следующим образом (указ. соч., стр. 95): «Это (есть) священное место и это — статуя в Ватиехе для Юноны. После того как народ это построил, заботится о нем Тефарий Велиана. Он принес дар Клувении, являющийся (даром) первого тамеры этого места, в календы (месяца) тулера, поскольку она три года (назад) его правление учредила, в календы (месяца) алса, поскольку она погребение молодого господина отмечает. Пусть храмовые звезды столько же лет для статуи означают».

[15] При этом допускается, что первоначально ager Vaticanus мог доходить до Пирги.

поправки [16]. Более существенные из них принадлежат Ж. Эргону, предложившему следующий перевод строк 4—7: *meχ·ϑuta·ϑefariei·velianas·sal·cluvenias·turuce* 'Народ и город как дар для (или: от имени) Тефария Велианы даровали' [17].

Эти исследования, основанные на традиционных, проверенных и признанных в этрускологии методах, не всегда, к сожалению, приближают нас к правильному пониманию ряда важных мест памятника. В тщетных попытках преодолеть недостаток необходимых для успешной интерпретации материальных данных их авторы неизбежно привносят в нее элемент интуиции. Насколько различными оказываются в таких случаях ее результаты, можно судить хотя бы по следующему примеру: термин *ϑuta*, который, по мнению Паллоттино, может быть производным от числительного *ϑu* 'один' [18], означает, согласно Пфиффигу и Девото, 'внимательный, помнящий' [19]; Ольцша видит в нем глагол 'заботиться' [20], а Эргон переводит 'городская община, город-государство' [21].

На быстрое достижение единства мнений рассчитывать, видимо, затруднительно. Но этому, на наш взгляд, могут способствовать исследования, роль которых до сих пор явно недооценивалась. Речь идет о работах «этимологического направления». Конечно, нельзя принимать всерьез совершенно субъективные построения Э. Гатти [22]. За редкими исключениями, весьма сомнительны и толкования У. Коли, исходящего из предположения о тесном родстве этрусского языка с греческим [23]. Положительный вклад в этом смысле — несмотря на наличие весьма существенных недостатков, о которых речь будет ниже — содержат лишь работы

---

[16] См., например: G. D e v o t o. Considerazioni sulle lamine auree di Pyrgi. — SE XXXIV, 1966, стр. 211—220; M. D u r a n t e. Le formule conclusive dei testi etruschi di Pyrgi. — «Atti della Accademia Nazionale dei Lincei. Rendiconti della Classe di scienze morali, storiche e filologiche», ser. VIII, vol. XX, 1965, стр. 308—321; J. H e u r g o n. Les inscriptions de Pyrgi et l'alliance étrusco-punique autour de 500 av. J.-C. — «Comptes Rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres». Paris, 1965, стр. 89—103; O. S z e m e r é n y i. Linguistic comments on the Pyrgi tablets. — «Studi Micenei ed Egeo-Anatolici» I, 1966, — стр. 121—127; M. T o r e l l i. Le formule conclusive delle tre lamine di Pyrgi. — SE XXXV, 1967, стр. 175—178.

[17] J. H e u r g o n. The Inscriptions of Pyrgi. — «Journal of Roman Studies» LVI, 1966, стр. 13.

[18] M. P a l l o t t i n o. Указ. соч., стр. 86.

[19] A. J. P f i f f i g. Указ. соч., стр. 27—28; G. D e v o t o. Указ. соч., стр. 215.

[20] K. O l z s c h a. Указ. соч., стр. 68—69.

[21] J. H e u r g o n. Указ. соч., стр. 13.

[22] E. G a t t i. L'etrusco tradotto. Modena, 1967, стр. 174—175.

[23] U. C o l i. Nuovo saggio di lingua etrusca. Firenze, 1966, стр. 31—59.— Речь может идти лишь о единичных, уже отмечавшихся выше соответствиях, относящихся к области культурной терминологии, значительная часть которой была усвоена этрусками из языка культурно опережавших их греков.

Вл. Георгиева [24]. Развивая уже известные свои взгляды о характере этрусско-анатолийских языковых связей [25], автор широко привлекает в них хеттские параллели при объяснении интересующих нас надписей.

Язык их, действительно, обнаруживает присутствие некоторых лексических и морфологических элементов, допускающих анатолийскую (хеттскую) этимологизацию. В морфологии, кроме уже ранее известных фактов, таких, как показатель род. падежа-*l* (хетт. *-el*, род. п. местоимений), суфф. мн. числа *-r* (хетт. *-r*, суфф. собират. имен), связка *-c* 'и' (лид. *-k*, лик. *-ce*, фриг. *-ke*, а также лат. *-que* с тем же значением) и энклитическая частица *-m* 'но' (хетт. *-ma*), находим энклитически употребленное притяжательное местоимение *-sa* (в *ϑemia-sa* 'госпоже своей'), соответствующее хеттской притяжательной энклитике *-ša-* (стр. 35).

В словаре можно отметить следующие параллели: *ita* 'этот, тот' (хетт. *it*[*a*]., *et*[*a*]- 'этот, тот, он') [26], *ica-* 'этот' (хетт. *ka-* 'этот'), *nac* 'так, итак' (лид. *nak* 'также, так'). К этим трем словам, значения которых были установлены независимо от их хеттских этимологий [27], можно добавить еще два, удовлетворительно объясняемых на основании контекста данной надписи: *vatieχe* 'построил', 3 л. ед. ч. прош. вр., (ср. хетт. *wete-*, *weda-* 'строить') и *itani-* 'в этом' (ср. хетт. *edani-* 'в этом, в нем').

Эти соответствия, как и ряд других ранее известных, но не представленных в рассматриваемой надписи [28], подтверждают не раз уже высказывавшееся предположение о наличии в этрусском языке важных анатолийских компонентов. Они, однако, недостаточны для утверждения о тесной родственной связи обоих языков. Морфологические факты остаются разрозненными, а лексические параллели — сравнительно немногочисленными и не включают важнейших корневых слов. Так, не имеют ничего общего с анатолийскими этрусские числительные *ϑu* 'один', *zal* 'два', *ci* 'три' (хетт. *šanna*, *da*, *tri*). Только *maχ* с не определенным еще значением может быть сближено с хетт. *mewa-* и лув. *mawa-* 'четыре?' Совершенно своеобразны также основные этрусские термины родства: *clan* 'сын', *seχ* 'дочь', *ruva* 'брат', *ati* 'мать'.

---

[24] V. Georgiev. La bilingue di Pyrgi e l'origine ittita dell'etrusco. — БЕз IX, 1, 1964, стр. 71—75; Он же. Die Bilingue von Pyrgi als Beweis für die hethitische Herkunft der etruskischen Sprache. — БЕз XI, 1, 1966, стр. 25—67.

[25] V. Georgiev. Hethitisch und Etruskisch. Die hethitische Herkunft der etruskischen Sprache (=БЕз V, 1). Sofia, 1962; Он же. Hethitisch, Lydisch, Etruskisch. — БЕз, XI, 2, стр. 5—20.

[26] Или же хет. *ta-* 'тот', собств. 'вот он'.

[27] В тексте Б находим также *ϑamuce*, 3 л. ед. ч. прош. вр. 'построил' (ср. иер. лув. и лид. *tam-* 'строить').

[28] См. нашу рецензию на кн.: V. Georgiev. Hethitisch und Etruskisch. — «Этимология. 1964». М., 1965, стр. 373—376.

В самих надписях из Пирги большая часть ранее объясненного словаря не находит параллелей ни в анатолийских, ни в каких-либо других известных языках (*tameresca*, *tulerase*, *ci*, *avil*, *teśiameit*, *zilacal*, *ϑuta*). В этом и состоит ошибка Георгиева, намного преувеличивающего реально существующее сходство.

Пытаясь возвести к хеттским источникам чуть ли не весь словарь надписи, он мало считается с требованиями комбинаторного анализа и даже материалы параллельного финикийского текста учитывает далеко не последовательно. Достаточно, например, указать на его объяснение этр. *zilac-al*, приблизительное значение которого 'править' или 'правление' было известно уже и ранее и которому в данном случае соответствует финик. *lmlky* 'на царствование'. Произвольно расчленяя его на *zil-* и *-acal*, Георгиев сопоставляет первое с хетт. *šiu-š* 'бог', а второе с хеттским же *ak*(*k*)- 'умирать' и все сочетание переводит '(день) смерти божества'[29], что, по его мнению, соответствует финик. *bym qbr* '*lm* 'в день погребения божества', хотя последнее, будучи тесно связано с обозначением года и месяца *šnt šlš* III *byrḥ krr* 'три года в месяце *krr*', находится рядом с ним, тогда как этрусское обозначение года *ci avil* 'три года' стоит совсем в другой части надписи. Это, к сожалению, не является исключением. Почти аналогичным образом объясняются также *χurvar*, *teśiameitale*, *ilacve*. Поэтому значительная часть полученного им перевода [30] представляется по меньшей мере сомнительной.

Приходится, следовательно, признать, что интерпретация надписи оказалась несравненно более сложной, чем можно было предполагать, и, несмотря на все прилагавшиеся усилия, достичь удалось лишь частичного ее понимания. Дальнейшие шаги к ее разъяснению потребуют, надо полагать, исследований, которые, в отличие от уже предпринимавшихся, должны быть комплексными, т. е. наряду с использованием традиционных индуктивных приемов включать в определенных случаях и дедуктивный (этимологический) подход. Последний, впрочем, необходимо поставить на более прочные научные основания.

---

[29] V. Georgiev. Die Bilingue von Pyrgi . . ., стр. 38.

[30] Который гласит: «Эту молельню (часовню) и эти гермы (статуи божества) он вот построил (и) Звезде Юноны (т. е. Астарте), госпоже своей, могущественный царь, сам Тефарий Велиана, величайших из клиентов (госпожи своей), даровал. Ушел после этого он далеко (или: давно). Жрецы тут, они, совершили возлияния. В государстве его так три года вот миновало. И, таким (образом), в несчастьи они совершили возлияния по плененному ему. Так, в июле месяце день смерти божества его от страданий смертью избавил. В этой же герме (статуе божества) — годы той (его) смерти. Судьба? свершись!» (указ. соч., стр. 42).

А. Б. Долгопольский

НОСТРАТИЧЕСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМАНТОВ

Рассмотрим два ностратических корня в связи с проблемой происхождения некоторых глагольных аффиксов в языках-потомках.

1. **na'a*[1] 'идти делать что-либо, направляться делать что-либо' > и.-е. **neh-* (> **nā-*) 'помогать, приносить пользу' (< 'приходить на помощь'), с.-х. **nʌ'-* 'идти, собираться делать что-либо, желать', картв. **n-* 'хотеть, желать', монг. **nāi-* или **nai-* 'намереваться, желать, надеяться'.

И.-е. **neh-* (> **nā-*) представлено в др.-инд. *nātham* 'помощь', *nāthaḥ* 'защитник', греч. ὀ-νί-νη-μι (fut. ὀ-νή-σ-ω, дор. aor. passivi ὠνάθην) 'приносить пользу', ὄ-νη-σι-ς (дор. ὄνασις) 'польза'.

С.-х. **nʌ'-* находим в егип. *n'j* 'ехать, идти, двигаться куда-либо', эфиоп. *nä'ā* 'приходи' (imperativus tantum), угарит. *n'* 'просить, требовать' (< 'желать' < 'направляться делать'), араб. *nā'a* (imperfectum *-nū'u*) 'требовать; расправить крылья, чтобы броситься на добычу (о хищных птицах)', *nū'-* 'жажда', возможно, также (с утратой '), араб. *nawā* 'собираться, стремиться делать что-либо'.

Картв. **n-* представлено в груз., чан. и сван. *n-* 'хотеть'[2].

Монг. **nāi-* или **nai-* представлено в ср.-монг. (XIV в.) *nayir*, *nayiri* 'намерение, стремление, желание'[3], («Сокровенное сказание») *naida-* 'уповать, ревновать, завидовать, ненавидеть из зависти'[4], монг. письм. *nai* 'надежда', *naida-* 'надеяться, уповать, домогаться, добиваться'.

---

[1] Символом ' обозначаем ностратическую фонему, отражающуюся в с.-х. '(при грамматикализации морфемы и в некоторых иных случаях редуцируемом в ' и далее в нуль), в и.-е. ларингалах, а в прочих языках дающую нуль. Эта фонема отличается от *γ нулевой рефлексацией в картвельском. Ср. ниже корень *šew ʌ.

[2] Г. А. Климов. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964, стр. 145.

[3] M. Lewicki. La langue mongole des transcriptions chinoises du XIV siècle. Wrocław, 1959, стр. 63; E. Haenisch. Sino-mongolische Dokumente vom Ende des 14. Jahrhunderts. Berlin, 1952, стр. 55.

[4] С. А. Козин. Сокровенное сказание. М.—Л., 1941, стр. 127, 137, 138, 167, 247, 256, 258, 286, 588; E. Haenisch. Wörterbuch zu Manghol un Niuca Tobca'an. Wiesbaden, 1962, стр. 113.

В свете новейших исследований, предполагающих ностратическую принадлежность хурритоурартских языков[5], обращает на себя внимание урарт. *naḫ-* 'приходить, вступать'[6].

Тот же древний корень можно усмотреть и в глагольных аффиксах ряда языков. В тунгусоманьчжурских существуют глагольные формы с суффиксом **-nā-* / *-nǟ-* в значении 'идти делать что-то': эвенк. *dukū-* 'писать'—*dukū-nā-* 'пойти писать', удейск. *käptä-mi* 'лежу'—*käptä-nä-mi* 'иду лечь', *wākča-mi* 'охочусь'—*wākčana-mi* 'иду на охоту', маньчж. *tači-* 'учиться'—*tači-ne-* 'идти учиться', *ǯe-* 'есть'—*ǯe-ne-* 'идти есть'[7].

Эту форму естественно возводить к древней глагольной конструкции «глагол X+глагол **naʿa*» в значении 'идти делать X'. Конечное положение грамматически господствующего глагола (**naʿa*) и функционирование предшествующего слова (в данном случае глагола) в качестве подчиненного вполне согласуются с теми представлениями о ностратическом синтаксисе, которые складываются на основании анализа синтаксических и морфологических фактов сравниваемых языков. Действительно, в большинстве групп ностратических языков (уральские, тюркские, монгольские, тунгусоманьчжурские, корейский, японский, дравидийские, хурритоурартские, индоевропейские в их древнейшем состоянии, в древности кушитские) глагол занимает конечное положение в предложении, если выполняет функцию сказуемого; дополнения (как именные, так и глагольные — типа конвербов, инфинитивов и пр.) предшествуют глаголу. То же положение глагола и подчиненных ему слов обнаруживается в результате анализа тех грамматических форм глагола, которые восходят к аналитическим конструкциям. Конструкция с **naʿa* — один из примеров этому.

Первоначальное значение 'идти делать нечто', сохраненное тунгусоманьчжурской формой, в большинстве языков преобразовано. Наблюдаются следующие направления семантического преобразования: 1) 'идет делать' → 'намеревается делать' → 'хочет делать', откуда в некоторых языках модальные значения: оптатив, юссив и т. п.; 2) при терминативных глаголах: 'идет сделать' → 'старается сделать' → 'находится в процессе делания', например 'идет убить' → 'старается убить' → 'убивает' (имперфектив).

---

[5] Г. Б. Джаукян. Взаимоотношение индоевропейских, хурритско-урартских и кавказских языков. Ереван, 1968.

[6] Г. А. Меликишвили. Урартские клинообразные надписи. М., 1960, стр. 402; В. А. Гварахия. Словарь-симфония урартского языка, М., 1963, стр. 417; И. М. Дьяконов. Урартские письма и документы. М.—Л., 1963, стр. 90.

[7] Г. М. Василевич. Эвенкийско-русский словарь. М., 1958, стр. 777; Е. Р. Шнейдер. Краткий удэйско-русский словарь. М.—Л., 1936, стр. 77, 141; C. de Harlez. Manuel de la langue mandchoue. Paris, 1884, стр. 251.

Значение 'хочет делать' представлено в уральских. Ср., например, марийский дезидератив на *-ne-*: *kol-ne-m* 'хочу умереть', *kol-ne-t* 'хочешь умереть' и т. д. Это же значение застаем в древнейших памятниках семитских языков (наклонение на *-n*): угарит. *'iḳrʌ'an* (или *'iḳrʌ'annʌ*) 'я хочу воспеть' [8].

Дальнейший шаг — развитие модальных значений — прослеживается, например, в тех же уральских языках: финский потенциалис на *-ne-*, кондиционалис на *-nē-*, *-nā-* в венгерском, на *-nuw-* в мансийском, селькупский конъюнктив на *-ni-*, *-ne-* (в диалектах, описанных М. А. Кастреном) и т. д. [9] В тунгусоманьчжурских языках упомянутый аффикс **-nā-/-nā-*, помимо значения 'идет делать', имеет и модальное значение вероятности: эвенк. *dukū-nā-n* 'вероятно, пишет', 'вероятно, написал' [10].

В семитских языках исследуемая морфема представлена на разных ступенях своей грамматикализации. В геэзе мы находим еще не грамматикализованный императив *nä'ā* 'приходи' (f. *nə'ī*, pl. m. *nə'ū*, pl. f. *nä'ā*, *nā'ā*: *nä'ā 'əgzī'ō* 'приди, господи' (Апокалипсис 22.20), *tägāb'ū wa-nə'ū* 'соберитесь и придите' (Исаия 45.20). Но чаще императив *nä'ā* сочетается с другим императивом, передавая чисто модальное значение призыва (когортатив): *nä'ā 'a'rəf* 'успокойся' (букв. 'приди успокойся') (Даниил 12.13), *nə'ū təlwū-nī* 'следуйте за мной' (букв. 'придите следуйте за мной' (Матфей 4.19). В еврейском то же слово *nā'* находим уже в грамматикализованной когортативной функции (и при этом с характерной для грамматикализованных морфем редукцией ' в '): *'imrī-nā' 'ăḥōṯī 'aṯ* 'скажи, [что] сестра моя ты' (Бытие 12.13). То же значение в самаритянском арам. *nj*, сир. *nē*, которые, подобно евр. *nā'*, выступают в постпозиции к глаголу. Вероятно, препозиция *nä'ā* в геэзе есть эфиопская инновация, возможная благодаря сохранению лексического функционирования у этого слова. Постпозиция же **na'(a)*, представленная в зап.-семитских языках, отражает, видимо, древнюю аналитическую конструкцию «глагол + **na'a*».

Результат полной грамматикализации той же конструкции, видимо, присутствует в таких семитских формах на *-n(ʌ)*, как уже упомянутая угаритская (способная передавать, помимо дезидеративного значения, также модальное значение 'должен': *tʌṯbʌ-n(nʌ)* 'ты должен вернуться'), как староассирийский конъюнктив на *-ni*, арабский modus energicus на *-n*, *-nna* и т. п. Сходный модальный суффикс находим и в кушитских языках: билинский и кемантский оптатив—юссив на *-in*, кондиционалис в агавских языках: билин (на *-än*), кемант, квара и хамир (на *-n*),

---

[8] С. Сегерт. Угаритский язык. М., 1965, стр. 60.

[9] См.: B. Collinder. An introduction to the Uralic languages. Berkeley—Los Angeles, 1965, стр. 134.

[10] О. А. Константинова. Эвенкийский язык. М.—Л., 1964, стр. 189—192.

восточнокушитская запретительная форма, выражаемая отрицанием (в препозиции) и модальным суффиксом *-in*: афар *mā-bal-in* 'не видь', сахо *mā-b-in* 'не слышь', сомали *ha 'un-in* 'не ешь', галла *farso hin ḍug-in'* 'не пей пива'.

В картвельских языках обращает на себя внимание др.-груз. императив 3 sg. на *-n* (*iqav-n saxeli šeni, moved-in supevay šeni* 'да святится имя твое, да приидет царствие твое') и сванское «заглазное» наклонение на *-un-i*, *-ən-i*, *-in-i*.

Другой путь семантического развития ('идет сделать' → 'находиться в процессе делания') представлен имперфективным инфиксом и префиксом *-n-* в кушитском языке бедауе. У двусогласных глаголов имперфектив образуется посредством префикса *-n-*, располагающегося непосредственно перед корнем (после личного префикса): у глагола *-dir-* 'убить' парадигмы перфектива и имперфектива выглядят следующим образом:

		Перфектив	Имперфектив
Sg.	1	*a-dir*	*a-n-dīr*
	2 m.	*ti-dir-a*	*ti-n-dīr-a*
	2 f.	*ti-dir-i*	*ti-n-dīr-i*
	3 m.	*i-dir*	*i-n-dīr*

и т. д.

У трехсогласных глаголов в имперфективе *-n-* инфигируется внутрь корня: в глаголе *-ktʌm-* 'прийти' при перфективе 1 sg. *a-ktim* имперфектив имеет форму 1 sg. *a-ka-n-tim*. По-видимому, перед нами результат аналогического воздействия модели расположения *n* перед предпоследним согласным корня: *akantim* по аналогии *andīr*.

Интересен параллелизм этого процесса с инфиксацией *-*n*- как показателя имперфектива («презенса») в индоевропейском языке. Как известно, есть основания предполагать вторичный характер инфиксального положения этой морфемы, первоначально выступавшей в позиции суффикса[11]. В связи с этим целесообразно исследовать вопрос о возможности объяснить индоевропейский назальный презенс исходя из ностратической конструкции «глагол + **na'a*».

2. **šew'ʌ* 'хотеть, соглашаться, позволять' (→ 'просить') > и.-е. **seuH-* / **suH-* 'пускать, поощрять', с.-х- **šw'* 'просить', картв. **šw-* 'пускать, оставлять', тюрк. **seb-* или **śeb-* 'любить',

---

[11] См., например: J. Kuryłowicz. The inflectional categories of Indo-European. Heidelberg, 1964, стр. 106, где инфиксация *-n-* объясняется из следующей пропорции:

i̯eu- : *i̯eu-n-*
i̯eu-g- : *i̯eu-né-g*,

хотя, впрочем, **ieu-n-* Е. Курилович считает именем.

тунгус. *śöbʌ- ‘просить’, драв. *cīv- ‘соглашаться, давать (социально низшим)’, (?) урал. *šewʌ- ‘позволять, соглашаться’.

И.-е. *seuH-/*suH- представлено в др.-инд. *suvắti*, *sávati* ‘подгоняет, поощряет’, др.-греч. ἐάω ‘допускаю, оставляю’, д.-в.-н. *vịr-sūmen* > совр. нем. *versäumen* ‘упускать’ (производное от имени *suH-mo-).

С.-х. *šw‘ ‘просить’ представлено семитским *šw‘ (> др.-евр. *šw‘* ‘просить о помощи’) и кушит. *šʌw- (> билин *šīw-* ‘просить, требовать’, кемант *šiw-* то же, квара *säw-*, дембеа *šäw-*, хамир *çaw-* то же).

Картв. *šw- ‘пускать, оставлять’[12] сохранено в груз. *šv-*, чан. и мегр. *šk(w)-* и сван. *šgwan-* ‘отпускать, отправлять’.

Тюрк. *seb- или *śeb- ‘любить’ (← ‘хотеть’) представлено в др.-тюрк. *säb-*, др.-уйгур. *säv-* ‘любить’, тур. и азерб. *sev-*, казах. *süị-* и пр. Различие между тюрк. *s и *ś проявляется лишь в чувашском (*s- > чуваш. *s-*, *ś- > чуваш. *š-*), но чуваш. *sav-* ‘любить’ может быть заимствованием из других тюркских и потому не показательно. Исходя из ностр. *š следовало бы ожидать в тюркском начального *ś.

Тунг. *śöbʌ-[13] представлено в маньчж. *šuburme* ‘прошу’.

Урал. *šewʌ- можно усмотреть в финских наречиях *hevillä*, *hevin* ‘легко, охотно’.

Драв. *cīv- ‘соглашаться, давать (социально низшим)’ представлено в тамил. *ī(v-)* ‘давать (социально низшим)’, ‘соглашаться’, *īvu* ‘давление, подарок, распределение’, каннада *ī* ‘позволять’, телугу *iccu*, *ivv-* ‘разрешать, позволять’, колами *sī-* ‘давать’, гонда *sīana* ‘давать, разрешать’, куи *sīva-*, *jīva-* ‘давать, разрешать’ и пр.

С корнем *šew‘ʌ могут быть по происхождению связаны грамматические аффиксы в двух значениях: 1) дезидератив, 2) каузатив. Оба значения можно представить себе исходящими из значения аналитической конструкции «X + *šew‘ʌ» ‘хотеть X, соглашаться на X’.

Дезидеративным значением обладает индоевропейский аффикс *-s- и аффикс *-sịo. Суффикс *-s- представлен в др.-инд. *śuśrūṣatē* ‘хочет услышать’, архаичн. лат. *vīssō* > *vīso* (< *ụeid-s-ō*) ‘хочу посмотреть’, гот. ga-weiso ‘посещаю’, (‘хочу видеть’) и т. д.[14] В части языков суффикс *-s- приобрел значение показателя будущего времени: греч. -σ- (δείξω ‘покажу’, λείψω ‘отпущу’), ст.-лат. *dixo* ‘скажу’, *faxo* ‘сделаю’, *capso* ‘возьму’, оск. *fust* ‘будет’, лит. *duos* ‘даст’. Суффикс *-sịo- в том же значении находим в др.-инд.

---

[12] Г. А. Климов. Указ. соч., стр. 214.

[13] Посредством *ś, вслед за В. М. Иллич-Свитычем, обозначаем тунгусскую фонему, дающую в маньчжурском *š-*, в эвенском *h-*, в других тунгусских *s-*.

[14] K. Brugmann. Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. Leipzig, 1904, стр. 529.

причастии *bū-şya-nt-* 'тот, кто будет', ст.-слав. **бъıшѧщє-к** 'будущее', в лит. *bū̃siu* 'буду'.

В монгольском находим форму с суффиксом **-su* / **-sü* или **-sū* / **-sǖ* в значении волюнтатива (желание говорящего совершить действие): **ora-su* 'let me enter!', **ögsü* 'let me give!' Этот суффикс представлен в ср.-монг. *-su*, *-sü* (*kele-sü* 'скажу!'), могол. *-sūn* (с вторичным *-n*), монг. письм. *-su-ga̯i*, *-sü-ge̯i* и пр.[15]

В тюркских находим аффикс 3-го лица оптатива **-sun* / **-sün* > др.-тюрк. *-zun*, *-zün*, др.-уйгур. *-sun*, *-sün*, ново-уйгур. *-sun*, азерб. *-sun*, *-sün*, *-sïn*, *-sin* и т. д.

В тунгусских языках находим морфему **-su* в качестве нерегулярного суффикса императива (3 и 2 sg.) в нескольких архаичных глаголах: 1) маньчж. *bi-su* 'да будет, будь', нан. *bi-su* 'будь', 2) маньчж. *o-so* 'да будет, будь, сделайся', нан. *o-su* 'сделайся, стань', 3) маньчж. *ga̯i-su* 'возьми', нан. *ga-su* 'купи', 4) маньчж. *ba̯i-su* 'спроси', 5) нан. *di-su* 'приходи'.

В корейском сюда, возможно, относится оптативно-дезидеративная форма на *-se* < *-säi*: *mĕk-se* 'я хочу, чтобы вы ели; я хочу есть; о́н может есть'.

Каузативное значение корня **šew'ʌ* представлено, возможно, в с.-х. каузативном аффиксе (префиксе и суффиксе) **-šʌ-* (> сем. **šʌ-* > аккад. *šʌ*, угарит. *š*, минейск. *s*, арам. *sʌ-* ~ *hʌ-*, сабейск., др.-евр. *hʌ-*, араб. *'ʌ-*, егип. каузативный префикс *ś*, кушитский каузативный префикс и суффикс **sʌ-*, **-sʌ*: беджа *a-sō-dir* 'заставляю убивать', *te-sō-dïr-a* 'заставляешь убивать', сахо *a-s-gidifé* 'заставляю убивать' и пр.), возможно, также в юкаги́р. каузативе (тундр. *-su*, *-se*, колым. *-š*) и в японском каузативном суффиксе *-s-*[16].

---

[15] N. Poppe. Introduction to Mongolian comparative studies. Helsinki, 1955, стр. 255.

[16] О фонетическом соответствии японского *s-* монгольскому и корейскому *s-* (способным восходить к ностр. **š-*) см.: Одзава Сигео. Гэнси ниппон-го-ни окэру го-тō даку-он сондзай-но канōсэй-ни цуитэ (Относительно возможности существования звонких согласных в анлауте в протояпонском языке). — «Area and Culture Studies. Токё Гайкоку-го Дайгаку ронсю» 10. Токио, 1963, стр. 58—59 и S. Martin. Lexical evidence relating Korean to Japanese. — «Language» 42, 2, 1966, стр. 185—251.

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

J. B. Rudnyćkyj. An Etymological Dictionary of the Ukrainian Language.

Parts 1—5. Winnipeg, 1962—1966; Parts 1—5, second revised edition. Winnipeg, 1966

1962 год отмечен значительным достижением в лингвистике, особенно в области славянских этимологических исследований. Именно в этом году в Виннипеге (Канада) вышел в свет первый том «Этимологического словаря украинского языка», а за ним последовали систематические выпуски, которые публиковались Украинской Академией наук в Канаде каждый следующий год (т. II — 1963, т. III — 1964, т. IV — 1965, т. V — 1966).

Далее, в 1966 г. автор успешно осуществил второе переработанное и дополненное издание первых пяти томов своего словаря. Разумеется, это было поистине событием в области славистики.

Для того чтобы стало очевидным значение вклада, сделанного Рудницким в славистику в целом и в славянское языкознание в частности, необходимо более близкое ознакомление с некоторыми сторонами материала обоих словарей. Конечно, критическое сравнение двух изданий — первого, от 1962 г., и второго, от 1966 г., — будет интересно для каждого, кто занимается этимологическими исследованиями. Это и является главной задачей настоящей рецензии.

Здесь будут рассмотрены следующие основные вопросы:

1. Пропуск некоторых слов, вызванный включением новых слов или новых авторов.
2. Пополнение материала новыми апеллативами или собственными именами.
3. Добавление новой библиографии.
4. Упорядочение некоторых сокращений.
5. Исправление допущенных ошибок и погрешностей:
   a) исправление погрешностей в алфавитном порядке;
   b) перестановка слов и статей;
   c) исправление акцентуации;
   d) орфографическая правка;
   e) исправление опечаток.
6. Прочие изменения.

1. Пропуск некоторых слов, вызванный включением новых слов или новых авторов.

По техническим причинам из некоторых статей были выпущены отдельные слова, предложения или авторы и был включен новый, более важный материал. Например, в новом издании опущены следующие слова:

рисунок, abbr. (4); borrowed (17); also (19); 'a', 'b' (20); Ужгород (29); Buk. (33); Vasmer (37); of the name (37); borrowed (42); from (45); -ання (45);—

(46); істор. (50); ринок (52); Величко (55); field (58); dial. (Львів); РСССтоцький (61); fish, bag (62); баник; сирник (66); розбалуваний (67); Wd. also (73); Sadnik-Aitzetmüller (83); Тимченко (83, 99, 117); arch., дéдя, Óno! (88); барах, бам! (95); базікати (102); Бенько́ (103); An o/p. interj. (103); trouble; disturb (104); only, also (105); Березники́ (110); illness (177); corn-flower (140); йо́лоп (157); Богуш (159); Кузеля (163); also (165); 1736 (169); Під- (175); на борони (Сл. плк. Іг.) (176); and comp. (209); other explanation (218); dial. (219); to hatch (219); з злота и срьбра (267); see also бузько (270); Ак. Сл. I, 733 (288); Babylon (288); Вакаренко (295); Варвенко (312); Андрусишин-Крет (321); Бойків (344); верем'я (352); Ru. вес (368).

2. Пополнение материала новыми апеллативами или собственными именами.

Переработанное издание было пополнено значительным количеством новых материалов, особенно за счет производных образований. Был включен также ряд новых статей (например, *бéльфер*, *борушкатися* и др.)

Соответствующий материал можно было бы распределить между двумя группами: (1) апеллативы и (2) собственные имена.

К первой группе принадлежат следующие слова:

ага́кало (7); абе́тло (13); валькі́р (19); агняне (23); OPr. bhe, бобони́ти (45); боюрка, боюрок (55); букла́к (58); балагу́льщина (61); balamut 1587 (62); бу́рбіль(63); ба́лмуш, ба́мущ; каша (66); банду́рник (72); бе́нькéт (73); банува́ти (74);бараховка (78); буѓе́ра, бетя́р; батюки́, батю́цький; ба́дя-,дьо; баті́й, бахті́й (88); бай; ба́ник (*gъb-an-ikъ) 'слоеная лепешка' (93); веѓа́р (95); *bedro (96); бе́кеш,бе́кач (99); бе́льфер (102); бене́ря (103); бентэ́жиць (104); бич (118); бі-він, бі-цей (127); бісмут(139); бла́ватий,-иль (140); бри́ця, брі́нний (171); прове́рчувальний апара́т (174); борушка́тися (борючка́тися) — варіянт від борюка́тися (201); бо́тень (179); бро́на (192); бранд-ма́йстер,-ме́йстер (193); бриндува́тися (201); брисува́ти (209); бріт, брі́танець—брит, брита́нець (212); бриснува́ти; обгри́зти (217); бу́йний (244); вавóрити (287); ва́рга (314); верзти́ (315); варашчук (318); вархо́л, вархо́ла, вархо́лити; варча́ти (320); вацюва́ти, вачува́ти (329);відльа (331); бене́ря (венери́чна неду́га) (344); вире́ні (352); вирезу́б (356); верплу́т (367); ве́сити (368); ви́вихнути: виха́ти (382).

Вторая группа включает следующие собственные имена:

Баку́менко, Бако́вич (4); Апоню́к (8); Аку́ленко (15); База́рко (52); Балагу́р, Балагу́ра; Ба́лаш (61); Балю́к (67); Бари́цький, Ба́рнич (81); Бартоломій (83);Бати́цький, Ба́тичі (86); Баца́ла, Бацу́ла, Бацу́ца (90); Ба́штовий, Бахти́нський (92); Бевзе́нко, Бевзь (95); Билба́с, Билба́сівка (102); Бе́неш (103); Підберізці (110); Бендю́га (122); Божеда́н (159); Ма́йборода (175); Боронисла́ва (176); Брайчевський (190); Бріта́нія, Брита́нія (212); Забу́га (231); Бурдуче́нко (259); Буряківець (268); Вака́рів, Вакарю́к, Вака́ренко (295); Baку́ла, Ваку́ленко, Вакуло́вський (296), Варени́ця (312); Вархоломі́й, Вархо́ла (319); Василько́ха (322); Виг (383).

3. Добавление новой библиографии.

Как это случается почти в каждом исследовании, в данной работе также оказались пропущенными некоторые библиографические данные, тем более что новые труды, касающиеся этимологии, публиковались в течение всего этого времени. Автор внимательно просмотрел как новую, так и ранее недоступную лингвистическую литературу. В результате в новом издании были использованы статьи следующих авторов:

статья Руберовского в издании «Лексикологічний Бюлетень» (3); Акуленко — «Науковий Збірник Потебні» (45); Гнатюк — «Етнографічний Збірник Наукового товариства ім. Шевченка» (63, 331); Марусенко — «Лексикологічний Бюлетень» (117); Велигорский — «Рідна Мова» (352); Рудницький — «Сучасність» (359); Верхратский — «Етнографічний Збірник» (29); статьи Галаса и других авторов в журнале «Українська мова в школі» (теперь — «Українська мова и література в школі») (102, 117); статья Закревской в издании «Дослідження і матеріяли з української мови» (252, 286); Терешко — в сборнике по украинской диалектологии и ономастике (254);

Лысенко — «Лексикологічний Бюлетень» (368); Войценко — «Word on Guard» (160); Бабкин — «Вопросы языкознания» (255); Балецкий — «Studia Slavica» (66, 93, 99); Shevelov (Sherech) — «Zeitschrift für slavische Philologie» (105);

прочие дополнения: Kiparsky — «Slavic and East European Journal» (69, 158, 268); Jaszczun — «Onomastica» UVAN (202); Schwytzer—Kuhn's Zeitschrift (20); Hüttl-Worth — «Annals of Ukrainian Academy of Arts and Sciences in U. S.» (29, 42, 73, 117, 246); Aalto — «Neuphilologische Mitteilungen» (77); Papp-Kiss — «Studia Slavica» (91); Unbegaun — «Annals of Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the U. S.» (165); Jakobson — «Word» (270, 276); Nemeth — «Onomastica» UVAN (165); Buescu — «Orbis» (91); Altbauer — «Annuls of Ukrainian Academy of Arts and Sciences in U. S.» (288); Schall — «Indogermanische Forschungen» (114); Saglio — «Revue Internationale d'Onomastique» (114); Knobloch — «Kratylos» (218, 352); Lehr-Spławiński — в сборнике в честь Вайана (219); Vaillant — «Slavia» (306).

Далее, новое издание словаря было дополнено материалом из таких монографий, как: Shevelov. A Prehistory of Slavic (45, 109, 135, 155, 160, 186, 196, 321, 326, 349); работа О. Н. Трубачева о терминах родства в славянских языках (45); аналогичная работа на материале украинского языка — Бурячка (45); работа Рогала об украинских предлогах (36, 55, 257); статьи Горбача по диалектологии и арго (127, 179, 184); работа Р. Смаль-Стоцкого о славянах и германцах (137); работа Огоновского по украинской грамматике (149); диссертация Наконечной о бытовой терминологии украинского языка (157, 187); книга Ващенко об истории и географии слов (217, 267); этимологические работы Попова (62, 111, 221, 258); работа митрополита Иллариона о дохристианских верованиях украинского народа (337); работа Дейны по диалектологии Тернопольщины (17); работа Кипарского о русском ударении (30, 286); монография Фалька о слове *bьčela* (94) и др.

Наконец, здесь должны быть упомянуты следующие этимологические и прочие словари: Полесский словарь Лысенко (90); Украинский словарь иноязычных слов Орла (282); Исторический словарь украинского языка Тимченко (99); Русский этимологический словарь Фасмера (157); Этимологический словарь чешского языка Махека (96); Румынский этимологический словарь Чорэнеску (11, 19, 26, 55, 66, 163, 190, 254, 275); Лингвистический словарь Кноблоха (18).

4. Упорядочение некоторых сокращений.

Для того чтобы улучшить систему сокращений, автор упорядочил некоторые из них:

Hb. вместо Heb. (4, 8, 10, 22, 69, 84, 90, 95); Yi. вместо Yid. (9); G. вместо Germ. (6, 9, 24, 59); Meillet Ét. вместо Meillet Études (161); Mikkola вместо Mikkola Ursl. Gr. (94); f/e вместо folketymological (95); Kopečný вместо F. Kopečný (117).

5. Исправление допущенных ошибок и погрешностей.

a) исправление погрешностей в алфавитном порядке:

В первом издании словаря был в ряде случаев нарушен алфавитный порядок. Теперь это замечено и соответственно исправлено. Например, статья *бльόхнути* со стр. 151 перенесена на стр. 154; статья *блющ* — со стр. 152 на стр. 151; статья *ботфόрити* — со стр. 183 на стр. 184; статья *бόтва* — со стр. 183 на стр. 182; *ботéй* и *ботелéв* были перемещены со стр. 184 на стр. 183, а статья *василíск* — со стр. 323 на стр. 322.

b) Перестановка слов и статей:

Сравнивая два издания словаря, можно заметить в ряде случаев исправление порядка слов. В статье *абецáдло* хронологическая помета теперь следует за английским переводом (2). Изменен также порядок слов для производных в статье *Борúс* (173).

c) Исправление акцентуации:

Следует обратить внимание на некоторые изменения акцентуации ряда слов. Например, в слове *спинí* ударение было отодвинуто на другой

слог: *спи́ні* (127); вместо *Бра́тко — Братко́* (195) и вместо *поташня́ — пота́шня* (234).

Проставлено ударение в следующих словах: аба́т (1); абсолюти́зм (4); автокра́т (6); письме́нник (7); принаймі (11); бузика́ (52); йо́лоп (95);-ви́ (196); мі́ста (260); вале́нки (303).

Наконец, в некоторых случаях знаки ударения сняты, например в названии *Апонюки́* (28) снято одно ударение, а *Дэ́же* (117) и *ви* (126) оставлены без ударения.

d) орфографическая правка:

В словаре было относительно мало ошибок, но можно отметить некоторые минимальные исправления в украинском и других языках, такие, как *occur* вместо *occurs* (I); *wooded* вместо *wooden* (55); *jocose* вместо *jokose* (68, 78); *bulletin* вместо *buletin* (282); *столі́тня* вместо *столі́тна* (8); *агрест* вместо *аґрест* (4).

e) исправление опечаток:

Наш обзор был бы неполным без упоминания опечаток, которые появляются в процессе печатания любой книги, а тем более при печатании этимологического словаря. В новом издании мы находим ряд исправлений этого типа ошибок. Хотелось бы проиллюстрировать здесь бо́льшую часть их. В большинстве случаев речь идет о перестановке или добавлении знаков пунктуации. Знаки пунктуации проставлены в следующих аббревиатурах: ЗНТШ. (9, 12, 42, 60, 61, 66, 89, 90); РМ. I; (12, 60); ЕУ. 2,; (2); УЗЕ. I, (32); УРЕ. I, (38); УМШ. (105); КСИС. (246); OCS. (24); Mlat. (81); PF. (70, 71, 82); LLat. (148); 190, a. o. (324).

Исправлено: (?) Vasmer 1, 2) на (? Vasmer 1, 2), (3); (since 1720). на (since 1720)—(4); Vasmer 1, 5), на (Vasmer 1, 5,) (9); Po. adresa на Po. adres (12); Gk. alábastros на Gk. alávastros (18); 9—10 на 9, (19); (lit.'daughter of wind' — ánemos) на (lit. 'daughter of wind': ánemos) (25); Ru. 'ts' Vasmer 1, 19, на Ru. 'ts' (Vasmer 1, 19) (26); ESL на Sl (27); IE**bā на IE**bhō (45); Pokorny 105—106 на Pokorny 113 (45); Puşcariu 14—15 на Puşcariu 15 (55); Tu. на Tk. (59); Altbauer JP. 17, 47—49 на Altbauer JP. 17, 47—49 u AUA. 8, 118 (61); Ru. на Bu. (73); selovonice на sclavonice (83); first recorded in the XIV c. на first recorded in the XIX c. (89); Brno на Opava (117); Walde—Hoffman на Walde—Hofmann (94, 95); Pokorny 105—106 на Pokorny 106 (93); baš, see ба́шка на баш, ба́шка (91); Po. beretka на Po. beret (112); Gk. býrsa на Gk. býrsā (138); Uk. BRu. Ru. на Uk. BRu., Ru ts (143); Cz. blvati на Cz. bliti (150); B. българинъ SC. bŭgarin, Po. bulgar на Bu. българин SC. Bŭgarin, Po. Bulgar (164); **bherk- : **bherk-, на **bherk : **bherek- (203); BRu. Ru. ts на Ru ts (193); seems to be на is (254); XVI на XV (183); 'cucumber' на 'borage' (268); 'little (skin) bag' на 'little (skin-) bag' (282); Ekblom ZfsPh. на Ekblom ZfslPh. (403); the ultimate source is во́лох на that of во́лох (299); вместо Рудницький, ЖіЗ., 9, — Рудницький ЖіЗ. 9, (22); вместо (Остр. ев.) — (XI с. Остр. ев.) (33); вместо Огоновський I, 213 — Огоновський 213 (44); вместо опалдіння—обалдіння (64); Шелудько 1 исправлено на Шелудько 2 (67); ба́ник див. ба́лмус на ба́ник див. бга́ти (72); бенке́тник, бенке́тний, бенкетува́ти вм.банке́тник, банке́тний, банкетува́ти (73); частина вм. частинка (122); бо́рзий вместо бо́рзо (178); бу́хша вместо бу́кша (248); Буйня́к вместо Буя́н (243); Gsg. з'я́стя исправлено на Gsg. б'я́стя (284); Gk. Baál на Gk. Vaál (286); наконец, исправлен источник слова *бюдже́т*: оно выводится не из фр. *bulletin*, а из англ. *budget* (282).

6. Прочие изменения.

Из числа прочих изменений, внесенных в новое издание словаря, необходимо отметить следующие.

Исправление хронологических указаний: например, в статье *ба́чити* (90). Этимология слова *Астрахань* по Фасмеру заменена более убедительным толкованием Вернадского. Этимология слова *ба́ба* (45) дополнена материалом других авторов. В статье *ба́йстер*, *байстрю́к* упомянута этимология, пред-

ложенная недавно Поповым. На стр. 61 добавлена, как более убедительная, этимология слова *балагýла*, принадлежащая Якобсону. Сделаны также некоторые исправления в статье *банджó*. На стр. 138 изменено объяснение слова *бíржа* и включена дополнительная этимология О. Горбача в статью *бот́я*. Этимология Брюкнера на стр. 190 заменена этимологией Чорэнеску. Добавлены новые объяснения к статьям *бруд* и *бумáга*, а на стр. 266 изменена этимология слова *бурундýк*. Объяснение таких слов, как *бýсел*, *бутќол*, *бушлáт*, дополнено новым материалом. Далее, приведен английский эквивалент для слова *бóднар*; более пространно объяснено происхождение слова *буцентáвр*. Статья *вархóла*, *вархóлити* объединена с *Варфоломíй*. Сокращение Germ. заменено на Teut. (2, 83) и Gern. — на MHG (7).

При сравнении двух изданий этого этимологического словаря становится очевидным большое количество изменений. Нет необходимости объяснять, насколько новое издание увеличивает ценность словаря благодаря этим изменениям и исправлениям, а особенно благодаря его расширению за счет добавления нового материала и литературы. Составление этимологического словаря требует длительной и тщательной работы над каждым выражением, над каждым словом. Автор обнаружил в этом отношении большое усердие, перерабатывая, дополняя и шлифуя каждую статью. Само собою разумеется, что столь ценная работа не только сама по себе имеет большое значение, но и является очень серьезным вкладом в украинскую филологию и в этимологию в целом. Она заняла важное место в лингвистической литературе и заслужила признание специалистов в данной области.

Рецензируемое издание является в высшей степени показательным примером напряженной и кропотливой работы. После завершения первых пяти томов автор не почил на лаврах и систематически работал над словарем, уточняя не только новый, но и старый материал.

Мы должны гордиться сознанием, что есть такие ученые, которые ставят перед собой столь высокие цели и успешно достигают их. Мы присоединяемся к мнению Американской ассоциации преподавателей славянских и восточноевропейских языков (Филадельфия): «одна из наиболее важных публикаций в настоящее время — «Этимологический словарь» Рудницкого. Будучи первым словарем этого рода на английском языке, он не только прокладывает пути для развития украинского языка в западном полушарии, но, объясняя в своих статьях происхождение других славянских слов, он также увеличивает значимость украинского языка среди славянских языков».

И. Герус-Тарнавецкая

Перев. с англ. *Ж. Ж. Варбот*

Ю. В. Откупщиков. Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1967, 323 стр.

Рассматриваемая работа богата идеями и весьма разнообразна по материалу. Поэтому дать ей оценку в небольшой рецензии оказывается нелегким делом. Аргументированная поддержка или критика множества оригинальных этимологических решений потребовали бы написания специального исследования. Это вынуждает нас остановиться лишь на основных проблемах книги, минуя ряд интересных, но относительно второстепенных наблюдений автора.

Работу Ю. В. Откупщикова можно было бы назвать методологической, поскольку все рассматриваемые в ней частные проблемы индоевропеистики объединяются с точки зрения их важности для определения общих принципов этимологического исследования.

В первой части книги, которая называется «Словообразование и вопросы исторической фонетики», автор избирает в качестве предмета исследования вторичные долготы, фиксируемые некоторыми морфологическими категориями. Каждая отдельно взятая глава этой части могла бы рассматриваться как самостоятельная статья со своей проблематикой и своими решениями. Однако существенно здесь то, что автор склонен видеть за фонетическими изменениями прямо не наблюдаемые изменения морфологического характера и их относительную хронологию. Речь идет о так называемом законе Лахмана, действие которого объясняется совпадением в латинских причастиях на *-to-* двух разновидностей индоевропейского отглагольного прилагательного (с *-no-* и *-to-*суффиксацией). При этом старые *-to-*формы с основой на звонкий смычный сохранили краткую огласовку, а в аналогичных *-to-*формах, заменивших *-no-*формы, возникли вторичные долготы. Для доказательства этой гипотезы автору важно, что «ни одно латинское причастие, сохранившее при оглушении звонкого смычного краткий корневой гласный, не имеет в латинском языке. . . реликтов с суффиксом *-no-* и почти не имеет соответствий с этим суффиксом в других индоевропейских языках» (стр. 26). Дальнейшим подтверждением этого положения Ю. В. Откупщикова является параллелизм образований на *-no-/-men-*, и следовательно, там, где отсутствуют реликтовые образования на*no-*, на их существование в предшествующий период указывает соответствующее образование на *-men-*. Представляются убедительными приведенные количественные показатели зависимости рассмотренных фонетических и морфологических характеристик (стр. 46). Только все же следовало придать этому рассуждению более строгую статистическую форму.

Аналогичными методами в последней главе первой части обосновывается относительная хронология формирования сигматического аориста в латинском, старославянском и древнеиндийском языках. При этом устанавливаются различные фонетические причины вторичных долгот в этих формах.

Вторая часть, названная «Словообразование и историческая морфология», начинается главой, в которой исследуются глаголы типа латинских *-(i)tāre/-(i)nāre* и их параллели в других индоевропейских языках. Здесь также, аналогично разделу о сигматическом аористе, процесс образования данных форм определяется как относительно поздний. Фактически, первая глава второй части по своей проблематике примыкает к первой части.

Самой большой по объему и самой спорной по содержанию является глава, посвященная «славянским образованиям с суффиксальным d». Тогда как в предыдущих главах автор тонко различал внешне тождественные формы, вскрывая различие в их происхождении и разновременность их возникновения, здесь он почему-то поддался гипнозу поверхностного сходства. Ю. В. Откупщиков поставил перед собой задачу доказать, что праславянский язык знал *-do-*суффиксацию. Свое доказательство он начинает с того, что предлагает рассматривать образования среднего рода на *-do-* в едином ряду*-dъ*,*-dā*,*-do*,*-dь*-суффиксации, т. е., иными словами, вместо реально существующих в конкретном языке суффиксов предлагается рассмотрение некоторого консонантного определителя, некоторого детерминатива *-d-*. При такой постановке задачи весь привлекаемый для сравнения материал оказывается излишним, так как a priori ясно, что, например, праслав. *bl'udo* возводится к и.-е. **bheu̯-dh-*, поскольку индоевропейский корень трехфонемен. Совсем иной оказывается картина праславянского словообразования, когда мы обращаемся к рассмотрению реальных суффиксов со стабильным вокализмом и родовым показателем гласного основы. Так, например, праслав. *pravьda*, несомненно, демонстрирует праславянский суффикс *-ьda*. Это значит, что в праславянском языке при помощи этого суффикса образовался ряд имен женского рода (соответствующие суффиксы мужского и среднего рода отсутствуют) и что эти образования являются отыменными. К сожалению, имен среднего рода, образованных в праславянском языке при помощи суффикса *-do*, мы не знаем. Список таких существительных у Ю. В. Откупщикова, вос-

ходящий к другим известным спискам, фиксирует: 1) имена, *d*-формант которых обнаруживается в генетически соотнесенных с ними именах других индоевропейских языков (ср. *gnězdo*, *čudo*, *lędo* и лат. *nīdus*, греч. κῦδος, нем. *Land*); 2) имена с иной суффиксацией (*govędo* < и.-е. *g^{u}ou̯-; если бы славянское образование имело суффикс *-do*, мы ожидали бы **gudo*, не говоря уже о том, что глагольная основа здесь не прощупывается); 3) имена предположительного германского происхождения (*čędo*, *stado*, *bl'udo*); 4) имена неясного происхождения (*bьrdo*, *ǫdo*, *mǫdo*). Конечно, можно спорить, к какой группе отнести то или иное имя. Мы, например, в настоящее время рассматриваем *čędo* как эвентуальный германизм (с минимальной степенью относительной надежности). Можно считать *stado* и *bl'udo* (мы этого не считаем) генетически тождественными др.-англ. *stōd* и гот. *biuþs* (тогда эти имена попадут в первую группу). Одно остается незыблемым: нет ни одного надежного примера имени, образовавшегося при помощи *-do*-суффиксации на славянской почве. С нашей точки зрения, праславянский суффикс *-do* столь же иллюзорен, как праславянский суффикс *ęd'z'ь*. И автор рецензируемой книги не может привести ни одного убедительного примера праславянского словообразования при помощи этих «суффиксов». Спор, конечно, вновь разгорается вокруг праслав. *koldęd'z'ь*, так как *vitęd'z'ь*, *retęd'z'ь* — более или менее надежные германизмы. Ю. В. Откупщиков, решительно отвергая версию о германском происхождении *koldęd'z'ь*, возвращается к старой этимологии (*koldęd'z'ь* < *kolda*), несмотря на то, что реконструируемое **kaldinga* имеет зеркальное семантико-словообразовательное соответствие в праслав. *studenьcь* и что суффикс *-inga*, несомненно, продуктивен на германской почве. «. . . Русск. *железо*, например, никто не считает заимствованным словом, — пишет он,— только на том основании, что для русского языка образование *-зо* не является типичным» (стр. 125). По этому поводу можно сказать, что никому также в голову не придет считать праслав. *želězo* возникшим на славянской почве при помощи *-zo*-суффиксации.

Таким образом, приходится констатировать, что Ю. В. Откупщиков отошел здесь от столь удачно использованного им в предыдущих главах принципа относительной хронологии словообразовательных формантов и перевел на одну плоскость индоевропейские детерминативы и праславянские суффиксы (несмотря на предостережение против такой возможности на стр. 151). Впрочем, в этой главе есть ряд остроумных этимологических решений (например, анализ русск. *кладбище*, праслав. *kladъ* и его производных и т. д.). Следует, однако, возразить автору по поводу его критики этимологии праслав. *mědь*, предложенной В. И. Абаевым. Остается непонятным, почему она «явно уступает традиционным» (стр. 132). Нам неоднократно приходилось отстаивать мысль о том, что в этимологическом решении главное — с т е п е н ь е г о в е р о я т н о с т и, а не п р и н ц и п и а л ь н а я е г о в о з м о ж н о с т ь. Принципиально возможны и традиционная этимология, и этимология В. И. Абаева, но степени их вероятности весьма различны. Прасл. *mědь* изолированно на славянской почве (не образует словообразовательного гнезда). Более того, если в других аналогичных случаях балтийские параллели позволяют нам восстановить якобы утраченные праславянские формы, здесь и эта возможность отсутствует. Эти данные заставляют нас подозревать заимствование. Старые названия меди, как известно, преодолевали огромные пространства. Существовала при этом большая вероятность того, что название меди происходит от названия страны, где она добывалась. Праслав. *mědь* и морфологически соответствует древнему продуктивному типу названий стран и народов (ср. еще др.-русск. *Донь* 'Дания'). Таким образом, вероятность происхождения *mědь* < **Mědь* 'Мидия' определяется рядом отрицательных и положительных аргументов и приобретает гораздо большую надежность, чем традиционная.

Сомнения вызывает также и следующая глава, посвященная роли «сонантов в древнейшей структуре корня». В ней автор возвращается к старой проблеме чередования индоевропейских детерминативов. В связи с этим хо-

телось бы заметить следующее. В последнее время этимологи избегают «корневых этимологий», предпочитая анализировать случаи генетического тождества или генетической соотнесенности цельнооформленных слов с учетом всех возможных изменений в консонантизме, вокализме, акцентуации. Происходит это, разумеется, не потому, что «корневые этимологии» не представляют интереса, а потому, что мы еще слишком мало знаем о функциональных характеристиках детерминативов, хотя материал, доступный непосредственному наблюдению, достаточно велик. Поэтому мы ничего не можем сказать о движущих силах «чередования» детерминативов. Автор сам подчеркивает, что под этим понятием скрывается два явления: индоевропейское гетероклитическое склонение и сочетаемость корней с различными суффиксами (читай — детерминативами) (стр. 111). Если в первом обнаружены определенные регулярности, этого же сказать о втором нельзя. Отождествление корней с разными детерминативами, правда, используется сравнительной фонетикой, однако этимологическая надежность его крайне низка.

Ю. В. Откупщиков приводит варианты одного, как он полагает, корня с чередующимися конечными сонантами (*(*s*)*keN*-'бить, рубить, колоть, резать'). Этот материал ненадежен уже потому, что он может быть дополнен «вариантами» с конечными смычными: *(*s*)*ked*- (греч. σκεδάννυμι 'раскалываю', лит. *skedervà* 'осколок' и т. д.); *(*s*)*kep*- (русск. *щепать*, лит. *kapóti* 'рубить' и др.). А не являются ли «вариантами» одного корня *(*s*)*ker*- (греч. σκάρος 'прыжок'), *(*s*)*kek*- (русск. *скок*), *(*s*)*kēt*- (лит. *skàsti* 'прыгать')?

Вместе с тем продолжают удивлять некоторые совпадения в названиях реалий, которые, по-видимому, нельзя объяснить «семантическими схождениями». Один из такого рода примеров находим и в книге Ю. В. Откупщикова: **skei̯-t* (русск. *щит*), **skeu̯-t* (лат. *scūtum* 'щит'), **skel-t* (нем. *Schild* 'щит'). Столь же выразителен ряд гот. *an-þar* (лат. *al-ter* 'другой'). Можно было бы привести и иные примеры. К сожалению, автор, как, впрочем, и его предшественники, не идет дальше отрицания случайного характера этих «соответствий» и не дает им какой бы то ни было интерпретации. Нельзя же считать интерпретацией или началом некоторой теории утверждение, что «все это не „аномалии“, которые обычно или оставляют без объяснения или рассматривают как отдельные случаи ad hoc, а д р е в н е й ш а я и н д о е в р о п е й с к а я н о р м а» (разрядка автора) (стр. 186). Кстати, об одном ряде древних «чередований» сонантов. На стр. 177 автор соотносит праслав. *kovati* и лит. *kálti* 'ковать'. При этом он забывает, что на стр. 129 для праславянского восстанавливалось *kolti* в значении 'ковать' (ср. *kladъ*, *kladivo*, русск. диал. *колоть* и т. д.), в то время как *kuti*/*kovati* должно было значить в раннепраславянском, как и в прагерманском, 'рубить, резать' (ср. праслав. *kovalъkъ* 'кусок') (ср. стр. 173). Ясно, что если праслав. *kovati* означало 'рубить, резать', его сопоставление с лит. *kálti* 'ковать' уже теряет смысл.

Третья часть книги Ю. В. Откупщикова «Словообразование и историческая лексикология» является, с нашей точки зрения, наиболее интересной своими частными этимологиями. Ряд из них заслуживает самой высокой оценки (лит. *agnùs*, ирл. *brân* ~ ст.-слав. брашьно, ст.-слав. лоно, ст.-слав. лѣнъ, др.-русск. *лѣнь* и др.). Одну из этих этимологий, несмотря на недостаток места, мы хотели бы все же рассмотреть. Праслав. *lono* возводил к **log-sno* еще В. Махек. Однако только О. Н. Трубачев и Ю. В. Откупщиков, независимо друг от друга, обратили внимание на формально-семантическую идентичность праслав. *lono* и ст.-слав. ложесно 'утроба, матка'. В связи с тем, что при таком толковании праслав. *lono* связывается с праслав. **logo* (-*es*-) и *ležati*, нам бы хотелось подкрепить эту этимологию блр. *лано́* 'место, где лежит скошенный, но не связанный хлеб', которое относится к парадигме -*o*-основ среднего рода с колонной окситонезой, за исключением им., вин. и местн. пад. мн. ч. (ср. *у ло́нах* в том же значении). Праслав. *lono*, как известно, относится к той же акцентуационной парадигме. Привлекая белорусский пример, мы достигаем идеально высокой

этимологической надежности, обеспечиваемой полным использованием семантических, морфологических, фонетических и акцентуационных критериев.

Мы не можем в то же время отказаться от полемики с автором в связи с его этимологией праслав. *stěna*. Для опровержения традиционного соотнесения праслав. *stěna* с прагерм. *staina* 'камень' он прибегает к экстралингвистической аргументации, которая в этимологическом исследовании должна использоваться как дополнительная. При этом мы читаем следующее: «во-первых, согласно данным археологии, древние славяне имели не каменные, а деревянные или глиняные стены, а во-вторых, в славянских языках для обозначения каменной стены (?!) имеется особое слово: ст.-слав. зьдъ, с.-хорв. *зид*, чеш. *zeď*» (стр. 233). Как же так? Не имели каменных стен, но имели для них специальное название? Не надежнее ли чисто лингвистическое решение этого вопроса. С.-хорв. *сте́на* 'скала, камень' семантически тождественно гот. *stains*. Различие в роде и основе сводится к различию основ на *ŏ* (м. р.) и *ā* (ж. р.), коррелируемых в прилагательных. Вероятность случайного совпадения здесь ничтожна. Севернослав. *stěna* 'стена' могло возникнуть из праслав. *stěna zьdь* (= англ. *stone wall*).

Отличительной особенностью «этимологического почерка» Ю. В. Откупщикова является широкое использование словообразовательного ряда. Изолированные, «экзотические» этимологии его мало интересуют, поэтому он не занимается лексемами с «индивидуальными» биографиями. Что касается других принципов этимологического анализа, то, как справедливо замечает сам автор, «за последние годы появилось большое количество по-настоящему хороших работ о принципах этимологического исследования, однако это не привело ни к резкому увеличению количества хороших этимологий, ни к заметному уменьшению числа плохих. По-видимому, дело здесь не только в хороших принципах, но и в последовательном применении этих принципов в практике этимологических исследований» (стр. 213). Тем самым признается фактическое отсутствие строго регламентированных правил этимологической аргументации. Ars etymologica еще полностью не превратилась в Scientia etymologiae. Этимологи по-прежнему могут, располагая одними и теми же фактами и не допуская очевидных ошибок, приходить к прямо противоположным результатам.

Подводя итог сказанному, хочется еще раз подчеркнуть, что для обстоятельного рассмотрения фундаментального исследования Ю. В. Откупщикова рамки рецензии слишком узки. Стараясь сосредоточить наше внимание на основных проблемах, мы смогли обозреть лишь небольшую часть книги, которая является во многом новаторской, зовет к спорам и, несомненно, стимулирует прогресс этимологической науки.

В. В. Мартынов

F. Scholz. Slavische Etymologie. Eine Anleitung zur Benutzung etymologischer Wörterbücher.

Wiesbaden. 1966 (= «Slavistische Studienbücher», hrsg. von Dm. Tschiżewskij, R. Olesch und D. Gerhardt, III)

В серии «Пособия по славистике», издаваемой группой западногерманских славистов, вышла небольшая книга Ф. Шольца под названием «Славянская этимология. Руководство к пользованию этимологическими словарями». Книга посвящена ответственной теме, учебник или учебное пособие такого рода прежде отсутствовало, поэтому интерес, вызываемый книгой Шольца, вполне понятен. Работа получила отклики в научной печати, ср. ре-

цензии Р. Айцетмюллера в журнале «Anzeiger für slavische Philologie» (Bd II, 1967, стр. 163—171), Э. Айхлера («Indogermanische Forschungen», Bd 72, 1967, стр. 216—219 и И. Шюца («Die Welt der Slaven», Jg. XII, H. 4, 1967, стр. 438—440). Беря на себя задачу критически оценить книгу по славянской этимологии, мы должны будем учитывать также мнения названных ученых, правда, в отдельных случаях это добавляет к нашей дискуссии с автором книги также дискуссию с авторами рецензий, от чего в полном объеме здесь приходится отказаться. В другом месте мы изложим более подробно свое отношение к взглядам Айцетмюллера и Шюца по этому вопросу, а также свои взгляды о задачах современного пособия или учебного курса по славянской этимологии.

Небольшая книга Шольца разбита на ряд очень кратких, конспективных разделов. Внешняя структура книги выглядит в достаточной мере стройно: Введение; 1. Праславянский язык; 2. Восточнославянский; 3. Западнославянский; 4. Южнославянский; 5. Библиография (и довольно обширные, принимая во внимание малый объем книги, примечания ко всем разделам в конце книги). Разделы, посвященные основным группам славянских языков, имеют дальнейшие подразделения. Так, дается, например, очень суммарная сравнительно-историческая характеристика языковой эволюции русского языка, затем следует особый параграф «Русские этимологии». Это правило соблюдается на протяжении всего дальнейшего изложения, причем после столь же кратких характеристик (в основном фонетического) развития белорусского, украинского, польского, чешского, словацкого, серболужицкого, болгарского, македонского, сербохорватского и словенского языков (специальные разделы о старославянском, полабском и кашубско-словинском, оказывается, отсутствуют вообще) даются параграфы под названиями «Русские этимологии», «Белорусские этимологии», «Украинские этимологии», «Польские этимологии» . . . и т. д., в соответствии с принятым в книге порядком. Уже перечень разделов, составляющих книгу, вызывает мысль, что мы имеем здесь дело скорее с пособием на тему «Les langues slaves — de l'unité à la pluralité», если уместно здесь вообще сравнение с известным циклом лекций Ван-Вейка. Разделы, трактующие русские, польские и прочие этимологии, несколько выпадают, казалось бы, из рамок названной темы эволюции, обособления славянских языков из праславянского единства, но об этих разделах и их содержании будет еще сказано ниже.

Автор начинает книгу вполне правильными наблюдениями, даже если признать, что они не отличаются самостоятельностью и слегка устарели: «Наука о происхождении слов, этимология, не пользуется вообще особой популярностью у тех, кто изучает филологию. Она слывет своего рода тайной наукой, которая открывается адептам только после долгого, упорного труда» («Введение», стр. 1). Этимологические словари, рассуждает далее автор, своей сложной структурой, лаконичностью и противоречивостью этимологий одного и того же слова усиливают в глазах неспециалистов эти качества этимологии. «Назначение этого тома состоит в том, чтобы открыть студенту, изучающему славянскую филологию, доступ к достоверным основам этой важной исторической отрасли знания» (стр. 2). Автор намерен оперировать «надежным фондом» этимологий, предполагая дать в соответствующих разделах исторические звукосоответствия разных славянских языков наряду с избранными этимологиями. Он не отказывается и от подачи спорных этимологий, что важно для показа проблематики учащимся, студентам.

Таковы установки, излагаемые автором во «Введении». Однако, знакомясь с дальнейшим содержанием книги, мы явственно наблюдаем несоответствие между этим реальным содержанием и названием «Славянская этимология. Руководство к пользованию этимологическими словарями». Упомянутое выше первое впечатление от структуры разделов подтверждается: перед нами на самом деле очень беглое, конспективное изложение в основном фонетических (реже — морфологических и других особенностей) славянских языков, развившихся из общего праславянского. Это не курс по славянской этимологии и не руководство по славянским этимологическим сло-

варям. Мы далеки, разумеется, от той мысли, что сравнительно-историческая грамматика славянских языков не имеет самого непосредственного отношения к славянской этимологии. Но было бы неверно, если бы мы, думая, что излагаем принципы, проблемы и методы славянской этимологии, принялись бы пересказывать сравнительно-историческую фонетику и морфологию. Шольц пошел, к сожалению, именно этим путем. Исходя из убеждения, что он совершил ошибку и не смог выполнить свою задачу, мы одновременно считаем нужным возразить его рецензентам, в особенности Айцетмюллеру, который во всеоружии научной критики выдвигает множество упреков автору в поверхностности, излишней краткости, а часто — ошибочности его исторических комментариев. Нужно ли требовать, чтобы было сделано лучше, обстоятельнее и тоньше то, чего, строго говоря, вообще не нужно было делать в этой книге? Поэтому я позволю себе не следовать примеру названных выше ученых и не представляю здесь полный перечень мест, где автор погрешил против сравнительно-исторического языкознания, что было бы не трудно, принимая во внимание краткость книги. Конечно, краткость пособия не освобождает автора от необходимости быть точным. При перечислении индоевропейских языков (стр. 4) хеттский идет между тохарским и армянским, а ликийский и лидийский упомянуты в числе «некоторых других языковых групп». — Не лучше ли объединить их (хетт., лик., лид.) в анатолийскую группу индоевропейских языков, как это и принято? Там же читаем далее: «Но тождества слов гораздо менее доказательны для степени близости между языками или группами языков, чем общности на фонологическом или морфологическом уровне» (стр. 4—5). — Эта точка зрения не может приниматься сейчас без значительных оговорок, благоприятных для этимологии; даже в индоевропейской диалектологии ее можно считать преодоленной (Порциг). В пособии по этимологии следовало бы также отразить эволюцию взглядов и действительное положение в науке.

Из частных неточностей и пропусков: на стр. 17 приводится неверное ударение болг. *чо́век*, надо *чове́к*; на стр. 19 дается алб. *ul'k*, следовало дать современное написание — *ulk*; на той же странице приводятся всевозможные этимологии слав. *ryba*, но этимологии Топорова и Якобсона остались неупомянутыми; дославянскую форму **mě̄s-en-ko-* (к которой возводится **męsęcь*, стр. 20) правильнее передавать как *mēs-en-ko-*; в.-луж. *howrić* никак не может объясняться «путем присоединения простого суффикса *-r-* к праслав. **gov-*» (стр. 22), ведь тогда мы имели бы **gou̯-r-iti* > > **guriti* > в.-луж. **hurić*; *howrić* происходит из **govoriti*, как и прочие славянские формы (русск. *говорить* и т. д.), но с последующей синкопой срединного гласного, известной и в других верхнелужицких словах, ср. *kobła* 'кобыла', *korto* 'корыто' < праслав. **kobyla*, **koryto*. Следует писать **pojiti*, а не **poiti* (стр. 29), арм. *meřanim*, а не *meřanim* (стр. 54), алб. *ballë*, а не *bałɛ* (стр. 60); в современных македонских формах иотацию принято передавать с помощью *j-*, а не *я-*, т. е. писать *јазик*, *јаглен*, а не *язик*, *яглен* (стр. 62). Прочие подобные неточности мы здесь опускаем, много ошибок указали уже другие рецензенты (прежде всего Айцетмюллер).

Ясно, что эту небольшую практическую книжку нельзя критиковать с точки зрения требований, которые должны были бы быть предъявлены к специальной монографии на ту же тему. Но возникает более принципиальный вопрос, «возможно ли вообще создать руководство по этимологии?» (R. Aitzetmüller. Указ. рец., стр. 171). Думается, что здесь возможен положительный ответ, и причем не только потому, что имеются прецеденты — книги Хирта (по немецкой этимологии), Росса (по английской этимологии), Кронассера (по этимологии хеттского языка), а также работы по общей этимологии (например, Пизани). Реальность создания руководства по этимологии славянских языков очевидна еще и потому, что знакомство с неудачной книгой Шольца, явившееся для нас как бы контрольным моментом, достаточно хорошо показывает, чего нет в этой книге и что должно быть в руководстве по славянской этимологии.

Поскольку естественно ожидать, что к этимологическим словарям обращаются не одни этимологи, было бы действительно уместно, как нам кажется, начать учебное пособие по славянской этимологии с руководства к пользованию этимологическими словарями славянских языков. При этом необходимо, чтобы это было настоящее руководство, составленное на основе четкого представления специфики самих словарей и специфики работы с этими словарями. Сказать, что профиль и принципы каждого такого словаря определяются субъективными вкусами автора, значит не сказать ничего. По-видимому, будет правильнее рассмотреть каждый словарь по существу, в соответствии с его местом в истории науки и в связи с исследовательскими методами авторов, отраженными в их остальном творчестве. В специальном разделе (которого нет в рецензируемой книге Шольца!) надо было бы охарактеризовать славянские этимологические словари Миклошича и Бернекера, этимологические словари отдельных славянских языков Преображенского, Фасмера, Брюкнера, Славского, Голуба—Копечного, Махека, Младенова, Георгиева, Рудницкого и др. Необходимо обрисовать индивидуальное своеобразие отдельных словарей и правила пользования каждым из них. Эти правила могут значительно отличаться. Покойный Махек хорошо показал это, поместив в предисловии к своему этимологическому словарю чешского и словацкого языка для примера одну свою типичную словарную статью, а рядом с ней как бы «ключ» — ту же статью в пространном чтении, с раскрытыми знаками и сокращениями. Этот верный методический прием наглядно демонстрирует разницу между статьей этимологического словаря и монографической полной статьей на ту же тему в ином издании, а также говорит о большой степени компрессии, которой обычно вынужденно подвергается «этимологическая информация» в этимологических словарях. Правда, пример такой заботы о читателе, показанный Махеком, является, пожалуй, исключением. Польский этимологический словарь Брюкнера известен своими суммарными характеристиками материала, причем лаконизм этих характеристик («u wszystkich Słowian tak samo») нигде специально не раскрывается и не оговаривается: эту работу автор предоставляет самому читателю. В словаре Брюкнера мы имеем настоящую сокровищницу высоко научных знаний по этимологии и истории языка и культуры, представленную в форме очень свободного, местами — нарочито небрежного изложения, причем автор не очень строго придерживался соблюдения графики и орфографии и принципиально игнорировал научную библиографию; одним словом, это — редкое сочетание внешней популярности изложения и фактической высокой требовательности к читателю. Непосвященный человек может вынести неправильное впечатление от первого самостоятельного знакомства со словарем Брюкнера, и тут ему на помощь должно прийти описываемое руководство к пользованию этимологическими словарями, которое должно содержать всестороннюю научную характеристику и этого труда гения и более стандартных справочников современного типа. Речь должна идти и о популярно-учебном типе словаря Голуба—Копечного, о довольно полезном своей библиографической обстоятельностью (хотя и сильно уже устаревшем) словаре Преображенского, о специфических особенностях отдельных словарей, которые надо знать начинающим: например, то, что словарь Махека представляет довольно редкий опыт этимологической обработки двух близко родственных языков как заглавных (ср., впрочем, еще более старый аналогичный опыт норвежско-датского этимологического словаря Фалька и Торпа); то, что словарь Младенова представляет собой тоже не частый случай объединения этимологического и орфографического словаря, вызванного опасениями издателя, что просто этимологический словарь «не найдет сбыта» (ср. воспоминания В. Георгиева в связи с юбилеем Младенова). Правильное пользование всеми этими словарями делает необходимым уже с первых шагов посильное проникновение читателя в особенности исследовательского метода их авторов. Нельзя плодотворно работать со словарем Махека и при этом не знать об излюбленном тезисе автора относительно «праевропейского» субстратного происхождения многих славянских слов, о широком обращении

автора к «неканоническим» изменениям и соответствиям звуков. Читая словарь Младенова, надо иметь в виду его теорию арио-алтайского родства, иначе читатель рискует некритически воспринять его объяснения отдельных явно заимствованных слов. Когда мы упомянули выше о более стандартных словарях-справочниках современного типа, то имели в виду прежде всего словари Фасмера и Славского с их тенденцией дать полную научную библиографию по этимологии слова. Индивидуальное своеобразие этих трудов, правда, менее очевидно, но преимущества их как справочников (причем не только по польской или русской этимологии) вне всяких сомнений. Эта сопоставительная характеристика словарей и методов с наглядной демонстрацией примеров различной этимологической обработки одних и тех же слов в разных этимологических словарях могла бы, по нашему мнению, завершаться кратким очерком развития славянской этимологии как части славянского сравнительно-исторического языкознания. Этого последнего очерка мы тоже не находим в книге Шольца. Здесь были бы, кстати, на месте и те элементарные сведения по исторической фонетике, которые Шольц рассеивает в неудачной форме по разным разделам.

Можно только удивляться, как автор смог ни разу не вспомнить на протяжении всей книги о тесной связи славянской этимологии и истории славянской культуры! Стоит ли говорить о том, как много поучительного и поистине интересного можно было бы сказать о плодотворном контакте этимологии с этнографией, археологией и другими историческими дисциплинами. Гордое сознание того, что среди этих отраслей исторического славяноведения безусловный пример принадлежит именно этимологии, этимологическим свидетельствам, сто́ит в наших глазах больше, чем однообразные сетования по поводу неизжитой субъективности этимологии (как будто наука может развиваться без интуиции?). Не должна быть забыта и этимология славянской ономастики. — В книге Шольца нет ни слова об этом, а также о том, что дает этимологическое изучение славянской этнонимии, топонимии, гидронимии для исследования древнейших судеб славянства. Необходимо было бы сказать и об органической связи ономастической и апеллативной этимологии в свете проблемы утраты словарного фонда[1].

Минуя вскользь упомянутые разделы об этимологии и сравнительном языкознании, этимологии и истории культуры, этимологии и ономастике, а также разделы, посвященные славянской этимологии и индоевропейскому языкознанию, этимологии славянских языков и следам древнеиндоевропейских морфолого-словообразовательных категорий, далее — принципам этимологических исследований и словообразовательному анализу в этимологии, т. е. разделы, которых нет в пособии Шольца, упомянем очень кратко о проблеме состава славянского словаря (опуская здесь то, что целесообразно определять как проблему своеобразия славянского словарного состава). Названная проблема по обилию материала, равно как и по своей недостаточной разработанности, представляется нам одной из центральных проблем славянской этимологии. Для нас очевидно также и то, что эта проблема должна подробно трактоваться и в учебном курсе по славянской этимологии. В этом нас, в частности, убедила и беспомощность Шольца, излагающего под рубриками «Русские этимологии», «Украинские этимологии», «Болгарские этимологии» и т. д., как правило, материал общеславянского распространения. Здесь, как нигде, был бы полезен показ сочетания и переплетения общего и регионального (диалектного, древнедиалектного) в лексике. Понятие праславянского лексического диалектизма могло бы оказаться здесь плодотворным. Автор ни словом не обмолвился о нем, как и о древней лексической дифференциации славян-

[1] В свою очередь — вполне самостоятельная и важная проблема, которая вместе с мотивами утраты и пополнения, обновления лексики (табу, запреты словаря) должна подробно излагаться в подобном пособии.

ства. Ведь тогда рубрики типа «Русские этимологии» могли бы наполниться вполне конкретным и неповторимым содержанием. Мы хотели бы при этом подчеркнуть, что не ставим перед автором невыполнимых или слишком идеальных требований, но имеем всякий раз в виду то, что доступно и может быть почерпнуто из литературы, то, что уже добыто славянской этимологией. Поэтому, если автор не удосужился привести под соответствующими рубриками характерных или исключительных примеров для соответствующих славянских языков, это свидетельствует не в его пользу. Только так можно, по-видимому, оценить то, что в «Белорусских этимологиях» не упоминается форма *зарод*, образующая вместе со старобелорусским *зеремя* уникальный словообразовательно-морфологический и фонетический комплекс, или то, что в «Болгарских этимологиях» Шольц ни единым словом не упоминает живо обсуждавшиеся в литературе последних лет сепаратные болгарско-балтийские лексико-этимологические параллели для болг. *бърна*, *джуна* и многих других. Даже простое обобщение известного в науке с относительно давнего времени не могло не побудить внимательного автора к тому, чтобы, по крайней мере, различать в словарном составе каждого славянского языка местные аспекты соответствующих общеславянских этимологий и этимологии локальных слов, старых и новых диалектизмов. Элементарная ошибочность метода автора явствует хотя бы из того, что названия таких рубрик, как «Русские этимологии», «Украинские этимологии», можно безболезненно поменять местами, тогда как при правильном решении связь между содержанием и названием сделалась бы органической. Заметим, что, например, украинская этимология — это прежде всего этимология украинских hapax'ов вроде *зáйвий*, *вéштатися*, *мрíя*, оригинальных звуковых и морфолого-словообразовательных развитий типа *барити(ся)*, этимология местных заимствований из польского, молдавского, румынского, тюркского (например, *постолú*, superlativum типа '*май*+прилагательное') и т. д. Ничего этого мы не находим у Шольца.

Стратиграфия славянского словаря, проблема вычленения его новых и древних пластов, столь важная для руководства по славянской этимологии, автором почти нигде сознательно не трактуется, если не говорить о беглых упоминаниях заимствованных германских, тюркских, финно-угорских, греческих, латинских элементов словаря славянских языков. Естественно ожидать при этом, что и проблема реконструкции древнего состава славянского словаря ускользнула целиком от внимания автора, так же как это случилось в книге с проблемой лексико-этимологического своеобразия отдельных славянских языков и всей славянской языковой семьи в целом. За вычетом лаконичного примечания 9, в книге нигде не говорится о субстрате или субстратах славянского, а между тем проблема субстратоведения и этимологии играла и играет неизменно видную роль в славянских этимологических исследованиях. Достаточно вспомнить о проблеме кельтского субстрата для западнославянских и западной группы южнославянских языков, об иллирийском и фракийском субстрате балканских славянских языков. Вся ономастическая этимология славянства строится на учете субстратных включений.

Наша критика неудачной публикации Ф. Шольца неизбежно вылилась в попытку конструктивной программы, изложить которую по этому случаю казалось тем более необходимым, что дело создания курса или руководства по славянской этимологии продолжает, несмотря на неудачу недостаточно опытного автора, манить как цель вполне реальная и достойная осуществления.

О. Н. Трубачев

G. Dumézil. Documents Anatoliens sur les langues et les traditions du Caucase. IV. Récits Lazes (dialecte d'Archavi).

Bibliothèque de l'École des Hautes Études, vol. LXXIV. Paris, 1967

Хотя заметный прогресс картвельского языкознания, обозначившийся в недавнее время, обязан в первую очередь появлению новых точек зрения на уже известные науке факты картвельских языков, в какой-то мере он смог опереться и на языковый материал, впервые вовлеченный в исследование. В последние годы, особенно на фоне все более широко использующегося материала относительно слабее известных сванских диалектов, обнаруживается очевидное отставание фактической базы исследования в области бесписьменного чанского языка. Достаточно указать в этой связи на то обстоятельство, что последняя сколько-нибудь значительная совокупность чанских текстов была записана более тридцати лет назад [1], а чанский словарь до сих пор остается неопубликованным (словарь, приложенный к чанской грамматике Н. Я. Марра, содержит немногим более двух с половиной тысяч слов, т. е. незначительную часть всего лексического фонда языка [2]). В особенно неблагоприятном положении оказалась отечественная картвелистика, так как чанский является единственным из картвельских языков, почти полностью представленным за рубежом — в турецком Лазистане: в пределах Советской Грузии находится только половина чанского села Сарпи, речь которого представляет лишь одну из трех основных диалектных разновидностей языка. Понятно поэтому значение публикуемых Ж. Дюмезилем чанских текстов в основанной им серии материалов и исследований по кавказским языкам Турции [3].

Рецензируемая работа содержит новые материалы по архавскому диалекту, записанные в основном в 1960—1964 гг., за которыми предполагается издать материалы по чанской речи Вицэ, Хопы и Ардешена. Она представляет собой корпус текстов, состоящий из четырех циклов (сказки, анекдоты, орчинские истории, приключения), которым предпослан краткий грамматический обзор особенностей архавского диалекта и предисловие автора. Отсутствие словаря к текстам компенсируется очень близким к подлиннику французским переводом и довольно пространными лексико-грамматическими комментариями. Ремарки профессора Анкарского университета А. Н. Боратава характеризуют соотношение сюжетов публикуемых текстов с традиционной тематикой турецкого фольклора.

Тексты свидетельствуют о том, что структура чанского языка, несмотря на условия тесного контакта в течение нескольких столетий с турецким языком, оказалась затронутой языковой интерференцией в меньшей степени, чем это можно было ожидать (впрочем, еще по наблюдениям Н. Я. Марра речь Архава по сравнению с другими говорами была наименее подверженной воздействию турецкого). Последнее обстоятельство заслуживает тем большего внимания, если учесть наличие в прошлом, очевидно, не менее тесных контактов чанского с греческими диалектами Анатолии и Колхиды (не обязан ли им своим происхождением такой «балканизм» хопского диалекта, как описательное образование форм

---

[1] С. М. Жгенти. Чанские (лазские) тексты. Архавский говор. Тбилиси, 1938 (на груз. яз.).

[2] Н. Я. Марр. Грамматика чанского (лазского) языка с хрестоматией и словарем. — МЯЯ, II. СПб., 1910, стр. 125—240.

[3] Остальные выпуски этой серии посвящены абхазско-адыгским языкам: I. Textes Oubykhs (Paris, 1960); II. Textes Oubykhs (Paris, 1962); III. Nouvelles Études Oubykhs (Paris, 1965); V. Études Abkhaz (Paris, 1967).

будущего времени посредством глагола 'хотеть'?). В фонетической системе архавского диалекта следует отметить наличие в исконном фонде гласных фонем *ö* и *ü* (ср. *gjünkolu* 'он запер то', *jüčopu* 'он взял то', *gjölumʒ̆u* 'свечерело', *gjöxunu* 'он посадил его') и согласной *f* (ср. *imckfetu* 'он хвастался', *ge-tf-u* 'покрывать'), а также полное отсутствие ყ|' (ср. *urʒeni* <'*urʒeni* 'виноград', *megojonam*<*mego'onam* 'я тебя веду'). В грамматике обращает на себя внимание инфиксация объективного показателя 2-лица *k*- в корень глагола *kitx*- 'спрашивать': *ki-k-txaten* 'мы спросим тебя'. Следует отметить, что поскольку в качестве основной функции чанского глагольного префикса *ok*(о)- Ж. Дюмезиль на стр. 10 отмечает передачу не какого-либо пространственного, а субъектно-объектного отношения взаимности действия (ср. *okakides* 'они схватились в драке, споре', *ökibγes* 'они собрались массой', *k-okikates* 'они собрались'), то этот префикс, наряду с мегрел. *ak*(*o*)-, следует скорее трактовать как показатель особой категории взаимности, вполне аналогичной соответствующей глагольной категории абхазско-адыгских языков [4]. Вполне устойчиво представлена здесь и такая специфическая черта синтаксического строя картвельских языков, как эргативная конструкция предложения: ср. *divepe-k*, *ažlija-k bozo na omtinu ogne-škule*, *obgarinus kogjöčkes-doren* 'дэвы, когда узнали, что змей похитил (букв. 'заставил бежать') девушку, начали плакать' (28, 396).

При относительно несложной фонетической и грамматической системах языка ограниченность до сих пор опубликованных чанских материалов наиболее существенным образом отражается на лексикологических исследованиях, и в частности на дальнейшей этимологической разработке картвельских языков. Достаточно в этой связи отметить, что ввиду отсутствия сколько-нибудь полного собрания чанской лексики рецензенту в ходе работы над этимологическим словарем картвельских языков приходилось добирать необходимый для сравнения материал непосредственно в полевых условиях. Помимо многочисленных контекстов, уточняющих семантику лексем, засвидетельствованную Н. Я. Марром, в публикуемых Ж. Дюмезилем материалах встречается около сотни ранее не зарегистрированных слов (при этом очевидные тюркизмы оставлены в стороне). Некоторые из них представляют существенный интерес для исторической лексикологии картвельских языков в целом: ср., например, *o-ʒarʒ-u* 'пронзать шипом, острием' (при *danʒ*- 'шип, колючка' и груз. *ʒeʒw*- то же), *do-kor-u* 'бить, разбивать', *o-xitin-u* 'щекотать', *o-xar-u* 'разрывать, драть', *o-kakan-u* 'кудахтать', *o-tajk-u* 'бежать', *γoʒ̆*- 'сторона' и др.

Дальнейшее расширение чанского лексического материала, судя по некоторым фактам, может привести и к интересным выводам в плане проблемы древних контактов картвельских и абхазско-адыгских языков. Хотя в настоящее время чанские диалекты географически не соприкасаются с абхазско-адыгскими языками, как дают основания думать работы целого ряда грузинских исследователей, в прошлом — примерно до V—VI вв. н. э. — такой контакт должен был иметь место [5]. В этой связи, с одной стороны, обращают на себя внимание отмечающиеся главным образом в работах Г. В. Рогава встречи чанской лексики (не всегда разделяемые мегрельской!) со словарем последних: ср. чан. *antama* || мегрел. *atama* 'персик' ~ абхаз. *a-tama* то же, чан. *leta* 'земля' || мегрел. *leta* 'грязь' ~ ~ адыг. *jată* 'земля, грязь, глина', чан. *nusaγa*, *nisaqa* 'невестка' ~ адыг. *nəsaγ^w*, убых. *n*(*ə*)*saγ* то же, чан. *buʒi* 'грудь (женская)' ~ адыг. *bəʒə* то же [6],

---

[4] См.: К. В. Ломтатидзе. К вопросу о категории взаимности в картвельских языках. — «Вопросы структуры картвельских языков». II. Тбилиси, 1961 (на груз. яз.).

[5] Ср., например: И. В. Мегрелидзе. Лазский и мегрельский слои в гурийском. М.—Л., 1938.

[6] Ср., однако: Н. Я. Марр. Указ. соч., стр. 133.

чан. *xačačuri* 'род мелкой груши' ~ абхаз. *a-ha-č(ə)ča* то же, чан. *obγe* 'гнездо' ~ ~ адыг. *abγʷă*, убых. *abγă* то же, чан. *dada(li)* 'цветок' ~ адыг. *dadəj* 'род цветка'. С другой стороны, не меньший, если не больший, интерес представляет, по-видимому, не подчеркивавшийся в специальной литературе факт наличия целого ряда чанских сложений, структурно калькирующих, в отличие от соответствующих им мегрельских форм, композиты абхазско-адыгских языков: ср. чан. *xe-duγi* 'локоть' (букв. 'рука + + локоть') ~ адыг. *'ă-ṭăγʷ* то же, чан. *xe-guri* 'ладонь' (букв. 'рука + середина') ~ адыг. *'ă-gʷ* то же, чан. *ckar-toli* 'родник, источник' (букв. 'вода + глаз') ~ адыг. *psə-na* то же, чан. *kai miçons* 'я люблю, мне нравится' (букв. 'хороший + видеть') ~ абхаз. *bzəja izbojṭ* то же и т. п. Думается, что чанскому материалу предстоит сыграть немаловажную роль в решении этой важной для кавказоведения в целом проблемы, один из аспектов которой был поставлен на повестку дня науки еще И. А. Джавахишвили и С. Н. Джанашиа [7].

Дальнейшее издание чанских текстов, несомненно, пополнит наши представления о современном состоянии этого языка. Особенно существенно оно может обогатить имеющиеся словарные картотеки. Поэтому в последующих публикациях текстов было бы весьма желательно расширить собственно словарную часть дающегося лексико-грамматического комментария за счет дополнения его смежными категориями слов, подобно тому как это эпизодически уже сделано автором в рецензируемой работе.

Факт возвращения ветерана кавказского языкознания проф. Ж. Дюмезиля к чанской теме [8] будут горячо приветствовать все картвелисты.

Г. А. Климов

«A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára». Főszerkesztő Benkő L., szerkesztők Kiss L., Papp. L.

I. kötet (*A — Gy*).
Budapest, 1967, 1142 стр.

Перед нами — новый, замечательный с различных точек зрения труд венгерских этимологов: первый том большого, рассчитанного на три тома «Историко-этимологического словаря венгерского языка». Словарь замечателен и по своим внушительным размерам (первый том содержит 1142 страницы крупного формата в два столбца мелкой печати), и по фундаментальности обработки материала, о чем мы еще скажем далее. Другая замечательная особенность этого словаря — это строгое единообразие трактовки материала. Вызывает удивление то обстоятельство, что такое единообразие, осуществимое практически только в индивидуальном авторском труде по этимологии, здесь было достигнуто как плод работы обширного коллектива ученых Института языкознания Венгерской Академии наук и первой кафедры венгерского языкознания Будапештского университета им. Л. Этвеша. В качестве рецензентов, или, в венгерской терминологии, «лекторов», к критической оценке словаря были привлечены также значительные научные силы, что превращает этот словарь в величественный монумент объединенных усилий венгерских этимологов и лингвистов. Опыт венгерских коллег в выработке единой точки

---

[7] И. А. Джавахишвили. Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи. — ВДИ, 1939, № 4, стр. 42—45; С. Н. Джанашиа. Черкесский (адыгейский) элемент в топонимике Грузии. — «Сообщения Груз. филиала АН СССР», т. I, № 8. Тбилиси, 1940.

[8] Ср.: G. Dumézil. Contes Lazes. Paris, 1938.

зрения в процессе подобного рода коллективной этимологической обработки материала, безусловно, заслуживает изучения, поскольку известна трудность достижения единодушия в вопросах этимологии, что заставляет некоторых исследователей склоняться к мысли о предпочтительности написания этимологических словарей, так сказать, в одиночку. Опыт венгерских ученых тем более ценен для нас, что результат их широкой совместной работы полностью удался.

Значение «Историко-этимологического словаря венгерского языка», как всякого действительно крупного труда в своей области, безусловно, выходит за границы той специальной даже в пределах финно-угорского языкознания дисциплины, которая занимается этимологией венгерского словарного состава. Можно высказать уверенность, что словарь привлечет внимание всех лингвистов, в том числе — тех, кто работает в области исследования истории и этимологии различных далеких от венгерского языков. Знакомясь со структурой словаря и методикой обработки материала, каждый этимолог оценит научный уровень этого труда. Авторы предупредительно позаботились о тех читателях, кому венгерский язык труден или вообще недоступен (hungarica non leguntur. . .), и поместили вслед за венгерским предисловием его перевод на немецкий язык (стр. 5—15). Точно так же на двух языках даны «Указания относительно пользования словарем» (немецкий текст — на стр. 32—41). Кроме того (и это, пожалуй, не менее полезно), в каждой словарной статье современные и исторически засвидетельствованные значения слов тоже переведены на немецкий язык, что расширяет круг лиц, пользующихся словарем, вместе с тем не приводя к особому разрастанию объема.

Нельзя не упомянуть о темпах работы коллектива авторов над словарем. Об этих темпах, об интенсивности работы, а также о завидной планомерности свидетельствуют хотя бы следующие слова из предисловия: «Работы над словарем начались в 1961 г. После года подготовительной работы последовали два года сбора данных и библиографической обработки. Фактическое составление и редакция настоящего первого тома начались с начала 1964 г. Материал этого тома был закончен обработкой 31 декабря 1966 г., т. е. он учитывает в целом то, что опубликовано в предшествующей научной литературе до этого момента. Весь словарь выйдет в трех томах. Остальные два тома предполагается выпускать с интервалом в три года» (стр. 23, немецкий текст «Предисловия»).

Высокий уровень научной и — не в последнюю очередь — внешней, полиграфической подготовки словаря, первый том которого, объемом в 100 авторских листов, получили читатели, красноречиво говорит о той важности, которая придается в Венгрии делу создания историко-этимологического словаря языка страны как предприятию общенародного значения. Но это же свидетельствует, далее, и о высоком культурном уровне венгерского общества, о серьезности запросов венгерских читателей (не специалистов-языковедов) в области этимологии слов родного языка. Главный редактор издания — Л. Бенкё в своей статье «Венгерские этимологические исследования и новый венгерский этимологический словарь» [1], появившейся незадолго до выхода рецензируемого первого тома, говорит об этом следующее: «Вообще следует заметить, что венгерские научные круги, а также венгерская культурная общественность, помимо языковедов, с давних пор до сегодняшнего дня проявляли необычно большой интерес к проблемам этимологии словарного состава, а также собственных имен венгерского языка».

Совершенно очевидно, что такое внимание со стороны общественности к проблемам этимологии положительно стимулирует научную работу в этой области, создает особо благоприятные условия для развития этимологических исследований. С другой стороны, все отмеченное выше дало возможность авторам адресовать свой глубоко научный труд одновременно самой широкой

---

[1] L. Benkő. Die ungarischen etymologischen Forschungen und das neue ungarische etymologische Wörterbuch. — FUF XXXVI, 1966, стр. 235.

читательской публике, объединив в одном словаре научно-исследовательскую работу академического плана и научно-популярную работу, доступную широкому культурному читателю, а это, как легко понять, осуществимо не везде.

В «Предисловии» к первому тому излагается концепция составителей, которые рассматривают лексический состав языка как зеркало, отражающее культуру и историю народа, формирование понятийных категорий. Этимологический словарь характеризуется как совершенно особый сравнительно с прочими видами словарей, как сложный тип словаря. Этимологический словарь должен давать синтез этимологизации. В этой области знания венгерская наука имеет большие заслуги, научно-лингвистическая разработка этих проблем по давности своей успешно соперничает, например, с индоевропейским сравнительным языкознанием в целом.

Если не считать выдающегося, но оставшегося незавершенным опыта Гомбоца и Мелиха, то можно согласиться с той характеристикой места и значения нового этимологического словаря, которая ему дается в предисловии: «Собственно говоря, это первый обобщающий синтез истории и происхождения венгерского словарного состава, и он получен как таковой при использовании самых современных теоретических и практических достижений отечественных и зарубежных исследований по истории и этимологии слов» (стр. 17—18).

Заглавные слова почерпнуты только из апеллятивной лексики языка, ономастика включается лишь в систему вспомогательных данных и доказательств, и здесь ее роль (особенно для раннеписьменного периода, когда антропоним или топоним — пожалуй, единственная для многих случаев форма обнаружения соответствующего древнего апеллатива) весьма значительна. Весь словарь включит в себя 12.000 статей, число же всех привлеченных венгерских слов будет в несколько раз больше этой цифры. В связи с этим нужно указать на то, что статьи носят в значительной степени гнездовой характер, содержат много производных образований. Но авторы не следовали преувеличенному стремлению все слить в гнезда, деэтимологизированные производные и подобные случаи даются отдельно; кроме того, уделяется внимание пересылкам, отсылочным статьям, указаниям.

Словарь назван историко-этимологическим. Мы знаем примеры, когда такой тип словаря — единственная возможная форма исторического словаря для языка, не имеющего письменной истории. В данном случае такое объяснение не подходит, потому что венгерский язык может быть без колебаний причислен к древнеписьменным языкам в европейском понимании этого слова: его письменные памятники появляются уже в XI в., а отдельные глоссы в иноязычных текстах восходят и к более древнему времени. Как узнаём из предисловия, заглавием «историко-этимологический» авторы хотели выразить свою концепцию о неделимой связи истории и этимологии слов.

Новый словарь содержит не только известные в литературе исторические данные о словах, но и значительное число новых данных по истории слова, документации их первого появления в письменных текстах и т. п., что дает возможность этому изданию выполнять функции исторического словаря. С другой стороны, «Историко-этимологический словарь венгерского языка» не довольствуется существующими к моменту выпуска настоящего тома этимологиями венгерской лексики, но также публикует впервые множество новых этимологических данных. Заслуживает пристального изучения концепция принципов и задач этимологического исследования, развертываемая во вступительных разделах словаря и осуществляемая в этимологической практике словарных статей: составители акцентируют важность изучения лексико-этимологического поля слова, они отдают себе отчет в том, что этимологические связи слов и словарных гнезд часто многослойны.

Полнота списка использованных источников и литературы (стр. 43—83, в две колонки) удовлетворит, по-видимому, даже очень придирчивого критика. Отдельные позиции наводят при этом на мысль об избыточности. Так,

например, неясно, в какой форме был использован труд по ацтекской грамматике: J. Schoembs. Aztekische Schriftsprache.

Наряду с такой своей важной задачей, как дальнейшее углубление исследований по этимологии слов венгерского языка, новый словарь не менее успешно и разносторонне выполняет такую свою, можно сказать, основную задачу, как отражение современного состояния венгерской этимологии. Совершенно оправданны и уместны при этом констатации невыясненного происхождения тех или иных слов. Таких слов, оказывается, немало и в венгерской лексике, причем они выражают подчас основные понятия, принадлежат к фондовой лексике языка, например *béke* 'мир, покой', *beteg* 'больной', *boldog* 'счастливый', которые определяются как слова неизвестного происхождения (ismeretlen eredetű).

Всесторонняя оценка работы, проделанной венгерскими учеными, немыслима в данной небольшой рецензии, задача которой — обратить внимание читателей (главным образом — не финноугроведов, а индоевропеистов) на самый факт выхода в свет нового выдающегося труда по этимологии. Интерес к венгерскому этимологическому словарю со стороны разных по своей специальности лингвистов объясняется еще тем известным обстоятельством, что венгерский язык, водворившийся тысячу лет назад в дунайской котловине, занял срединное место среди различных неродственных ему, прежде всего — славянских, языков и вступил с ними в тесное взаимодействие. Одно это обстоятельство делает в ряде вопросов необходимым сотрудничество славянской и венгерской этимологии. Поэтому мы заканчиваем свою рецензию на новый историко-этимологический словарь венгерского языка несколькими заметками этимолога-слависта по поводу этимологизации в этом словаре отдельных венгерских слов славянского происхождения.

Венг. *atracél*, название ряда растений, объясняется из слвц. *jatrocel*, сюда же чеш. *jitrocel* (стр. 196), но Книежа, занимавшийся также этим словом и упоминаемый в словаре, видел в этом случае некоторые до конца не преодоленные трудности: «До тех пор, пока происхождение чешского слова не установлено, трудно заниматься вопросами фонетики венгерского слова» [2]. Кстати, здесь в связи с этим необходимо библиографическое дополнение к статье, касающееся литературы по этимологии славянского слова-источника. Чешским словом *jitrocel* и его синонимом *skorocel* занимался Мареш [3], который, опираясь на прозрачную структуру этого последнего — 'скоро лечит', объяснял чешское слово из **jędrocělь*, ср. ст.-слав. ѩдро 'ταχύ, быстро'. Этимология Мареша не может считаться вполне доказанной, тем не менее ее было бы полезно учесть в упомянутой статье венгерского этимологического словаря.

В статье, посвященной венгерскому слову *borotva* 'бритва', читаем после сравнения со ст.-слав. бритва, с.-хорв. *brȉtva* и т. д. следующее: «Ближайший источник венг. *borotva* не может быть определен, но кажется достоверным, что корневой гласный заимствованного славянского слова первоначально был кратким». — Это утверждение ошибочно или, скорее всего, неточно, поскольку славянские формы, в их числе — с.-хорв. *brȉtva*, как раз свидетельствуют о первоначальной д о л г о т е *i* в корне, а не о краткости.

Венг. *cimbora* 'объединение', 'товарищ, приятель', '(бедный) крестьянин, который запрягает свою тягловую скотину вместе со скотиной другого', 'мальчик, погонщик волов' объясняется в словаре из рум. *sîmbră*, которое в свою очередь производится из славянского, причем в качестве ближайших славянских форм названы с.-хорв. *sȕprug*, словен. *sǫ́prog*, русск. *супряга* 'объединение нескольких хозяев для работы'. Иных близких славянских форм авторы не называют, а между тем ясно,

---

[2] K n i e z s a I. A magyar nyelv szláv jövevényszavai. I. kötet 1. rész. Budapest, 1955, стр. 67.

[3] F. V. M a r e š. *Jitrocel—skorocel* 'plantago, babka'. — JP XXXVII, 1957, стр. 188—190.

что наиболее вероятным образом венгерское и румынское слова связаны, несмотря на сомнения Книежки[4], со слов. *sębrъ, откуда лучше объясняются прежде всего — форма, а также и значение этих заимствований.

О. Н. Трубачёв

L. Sadnik, R. Aitzetmüller. Vergleichendes Wörterbuch der slavischen Sprachen, Lief. 3 (стр. 139—218).

Wiesbaden, 1967

Новый, 3-й выпуск оригинального словаря Л. Садник и Р. Айцетмюллера содержит часть слов на *B*-, включая их разнообразные производные и расширения. Богатый лексический материал различных славянских языков заключен в обширные словарные статьи, обозначенные, помимо алфавитного порядка, числовыми номерами. Так, в настоящем выпуске представлены статьи от 132-й по 166-ю включительно.

Авторы уделяют много внимания морфонологическим вопросам, например в статье 132 специально обсуждается выступающая в западнославянском ступень глагольного вокализма *blyskati*, при отсутствии типа *bliskati*. Некоторые статьи в связи со сказанным занимают как бы промежуточное положение между словарной статьей и монографической статьей по морфонологической характеристике той или иной основы. Так, статья 133 начинается не заглавным словом, как обычно принято в словарях, а своего рода тезисом: «Чередование *i/u* имеет место при одном и том же суффиксе в следующей группе слов . . .» — Далее следуют примеры, на которых интересно остановиться специально. Русск. *близна́* 'изъян в ткани', укр. *бли́зна* 'шрам, рубец', блр. *блюзна́* 'близна (в ткани)', болг. *близна́* то же, диал. *близни́ца* 'сталь, стальной клинок', 'закал в хлебе', макед. *близна*, *близница*, с.-хорв. диал. *бли̏зна* 'шрам, близна в ткани', диал. *бли̏зница* 'сталь', чеш. *blizna* 'шрам', в.-луж. *błuzna*, *błuznina* 'шрам, метка', н.-луж. *bluzna*, ст.-польск. *blizna*, *bluzna* 'шрам, рубец, метка', польск. *blizna*, кашуб.-словин. *blïzna* 'шрам'. Праслав. **blizna*, объединяющее эти примеры с их семантикой 'шрам', 'рубец', 'изъян', хорошо объясняется этимологически (равно как и родственное ему слово *близкий*, праслав. **blizъkъ*, **blizь*) из и.-е. **bhleiĝh-*/**bhlīĝh-* 'бить', ср. лат. *flīgere* 'бить'. Эта известная этимология не устарела, и ее не имеет смысла заменять новой. Мысль о чередовании *i/u*, высказанная в упомянутом месте словаря Садник и Айцетмюллера применительно к слову *blizna*, нуждается в проверке.

Несмотря на наличие довольно ранних форм с вокализмом *u*/'*u* в ряде славянских форм этого слова (блр. *блюзна́*, в.-луж. *błuzna*, н.-луж. *bluzna*, ст.-польск. *bluzna*), не только преобладающими, но и этимологически единственно оправданными (см. выше) являются формы с *i*-вокализмом (*blizna*). Варианты с *u*/'*u* в корне явно вторичны, и уже одна эта констатация делает сомнительной мысль о существовании здесь «чередования *i/u*», если вообще вкладывать в понятие чередования принятую в науке мысль о морфологически обусловленной мене звуков. Никакой подобного рода обусловленности мы здесь не наблюдаем. В разбираемом нами месте словаря Садник и Айцетмюллера приведен, наряду с кругом форм от праслав. **blizna*, и некоторый другой, не относящийся сюда, с нашей точки зрения, материал, хотя авторы, судя по всему, рассматривают его, не выделяя из числа форм, родственных, исторически тождественных праслав. **blizna*. Мы имеем в виду следующее высказывание авторов (там же). «С вокализмом '*u* (ср. ниже н.-луж., ст.-польск. *bluzna*) ср.,

---

[4] Kniezsa I, Указ. соч. I. kötet, 2. rész, стр. 809.

возможно, с.-хорв. *бљу̑зге*, *бљу̑згаче* ж. мн. 'вид кожной сыпи', *бљу̑шт* — то же; к *пљу̑скавице* — то же (см.).» — Совершенно очевидно, однако, что мы тут имеем дело с особой основой ономатопоэтического происхождения **pl'usk-* и ее другим экспрессивным вариантом — **bl'uzg-*; и тот и другой вариант служат для обозначения шелухи, кожуры, струпьев, сыпи, ср. относящуюся сюда балтийскую лексику — лит. *blùzgana* 'перхоть на голове', лтш. *blàugzna* то же, лит. *blūzgà* 'шелуха, мякина', лтш. *plauskas*, *pluzganas* 'шелуха'. Отношение между звонким и глухим вариантами — такое же, как в случаях *плевать* : *блевать* или русск. *плющ*: польск. *bluszcz* и др. По-видимому, неправ Френкель, который ставит только что приведенную выше балтийскую лексику в один ряд с уже упоминавшимися нами н.-луж. *bluzna*, *błuzna*, в.-луж. *błuzna*, блр. *блюзна*. То же замечание надлежит адресовать и авторам рецензируемого словаря. Можно говорить только о родстве (в немалой степени — элементарном, основанном на сходных ономатопоэтических предпосылках) балт. **plausk- /*blauzg- /*bluzg-* 'перхоть, шелуха' и слав. **pl'uska* / **bl'uzg-* 'шелуха, струп, кожура'. Есть основания возражать также против принимаемого авторами словаря, вслед за некоторыми другими учеными, дальнейшего родства слав. *blizna* с глаголами 'блестеть', ср. лит. *blizgė́ti*, *bliškė́ti*, *blyškė́ti* и др. Мы считаем необходимым трактовать отдельно и самостоятельно праслав. **blizna*, **pl'usk-/*bl'uzg-* и **blьstěti/*blьsknǫti*. Возможно, следует говорить лишь об отдельных случаях контаминации этих независимых семейств слов, но принимать здесь регулярные отношения, апофонию явно не хватает оснований. Что касается семантических аргументов, то они в данной любопытной и весьма характерной словарной статье также в существенных моментах расходятся с некоторыми уже известными в науке фактами. Мы бы воздержались, например, от безоговорочного принятия семантического тождества 'сталь' = 'блестящий металл', приводимого авторами, до тех пор, пока у нас в руках не будет веских фактических подтверждений. Старая технология и терминология производства стали, закаливания свидетельствует о формировании совсем других семасиологических связей. При этом основной признак — накладывание полоски (более твердого) металла, как о том говорят работы по соответствующей лексике Абаева, Денисова (последняя — особенно богатая фактическим материалом — опубликована в томе «Этимология. 1966»). В свете сказанного делается ясным, что обозначение стали, наваренной полоски металла словом *близна*, *близница* в южнославянских языках лучше всего подтверждает именно этимологическую связь слова *blizna* и *blizъkъ*, а не умозрительное толкование 'сталь' = 'блестящий металл' (как в таком случае смогли бы авторы объяснить приводимое у них же значение 'закал, непропеченная полоска в хлебе' для болгарского слова?).

Общее замечание, которое может быть высказано в связи с несколько необычным типом словарных статей в труде Садник и Айцетмюллера, — это то, что они часто лишены необходимой лексикографической экономности и временами слишком повествовательны, а также композиционно отходят от удобной структуры статьи этимологического словаря (: обзор форм и значений—данные по истории—этимология—литература), выработанной длительным опытом науки. Рациональность таких отклонений, к сожалению, не всегда ясна, и приходится сожалеть, что упомянутые нами особенности концепции словаря и композиции его статей затрудняют пользование этим бесспорно интересным трудом, усложняют доступ к материалу, собранному и препарированному авторами со стольким тщанием и культурой. В связи с принципиальной важностью этих вопросов мы предпочли в настоящей рецензии новой части этого известного словаря беглому обзору многих статей более подробный анализ одной словарной статьи.

Опуская упоминание о мелких неточностях и опечатках, укажем из числа более заметных опечаток реконструкцию **bryed* для восточнославянского (на стр. 215, строка 3 снизу); должно быть **bryd-*.

О. Н. Трубачёв

«Baltistica. Baltų kalbų tyrinėjimai», III (1, 2).
Vilnius, 1967

В новом томе уже известного нам периодического издания «Балтистика (Исследования по балтийским языкам)» опубликовано особенно много материалов, имеющих прямое отношение к этимологии балтийских и славянских слов. Значительный этимологический интерес представляют также отдельные статьи в этом томе, преследующие более специальные цели. Э. Хэмп в своей небольшой статье «Об и.-е. *s после *i*, *u* в балтийском» анализирует важный вопрос исторической фонетики балтийских языков на широком фоне других индоевропейских вслед за статьей С. Каралюнаса на близкую тему, опубликованной в I томе этой же серии. Хэмп очень одобрительно отнесся к трактовке проблемы Каралюнасом. Не вдаваясь здесь в подробное изложение взглядов американского лингвиста, умеющего, как известно, в краткой форме убедительно и ярко комментировать спорные вопросы индоевропеистики, остановимся, пожалуй, только на одном толковании, нуждающемся в поправке. Хэмп считает более удачным объяснение лит. *pìsti* < **piz*(*d*)-*ti*, в конечном счете — от *pyzdà*, с последующим выравниванием основы. Несомненно, однако, обратное направление связи между этими словами: *pyzdà* произведено от основы глагола *pìsti*, первоначально — 'пихать, толкать', подобно тому как соответствующее славянское слово связано с соответствующим славянским глаголом *pьxati* или, вернее, его более древней формой — **pĭs-*/**peis-* 'толкать, толочь, пихать'. Контрольное с точки зрения этой этимологии образование от той же глагольной основы с тем же суффиксальным формантом имеем в польск. диал. *piazda* 'втулка (колеса)', которое продолжает праслав. **pězda* с отличной ступенью корневой апофонии в основе (**oi*). И там и тут наименование основано на сходном отправном семантическом признаке.

Статья ответственного редактора И. Казлаускаса посвящена сравнительному изучению передвижения ударения в литовских (жемайтских) диалектах и в латышском языке в плане фонологии и некоторым смежным вопросам. В различных статьях (Жулис, Мажюлис, Шмальштиг и др.) рассматриваются важные вопросы исторической грамматики литовского языка, сравнительно-исторического балтийского языкознания и балто-славянской проблематики. Новые аспекты анализа, привлечение данных по текстологии древнелитовских текстов, по индоевропеистике и типологии языков, богатый фактический (лексико-словообразовательный) материал делают эти статьи интересными для широкого круга читателей.

Здесь необходимо специально упомянуть о статье Р. Эккерта «О значении русской диалектной лексики для литовской этимологии», где автор обсуждает различные случаи близких явлений в русской и литовской лексике: 1. лит. *mẽdė*, *mẽdis* 'лес, дерево' и русск. диал. *середи́ны*, *середа́* с близким значением; 2. русск. диал. *облетовать* и лит. *vãsaroti* (в последнем этюде особенно интересны указания на происхождение и связи таких образований, как русск. диал. *ле́теплый* 'тепловатый', укр. *літеплий* 'тепловатый', которые Эккерт толкует из **lětoteplyj*); 3. русск. диал. *при́мень* — лит. *priim̃ti*; 4. русск. диал. *емины* — лит. *ėdmenė* (где обсуждается толкование, предложенное нами для данного восточнославянского слова в одной из предшествующих публикаций); 5. русск. диал. *голубо́й* 'желтый' — лит. *gelumbẽ*; 6. русск. диал. *покле́ть* — лит. *paklẽtė*.

Очень интересна в сравнительно-типологическом и лингвогеографическом плане публикуемая в томе работа киевского лингвиста А. П. Непокупного «Балто-севернославянские ареальные этюды», где речь идет о роли понятий 'лес' и 'поле' в образовании названий пространства вне дома, диких птиц, животных и охоты. К статье приложены две карты. В. Урбутис в своей статье «Лит. *žebérklas* и его варианты» рассматривает обширный диалектный и исторический материал, который позволяет автору признать более древней форму *žuberklas* и успешно объяснить это название рыболовного орудия, остроги

как сложение с первым компонентом *žu-* 'рыба'. Этимологической проблематике посвящена статья К. Кузавиниса. В короткой заметке М. Рудзите поднимается вопрос, важный также с точки зрения сравнительной индоевропеистики, — сохранились ли в латышском остатки древнего слова и значения *dukte* 'дочь'? В латышском, как известно, возобладало совершенно особое название дочери — *meita*, отличное от названия, представленного в остальных балтийских, в славянских и других индоевропейских языках. Следуют столь же конкретные и краткие заметки Э. Хэмпа — о лит. *šáukštas* 'ложка', А. Сабаляускаса — о лит. *kalė̃* 'сука' (автор допускает здесь обозначение по цвету, ср. лит. *kalývas*, *kalýbas* 'белый, о собачьей шее'). А. Ванагас анализирует названия населенных пунктов от личных собственных имен.

Из раздела рецензий можно выделить отзыв Ю. В. Откупщикова о книге Ж. Перро по словообразованию латинских производных на *-men* и *-mentum*, а в этом отзыве — остроумное, но пока не кажущееся достаточно убедительным отождествление лат. *crīmen* (<**krīksmen*) с гипотетическим лит. **kryksmuõ/ meñs*, производным от лит. *krỹkti* 'кричать'.

Мы не говорим в этой короткой рецензии о целом ряде ценных статей, важных для литуанистики и балтистики, но не имеющих прямой связи с этимологией. Таких работ особенно много во втором выпуске рецензируемого III тома, где соответственно меньшее место занимают собственно этимологические проблемы. Упоминания заслуживает небольшая статья Я. Отрембского о балт. **lēitā*, выступающем в гидронимии и легшем в основу названия страны *Lietuvà* 'Литва'. С. Караліюнас анализирует происхождение лит. *katā́lyti/katā́ryti* 'колотить, бить', принимая, вслед за Шпехтом и Фасмером, этимологическую связь со ст.-слав. котора 'μάχη' и родственными славянскими формами. Однако допускать здесь наличие следов древнего индоевропейского гетероклитизма (*r* : *l*) пока нет особых оснований, поскольку, несмотря на упомянутую выше этимологию, у нас нет полной уверенности, что мы имеем здесь дело с достаточно древним словом. Б. Лаумане дает описание названий ветров в латышском языке.

О. Н. Трубачёв

F. Bezlaj. Eseji o slovenskem jeziku.

Ljubljana, 1967

Небольшая популярная книга крупнейшего словенского лингвиста акад. Франце Безлая, изданная издательством молодежной литературы и рассчитанная на массового читателя-словенца, вполне заслуживает того, чтобы ей заинтересовались самым серьезным образом лингвисты, этимологи, причем не только словенисты, но и слависты вообще. Автор нашел удачную форму беседы с читателем, позволяющую ему доступно изложить множество научных сведений, а также немало новых этимологий.

Публикации этой книги предшествовало появление на страницах популярного в Словении литературного и общественно-политического журнала «Tovariš» десяти очерков Ф. Безлая под общим названием «Блеск и нищета словенского языка». В несколько переработанном виде они вошли и в рецензируемую нами книгу, составив ее первую часть. Пожалуй, именно эту часть можно признать наибольшей удачей Безлая — популяризатора науки. Вопросы образования литературного языка, словенский литературный язык и диалекты, формирование литературной лексики и терминологии, иноязычное влияние и его преодоление, культурный словенский язык в кругу других славянских языков — все эти и ряд других вопросов автор умеет сделать близкими любому культурному словенцу-нефилологу. Научные истины автор не боится рассказывать языком журналистики, черпая подчас образные

сравнения, так сказать, из последних газетных сообщений. Так, появление славян на исторической арене и их стремительное распространение почти что на двух третях Европы с IV по VIII в. н. э. он сравнивает с тем, как нефть разливается по морю.

Несколько далее, говоря об однородности славянского языка VIII в., Ф. Безлай видит в нем подобие современного American English.

Интересно и живо написанные очерки первой части работы выходят, однако, несколько за рамки проблематики, предпочтительно обсуждаемой на страницах ежегодника «Этимология», поэтому позволим себе перейти ко второй части, носящей название «Лингвистические рассказы о словенском этногенезе». Здесь тоже содержится ряд очерков, но они все, кроме одного (очерк IX: «Словенский именотворческий процесс»), печатаются впервые. Обращает на себя внимание насыщенность каждой страницы прежде всего лексическим материалом, словами словенских диалектов. На этом, а также на ономастическом материале, знатоком и глубоким исследователем которого Безлай является в неменьшей степени, он разворачивает широкую этимологическую перспективу, подчиненную здесь разъяснению единственного по своей сложности и важности вопроса — этногенеза словенского народа. Конечная задача лексиколога и этимолога — вскрыть ненаписанную историю культурного, общественно-политического и идейного развития народа. Этой цели посвящены практически все разделы второй части книги, о чем свидетельствуют уже названия: «Дославянский ономастический субстрат в словенском языке»; «Дославянский лексический субстрат в словенском языке»; «Следы праславянского смешения в словенском языке».

Существенный тезис, формулируемый автором и определяющий его понимание праславянского прошлого словенского языка, звучит следующим образом: «Важно, что в словенском языке рядом друг с другом живут все праславянские фонетические варианты, легко прослеживаемые нами по обширному славянскому миру» (стр. 107).

Основной метод, применяемый Безлаем в его исследовании, — выявление преимущественно сепаратных лексико-словообразовательных изоглосс, связывающих словенский с другими частями славянского, а за его пределами — с балтийским главным образом. Этот метод вполне современен, хотя и не нов в славистике. Соответствующий материал и наблюдения автора содержатся в разделах «Балтийско-словенские параллели», «Словенско-восточнославянские лексические параллели», «Западнославянско-словенские лексические параллели». Несмотря на то, что перед нами небольшая научно-популярная книга, в ней собран весьма богатый материал, множество лексических сопоставлений дается здесь впервые. В настоящей краткой рецензии мы вынуждены отказаться от сколько-нибудь подробного описания или критического комментирования этого материала. Общее замечание, которое необходимо здесь высказать, заключается в следующем: говоря о лексических соответствиях, изоглоссах, автор не делает различия между общими архаизмами и общими инновациями, а между тем одно это сводит на нет самый факт общности. По этой причине, несмотря на мобилизацию значительного нового лексического материала, мы едва ли заметно продвигаемся вперед в выяснении древних связей словенского. Разумеется, пионерская собирательская деятельность автора заслуживает благодарность дальнейших исследователей вопроса, а его теоретические положения (например, об альпийско-славянской смеси диалектов как основе словенского языка) достойны дальнейшего изучения. Второе, в чем можно упрекнуть автора, это то, что он усматривает сепаратные изоглоссы нередко в тех случаях, когда уместнее говорить о более обширных ареалах или даже об общеславянском распространении. Подобные примеры известны из собственной практики каждому, кто занимается сравнительно-историческим и ареальным исследованием славянской лексики. Винить здесь приходится в первую очередь состояние славянской этимологической и лексикологической науки в целом. Так, на стр. 81—82 Безлай говорит об отражении праслав. **smьldje* только применительно к западнославянским и словенским названиям различных болот-

ных растений и можжевельника (ср. словен. диал. *smolje* 'Juniperus, можжевельник'). Между тем ничто не мешает нам отнести сюда же и трудное русск. *можжевельник* 'Juniperus', до сих пор удовлетворительно не проэтимологизированное, которое продолжает в таком случае *(*с*)*молж-* < **smьldj-*. На стр. 148 к числу «типично западнославянских слов» относится словен. *rep*, хотя тут же сам автор приводит украинское соответствие (есть, впрочем, и другие восточнославянские родственные формы, как это было недавно показано на примере русского названия птицы *репел*, *реполов*), а наличие южнославянского — сербохорв. *rêp* 'хвост' почему-то обойдено молчанием в книге.

Безлай уделяет, по понятным причинам, много внимания архаичности словенского языка, именно эта черта ставит словенский язык в ряд наиболее интересных (стр. 156). В этой связи можно было бы вспомнить об известной теории Копитара и главным образом Миклошича о словенском языке как прямом продолжении старославянского [1], о чем, видимо, автор не пожелал упомянуть в этой популярной книге, поскольку названная теория давно оспорена и сочтена ошибочной. Между тем для Миклошича архаичность словенского была именно проявлением близости к старославянскому. Если верно, что в своей классической форме его теория должна быть оставлена, то верно также и то, что отдельные моменты едва ли могут быть так легко оспорены. Ср. то обстоятельство, что Фрейзингенские отрывки — это одновременно памятник словенского языка и старославянский памятник. Сложный характер языка старославянской письменности позволяет говорить, как известно, и о македонской первооснове, и о чешско-моравских элементах, и о паннонско-славянском вкладе, и о восточноболгарской редакции. Ни один из этих компонентов нельзя недооценивать. Миклошич как лексиколог не мог не видеть лексических тождеств старославянского и словенского, это и побудило его отстаивать то, что в последующей славистике слывет как его великое заблуждение.

Вернемся к рецензируемой книге. Для нелингвистического издания она издана и отредактирована в общем достаточно тщательно. Есть, впрочем, ряд неточностей или опечаток. На стр. 58 дано праслав. **tolkno*, следовало бы писать **tolkъno*; на стр. 84 нужно было отметить, что русск. *брань* заимствовано из церковнославянского; стр. 102: надо лат. *cogitare*, а не *cegitare*. Трудно согласиться с автором, когда он утверждает, что словен. *ihta* получено регулярным фонетическим путем из **jь*(*d*)*chta* < **jŭdsta* (стр. 117), потому что *s* в группе *st*, конечно, сохранилось бы без изменений. Мелких и, видимо, случайных опечаток в формах разных языков мы здесь не касаемся. Нельзя, однако, не отметить ошибочного написания отдельных балтийских слов, см., например, стр. 128, где читаем лит. *gelẽ* (должно быть *gėlẽ*) и лтш. (!) *žolẽ* (наверное, имелось в виду лит. *žolẽ* 'трава'). Частных случаев своего несогласия с автором в оценке этимологии и словообразования тех или иных слов мы здесь опять-таки не касаемся. Следует указать, пожалуй, лишь на то, что в др.-русск. *Житомель* — суфф. *-jь*, а не *-ъlь* (см. стр. 160). В целом же книга Безлая — прекрасный образец научной популяризации, и ее значения не должны умалять небольшие критические наблюдения, сообщенные здесь нами.

О. Н. Трубачёв

---

[1] Ср., например: F. B e z l a j. Franz Miklosich. — «Frankfurtter Buchmesse. September 1964. Katalog No. 2. Auswahl jugoslawischer Literatur 1960—1964», стр. 9, 15.

F. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego, t. III, zesz. 2 (12): *krobia—krzepnąć*.

Kraków, 1967

Публикация периодически рецензируемых нами частей этого известного словаря подвигается прежними темпами: один выпуск в год. Настоящий выпуск охватывает следующую часть словника на букву *K* (стр. 113—224 тома III). В общем прежними остаются и принципы словаря. О них уже неоднократно говорилось раньше, и здесь не имеет смысла повторяться. Остановимся поэтому ниже только на том, что характеризует именно данный выпуск словаря, на конкретных вопросах трактовки и этимологизации отдельных слов.

Словарь Славского отличается аналитической трактовкой словообразовательно расчлененного словника. Некоторое нарушение в сторону допущения гнездового способа видим на примере слова *krochmalić*, специально объясняемого и соотносимого с непольскими формами и вместе с тем помещенного под заглавным *krochmal*. Русск. *кра́тный*, укр. *кра́тний* перечисляются без комментариев в ряду других форм, родственных польск. *-krotny* (см. стр. 117 словаря), тогда как это церковнославянизмы, книжные заимствования в лексике литературных восточнославянских языков.

Если говорить о дальнейшем родстве польск. *krok* 'шаг' и праслав. **korkъ/*korakъ/*krokъ*, то необходимо указать на лтш. *kar̂cinât* 'трясти', *kar̂cinêt* 'сидеть болтая ногами', что открывает возможность более глубокого проникновения в этимологическую структуру слав. **kor-k-* (см. об этом еще в ZfS IV, 1959, стр. 83—84). Мнение автора на стр. 123 о родстве слов *krok* 'шаг' и *krokiew* 'кровельное стропило' едва ли основательно, потому что *krokiew* (праслав. **kroky, -ъve*) нельзя отрывать от однокоренных, по всей видимости, образований с разными суффиксами, обозначающих разные опорные рамы и станины: **kroma*, **krosno*, **kreslo/*krěslo*.

В плане относительной хронологии образований рискованно ставить в один ряд как производные со славянским суффиксом *-no* такие имена, как *runo*, *sukno*, *dno*, *siano*, а также *krosno* (см. стр. 139). Оставляя здесь в стороне *krosno*, мы не можем не обратить внимания на разность остальных образований, из которых в одном случае правильнее говорить о праславянском *-ъno* (а не *-no*) — *sukno*, в двух других речь должна вестись вообще о дославянских истоках образования (*dno*, *siano*).

С другой стороны, нельзя не отметить примеров удачного использования новых материалов по лексическому составу польских народных говоров. Так, диал. (мазовецк.) *króda* 'груда снопов, копна в поле' (из словаря Куцалы) убедительно включается в один ряд таких славянских форм, как ст.-чеш. *krada* 'ignitabulum', русск.-цслав. *крада* 'куча дров, костер', укр. диал. *коро́да* 'сильно сучковатое дерево', словен. *kráda* 'куча дров'. Автор правильно реконструирует праславянское дометатезное состояние **korda* (правда, о нем, помимо польской формы, не менее убедительно свидетельствует зап.-укр. *корôда*). Славский предпочитает сближение праслав. **korda* с нем. *Herd* 'очаг' и родственными германскими формами, отклоняя сравнение, например, со ср.-в.-нем. *rāze* 'куча дров' (< **krēdā*) только на том основании, что плавный здесь занимает несколько иную позицию. Не спеша решить вопрос окончательно, мы хотели бы обратить внимание на возможность здесь более широкой интерпретации, потому что при отдаленно родственных соответствиях вариантность, отклонение в позиции такого специфического звука, как плавный внутри слова, представляет собой нечто вполне допустимое. Во всяком случае это обстоятельство не исключает мысль о родстве этих слов. Примеры разной позиции плавного есть внутри германского, ср. известную пару нем. *Roß* (с утратой начального *h-*) : англ. *horse*. К тому же Славский допускал аналогичную вариантность позиции плавного и в славянском материале, ср. его суждения об отношениях **krokъ* : **korkъ* и **kortiti* : **krotiti*, изложенные в соответствующих статьях этого словарного выпуска.

Непонятно, что побудило автора производить диал. (кашуб.) *kruszcz* 'руда, металл' от особого праслав. **kruščь* < **krustъ*+*-jь*. Естественнее объяснить *kruszcz* как местное продолжение древнего **krušьсь*, представленного и в польск. *kruszec* (с тем же значением) и в других славянских языках.

Польск. диал. *krzeszczeć* 'о крике курицы' удачно связывается с южнославянскими — с.-хорв. *krijèštati*, болг. *крещя́* 'кричать' — вокруг праслав. **krěščati*. Самостоятельность и ранний характер этого образования говорят как будто против того, чтобы рассматривать его как одно из второстепенных производных под заглавным словом *krzeczeć* 'кричать, каркать, стрекотать'. Ср. более близкие к последнему *krzekać*, *krzekotać*, *krzektać*, которые рассматриваются в особых статьях.

Думается, что особая реконструкция праслав. **kremyšьkъ* для польск. *krzemyszek*, н.-луж. *kšemyšk* 'кремень, кремешок' излишня. Здесь *-š-* произошло диссимилятивным путем, и для этих случаев действительна та же праформа **kremyčьkъ* (уменьшительное от **kremykъ*), что и для польск. *krzemyczek*, с.-хорв. *kremíčak* (см. стр. 217 данного выпуска).

О. Н. Трубачёв.

Э. М. Ахунзянов. Русские заимствования в татарском языке

Изд-во Казанского ун-та, 1968, 367 стр.

В книге Э. М. Ахунзянова подведен итог разысканий автора в области изучения слов, проникших из русского языка в татарский литературный язык и его многочисленные диалекты, показано воздействие русского языка на татарскую лексику в течение всего длительного периода взаимодействия этих двух языков. Во Введении автор говорит о типах языковых контактов и их результатах в разных языках. Давая определение терминов «заимствование» и «заимствованное слово», Э. М. Ахунзянов следует в основном за Л. П. Крысиным[1], особое внимание уделяя социологическому и публицистическому аспекту изучения путей проникновения русских слов в татарский язык на разных этапах взаимодействия русского языка с татарским, выделяя для специального рассмотрения слова, вошедшие в татарский язык до присоединения Татарии к Московскому государству. Жаль только, что при анализе этих древнейших заимствований автор не учитывает их наличия в соседних языках. Так, говоря о древнем проникновении в татарский язык русского, теперь диалектного названия грибов — *губа*, которое в татарском языке отражено с носовым согласным *м* перед *б* — *гөмбә*, что Э. М. Ахунзянов считает несомненным признаком заимствования из древнерусского языка того времени, когда в языке у восточных славян еще существовали носовые гласные, т. е. слово произносилось тогда с носовым гласным *ǫ*, Э. М. Ахунзянов, однако, не учитывает той возможности, что к татарам это слово могло попасть не прямо от восточных славян, а через посредство других языков, которые заимствовали это слово у восточных славян гораздо раньше татар и сохранили носовой согласный; ср. названия грибов: чуваш. *кӑмпа* и коми-зыр. *гоб*, удм. *губи* (с поздним выпадением носового согласного перед *б* на пермской почве), мар. *понго*, эрзянск. *панго*, мокш. *панга* (с метатезой *к—б* > > *п—г*, оглушение начального согласного и озвончение согласного между

---

[1] Л. П. Крысин. Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968. — Э. М. Ахунзянов, впрочем, использует более ранние публикации Л. П. Крысина. Ср. также тщательный пересказ предложенной О. Н. Трубачевым этимологии слова *баран* на стр. 79—81 рецензируемой книги.

сонорным *н* и гласным закономерно), а также венг. *gomba* и лит. *gumbas* 'нарост, желвак'. Слово к татарам могло попасть или из чувашского языка, или из финно-угорских языков Поволжья. То же самое можно сказать и относительно татарского слова *көнҗәлә*, сопоставляемого с русским *куделя*. С носовым согласным это слово засвидетельствовано в чувашском, марийском и финском языках. Вообще Э. М. Ахунзянов явно недостаточно обращает внимание на русизмы в других языках Поволжья. В частности, было бы интересно сопоставить русизмы татарского языка с русскими заимствованиями чувашского языка, которые были исследованы А. Е. Горшковым [2]. Возможно, в результате такого рода сопоставлений удастся выявить общеповолжский лексический фонд русского происхождения.

В книге Э. М. Ахунзянова содержится большой фактический материал, которым трудно пользоваться из-за отсутствия указателя при несловарном расположении фактов, когда лексический материал дается обычно как иллюстрация к рассуждениям автора, а не в виде словаря заимствований.

В книге можно найти весьма интересные примеры своеобразной семантической судьбы слов, когда собственное имя *Марья* (не книжная форма *Мария*) превратилось в нарицательное существительное *маржа*, обозначающее любую женщину-нетатарку, особенно русскую (стр. 155). В целом убедительны рассуждения автора о том, что «русское слово *имя* проникло в татарский язык в форме родительного (?) падежа множественного числа *имена*, по законам татарской фонетики превратилось в *имана*, а по конкретно историческим причинам стало обозначением податей и налогов. Дело, видимо, заключалось в том, что сборщики налогов, недоимок и других податей, когда приезжали в татарские села, прежде всего требовали имена недоимщиков, поэтому в сознании темного и в основной своей массе неграмотного татарского населения это слово навеки осталось как название податей и повинностей, которые взимались с крестьян деньгами и припасами. В этом значении слово *имана* приводится в словаре Н. П. Остроумова как татарское соответствие русским словам *подать* и *налог*» (стр. 155—156) [3]. Правда, иногда в разделе об изменениях значений можно найти и ошибочные высказывания: например, Э. М. Ахунзянов считает, что значение 'трудодень' у слова *перәшкә* возникло потому, что «татары, когда идут на работу, как правило, подпоясываются кушаком или ремнем», который называется также *перәшкә* (<русск. *пряжка*, целое названо по части) (стр. 156). На самом же деле *перәшкә* 'трудодень' является немного переосмысленным русским диалектным словом *пряжка*, *упряжка* 'часть рабочего дня, во время которой не выпрягали лошадь; срок от отдыха до отдыха и т. п.' Представляется неверным касимовско-татарскую форму *уши* (точнее — *уши'*, с гортанной смычкой в ауслауте) 'сплетня' считать переосмысленным русск. *уши* (мн. ч. от *ухо*): на самом же деле это слово исконное тюркское (ср. казах. *өсек* 'сплетня') и случайно совпало с русским по звучанию в результате перехода конечного *-к* в гортанную смычку в касимовском диалекте (стр. 156). С другой стороны, Э. М. Ахунзянов считает исконным татарским словом *эләүкә* 'полок (в бане)' (стр. 163), хотя это слово является видоизменением русского *лавка*, произносимого в диалектах как *лаўка*. Ср. развитие протетического гласного *э* перед *л* в татарском слове *элин* (из русск. *лён*, стр. 134). Автор не всегда учитывает историю слова в русском языке, что видно из следующего примера: «В сергачском говоре татарского языка татарское слово *оек* вытеснено искаженным русским словом

---

[2] А. Е. Горшков. Роль русского языка в развитии и обогащении чувашской лексики. Чебоксары, 1963. Ср. также: Р. Н. Терегулова. Русские заимствования в башкирском языке. Уфа, 1957; А. А. Саваткова. Русские заимствования в марийском языке. Йошкар-Ола, 1969.

[3] На русское происхождение слова указал уже Л. З. Будагов в своем «Сравнительном словаре турецко-татарских наречий» (т. I. СПб., 1869, стр. 209) на несколько лет раньше Н. П. Остроумова, о чем Э. М. Ахунзянов не упоминает.

цолка (чулок, чулки). Следует отметить, однако, что русское слово *чулок*, по-видимому, само восходит к татарскому слову *чолгау* (портянка), которое при заимствовании русскими изменилось сообразно с законами фонетики русского языка и превратилось в *чулок*, а позднее оно было заимствовано обратно в один из говоров татарского языка в виде *цолка* со вторичным изменением уж сообразно с законами фонетики данного говора, еще более исказившими первоначальный облик этого слова» (стр. 144). На самом же деле русское слово *чулок* является заимствованием из древнечувашского (булгарского) **чулка* (где отпал конечный *-у* < *г*, *к*; ср. соврем. чуваш. *чăлха*), которое было воспринято как двойственное число, и к нему образовано «нормальное» единственное *чулóк* с беглым *о*. Ср. *поводá* — *пóвод*, *бокá* — *бóк* и т. п. Аналогичным преобразованиям подвергалось на русской почве слово *чёбот*, о чем см. мою заметку «Два чебота — пара» («Русский язык в школе», 1968, № 4, стр. 39). Татарская диалектная форма *цолка* с отсутствием конечного *-у* (из **-г*), отпавшего на чувашско-булгарской почве, лучше сохранила древнечувашское слово, правда, наделив его мишарским *ц-*, который соответствует звуку *ч-* в литературном языке. Следовательно, татарская диалектная форма *цолка* должна рассматриваться как чувашское заимствование. На стр. 322 Э. М. Ахунзянов приводит из произведений татарских писателей форму *шелковый чулкилар*, где действительно выступает русское заимствование с татарским показателем множественного числа *-лар*.

Число подобного рода конкретных замечаний можно было бы увеличить, в частности, книга содержит много опечаток, но в целом книга подает весьма интересный материал, полное осмысление которого еще впереди.

И. Г. Добродомов

СОКРАЩЕНИЯ

Абаев	*В. И. Абаев.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. I (А—К). М.—Л., 1958.
Богораз	*В. Г. Богораз.* Областной словарь колымского русского наречия. СПб., 1901.
Васнецов	*Н. М. Васнецов.* Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. Вятка, 1908.
Георгиев	Български етимологичен речник, съставили Вл. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев. София, 1962.
Геров	*Н. Геров.* Рѣчникъ на българский языкъ, I—V. Пловдив, 1895—1904.
Горяев	*Н. Горяев.* Этимологический словарь русского языка. Изд. 2. Тифлис, 1896.
Гринченко	*Б. Д. Гринченко.* Словарь украинского языка, I—IV. Киев, 1907—1909.
Даль [2]	*В. Даль.* Толковый словарь живого великорусского языка, 1—4. Изд. 2. М., 1955.
Даль [3]	*В. Даль.* Толковый словарь живого великорусского языка, I—IV. Изд. 3, под редакцией Бодуэна де Куртенэ. СПб. — М., 1903—1909.
Дополнение к Опыту	Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858.
Караџић	*Вук Стеф. Караџић.* Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. Изд. 3. Биоград, 1898.
Куликовский	*Г. Куликовский.* Словарь областного олонецкого наречия. СПб., 1898.
Мельниченко	*Г. Г. Мельниченко.* Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961.
Младенов	*С. Младенов.* Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941.
Мука	*Э. Мука.* Словарь нижнелужицкого языка, I—II. Пг., 1921—1928.
Носович	*И. И. Носович.* Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.
Ожегов	Словарь русского языка, составил С. И. Ожегов. М., 1953.

Опыт	Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.
Подвысоцкий	*А. И. Подвысоцкий.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
Преображенский	*А. Преображенский.* Этимологический словарь русского языка, I—II. М., 1910—1914, окончание — «Труды ИРЯ», т. I. М., 1949.
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей, т. 1—15. М., 1962—1965.
Сл. сред. Урала	Словарь русских говоров среднего Урала. Свердловск, 1964.
Срезневский И. И.	*И. И. Срезневский.* Материалы для словаря древнерусского языка, I—III. СПб., 1893—1903.
Ушаков	Толковый словарь русского языка, под. ред. Д. Н. Ушакова, I—IV. М., 1935—1940.
Фасмер	*М. Фасмер.* Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. I—II. М., 1964—1966 (1967).
Berneker	*E. Berneker.* Slavisches etymologisches Wörterbuch. A—mor. Heidelberg, 1907.
Boisacq	*E. Boisacq.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Heidelberg, 1907.
Brückner	*A. Brückner.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927. (Wyd. 2—1957).
Ernout—Meillet.	*A. Ernout, A. Meillet.* Dictionnaire étymologique de la langue latine, I—II. 3e éd. Paris, 1951.
Fraenkel	*E. Fraenkel.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg—Göttingen, 1955—1963.
Holub—Kopečný	*I. Holub, F. Kopečný.* Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952.
Iveković—Broz	*I. Iveković, I. Broz.* Rječnik hrvatskoga jezika, I—II. Zagreb, 1901.
Karłowicz—Kryński—Niedźwiedzki	*I. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki.* Słownik języka polskiego, I—VIII. Warszawa, 1904—1927 (1952—1953).
Kluge—Mitzka	*F. Kluge.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 17 Aufl. unter Mithilfe von A. Schirmer, bearb. von W. Mitzka. Berlin, 1957.
Kott	*Fr. Kott.* Česko-nemecký slovnik, I—VII. Praha, 1878—1893.
Linde	*S. Linde.* Słownik języka polskiego, I—VI. Lwów, 1854—1860.
Machek	*V. Machek.* Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.
Miklosich	*F. Miklosich.* Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.
Pfuhl	*Dr. Pfuhl.* Łužicki serbski słownik. Budyšin, 1866.
Pleteršnik	*M. Pleteršnik.* Slovensko-nemški slovar, I—II. Ljubljana, 1894—1895.
Pokorny	*I. Pokorny.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1949—1959.

PSJČ	Příruční slovník jazyka českého, I—IX. Praha, 1935—1957.
RJA	Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, d. I—XVIII. Zagreb, 1880—1963.
Sławski	*F. Sławski.* Słownik etymologiczny języka polskiego, I—III. Kraków, 1952—1967.
SSJ	Slovník slovenského jazyka, I—V. Bratislava, 1959—1965.
Sychta	*B. Sychta.* Słownik gwar kaszubskich, I. Warszawa—Kraków, 1967.
Uhlenbeck	*C. C. Uhlenbeck.* Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch der altindischen Sprache. Amsterdam, 1898—1899.
Vasmer	*M. Vasmer.* Russisches etymologisches Wörterbuch, I—III. Heidelberg, 1953—1958.
de Vries	*I. de Vries.* Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden, 1962.
Walde	*A. Walde.* Lateinisches etymologisches Wörterbuch, 2. Aufl. Heidelberg, 1910.
Walde—Hofmann	*A. Walde.* Lateinisches etymologisches Wörterbuch, 3. neubearb. Aufl. von J. B. Hofmann. Heidelberg, 1938.
БЕз	Балканско езикознание
ВДИ	Вестник древней истории
ВЯ	Вопросы языкознания
ЖМНП	Журнал Министерства Народного Просвещения
ИАН	Известия Академии Наук
Изв. ГАИМК	Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИКЯ	Иберийско-кавказское языкознание
МЯЯ	Материалы по яфетическому языкознанию
РФВ	Русский филологический вестник
Сб. ОРЯС	Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук
СЕЗб	Српски етнографски зборник
уч. зап. ИИЯЛ	Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР
AfslPh	Archiv für slavische Philologie
AION	Annali del Istitudo orientali di Napoli
AO	Archiv Orientální
BB	Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen
FUF	Finnisch-ugrische Forschungen
IF	Indogermanische Forschungen
JP	Język polski
Kel. Sz.	Keleti Szemle
KZ	Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen
LF	Listy Filologické
LP	Lingua Posnaniensis
NTS	Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap

Rad JAZu	Rad Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti
RES	Revue des Études Slaves
RS(l)	Rocznik Slawistyczny
SO	Slavia Occidentalis
SE	Studi Etruschi
ZfS	Zeitschrift für Slawistik
ZfslPh	Zeitschrift für slavische Philologie

абхаз.	абхазский
абхаз.-абаз.	абхазско-абазинский
абхаз.-адыг.	абхазско-адыгский
авар.	аварский
авест.	авестийский
австр.-бав.	австрийско-баварский
агульск.	агульский
адыг.	адыгский
азерб.	азербайджанский
аккад.	аккадский
алб.	албанский
анат.	анатолийский
англ.	английский
англ.-сакс.	англосаксонский
андийск.	андийский
араб.	арабский
арам.	арамейский
арийск.	арийский
арм.	армянский
арх.	архангельский
арчин.	арчинский
бацб.	бацбийский
баш.	башкирский
блр.	белорусский
болг.	болгарский
босн.	боснийский
бурят.	бурятский
вед.	ведийский
венг.	венгерский
в.-луж.	верхнелужицкий
вепс.	вепсский
водск.	водский
волж.	волжский
волог.	вологодский
вост.-иран.	восточноиранский
герм.	германский
гинух.	гинухский
гот.	готский
греч.	греческий
груз.	грузинский
гунз.	гунзабский
гуцульск.	гуцульский
даг.	дагестанский
даргин.	даргинский
джаг.	джагатайский
догреч.	догреческий
дор.	дорийский
драв.	дравидский
др.-англ.	древнеанглийский
др.-арм.	древнеармянский
др.-в.-нем.	древневерхненемецкий
др.-груз.	древнегрузинский
др.-евр.	древнееврейский
др.-инд.	древнеиндийский
др.-иран.	древнеиранский
др.-ирл.	древнеирландский
др.-исл.	древнеисландский
др.-польск.	древнепольский
др.-прусск.	древнепрусский
др.-сакс.	древнесаксонский
др.-серб.	древнесербский
др.-тюрк.	древнетюркский
др.-уйгур.	древнеуйгурский
др.-фриз.	древнефризский
егип.	египетский
зап.-иран.	западноиранский
зап.-укр.	западноукраинский
иер. лув.	иероглифический лувийский
и.-е.	индоевропейский
иллир.	иллирийский
ингуш.	ингушский
иран.	иранский
иркут.	иркутский
ирл.	ирландский
исавр.	исаврский
исл.	исландский
исп.	испанский
ишкашим.	ишкашимский
каб.	кабардинский
каз.-тат.	казанско-татарский
казах.	казахский
кайк.	кайкавский
камас.	камасинский
кар.	карийский
карабахск.	карабахский
карач.	карачаево-балкарский
каракалп.	каракалпакский
карп.	карпатский
картв.	картвельский
килик.	киликийский
койб.	койбальский
колым.	колымский
коми-зыр.	коми-зырянский
крит.	критский

крыз.	крызский
курд.	курдский
лакск.	лакский
лат.	латинский
леб.	лебединский
лезгин.	лезгинский
лид.	лидийский
лик.	ликийский
лит.	литовский
лтш.	латышский
лув.	лувийский
луж.	лужицкий
мазовецк.	мазовецкий
макед.	македонский
м.-аз.	малоазийский
манс.	мансийский
маньчж.	маньчжурский
мар.	марийский
мегрел.	мегрельский
морд.	мордовский
нанайск.	нанайский
нах.-даг.	нахско-дагестанский
нган.	нганасанский
нем.	немецкий
нен.	ненецкий
нидерл.	нидерландский
н.-луж.	нижнелужицкий
н.-перс.	новоперсидский
ностр.	ностратический
олон.	олонецкий
осет.	осетинский
оск.	оскский
пам.	памирский
пенз.	пензенский
перм.	пермский
перс.	персидский
писид.	писидийский
полаб.	полабский
полесск.	полесский
польск.	польский
прагерм.	прагерманский
праслав.	праславянский
прибалт.	прибалтийский
прусск.	прусский
псков.	псковский
русск.	русский
русск.-цслав.	русский церковнославянский
рутул.	рутульский
саам.	саамский
сабейск.	сабейский
сабин.	сабинский
саг.	сагайский
санскр.	санскрит
сван.	сванский
селькуп.	селькупский
сем.	семитский
сербск.	сербский
сир.	сирийский
слав.	славянский
славон.	славонский
слвц.	словацкий
словен.	словенский
ср.-болг.	среднеболгарский
ср.-в.-нем.	средневерхненемецкий
ср.-греч.	среднегреческий
ср.-монг.	среднемонгольский
ср.-перс.	среднеперсидский
ст.-лат.	старолатинский
ст.-польск.	старопольский
ст.-слав.	старославянский
ст.-укр.	староукраинский
ст.-чеш.	старочешский
с.-хорв.	сербско-хорватский
табас.	табасаранский
тадж.	таджикский
тамб.	тамбовский
тамил.	тамильский
тат.	татский
татар.	татарский
твер.	тверской
тел.	телеутский
тох(ар).	тохарский
тунг.	тунгусский
тур.	турецкий
тюрк.	тюркский
угарит.	угаритский
удейск.	удейский
удин.	удинский
узб.	узбекский
укр.	украинский
урал.	уральский
фин.	финский
финик.	финикийский
франц.	французский
фриг.	фригийский
хант.	хантийский
хетт.	хеттский
хинал.	хиналугский
хорв.	хорватский
цахур.	цахурский
цез.	цезский
ц.-слав.	церковнославянский
чап.	чапский
черногор.	черногорский
чечен.	чеченский
чеш.	чешский
чуваш.	чувашский
шор.	шорский
шток.	штокавский
шугн.	шугнанский
эвенк.	эвенкийский
эрзя-морд.	эрзя-мордовский
эст.	эстонский
этр.	этрусский
эфиоп.	эфиопский
юкагир.	юкагирский
якут.	якутский

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

ЭТИМОЛОГИЯ. 1968.

Утверждено к печати
Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства *М. С. Кожухова*
Технический редактор *И. Н. Жмуркина*

Сдано в набор 10/IX 1970 г. Подписано к печати 22/II 1971 г.
Формат 60×90$^1/_{16}$. Усл. печ. л. 17,5. Уч.-изд. л. 18,6. Тираж 3100
Бумага № 2. Тип. зак. 1217. Цена 1 р. 36 к.

Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства «Наука»
Ленинград, В-34, 9-я линия, д. 12